Проверено 1950

зала III 37,
шкафъ 8,
полка 3.
№ 1 2.

37. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Ѳ. Пантелѣева, Подольская 34.
1905.

Гос. Публичная библиотека

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Лантелѣева, Подольская, 34.
1905.

О ПОСЛЕДНЕМЪ

ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ

ПОВѢСТЬ

Подъ одной кровлей, въ одной квартирѣ, въ одномъ четвертомъ этажѣ, жили два молодые сослуживца, Аркадій Ивановичъ Нефедевичъ и Вася Шумковъ... Авторъ, конечно, чувствуетъ необходимость объяснить читателю, почему одинъ герой названъ полнымъ, а другой уменьшительнымъ именемъ, хоть-бы, напримѣръ, для того только, чтобъ не сочли такой способъ выраженія неприличнымъ и отчасти фамильярнымъ. Но для этого было-бы необходимо предварительно объяснить и описать и чинъ, и лѣта, и званіе, и должность, и, наконецъ, даже характеры дѣйствующихъ лицъ; а такъ какъ много такихъ писателей, которые именно такъ начинаютъ, то авторъ предлагаемой повѣсти, единственно для того, чтобъ не походить на нихъ (то есть, какъ скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые, вслѣдствіе неограниченнаго своего самолюбія), рѣшается начать прямо съ дѣйствія. Кончивъ такое предисловіе, онъ начинаетъ.

Вечеромъ, наканунѣ Новаго года, часу въ шестомъ, Шумковъ воротился домой. Аркадій Ивановичъ, который лежалъ на кровати, проснулся и въ полглаза посмотрѣлъ на своего пріятеля. Онъ увидалъ, что тотъ былъ въ своей превосходнѣйшей партикулярной парѣ и въ чистѣйшей манишкѣ. Это, разумѣется, его поразило. «Куда-бы ходить такимъ образомъ Васѣ? Да и не обѣдалъ онъ дома!» Шумковъ между тѣмъ зажегъ свѣчку, и Аркадій Ивановичъ немедленно догадался, что пріятель собирается разбудить его нечаяннымъ образомъ. Дѣйствительно, Вася два раза кашлянулъ, два раза прошелся по комнатѣ и, наконецъ, совершенно нечаянно выпустилъ изъ рукъ трубку, которую-было сталъ набивать въ уголку, возлѣ печки. Аркадія Ивановича взялъ смѣхъ про себя.

— Вася, полно хитрить! сказалъ онъ.

— Аркаша, не спишь?

— Право, навѣрно не могу сказать; кажется мнѣ, что не сплю.

— Ахъ, Аркаша! Здравствуй, голубчикъ! Ну, братъ! Ну, братъ!.. Ты не знаешь, что̀ я скажу тебѣ!

— Рѣшительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, какъ будто ждалъ того, немедленно подошелъ, никакъ не ожидая, впрочемъ, коварства отъ Аркадія Ивановича. Тотъ какъ-то ловко схватилъ его за руки, повернулъ, подвернулъ подъ себя, и началъ, какъ говорится, «душить» жертвочку, что, казалось, доставляло неимовѣрное удовольствіе веселому Аркадію Ивановичу.

— Попался! закричалъ онъ:—попался!

— Аркаша, Аркаша, что ты дѣлаешь? Пусти, ради Бога, пусти, я фракъ замараю!..

— Нужды нѣтъ: зачѣмъ тебѣ фракъ? Зачѣмъ ты такой легковѣрный, что самъ въ руки дашься? Говори, куда ты ходилъ, гдѣ обѣдалъ?

— Аркаша, ради Бога, пусти!

— Гдѣ обѣдалъ?

— Да про это-то я и хочу разсказать.

— Такъ разсказывай.

— Да ты прежде пусти.

— Такъ вотъ нѣтъ-же, не пущу, пока не разскажешь!

— Аркаша, Аркаша! Да понимаешь-ли ты, что вѣдь нельзя, никакъ невозможно! кричалъ слабосильный Вася, выбиваясь изъ крѣпкихъ лапъ своего непріятеля:—вѣдь есть такія матеріи!

— Какія матеріи?..

— Да такія, что вотъ о которыхъ начнешь разсказывать въ такомъ положеніи, такъ теряешь достоинство; никакъ нельзя; выйдетъ смѣшно,—а тутъ дѣло совсѣмъ не смѣшное, а важное.

— И ну его, къ важному! Вотъ еще выдумалъ! Ты мнѣ разсказывай такъ, чтобъ я смѣяться хотѣлъ, вотъ какъ разсказывай; а важнаго я не хочу; а то какой-же ты будешь пріятель? Вотъ ты мнѣ скажи, какой-же ты будешь пріятель! А?

— Аркаша, ей Богу нельзя!

— И слышать не хочу...

— Ну, Аркаша! началъ Вася, лежа поперекъ кровати и стараясь всѣми силами придать какъ можно болѣе важности словамъ своимъ:—Аркаша! Я, пожалуй, скажу; только...

— Ну что!..

— Ну, я помолвилъ жениться!

Аркадій Ивановичъ, не говоря болѣе праздпаго слова, взялъ молча Васю на руки, какъ ребенка, не смотря на то, что Вася былъ не совсѣмъ коротенькій, но довольно длинный, только худой, и ловко началъ его носить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, показывая видъ, что его убаюкиваетъ.

— А вотъ я тебя, женихъ, спеленаю, приговаривалъ онъ. Но

увидя, что Вася лежитъ на его рукахъ, не шелохнется и не говоритъ болѣе ни слова, тотчасъ одумался и взялъ въ соображеніе, что шутки, видно, далеко зашли; онъ поставилъ его среди комнаты и самымъ искреннимъ, дружескимъ образомъ облобызалъ его въ щеку.

— Вася, не сердишься?

— Аркаша, послушай...

— Ну, для Новаго года.

— Да я-то ничего; да зачѣмъ-же ты самъ такой сумасшедшій, повѣса такой? Сколько я разъ тебѣ говорилъ: Аркаша, ей Богу не остро, совсѣмъ не остро!

— Ну, да не сердишься?

— Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчилъ, понимаешь-ли ты!

— Да какъ огорчилъ? Какимъ образомъ?

— Я шелъ къ тебѣ какъ къ другу, съ полнымъ сердцемъ, излить передъ тобой свою душу, разсказать тебѣ мое счастіе...

— Да какое-же счастіе? Что-жъ ты не говоришь?..

— Ну, да я женюсь-то! отвѣчалъ съ досадою Вася, потому что дѣйствительно немного былъ взбѣшенъ.

— Ты! Ты женишься! Такъ и вправду? закричалъ благимъ матомъ Аркаша.—Нѣтъ, нѣтъ... да что-жъ это? И говоритъ такъ, и слезы текутъ!.. Вася, Васюкъ ты мой, сыночекъ мой, полно! Да вправду, что-ль? И Аркадій Ивановичъ бросился къ нему снова съ объятіями.

— Ну, понимаешь, изъ-за чего теперь вышло? сказалъ Вася.— Вѣдь ты добрый, ты другъ, я это знаю. Я иду къ тебѣ съ такою радостью, съ восторгомъ душевнымъ, и вдругъ всю радость сердца, весь этотъ восторгъ я долженъ былъ открыть, барахтаясь поперегъ кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, продолжалъ Вася, полусмѣясь: — вѣдь это было въ комическомъ видѣ: ну, а я нѣкоторымъ образомъ не принадлежалъ себѣ въ эту минуту. Я-же не могъ унижать этого дѣла... Вотъ еще-бъ ты спросилъ меня: какъ зовутъ? Вотъ клянусь, скорѣй убилъ-бы меня, а я-бы тебѣ не отвѣтилъ.

— Да, Вася, что-же ты молчалъ! Да ты-бы мнѣ все раньше сказалъ, я-бы и не сталъ шалить, закричалъ Аркадій Ивановичъ въ истинномъ отчаяніи.

— Ну, полно-же, полно! Я вѣдь такъ это... Вѣдь ты знаешь отчего это все, — оттого, что у меня доброе сердце. Вотъ мнѣ и досадно, что я не могъ сказать тебѣ, какъ хотѣлъ, обрадовать, принесть удовольствіе, разсказать хорошо, прилично посвятить тебя...

Право, Аркаша, я тебя такъ люблю, что не будь тебя, я-бы, мнѣ кажется, и не женился, да и не жилъ-бы на свѣтѣ совсѣмъ!

Аркадій Ивановичъ, который необыкновенно былъ чувствителенъ, и смѣялся, и плакалъ, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились въ объятія и позабыли о бывшемъ.

— Какъ-же, какъ-же это? Разскажи мнѣ все, Вася! Я, братъ, извини меня, я пораженъ, совсѣмъ пораженъ; вотъ точно громомъ сразило, ей Богу! Да нѣтъ-же, братъ, нѣтъ, ты выдумалъ, ей Богу выдумалъ, ты наврал! закричалъ Аркадій Ивановичъ, и даже съ неподдѣльнымъ сомнѣніемъ взглянулъ въ лицо Васи, но, видя въ немъ блестящее подтвержденіе непремѣннаго намѣренія жениться какъ можно скорѣе, бросился въ постель, и началъ кувыркаться въ ней отъ восторга, такъ что стѣны дрожали.

— Вася, садись сюда! закричалъ онъ, усѣвшись, наконецъ, на кровати.

— Ужь я, братецъ, право, не знаю, какъ и начать, съ чего! Оба въ радостномъ волненіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто она, Вася?

— Артемьевы!.. произнесъ Вася разслабленнымъ отъ счастія голосомъ.

— Нѣтъ?

— Ну, да я тебѣ уши прожужжалъ объ нихъ, потомъ замолкъ, а ты ничего и не примѣтилъ. Ахъ, Аркаша, чего стоило мнѣ скрывать отъ тебя; да боялся, боялся говорить! Думалъ, что все разстроится, а я вѣдь влюбленъ, Аркаша! Боже мой, Боже мой! Видишь-ли, вотъ какая исторія, началъ онъ, безпрерывно останавливаясь отъ волненія: — у ней былъ женихъ, еще годъ назадъ, да вдругъ его командировали куда-то; я и зналъ его — такой, право, Богъ съ нимъ! Ну, вотъ, онъ и не пишетъ совсѣмъ, запилъ. Ждутъ, ждутъ; что-бы это значило?.. Вдругъ онъ, четыре мѣсяца назадъ, пріѣзжаетъ женатый и къ нимъ ни ногой. Грубо! Подло! Да за нихъ заступиться некому. Плакала, плакала она, бѣдная, а я и влюбись въ нее... да я и давно, всегда былъ влюбленъ! Вотъ, сталъ утѣшать, ходилъ, ходилъ... Ну, и я, право, не знаю, какъ это все произошло, только и она меня полюбила; недѣлю назадъ я не выдержалъ, заплакалъ, зарыдалъ и сказалъ ей все,—ну, что люблю ее,—однимъ словомъ, все!.. «Я васъ сама любить готова, Василій Петровичъ, да я бѣдная дѣвушка, не насмѣйтесь надо мной; я и любить-то никого не смѣю». Ну, братъ, понимаешь! Понимаешь?.. Мы тутъ съ ней на словѣ и помолвились; я думалъ-думалъ, думалъ-думалъ; говорю: какъ сказать маменькѣ? Она говоритъ: трудно, подождите немножко; она боится; теперь еще, пожалуй, не отдастъ

меня вамъ; сама плачетъ. Я, ей не сказавшись, брякъ старухѣ сегодня. Лизанька передъ ней на колѣни, я тоже... ну, и благословила. Аркаша, Аркаша! Голубчикъ ты мой! Будемъ жить вмѣстѣ. Нѣтъ! я съ тобой ни за что не разстанусь.

— Вася, какъ я ни смотрю на тебя, а не вѣрю, ей-Богу, какъ-то не вѣрю, клянусь тебѣ. Право, мнѣ все что-то кажется... Послушай, какъ-же ты это женишься?.. Какъ-же я не зналъ, а? Право, Вася, я, уже признаюсь тебѣ, я самъ, братъ, думалъ жениться; а ужъ какъ теперь ты женишься, такъ ужъ все равно! Ну, будь счастливъ, будь счастливъ!..

— Братъ, теперь такъ сладко въ сердцѣ, такъ легко на душѣ... сказалъ Вася, вставая и шагая въ волненіи по комнатѣ. — Не правда-ли, не правда-ли? Вѣдь ты чувствуешь тоже? Мы будемъ жить бѣдно, конечно, но счастливы будемъ; и вѣдь это не химера; наше счастье-то вѣдь не изъ книжки сказано: вѣдь это на дѣлѣ счастливы мы будемъ!..

— Вася, Вася, послушай!

— Что? сказалъ Вася, остановясь передъ Аркадіемъ Ивановичемъ.

— Мнѣ пришла мысль; право, я какъ-то боюсь и сказать тебѣ!.. Ты прости меня, ты разрѣши мои сомнѣнія. Чѣмъ-же ты жить будешь? Я, знаешь, я въ восторгѣ, что ты женишься, конечно, въ восторгѣ и владѣть собой не могу, но—чѣмъ ты жить будешь? А?

— Ахъ, Боже, Боже мой! Какой ты, Аркаша! сказалъ Вася, въ глубокомъ удивленіи смотря на Нефедевича. — Да что ты въ самомъ дѣлѣ? Даже старуха, и та двухъ минутъ не подумала, когда я ей представилъ все ясно. Ты спроси, чѣмъ они жили? Вѣдь 500 рублей въ годъ на троихъ: вѣдь всего-то пенсіону послѣ покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братишка, за которато въ школу платятъ изъ тѣхъ-же денегъ, — вѣдь вотъ какъ живутъ! Вѣдь это только мы капиталисты съ тобой! А у меня, поди-ка ты, въ иной годъ, въ хорошій, даже семьсотъ наберется.

— Послушай, Вася, ты меня извини; я, ей-Богу, я такъ вѣдь, я все только думаю, какъ-бы это не разстроить — какихъ-же семьсотъ? Только триста...

— Триста!.. А Юліанъ Мастаковичъ? Забылъ?

— Юліанъ Мастаковичъ! Да вѣдь это дѣло, братецъ, невѣрное; это не то, что триста рублей вѣрнаго жалованья, гдѣ всякій рубль какъ другъ неизмѣнный. Юліанъ Мастаковичъ, конечно, ну, даже великій онъ человѣкъ, я его уважаю, понимаю его, даромъ что онъ такъ высоко стоитъ, и, ей Богу, люблю его, потому что онъ тебя любитъ, и тебѣ за работу даритъ, тогда какъ могъ-бы не платить,

а командировать себѣ прямо чиновника — но вѣдь согласись самъ, Вася... Послушай еще: я вѣдь не вздоръ говорю; я согласенъ, во всемъ Петербургѣ не найдешь такого почерка, какъ твой почеркъ, я готовъ тебѣ уступить—не безъ восторга заключилъ Нефедевичъ:— но вдругъ, Боже сохрани! ты не поправишься, вдругъ ты не угодишь ему, вдругъ у него дѣла прекратятся, вдругъ онъ другаго возьметъ—ну, да, наконецъ, мало-ли что̀ можетъ случиться! Вѣдь Юліанъ-то Мастаковичъ былъ да сплылъ, Вася...

— Послушай, Аркаша, вѣдь этакъ, пожалуй, надъ нами сейчасъ потолокъ провалится...

— Ну, конечно, конечно... Я вѣдь ничего...

— Нѣтъ, послушай меня, ты выслушай—видишь что: какимъ онъ образомъ можетъ со мною разстаться... Нѣтъ, ты только выслушай, выслушай. Вѣдь я все исполняю рачительно; вѣдь онъ такой добрый, вѣдь онъ мнѣ, Аркаша, вѣдь онъ мнѣ сегодня далъ пять рублей серебромъ!

— Неужели, Вася? Такъ тебѣ награжденіе?

— Какое награжденіе! Изъ своего кармана. Говоритъ: ужь ты, братъ, пятый мѣсяцъ денегъ не получалъ; хочешь, возьми; спасибо, говоритъ, тебѣ, спасибо, доволенъ... ей Богу! Не даромъ-же ты мнѣ, говоритъ, работаешь — право! Такъ и сказалъ. У меня слезы полились, Аркаша. Господи Боже!

— Послушай, Вася, а ты дописалъ тѣ бумаги?..

— Нѣтъ... еще не дописалъ.

— Ва...спинька! Ангелъ мой! Что̀ ты сдѣлалъ?

— Послушай, Аркадій, ничего, еще два дня сроку, успѣю...

— Какъ-же ты это такъ не писалъ?..

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Ты съ такимъ убитымъ видомъ смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болитъ! Ну, что-жь? Ты меня всегда этакъ убиваешь! Такъ и закричитъ: а-а-а!!! Да ты разсуждай; ну, что-жь такое? Ну, кончу, ей Богу кончу...

— Что̀, если не кончишь? закричалъ Аркадій, вскочивъ: — а онъ-же тебѣ сегодня далъ награжденіе! Ты-же тутъ женишься... Ай-ай-ай!..

— Ничего, ничего, закричалъ Шумковъ:—я сейчасъ-же и сажусь, сію минуту сажусь; ничего!

— Какъ это ты манкировалъ, Васютка?

— Ахъ, Аркаша! Ну, могъ-ли я усидѣть? Такой-ли я былъ? Да я въ канцеляріи-то едва сидѣлъ; вѣдь я сердца сносить не могъ... Ахъ! Ахъ! Теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послѣ завтра еще, и—докончу!..

— Много осталось?

— Не мѣшай, ради Бога, не мѣшай, замолчи...

Аркадій Ивановичъ на цыпочкахъ подошелъ къ кровати и усѣлся; потомъ вдругъ хотѣлъ было встать, но потомъ опять принужденъ былъ сѣсть, вспомнивъ, что помѣшать можетъ, хотя и сидѣть не могъ отъ волненія: видно было, что его совсѣмъ перевернуло извѣстіе и первый восторгъ еще не успѣлъ выкипѣть въ немъ. Онъ взглянулъ на Шумкова, тотъ взглянулъ на него, улыбнулся, погрозилъ ему пальцемъ и потомъ, страшно нахмуривъ брови (какъ будто въ этомъ заключалась вся сила и весь успѣхъ работы), уставился глазами въ бумаги.

Казалось, и онъ тоже еще не пересилилъ своего волненія, перемѣнялъ перья, вертѣлся на стулѣ, пристраивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и отказывалась двигаться.

— Аркаша! Я имъ говорилъ объ тебѣ, закричалъ онъ вдругъ, какъ будто только что вспомнилъ.

— Да? закричалъ Аркадій:—а я только спросить хотѣлъ; ну!

— Ну! Ахъ, да, я тебѣ послѣ все разскажу! Вотъ, ей Богу, самъ виноватъ, а совсѣмъ изъ ума вышло, что не хотѣлъ ничего говорить, покамѣстъ не напишу четырехъ листовъ; да вспомнилъ про тебя и про нихъ. Я, братъ, и писать какъ-то не могу: все объ васъ вспоминаю... Вася улыбнулся.

Настало молчаніе.

— Фу! какое скверное перо! закричалъ Шумковъ, ударивъ въ досадѣ имъ по столу. Онъ взялся за другое.

— Вася! Послушай! Одно слово...

— Ну, поскорѣй и въ послѣдній разъ.

— Много тебѣ осталось?

— Ахъ, братъ!.. Вася такъ поморщился, какъ будто ничего въ свѣтѣ не было ужаснѣе и убійственнѣе такого вопроса. — Много, ужасно много!

— Знаешь, у меня была идея...

— Что?

— Да нѣтъ, ужь нѣтъ, пшш.

— Ну, что? Что?

— Теперь седьмой часъ, Васюкъ!

Тутъ Нефедевичъ улыбнулся и плутовски подмигнулъ Васѣ, но, однако-жь, все-таки нѣсколько съ робостію, не зная какъ приметъ онъ это.

— Ну, что-жь? сказалъ Вася, бросивъ совсѣмъ писать, смотря ему прямо въ глаза и даже побѣлѣвъ отъ ожиданія.

— Знаешь что?

— Ради Бога, что̀?

— Знаешь что̀? Ты взволнованъ, ты много не наработаешь... Постой, постой, постой, постой—вижу, вижу—слушай! заговорилъ Нефедевичъ, вскочивъ въ восторгѣ съ постели и прерывая заговорившаго Васю, всѣми силами отстраняя возраженія:—прежде всего нужно успокоиться, нужно съ духомъ собраться; такъ-ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вскочивъ съ кресель.— Я просижу всю ночь, ей Богу просижу!

— Ну, да, да! Ты къ утру только заснешь...

— Не засну, ни за что не засну...

— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ пять часовъ засни. Въ восемь я тебя бужу. Завтра праздникъ; ты садишься и строчишь цѣлый день... Потомъ ночь и—да много-ль осталось тебѣ?..

— Да вотъ, вотъ!..

Вася, дрожа отъ восторга и отъ ожиданія, показалъ тетрадку: — Вотъ!..

— Послушай, братъ, вѣдь это немного...

— Дорогой мой — еще тамъ есть, сказалъ Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, какъ будто отъ него зависѣло разрѣшеніе, идти или нѣтъ.

— Сколько?

— Два... листочка...

— Ну, что-жь? Ну, послушай! Вѣдь кончить усиѣемъ, ей Богу усиѣемъ!

— Аркаша!

— Вася! Послушай! Теперь подъ Новый годъ, всѣ по семействамъ собираются, мы съ тобой только бездомные, спрые... У! Васинька!..

Нефедевичъ облапилъ Васю и стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ...

— Аркадій, рѣшено!

— Васюкъ, я только объ этомъ сказать хотѣлъ. Видишь, Васюкъ, косолапый ты мой! Слушай! Слушай! Вѣдь...

Аркадій остановился съ открытымъ ртомъ, потому что не могъ говорить отъ восторга. Вася держалъ его за плечи, глядѣлъ ему во всѣ глаза и такъ двигалъ губами, какъ будто самъ хотѣлъ договорить за него.

— Ну! проговорилъ онъ, наконецъ.

— Представь имъ сегодня меня!

— Аркадій! Идемъ туда чай пить! Знаешь что? Знаешь что? Даже до Новаго года не досидимъ, раньше уйдемъ, закричалъ Вася въ истинномъ вдохновеньи.

— То есть два часа, ни больше, ни меньше!..
— И потомъ разлука до тѣхъ поръ, пока не докончу!..
— Васюкъ!..
— Аркадій!

Въ три минуты Аркадій былъ по парадному. Вася только почистился, затѣмъ, что и не снималъ своей пары: съ такимъ рвеніемъ присѣлъ онъ за дѣло.

Они посѣянно вышли на улицу, одинъ радостнѣе другаго. Путь лежалъ съ Нетербургской стороны въ Коломну. Аркадій Ивановичъ отмѣривалъ шаги бодро и энергично, такъ что по одной походкѣ его уже можно было видѣть всю его радость о благополучіи все болѣе и болѣе счастливаго Васи. Вася сѣменилъ болѣе мелкимъ шажкомъ, но не теряя достоинства. Напротивъ, Аркадій Ивановичъ еще никогда не видалъ его въ болѣе выгодномъ для него свѣтѣ. Онъ въ эту минуту даже какъ-то болѣе уважалъ его, и извѣстный тѣлесный недостатокъ Васи, о которомъ до сихъ поръ еще не знаетъ читатель (Вася былъ немного кривобокъ), вызывавшій всегда глубоко любящее чувство сострадапія въ добромъ сердцѣ Аркадія Ивановича, теперь еще болѣе способствовалъ глубокому умиленію, которое особенно питалъ къ нему другъ его въ эту минуту и котораго Вася, ужь разумѣется, всячески былъ достоинъ. Аркадію Ивановичу даже хотѣлось заплакать отъ счастія, но онъ удержался.

— Куда, куда, Вася? Здѣсь ближе пройдемъ! вскричалъ онъ, видя, что Вася поровитъ повернуть къ Вознесенскому.

— Молчи, Аркаша, молчи...

— Право, ближе, Вася.

— Аркаша! Знаешь-ли что? началъ Вася таинственно, замирающимъ отъ радости голосомъ:—знаешь-ли что? Мнѣ хочется принести подарочекъ Лизанькѣ...

— Что-жь такое?

— Здѣсь, братъ, на углу мадамъ Леру, чудесный магазинъ!

— А, ну!

— Чепчикъ, душечка, чепчикъ; сегодня я видѣлъ такой чепчеточекъ миленькій; я спрашивалъ: фасонъ, говорятъ, Manon Lescaut называется — чудо! Ленты серизовыя, и если недорого... Аркаша, да хоть-бы и дорого!..

— Ты, по моему, выше всѣхъ поэтовъ, Вася! Идемъ!..

Они побѣжали, и черезъ двѣ минуты вошли въ магазинъ. Ихъ встрѣтила черноглазая француженка въ локонахъ, которая тотчасъ-же, при первомъ взглядѣ на своихъ покупателей, сдѣлалась такъ-же весела и счастлива, какъ они сами, даже счастливѣе, если можно сказать. Вася готовъ былъ расцаловать мадамъ Леру отъ восторга...

— Аркаша! сказалъ онъ въ полголоса, бросивъ обыкновенный взглядъ на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянныхъ столбикахъ, на огромномъ столѣ магазина.—Чудеса! Что это такое? Что̀ это? Вотъ этотъ, напримѣръ, бонбончикъ, видишь? — прошепталъ Вася, показывая одинъ миленькій крайній чепчикъ, но вовсе не тотъ, который купить хотѣлъ, потому что уже издалека нагляделся и вцился глазами въ другой, знаменитый, настоящій, стоявшій на противоположномъ концѣ. Онъ такъ смотрѣлъ на него, что можно было подумать, будто его кто нибудь возметъ да украдетъ, или будто самъ чепчикъ, именно для того, чтобъ не доставаться Васѣ, улетитъ съ своего мѣста на воздухъ.

— Вотъ, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на одинъ: — вотъ, по моему, лучшій.

— Ну, Аркаша! Это даже дѣлаетъ честь тебѣ; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкусъ, сказалъ Вася, плутовски схитривъ въ умиленіи своего сердца предъ Аркашей: — прелесть твой чепчикъ, но поди-ка сюда!

— Гдѣ-же, братъ, лучше?

— Смотри-ка сюда!

— Этотъ, сказалъ Аркадій съ сомнѣніемъ.

По когда Вася, не въ силахъ болѣе выдержать, сорвалъ его съ деревяшки, съ которой онъ, казалось, вдругъ слетѣлъ самовольно, какъ будто обрадовавшись такому хорошему покупщику, послѣ долгаго ожиданія, когда захрустѣли всѣ его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крикъ восторга вырвался изъ мощной груди Аркадія Ивановича. Даже мадамъ Леру, наблюдавшая все свое несомнѣнное достоинство и преимущество въ дѣлѣ вкуса во все время выбора и только молчавшая изъ снисхожденія, наградила Васю полною улыбкою одобренія, такъ что все въ ней, во взглядѣ, въ жестѣ и въ этой улыбкѣ разомъ проговорило—да! Вы угадали и достойны счастія, которое васъ ожидаетъ.

— Вѣдь кокетничалъ, кокетничалъ въ уединеніи! закричалъ Вася, перенеся всю любовь свою на миленькій чепчикъ: — нарочно прятался, плутишка, голубчикъ мой! И онъ поцаловалъ его, то есть воздухъ, который его окружалъ, потому что боялся дотронуться до своей драгоцѣнности.

— Такъ скрываетъ себя истинная заслуга и добродѣтель, прибавилъ Аркадій въ восторгѣ, для юмора прибравъ фразу изъ одной остроумной газеты, которую читалъ по утру.— Ну, Вася, что-же?

— Вивать, Аркаша! Да ты и остришь сегодня, ты сдѣлаешь *фуроръ*, какъ они говорятъ, между женщинами, предрекаю тебѣ. Мадамъ Леру, мадамъ Леру!

— Что прикажете!

— Голубушка, мадамъ Леру!

Мадамъ Леру взглянула на Аркадія Ивановича и снисходительно улыбнулась.

— Вы не повѣрите, какъ я васъ обожаю въ эту минуту... Позвольте поцаловать васъ... и Вася поцаловалъ магазинщицу.

Рѣшительно нужно было призвать на минуту все достоинство, чтобъ не уронить себя съ подобнымъ повѣсой. Но я утверждаю, что нужно имѣть къ тому и всю врожденную, неподдѣльную любезность и грацію, съ которою мадамъ Леру приняла восторгъ Васи. Она извинила его, и какъ умно, какъ граціозно умѣла она найтись въ этомъ случаѣ! Неужели-же можно было разсердиться на Васю?

— Мадамъ Леру, сколько цѣна?

— Это пять рублей серебромъ,—отвѣчала она, оправившись, съ новою улыбкою.

— А этотъ, мадамъ Леру,—сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на свой выборъ.

— Этотъ восемь рублей серебромъ.

— Ну, позвольте, ну, позвольте! Ну, согласитесь, мадамъ Леру, ну, который лучше, граціознѣе, милѣе, который изъ нихъ болѣе походитъ на васъ?

— Тотъ богаче, но вашъ выборъ—c'est plus coquet.

— Ну, такъ его и беремъ!

Мадамъ Леру взяла листъ тонкой-тонкой бумаги, запищала булавочкой и, казалось, бумага съ завернутымъ чепчикомъ сдѣлалась легче, нежели прежде, безъ чепчика. Вася взялъ все это бережно, чуть дыша, раскланялся съ мадамъ Леру, что-то еще сказалъ ей очень любезное и вышелъ изъ магазина.

— Я вивёръ, Аркаша, я рожденъ быть вивёромъ! кричалъ Вася, хохоча, заливаясь нестыннымъ, мелкимъ, первическимъ смѣхомъ и обѣгая прохожихъ, которыхъ всѣхъ разомъ подозрѣвалъ въ непремѣнномъ покушеніи измять его драгоцѣннѣйшій чепчикъ.

— Послушай, Аркадій, послушай! началъ онъ, минуту спустя, и что-то торжественное, что-то до нельзя любящее зазвенѣло въ настроѣ его голоса:—Аркадій, я такъ счастливъ, такъ счастливъ!

— Васинька! Какъ я-то счастливъ, голубчикъ мой!

— Нѣтъ, Аркаша, нѣтъ, твоя любовь ко мнѣ безпредѣльна, я знаю; но ты не можешь ощущать и сотой доли того, что̀ я чувствую въ эту минуту. Мое сердце такъ полно, такъ полно! Аркаша! Я недостоинъ этого счастія! Я слышу, я чувствую это. За что̀ мнѣ,—говорилъ онъ голосомъ, полнымъ заглушенныхъ рыданій:—что̀ я сдѣлалъ такое, скажи мнѣ! Посмотри, сколько людей, сколько

слезъ, сколько горя, сколько будничной жизни безъ праздника! А я! Меня любитъ такая дѣвушка, меня... Но ты самъ ее увидишь сейчасъ, самъ оцѣнишь это благородное сердце. Я родился изъ низкаго званія, теперь чинъ у меня и независимый доходъ—жалованье. Я родился съ тѣлеснымъ недостаткомъ, я кривобокъ немного. Смотри, она меня полюбила какъ я есть. Сегодня Юліанъ Мастаковичъ былъ такой нѣжный, такой внимательный, такой вѣжливый; онъ со мною рѣдко говоритъ: подошелъ: Ну, что, Вася (ей Богу, такъ-таки Васей и назвалъ), кутить пойдемъ на праздникахъ, а? (Самъ смѣется).

— Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, дѣло есть, да тутъ-же ободрился и говорю: и повеселюсь, можетъ быть, ваше превосходительство,—ей Богу, сказалъ. Онъ мнѣ тутъ денегъ далъ, потомъ еще сказалъ мнѣ два слова. Я, братъ, заплакалъ, ей Богу, слезы прошибли, а онъ тоже, кажется, тронуть былъ, потрепалъ меня по плечу, да говоритъ: чувствуй, Вася, чувствуй всегда такъ, какъ теперь это чувствуешь...

Вася замолкъ на мгновеніе. Аркадій Ивановичъ отвернулся и тоже отеръ кулакомъ слезинку.

— И еще, еще... продолжалъ Вася:—я никогда еще не говорилъ тебѣ этого, Аркадій... Аркадій! Ты такъ счастливишь меня дружбой своею, безъ тебя я-бы не жилъ на свѣтѣ,—нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего, Аркаша! Дай мнѣ пожать тебѣ руку, дай по...благо...дар...ить тебя!.. Вася опять не докончилъ.

Аркадій Ивановичъ хотѣлъ прямо броситься Васѣ на шею, но такъ какъ они переходили улицу и почти надъ ушами ихъ раздалось визгливое «Падь-падь-пади!»—то оба, испуганные и взволнованные, добѣжали бѣгомъ до тротуара. Аркадій Ивановичъ былъ даже радъ тому. Онъ извинилъ изліяніе благодарности Васи развѣ только исключительностію настоящей минуты. Самому-же ему было досадно. Онъ чувствовалъ, что онъ до сихъ поръ такъ мало сдѣлалъ для Васи! Ему даже стыдно стало за себя, когда Вася началъ благодарить его за такую малость! Но еще цѣлая жизнь была впереди, и Аркадій Ивановичъ вздохнулъ свободнѣе...

Рѣшительно ихъ совсѣмъ перестали ждать! Доказательство—что ужь сидѣли за чаемъ! А, право, иногда старъ-человѣкъ прозорливѣе молодежи, да еще какой молодежи! Вѣдь Лизанька-то пресеріозно увѣряла, что не будетъ: не будетъ, маменька; ужь сердце чувствуетъ, что не будетъ; а маменька все говорила, что ея сердце, напротивъ, чувствуетъ, что непремѣнно будетъ, что не усидитъ, что прибѣжитъ, что и занятій-то служебныхъ теперь нѣтъ у него, что и подъ Новый-то годъ! Лизанька и отворяя не ждала совсѣмъ—

глазамъ не вѣрила, и встрѣтила ихъ запыхавшись, съ забившимся внезапно сердечкомъ, какъ у пойманной пташки, вся залившись, зарумянившись, словно вишенька, на которую она ужасно походила. Боже мой, какой сюрпризъ! Какое радостное ахъ! вылетѣло изъ ея губокъ! «Обманщикъ! Голубчикъ ты мой!» вскричала она, обвивъ шею Васи... Но представьте все удивленіе ея, весь ея стыдъ внезапный: прямо за Васей, какъ будто желая спрятаться сзади его, стоялъ, немного потерявшись, Аркадій Ивановичъ. Нужно признаться, что онъ былъ неловокъ съ женщинами, даже очень неловокъ, даже однажды случилось, что... Но это потомъ. Однако-жъ, войдите и въ его положеніе: смѣшнаго тутъ нѣтъ ничего: онъ стоитъ въ передней, въ калошахъ, въ шинели, въ плоской шапкѣ, которую поспѣшилъ было сдернуть, весь преобразно обмотанный желтымъ, вязанымъ прескверномъ шарфомъ, еще для большаго эффекта завязаннымъ сзади. Все это нужно распутать, снять поскорѣе, представиться въ болѣе выгодномъ видѣ, потому что нѣтъ человѣка, который не желалъ-бы представиться въ болѣе выгодномъ видѣ. А тутъ Вася, досадный, несносный, хотя, впрочемъ, конечно, тотъ-же милый, добрѣйшій, Вася, но, наконецъ, несносный, безжалостный Вася! «Вотъ, кричитъ онъ:—Лизанька, вотъ тебѣ мой Аркадій! Каковъ? Вотъ мой лучшій другъ, обними его, поцалуй его, Лизанька, напередъ поцалуй, узнаешь потомъ лучше, сама разцалуешь ... Ну, что? Ну, что, я спрашиваю, было дѣлать Аркадію Ивановичу? А онъ еще размоталъ всего половину шарфа! Право, мнѣ даже иногда совѣстно за излишнюю восторженность Васи: она, конечно, означаетъ доброе сердце, но... неловко, нехорошо!

Наконецъ, оба вошли. Старушка была несказанно рада познакомиться съ Аркадіемъ Ивановичемъ: она такъ много слышала, она...—Но она не докончила. Радостное: «ахъ!» звонко раздавшееся въ комнатѣ, остановило ее на полфразѣ. Боже мой! Лизанька стояла передъ развернутымъ неожиданно чепчикомъ, пренаивно сложивъ свои ручки и улыбаясь такъ... Боже мой, да зачѣмъ это у madame Леру не было еще лучшаго чепчика!

Ахъ, Боже мой, да гдѣ-жъ вы найдете чепчикъ лучше? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Гдѣ-же вы сыщете лучше? Я говорю серіозно! Меня, наконецъ, даже приводитъ въ нѣкоторое негодованіе, даже огорчаетъ немного такая неблагодарность влюбленныхъ. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите, что можетъ быть лучше этого амурчика-чепчика! Ну, взгляните... Но нѣтъ, нѣтъ, мои пени напрасны: они уже согласились всѣ со мною: это было минутное заблужденіе, туманъ, горячка чувства: я готовъ имъ простить... Да зато посмотрите... Вы ужъ извините, господа, я все объ этомъ

чепчикъ: тюлевый, легонькій, широкая серизовая лента, покрытая кружевомъ, идетъ между тульею и рюшемъ и сзади двѣ ленты, широкія, длинныя; онѣ будутъ падать немного ниже затылка, на шею... Нужно только и весь чепчикъ немного надѣть на затылокъ: ну, посмотрите; ну, я васъ спрошу послѣ этого!.. Да вы, я вижу, не смотрите!.. Вамъ, кажется, все равно! Вы заглядѣлись въ другую сторону... Вы смотрите, какъ двѣ крупныя-крупныя, словно перлы, слезинки накипѣли въ одинъ мигъ въ черныхъ какъ смоль глазкахъ, задрожали на мгновеніе на длинныхъ рѣсницахъ и потомъ канули на этотъ скорѣе воздухъ чѣмъ тюль, изъ котораго состояло художественное произведеніе madame Леру... И опять мнѣ досадно: вѣдь почти не за чепчикъ были эти двѣ слезинки!.. Нѣтъ! по моему, такую вещь нужно дарить хладнокровно. Тогда только можно истинно оцѣнить ее! Я, признаюсь, господа, все за чепчикъ!

Усѣлись—Вася съ Лизанькой, а старушка съ Аркадіемъ Ивановичемъ; начали разговоръ, и Аркадій Ивановичъ вполнѣ поддержалъ себя. Я съ радостію отдаю ему справедливость. Даже трудно было ожидать отъ него. Послѣ двухъ словъ объ Васѣ, онъ превосходно успѣлъ заговорить объ Юліанѣ Мастаковичѣ, его благодѣтелѣ. Да такъ умно, такъ умно заговорилъ, что разговоръ, право, не истощился и въ часъ. Нужно было видѣть, съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ тактомъ касался Аркадій Ивановичъ нѣкоторыхъ особенностей Юліана Мастаковича, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ Васѣ. Зато и старушка была очарована, истинно очарована: она сама призналась въ этомъ, она нарочно отозвала Васю въ сторону и тамъ сказала ему, что другъ его превосходнѣйшій, любезнѣйшій молодой человѣкъ, и, главное, такой серіозный, солидный молодой человѣкъ. Вася чуть не захохоталъ отъ блаженства. Онъ вспомнилъ, какъ солидный Аркаша вертѣлъ его четверть часа на постели! Потомъ старушка мигнула Васѣ и сказала, чтобъ онъ вышелъ за нею тихонько и осторожнѣе въ другую комнату. Нужно сознаться, она немного дурно поступила относительно Лизаньки: она, конечно, отъ избытка сердца, измѣнила ей и вздумала показать потихоньку подарокъ, который готовила Лизанька Васѣ къ Новому году. Это былъ бумажникъ, шитый бисеромъ, золотомъ и съ превосходнѣйшимъ рисункомъ: на одной сторонѣ изображенъ былъ олень, совершенно какъ натуральный, который чрезвычайно ловко бѣжалъ, и такъ похоже, такъ хорошо! На другой сторонѣ былъ портретъ одного извѣстнаго генерала, тоже превосходно и весьма похоже отдѣланный. Я ужъ не говорю о восторгѣ Васи. Между тѣмъ, и въ залѣ не прошло даромъ время. Лизанька прямо подошла къ Аркадію Ивановичу. Она взяла его за руки, она за

что-то благодарила его, и Аркадій Ивановичъ догадался, наконецъ, что дѣло идетъ о томъ-же драгоцѣнномъ Васѣ. Лизанька даже была глубоко растрогана: она слышала, что Аркадій Ивановичъ былъ такой истинный другъ ея жениха, такъ любилъ его, такъ наблюдалъ за нимъ, напутствовалъ на каждомъ шагу спасительными совѣтами, что, право, она, Лизанька, не можетъ не благодарить его, не можетъ удержаться отъ благодарности, что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ивановичъ полюбитъ и ее хоть въ половину такъ, какъ любитъ Васю. Потомъ она стала разспрашивать, бережетъ-ли Вася свое здоровье, изъявила нѣкоторыя опасенія на счетъ особенной пылкости его характера, на счетъ несовершеннаго знанія людей и практической жизни, сказала, что она религіозно будетъ со временемъ наблюдать за нимъ, хранить и лелѣять судьбу его, и что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ивановичъ не только ихъ не оставитъ, но даже жить будетъ съ ними вмѣстѣ.

— Мы будемъ втроемъ какъ одинъ человѣкъ! вскричала она въ пренавномъ восторгѣ.

Но нужно было идти. Разумѣется, стали удерживать, но Вася объявилъ на отрѣзъ, что нельзя. Аркадій Ивановичъ засвидѣтельствовалъ тоже самое. Спросили, разумѣется, почему, и немедленно открылось, что было дѣло, ввѣренное Юліаномъ Мастаковичемъ Васѣ, срѣшное, нужное, ужасное, которое нужно представить послѣ завтра утромъ, а что оно не только не кончено, но даже запущено совершенно. Маменька ахнула, какъ услышала объ этомъ, а Лизанька просто испугалась, встревожилась и даже погнала Васю. Послѣдній поцалуи вовсе не проиграл отъ этого: онъ былъ короче, посрѣшнѣй, но зато горячѣе и крѣпче. Наконецъ, разстались и оба друга пустились домой.

Немедленно оба взапуски начали повѣрять другъ другу свои впечатлѣнія, только что очутились на улицѣ. Да тому такъ и слѣдовало быть: Аркадій Ивановичъ былъ влюбленъ, на смерть влюбленъ въ Лизаньку! И кому-жъ это лучше повѣрить, какъ не самому счастливчику Васѣ? Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ не посовѣстился и тотчасъ-же признался Васѣ во всемъ. Вася ужасно смѣялся и страшно былъ радъ, даже замѣтилъ, что это вовсе не лишнее и что теперь они будутъ еще больше друзьями. «Ты угадалъ меня, Вася, сказалъ Аркадій Ивановичъ: да! Я люблю ее такъ, какъ тебя: это будетъ и мой ангелъ, также какъ твой, затѣмъ, что и на меня ваше счастіе прольется, и меня пригрѣетъ оно. Это будетъ и моя хозяйка, Вася, въ ея рукахъ будетъ счастіе мое: пусть хозяйничаетъ какъ съ тобою, такъ и со мной. Да, дружба къ тебѣ—дружба къ ней: вы у меня неразлучны теперь!

только у меня будутъ два такія существа, какъ ты, вмѣсто одного ... Аркадій замолчалъ отъ избытка чувствъ; а Вася былъ потрясенъ до глубины души его словами. Дѣло въ томъ, что онъ никогда не ожидалъ такихъ словъ отъ Аркадія. Аркадій Ивановичъ вообще говорить не умѣлъ, мечтать тоже совсѣмъ не любилъ: теперь-же тотчасъ пустился и въ мечтанія самыя веселыя, самыя свѣжія, самыя радужныя! «Какъ я буду хранить васъ обоихъ, лелѣять васъ», заговорилъ онъ опять: — Во первыхъ, я, Вася, буду у тебя всѣхъ дѣтей крестить, всѣхъ до единаго, а во вторыхъ, Вася, надобно похлопотать и о будущемъ. Нужно мебель купить, нужно квартиру нанять, такъ чтобъ и ей, и тебѣ, и мнѣ были каморки отдѣльныя. Знаешь, Вася, я завтра-же побѣгу смотрѣть ярлыки на воротахъ. Три... нѣтъ, двѣ комнаты, намъ больше не нужно. Я даже думаю, Вася, что я сегодня вздоръ говорилъ, денегъ достанетъ; чего! Я какъ взглянулъ въ ея глазки, такъ тотчасъ разсчелъ, что достанетъ. Все для нея! Ухъ, какъ будемъ работать! Теперь, Вася, можно рискнуть и заплатить рублей 25 за квартиру. Квартира, братъ, все! Хорошія комнаты... да тутъ и человѣкъ весель и мечтанія радужныя! А, во вторыхъ, Лизанька будетъ нашъ общій кассиръ: ни копѣйки лишней! Чтобъ этакъ я теперь въ трактиръ побѣжалъ! Да за кого ты меня принимаешь? Ни за что! А тутъ прибавка, награды будутъ, потому что мы будемъ прилежно служить, у! какъ работать, какъ волы землю пахать!.. Ну, представь себѣ—и голосъ Аркадія Ивановича ослабѣлъ отъ удовольствія:—вдругъ этакъ совсѣмъ неожиданно цѣлковыхъ тридцать или двадцать пять на голову!.. Вѣдь что ни награда, то чепчикъ, то шарфикъ, чулочки какіе-нибудь! Она мнѣ непремѣнно должна связать шарфъ: смотри, какой скверный у меня: желтый, поганый, надѣлалъ сегодня онъ мнѣ бѣды! Да и ты, Вася, хорошъ: представляешь, а я въ хомутѣ стою... Да не въ томъ вовсе дѣло! А вотъ, видишь-ли: я все серебро беру на себя! Я вамъ вѣдь обязанъ сдѣлать подарочекъ,—это честь, это мое самолюбіе!.. А вѣдь наградныя мои не уйдутъ: Скороходову, что-ли, ихъ отдадутъ? Небось, не залежатся онѣ у этой пани въ карманѣ. Я, братъ, вамъ куплю ложекъ серебряныхъ, ножей хорошихъ—не серебряныхъ ножей, а отличныхъ ножей, и жилетку, то есть жилетку-то себѣ: я вѣдь шаферомъ буду! Только ужь ты теперь держись у меня, ужь держись, ужь я надъ тобой, братъ, и сегодня, и завтра, и всю ночь буду съ палкой стоять, замучаю на работѣ: кончай! Кончай, братъ, скорѣе! И потомъ опять на вечеръ, и потомъ оба счастливы: въ лето пустимся!.. Вечера сидѣть будемъ—у, хорошо! Фу, чортъ! Какъ досадно, что не могу тебѣ помогать. Такъ-бы взялъ

и все-бы, все-бы писать за тебя... Зачѣмъ это у насъ не одинаковый почеркъ?

— Да! отвѣтилъ Вася.—Да! Нужно спѣшить. Я думаю, теперь часовъ одиннадцать будетъ: нужно спѣшить... За работу! И проговоривъ это, Вася, который все время то улыбался, то какъ нибудь старался прервать какимъ нибудь восторженнымъ замѣчаніемъ излія-ніе дружескихъ чувствъ и, однимъ словомъ, оказывалъ самое полное одушевленіе, вдругъ присмирѣлъ, замолчалъ и пустился чуть не бѣгомъ по улицѣ. Казалось, какая-то тяжкая идея вдругъ оледенила его пылавшую голову; казалось, все сердце его сжалось.

Аркадій Ивановичъ даже сталъ безпокоиться: на ускоренные вопросы свои онъ почти не получалъ отвѣтовъ отъ Васи, который отдѣлывался словцомъ-другимъ, иногда восклицаніемъ, часто вовсе не относившимися къ дѣлу. „Да что съ тобой, Вася?“ закричалъ онъ, наконецъ, едва догоняя его: „неужели ты такъ безпокоишься?...“ — Ахъ, братъ, полно болтать! отвѣтилъ Вася даже съ досадою. — Не унывай, Вася; полно,—прервалъ Аркадій: — да я видывалъ, что ты и гораздо больше въ меньшій срокъ писывалъ... Чего тебѣ! У тебя просто талантъ! Въ крайнемъ случаѣ, можно даже ускорить перо; вѣдь не литографировать-же на прошпи будутъ. Успѣешь!.. Вотъ развѣ только ты взволнованъ теперь, разсѣянъ, такъ работа тяжелѣе пойдетъ ... Вася не отвѣчалъ или пробормоталъ что-то подъ носъ, и оба въ рѣшительной тревогѣ добѣжали домой.

Вася тотчасъ-же сѣлъ за бумаги. Аркадій Ивановичъ присмирѣлъ и притихъ, въ тихомолку раздѣлся и легъ на кровать, не спуская глазъ съ Васи... Какой-то страхъ нашелъ на него... „Что съ нимъ? сказалъ онъ про себя, смотря на побѣлѣвшее лицо Васи, на разгорѣвшіеся глаза его, на безпокойство, выказавшееся въ каждомъ движеніи; — у него и рука дрожитъ... Фу ты, право! Да не посовѣтовать-ли ему заснуть часа два: хоть-бы онъ переспалъ свое раздраженіе... Вася только что окончилъ страницу, поднялъ глаза, нечаянно взглянулъ на Аркадія и, тотчасъ-же потупившись, схватился опять за перо.

— Послушай, Вася, началъ вдругъ Аркадій Ивановичъ: — не лучше-ль было-бы тебѣ переспать немножко? Смотри, ты совсѣмъ въ лихорадкѣ...

Вася съ досадой, даже со злостью, взглянулъ на Аркадія и не отвѣчалъ.

— Послушай, Вася, что ты надъ собой дѣлаешь?.. Вася тотчасъ одумался.

— Не вышить-ли чайку, Аркаша? сказалъ онъ.

— Какъ такъ? Зачѣмъ?

— Силы придастъ. Я спать не хочу, ужь я спать не буду! Я все буду писать. А теперь и отдохнулъ-бы за чаемъ, да и мгновеніе тяжелое перешло-бы.

— Лихо, братъ Вася, чудесно! Именно такъ; я самъ хотѣлъ предложить. Но я дивлюсь, какъ мнѣ самому не пришло это въ голову. Только знаешь-ли что? Мавра не встанетъ, ни за что не проснется...

— Да!..

— Вздоръ, ничего! закричалъ Аркадій Ивановичъ, вскочивъ босикомъ съ постели.—Я самъ самоваръ поставлю. Въ первой чтоли мнѣ?..

Аркадій Ивановичъ побѣжалъ въ кухню и пустился хлопотать съ самоваромъ: Вася покамѣстъ писалъ. Аркадій Ивановичъ одѣлся и сбѣгалъ сверхъ того въ булочную, затѣмъ, чтобъ Вася могъ вполнѣ подкрѣпить себя на ночь. Черезъ четверть часа самоваръ стоялъ на столѣ. Они начали пить, но разговоръ не клеился. Вася все былъ разсѣянъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись: — нужно завтра пойдти поздравлять...

— Тебѣ вовсе не нужно.

— Нѣтъ, братъ, нельзя, сказалъ Вася...

— Да я за тебя у всѣхъ роспишусь... Чего тебѣ! Ты завтра работай. Сегодня-бы ты посидѣлъ часовъ до пяти, какъ я говорилъ, а тамъ и заснулъ-бы. А то на что ты завтра будешь похожъ? Я-бы тебя ровно въ восемь часовъ разбудилъ...

— Да хорошо-ли это будетъ, что ты за меня роспишешься? сказалъ Вася полусоглашаясь.

— Да чего-же лучше? Такъ дѣлаютъ всѣ!..

— Право, боюсь...

— Да чего-же, чего?

— Оно, знаешь, у другихъ ничего, а Юліанъ Мастаковичъ—онъ, Аркаша, мой благодѣтель; ну, какъ замѣтитъ, что чужая рука...

— Замѣтитъ! Ну, какой ты, право, Васюкъ! Ну, какъ онъ можетъ замѣтить?.. Да вѣдь я, знаешь, твое имя ужасно какъ похоже подписываю и завитокъ такой-же дѣлаю, ей Богу. Полно: что ты! Кому тутъ замѣтить?..

Вася не отвѣчалъ и посѣшно доливалъ свой стаканъ... Потомъ онъ сомнительно покачалъ головою...

— Вася, голубчикъ! Ахъ, кабы намъ удалось! Вася, да что съ тобою? Ты меня просто пугаешь! Знаешь, я теперь и не лягу, Вася, не засну. Покажи мнѣ, много-ль осталось тебѣ?

Вася такъ взглянулъ на него, что у Аркадія Ивановича сердце повернулось и языкъ осѣкся.

— Вася! Что съ тобой? Что ты? Чего ты такъ смотришь?

— Аркадій, я, право, пойду завтра поздравить Юліана Мастаковича.

— Ну, ступай, пожалуй, говорилъ Аркадій, смотря на него во всѣ глаза въ томительномъ ожиданіи.

— Послушай, Вася, ускори перо; я зла тебѣ не совѣтую, ей Богу-же такъ! Сколько разъ говорилъ самъ Юліанъ Мастаковичъ, что у тебя въ перѣ ему всего болѣе нравится четкость! Вѣдь это Скоропехинъ только любитъ, чтобъ было четко и красиво, какъ пропись, чтобъ потомъ какъ нибудь зажилить бумажку, да дѣтямъ домой нести переписывать: не можетъ купить, болванъ, прописей! А Юліанъ Мастаковичъ только и говоритъ, только и требуетъ: четко, четко и четко!.. Чего-же тебѣ! Право! Вася, я ужь не знаю, какъ и говорить съ тобой... Я боюсь даже... Ты меня убиваешь тоской своей.

— Ничего, ничего! говорилъ Вася и въ изнеможеніи упалъ на стулъ.—Аркадій встревожился.

— Не хочешь-ли воды? Вася! Вася!

— Полно, полно, сказалъ Вася, сжимая его руку.—Я ничего: мнѣ только стало какъ-то грустно, Аркадій. Я даже и самъ не могу сказать отчего. Послушай, говори лучше о другомъ: не напоминай мнѣ...

— Успокойся, ради Бога, успокойся, Вася. Ты докончишь, ей Богу докончишь! А хоть-бы и не докончилъ, такъ что-жь за бѣда? Точно преступленье какое!

— Аркадій, сказалъ Вася, такъ значительно смотря на своего друга, что тотъ рѣшительно испугался, ибо никогда Вася не тревожился такъ ужасно.—Если-бъ я былъ одинъ, какъ прежде... Нѣтъ! Я не то говорю. Мнѣ все хочется тебѣ сказать, повѣрить, какъ другу... Впрочемъ, зачѣмъ-же безпокоить тебя?.. Видишь, Аркадій, одинъ дано многое, другіе дѣлаютъ маленькое, какъ я. Ну, если отъ тебя потребовали благодарности, признательности—и ты-бы не могъ этого сдѣлать?..

— Вася! Я рѣшительно не понимаю тебя!

— Я никогда не былъ неблагодаренъ, продолжалъ Вася тихо, какъ будто разсуждая самъ съ собою.—Но если я не въ состояніи высказать всего, что чувствую, то оно какъ будто-бы... Оно, Аркадій, выйдетъ, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ неблагодаренъ, а это меня убиваетъ.

— Да что-жь, да что! Неужели-же въ томъ вся благодарность,

что ты перенишешь къ сроку? Подумай, Вася, что ты говоришь! Развѣ въ этомъ выражается благодарность?

Вася вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ во всѣ глаза на Аркадія, какъ будто его неожиданный аргументъ разрушилъ всѣ сомнѣнія. Онъ даже улыбнулся, но тотчасъ-же принялъ опять прежнее задумчивое выраженіе. Аркадій, принявъ эту улыбку за окончаніе всѣхъ страховъ, а тревогу, опять явившуюся, за рѣшимость на что нибудь лучшее, крайне обрадовался.

— Ну, братъ Аркаша, проснешься, сказалъ Вася:—взгляни на меня; неравно я засну, бѣда будетъ; а теперь я сажусь за работу... Аркаша?

— Что?

— Нѣтъ, я такъ только, я ничего... Я хотѣлъ...

Вася усѣлся и замолчалъ, Аркадій улегся. Ни тотъ, ни другой не сказали двухъ словъ о коломенскихъ. Можетъ быть, оба чувствовали, что провинились немножко, покутили некстати. Вскорѣ Аркадій Ивановичъ заснулъ, все тоскуя объ Васѣ. Къ удивленію своему, онъ проснулся ровно въ восьмомъ часу утра. Вася спалъ на стулѣ, держа въ рукѣ перо, блѣдный и утомленный; свѣчка сгорѣла. Въ кухнѣ возилась Мавра за самоваромъ.

— Вася, Вася! закричалъ Аркадій въ испугѣ. — Когда ты легъ?

Вася открылъ глаза и вскочилъ со стула.

— Ахъ! сказалъ онъ:—я такъ и заснулъ!..

Онъ тотчасъ-же бросился къ бумагамъ — ничего: все было въ порядкѣ; ни чернилами, ни саломъ отъ свѣчки не капнуло.

— Я думаю, я заснулъ часовъ въ шесть, сказалъ Вася.— Какъ ночью холодно! Выпьемъ-ка чаю, и я опять...

— Подкрѣпился-ли ты?

— Да, да, ничего, теперь ничего!..

— Съ Новымъ годомъ, братъ Вася.

— Здравствуй, братъ, здравствуй; тебя также, милый.

Они обнялись. — У Васи дрожалъ подбородокъ и повлажнѣли глаза. Аркадій Ивановичъ молчалъ: ему стало горько; оба пили чай на-скоро...

— Аркадій! Я рѣшилъ, я самъ пойду къ Юліану Мастаковичу...

— Да вѣдь онъ не замѣтитъ...

— Да меня-то, братъ, почти мучитъ совѣсть.

— Да вѣдь ты для него-же сидишь, для него-же убиваешься... Полно!

— А я, знаешь что, братъ, я зайду туда...

— Куда? спросилъ Вася.

— Къ Артемьевымъ, поздравлю съ моей и съ твоей сторопы.

— Голубчикъ мой, миленькій! Ну! Я здѣсь останусь: да, я вижу, что ты хорошо придумалъ: вѣдь я-же тутъ работаю, не въ праздности время провожу! Постой на минутку, я тотчасъ письмо напишу.

— Пишн, братъ, пишн, успѣешь: я еще умоюсь, побрѣюсь, фракъ почищу. Ну, братъ Вася, мы будетъ довольны и счастливы! Обними меня, Вася!

— Ахъ, кабы, братъ!..

— Здѣсь живетъ господинъ чиновникъ Шумковъ? раздался дѣтскій голосокъ на лѣстницѣ.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, проговорила Мавра, впуская гостя.

— Что тамъ? Что, что? закричалъ Вася, вспрыгнувъ со стула и бросаясь въ переднюю.—Петинька, ты?..

— Здравствуйте, съ Новымъ годомъ васъ честь имѣю поздравить, Василій Петровичъ, сказалъ хорошенькій черноволосый мальчикъ лѣтъ десяти, въ кудряшкахъ: — сестрица вамъ кланяется, и маменька тоже, а сестрица велѣла васъ поцаловать отъ себя...

Вася вскинулъ на воздухъ посланника и влѣпилъ въ его губки, которыя ужасно походили на лизанькины. медовый, длинный, восторженный поцалуй.

— Цалуй, Аркадій! говорилъ онъ, передавъ ему Петю, и Петя, не касаясь земли, тотчасъ-же перешелъ въ мощныя и жадныя въ полномъ смыслѣ слова объятія Аркадія Ивановича.

— Голубчикъ ты мой, хочешь чайку?

— Покорно благодарю-съ. Ужь мы пили! Сегодня поднялись рано. Наши къ обѣднѣ ушли. Сестрица два часа меня завивала, напомадила, умыла, панталончики мнѣ зашила. потому что я ихъ разодралъ вчера съ Сашкой, на улицѣ: мы въ снѣжки стали играть...

— Ну-ну-ну-ну!

— Ну. все меня наряжала къ вамъ идти: потомъ напомадила, а потомъ запаловала совсѣмъ, говоритъ: сходи къ Васѣ, поздравь, да спроси, довольны-ли они, покойно-ли почивали и еще... и еще что-то спросить. — да! и еще. конечно-ль дѣло, объ которомъ вы вчера... Тамъ какъ-то... Да вотъ, у меня записано, сказалъ мальчикъ, читая по бумажкѣ, которую вынулъ изъ кармана:—да! безпокоились.

— Будетъ конечно! Будетъ! Такъ ей и скажи, что будетъ, непремѣнно кончу, честное слово!

— Да еще... Ахъ! Я и забылъ: сестрица записочку и подарокъ прислала, а я и забылъ!..

— Боже мой!.. Ахъ ты голубчикъ мой! Гдѣ... гдѣ? Вотъ-а?! Смотри, братъ, смотри, что̀ мнѣ пишетъ. Го-лу-бушка, миленькая! Знаешь, я вчера видѣлъ у ней бумажникъ для меня: онъ не кончень, такъ вотъ, говоритъ, посылаю вамъ локонъ волосъ моихъ, а то отъ васъ не уйдетъ. Смотри, братъ, смотри!

И потрясенный отъ восторга Вася показывалъ локонъ густѣйшихъ, черньйшихъ въ свѣтѣ волосъ Аркадію Ивановичу: потомъ горячо поцаловалъ ихъ и спряталъ въ боковой карманъ, поближе къ сердцу.

— Вася! Я тебѣ медальонъ закажу для этихъ волосъ! рѣшительно сказалъ, наконецъ, Аркадій Ивановичъ.

— А у насъ жаркое телятина будетъ, а потомъ завтра мозги: маменька хочетъ бисквиты готовить... А пшенной каши не будетъ, сказалъ мальчикъ, подумавъ, какъ заключить свои розсказни.

— Фу, какой хорошенькій мальчикъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ.—Вася, ты счастливѣйшій смертный!

Мальчикъ кончилъ чай, получилъ записочку, тысячу поцалуевъ и вышелъ счастливый и рѣзвый по прежнему.

— Ну, братъ, заговорилъ обрадованный Аркадій Ивановичъ:—видишь, какъ хорошо, видишь! Все уладилось къ лучшему, не горюй, не робѣй! Впередъ! Кончай, Вася, кончай! Въ два часа я домой: заѣду къ нимъ, потомъ къ Юліану Мастаковичу...

— Ну, прощай, братъ, прощай... Ахъ, кабы!.. Ну, хорошо, стунай, хорошо, сказалъ Вася: — я, братъ, рѣшительно не пойду къ Юліану Мастаковичу.

— Прощай!

— Стой, братецъ, стой; скажи имъ... Ну, все, что̀ найдешь: ее поцалуй... Да разскажи, братецъ, все потомъ, разскажи...

— Ну ужь, ну ужь—извѣстно, знаемъ что̀! Это счастье перевернуло тебя! Это неожиданность: ты самъ не свой со вчерашняго дня. Ты еще не отдохнулъ отъ вчерашнихъ своихъ впечатлѣній. Ну, кончено! Оправься, голубчикъ Вася! Прощай, прощай!

Наконецъ, друзья разстались. Все утро Аркадій Ивановичъ былъ разсѣянъ и думалъ только объ Васѣ. Онъ зналъ слабый, раздражительный характеръ его. „Да, это счастье перевернуло его, я не ошибся! говорилъ онъ самъ про себя:—Боже мой! Онъ и на меня нагналъ тоску. И изъ чего этотъ человѣкъ способенъ поднять трагедію! Экая горячка какая! Ахъ, его нужно спасти! Нужно спасти! проговорилъ Аркадій, самъ не замѣчая того, что въ своемъ сердцѣ уже возвелъ до бѣды, повидимому, маленькія домашнія непріятности, въ сущности ничтожныя. Только въ одиннадцать часовъ попалъ онъ въ швейцарскую Юліана Мастаковича, чтобъ примкнуть

свое скромное имя къ длинному столбцу почтительныхъ лицъ, росписавшихся въ швейцарской на листѣ закапанной и кругомъ нечерченной бумаги. Но каково было его удивленіе, когда передъ нимъ мелькнула собственная подпись Васи Шумкова! Это его поразило. — Что̀ съ нимъ дѣлается? подумалъ онъ. Аркадій Ивановичъ, взыгравшій еще недавно надеждой, вышелъ разстроенный. Дѣйствительно, приготовлялась бѣда; но гдѣ? Но какая?

Въ Коломну онъ пріѣхалъ съ мрачными мыслями, былъ разсѣянъ сначала, но, поговоривъ съ Лизанькой, вышелъ со слезами на глазахъ, потому что рѣшительно испугался за Васю. Домой онъ пустился бѣгомъ и на Невѣ носомъ къ носу столкнулся съ Шумковымъ. Тотъ тоже бѣжалъ.

— Куда ты? закричалъ Аркадій Ивановичъ.

Вася остановился какъ пойманный въ преступленіи.

— Я, братъ, такъ; я прогуляться хотѣлъ.

— Не утерпѣлъ, въ Коломну шелъ? Ахъ, Вася, Вася! Ну, зачѣмъ ты ходилъ къ Юліану Мастаковичу?

Вася не отвѣчалъ: но потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Аркадій! Я не знаю, что̀ со мной дѣлается! Я...

— Полно, Вася, полно! Вѣдь я знаю, что это такое. Успокойся! Ты взволнованъ и потрясенъ со вчерашняго дня! Подумаи: ну, какъ не снесть этого! Всѣ-то тебя любятъ, всѣ-то около тебя ходятъ, работа твоя подвигается, ты ее кончишь, непремѣнно кончишь, я знаю: ты вообразилъ что нибудь, у тебя страхи какіе-то...

— Нѣтъ, ничего, ничего...

— Помнишь, Вася, помнишь, вѣдь это было съ тобою; помнишь, когда ты чинъ получилъ, ты отъ счастья и отъ благодарности удвоилъ ревность и недѣлю только портилъ работу. Съ тобой и теперь тоже самое...

— Да, да, Аркадій; но теперь другое, теперь совсѣмъ не то...

— Да какъ не то, помилуй! И дѣло-то, можетъ быть, вовсе не спѣшное, а ты себя убиваешь...

— Ничего, ничего, я только такъ. Ну, пойдемъ!

— Что-жь ты домой, а не къ нимъ?

— Нѣтъ, братъ, съ какимъ я лицомъ явлюсь?.. Я раздумалъ. Я только одинъ безъ тебя не высидѣлъ: а вотъ ты теперь со мной, такъ я и сяду писать. Пойдемъ!

Они пошли и нѣкоторое время молчали. Вася спѣшилъ.

— Что-жь ты меня не разспрашиваешь объ нихъ? сказалъ Аркадій Ивановичъ.

— Ахъ, да! Ну, Аркашинька, что-жь?

— Вася, ты на себя не похожъ!

— Ну, ничего, ничего. Разскажи-же мнѣ все, Аркаша! сказалъ Вася умоляющимъ голосомъ, какъ будто избѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Аркадій Ивановичъ вздохнулъ. Онъ рѣшительно терялся, смотря на Васю.

Разсказъ о коломенскихъ ожилъ его. Онъ даже разговорился. Они пообѣдали. Старушка наложила бисквитами полный карманъ Аркадія Ивановича, и пріятели, кушая ихъ, развеселились. Послѣ обѣда Вася обѣщалъ заснуть, чтобъ просидѣть всю ночь. Онъ дѣйствительно легъ. Утромъ, кто-то, передъ кѣмъ нельзя было отказаться, позвалъ Аркадія Ивановича на чай. Друзья разстались. Аркадій положилъ придти какъ можно раньше, если можно, даже въ восемь часовъ. Три часа разлуки прошли для него какъ три года. Наконецъ, онъ вырвался къ Васѣ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ, что все темно. Васи не было дома. Онъ спросилъ Мавру. Мавра сказала, что все писалъ и не спалъ ничего, потомъ ходилъ по комнатѣ, а потомъ, часъ тому назадъ, убѣжалъ, сказавъ, что черезъ полчаса будетъ: «а когда, молъ, Аркадій Ивановичъ придутъ, такъ скажи, молъ, старуха», заключила Мавра, «что гулять я пошелъ, и три, не то, молъ, четыре раза наказывалъ».

— У Артемьевыхъ онъ! подумалъ Аркадій Ивановичъ и покачалъ головой.

Черезъ минуту онъ вскочилъ, оживленный надеждой.—Онъ просто кончилъ, подумалъ онъ: вотъ и все: не утерпѣлъ, да и убѣжалъ туда. Впрочемъ, нѣтъ! Онъ меня-бы дождался... Взгляну-ка я, что̀ тамъ у него!

Онъ зажегъ свѣчку и бросился къ письменному столу Васи: работа шла, и, казалось, до конца было не такъ далеко. Аркадій Ивановичъ хотѣлъ было изслѣдовать дальше, но вдругъ вошелъ Вася...

— А! Ты здѣсь? закричалъ онъ, вздрогнувъ отъ испуга...

Аркадій Ивановичъ молчалъ. Онъ боялся спросить Васю. Тотъ потупилъ глаза и тоже молча началъ разбирать бумаги. Наконецъ, глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Васи былъ такой просящій, умоляющій, убитый, что Аркадій вздрогнулъ, когда встрѣтилъ его. Сердце его задрожало и переполнилось....

— Вася, братъ мой, что̀ съ тобой? Что ты? закричалъ онъ, бросаясь къ нему и сжимая его въ объятіяхъ:—объяснись со мной; я не понимаю тебя и тоски твоей: что̀ съ тобой, мученикъ ты мой? Что? Скажи мнѣ все безъ утайки. Не можетъ быть, чтобъ это одно...

Вася крѣпко прижался къ нему и не могъ ничего говорить. Духъ его захватило.

— Полно, Вася, полно! Ну, не кончить тебѣ, что-жь такое? Я не понимаю тебя; открой мнѣ мученія свои. Видишь-ли, я для тебя... Ахъ, Боже мой, Боже мой! говорилъ онъ, шагая по комнатѣ и хватаясь за все, что̀ ни попадалось ему подъ руки, какъ будто немедленно ища лѣкарства для Васи. —Я самъ завтра, вмѣсто тебя, пойду къ Юліану Мастаковичу, буду просить, умолять его, чтобъ далъ еще день отсрочки. Я объясню ему все, все, если только это такъ тебя мучаетъ...

— Боже тебя сохрани! вскричалъ Вася и побѣлѣлъ какъ стѣна. Онъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Вася, Вася!..

Вася очнулся. Губы его дрожали: онъ хотѣлъ что-то выговорить, и только молча, судорожно пожималъ руку Аркадія... Рука его была холодна. Аркадій стоялъ передъ нимъ полный тоскливаго и мучительнаго ожиданія. Вася опять поднялъ на него глаза.

— Вася! Богъ съ тобой, Вася! Ты истерзалъ мое сердце, другъ мой, милый ты мой.

Слезы градомъ хлынули изъ глазъ Васи; онъ бросился на грудь Аркадія.

— Я обманулъ тебя, Аркадій! говорилъ онъ: —я обманулъ тебя: прости меня, прости! Я обманулъ твою дружбу...

— Что, что, Вася? Что-жь такое? спросилъ Аркадій, рѣшительно въ ужасѣ.

— Вогъ!...

И Вася съ отчаяннымъ жестомъ выбросилъ на столъ изъ ящика шесть толстѣйшихъ тетрадей, подобныхъ той, которую онъ переписывалъ.

— Что̀ это?

— Вотъ что̀ мнѣ нужно приготовить къ послѣ-завтрашнему дню. Я и четвертой доли не сдѣлалъ!—Не спрашивай, не спрашивай .. какъ это сдѣлалось! продолжалъ Вася, самъ тотчасъ заговорившъ о томъ, что̀ такъ его мучило. — Аркадій, другъ мой! Я не знаю самъ, что было со мной! Я какъ будто изъ какого сна выхожу. Я цѣлыя три недѣли потерялъ даромъ. Я все... я... ходилъ къ ней... У меня сердце болѣло, я мучился... неизвѣстностью... я и не могъ писать. Я и не думалъ объ этомъ. Только теперь, когда счастье настаетъ для меня, я очнулся.

— Вася! началъ Аркадій Ивановичъ рѣшительно: — Вася! Я спасу тебя. Я понимаю все это Это дѣло не шутка. Я спасу тебя! Слушай, слушай меня: я завтра-же иду къ Юліану Мастаковичу... Не качай головой, нѣтъ, слушай! Я разскажу ему все какъ было:

позволь ужь мнѣ сдѣлать такъ... Я объясню ему!.. Я на все пойду! Я разскажу ему, какъ ты убитъ, какъ ты мучаешься.

— Знаешь-ли, что ты ужь теперь убиваешь меня? проговорилъ Вася, весь похолодѣвъ отъ испуга.

Аркадій Ивановичъ побѣдилъ было, но одумался и тотчасъ-же разсмѣялся.

— Только-то? Только это? сказалъ онъ.—Помилуй, Вася, помилуй! Не стыдно-ли? Ну, послушай! Я вижу, что огорчаю тебя Видишь, я понимаю тебя; я знаю, что въ тебѣ происходитъ. Вѣдь ужь мы пять лѣтъ вмѣстѣ живемъ, слава Богу! Ты добрый, нѣжный такой, но слабый, непростительно слабый. Вѣдь ужь и Лизавета Михайловна это замѣтила. Ты, кромѣ того и мечтатель, а вѣдь это тоже нехорошо: свихнуться, братъ, можно! Послушай, вѣдь я знаю, чего тебѣ хочется! Тебѣ хочется, напримѣръ, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ былъ внѣ себя и еще, пожалуй, задалъ-бы балъ отъ радости, что ты женишься... Ну, постой, постой! Ты морщишься. Видишь, ужь отъ одного моего слова ты обидѣлся за Юліана Мастаковича! Я оставлю его. Я вѣдь и самъ его уважаю не меньше твоего! Но ужь ты меня не осворишь и не откажешь мнѣ думать, что ты-бы желалъ, чтобъ не было даже и несчастныхъ на землѣ, когда ты женишься... Да, братъ, ты ужь согласись, что тебѣ-бы хотѣлось, чтобъ у меня, напримѣръ, твоего лучшаго друга, стало вдругъ тысячъ сто капитала; чтобъ всѣ враги, какіе ни есть на свѣтѣ, вдругъ-бы, ни съ того, ни съ сего, помирились, чтобъ всѣ они обнялись среди улицы отъ радости, и потомъ сюда къ тебѣ на квартиру, пожалуй, въ гости пришли. Другъ мой! Милый мой! Я не смѣюсь, это такъ: ты ужь давно мнѣ все почти такое-же въ разныхъ видахъ представлялъ. Потому что ты счастливъ, ты хочешь, чтобъ всѣ, рѣшительно всѣ сдѣлались разомъ счастливыми. Тебѣ больно, тяжело одному быть счастливымъ! Потому ты хочешь сейчасъ всѣми силами быть достойнымъ этого счастья и, пожалуй, для очистки совѣсти сдѣлать подвигъ какой нибудь! Ну, я и понимаю, какъ ты готовъ себя мучить за то, что гамъ, гдѣ-бы нужно было показать свое радѣніе, умѣнье... ну, пожалуй, благодарность, какъ ты говоришь, ты вдругъ манкировалъ! Тебѣ ужасно горько при мысли, что Юліанъ Мастаковичъ поморщится и даже разсердится, когда увидитъ, что ты не оправдалъ надежд, которыя онъ возложилъ на тебя. Тебѣ больно думать, что ты услышишь упреки отъ того, кого считаешь своимъ благодѣтелемъ — и въ какую минуту! Когда у тебя радостью переполнено сердце и когда ты не знаешь, на кого излить свою благодарность... Вѣдь такъ, не правда-ли? Вѣдь такъ?

Аркадій Ивановичъ, у котораго дрожалъ голосъ оканчивая, замолчалъ и перевелъ духъ.

Вася смотрѣлъ съ любовью на своего друга. Улыбка скользила по губамъ его.

Даже какъ будто ожиданіе надежды оживило лицо его.

— Ну, такъ слушай-же, началъ снова Аркадій, еще болѣе вдохновленный надеждою:—такъ и не нужно, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ измѣнилъ къ тебѣ свою благосклонность. Такъ-ли, голубчикъ мой? Въ этомъ вопросъ? А коль въ этомъ, такъ я-же,—сказалъ Аркадій, вскочивъ съ мѣста:—я-же пожертвую собой для тебя. Я завтра ѣду къ Юліану Мастаковичу... И не противорѣчь мнѣ! Ты, Вася, свой проступокъ до преступленья возводишь. А онъ, Юліанъ Мастаковичъ, великодушенъ и милосердъ, да къ тому-же не таковъ, какъ ты! Онъ, братъ Вася, насъ съ тобой выслушаетъ и изъ бѣды вывезетъ. Ну, спокоенъ-ли ты?

Вася со слезами на глазахъ сжалъ руку Аркадія.

— Полно, Аркадій, полно, сказалъ онъ:—дѣло рѣшеное. Ну, я не кончилъ, ну и хорошо: не кончилъ, такъ не кончилъ. И тебѣ ходить не нужно: я самъ все разскажу, самъ пойду. Я теперь успокоился, я совершенно спокоенъ: только ты не ходи... Да послушай.

— Вася, дорогой ты мой! вскричалъ въ радости Аркадій Ивановичъ:—я по твоимъ словамъ говорилъ; я радъ, что ты одумался и справился. Но что-бы съ тобой ни было, что-бы ни случилось, я при тебѣ, это помни! Я вижу, тебя терзаетъ то, чтобъ я не говорилъ ничего Юліану Мастаковичу—и не скажу, ничего не скажу, ты самъ скажешь Видишь-ли: ты завтра пойдешь... Или нѣтъ, ты не пойдешь, ты здѣсь будешь писать, понимаешь? А я тамъ узнаю, какое это дѣло, очень-ли спѣшное или нѣтъ, нужно-ли его къ сроку или нѣтъ, и если просрочишь, такъ что можетъ выйдти изъ этого? Потомъ я къ тебѣ прибѣгу... Видишь, видишь! Ужь есть надежда: ну, представь, что дѣло не спѣшное—вѣдь выиграть можно. Юліанъ Мастаковичъ можетъ не напомнить, и тогда все спасено.

Вася сомнительно покачалъ головою. Но благодарный взоръ его не сходилъ съ лица друга.

— Ну, полно, полно! Я такъ слабъ, такъ усталъ, говорилъ онъ, задыхаясь:—мнѣ и самому объ этомъ думать не хочется. Ну, поговоримъ о другомъ! Я, видишь-ли, и писать, пожалуй, не буду теперь, а только такъ, двѣ странички только окончу, чтобъ дойдти хоть до какой нибудь точки. Послушай... Я давно хотѣлъ спросить тебя: какъ это ты такъ хорошо меня знаешь?

Слезы капали изъ глазъ Васи на руки Аркадія.

— Если-бъ ты зналъ, Вася, до какой степени я люблю тебя такъ ты-бы не спросилъ этого—да!

— Да, да, Аркадій, я не знаю этого, потому... потому что я не знаю, за что ты меня такъ полюбилъ! Да, Аркадій, знаешь-ли, что даже твоя любовь меня убивала? Знаешь-ли, что сколько разъ я, особенно ложась спать и думая объ тебѣ (потому что и всегда думаю объ тебѣ, когда засыпаю), я обливался слезами и сердце мое дрожало оттого... оттого... Ну, оттого, что ты такъ любилъ меня, а я ничѣмъ не могъ облегчить своего сердца, ничѣмъ тебя возблагодарить не могъ...

— Видишь, Вася, видишь, какой ты!.. Смотри, какъ ты разстроенъ теперь, говорилъ Аркадій, у котораго душа изныла въ эту минуту и который вспомнилъ про вчерашнюю сцену на улицѣ.

— Полно; ты хочешь, чтобъ я успокоился, а я никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ! Знаешь-ли... Послушай, мнѣ-бы хотѣлось тебѣ все разсказать, да я все боюсь тебя огорчить.. Ты все огорчаешься и кричишь на меня; а я пугаюсь... Смотри, какъ я дрожу теперь, я не знаю отчего. Видишь-ли, вотъ что мнѣ сказать хочется. Мнѣ кажется, не зналъ себя прежде,—да! Да и другихъ тоже вчера только узналъ. Я, братъ, не чувствовалъ, не цѣнилъ вполнѣ. Сердце... во мнѣ было черство... Слушай, какъ это случилось, что никому-то, никому я не сдѣлалъ добра на свѣтѣ, потому что сдѣлать не могъ—даже и видомъ-то я непріятенъ... А всякій-то мнѣ дѣлалъ добро! Вотъ ты первый: развѣ я не вижу. Я только молчалъ, только молчалъ!

— Вася, полно!

— Что-жь, Аркаша! Что-жь!.. Я вѣдь ничего... прервалъ Вася, едва выговаривая слова отъ слезъ.—Я тебѣ говорилъ вчера про Юліана Мастаковича. И вѣдь самъ ты знаешь, онъ строгій, суровый такой, даже ты нѣсколько разъ на замѣчанье къ нему попадалъ, а со мной онъ вчера шутить вздумалъ, ласкать, и доброе сердце свое, которое передъ всѣми благоразумно скрываетъ, открылъ мнѣ...

— Ну что-жь, Вася? Это только показываетъ, что ты достоинъ своего счастія.

— Ахъ, Аркаша! Какъ мнѣ хотѣлось кончить это все дѣло!.. Нѣтъ я сгублю свое счастье! У меня есть предчувствіе! Да нѣтъ, не черезъ это, перебилъ Вася, затѣмъ, что Аркадій покосился на сто-пудовое, сѣянное дѣло, лежавшее на столѣ:—это ничего, это бумага писанная... вздоръ! Это дѣло рѣшеное... Я... Аркаша, былъ сегодня тамъ, у нихъ... Я вѣдь не входилъ. Мнѣ тяжело было, горько! Я только простоялъ у дверей. Она играла на фортепьяно, я слушалъ. Видишь, Аркадій, сказалъ онъ, понижая голосъ:—я не посмѣлъ войдти...

— Послушай, Вася, что съ тобой? Ты такъ на меня смотришь?

— Что? Ничего? Мнѣ немного дурно: ноги дрожатъ: это оттого, что я ночью сидѣлъ. Да! У меня въ глазахъ зеленѣетъ. У меня здѣсь, здѣсь...

Онъ показалъ на сердце. Съ нимъ сдѣлался обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Аркадій хотѣлъ принять насильственныя мѣры. Онъ хотѣлъ уложить его насильно въ постель. Вася не согласился ни за что. Онъ плакалъ, ломалъ себѣ руки, хотѣлъ писать, хотѣлъ непремѣнно докончить свои двѣ страницы. Чтобъ не разгорячить его, Аркадій допустилъ его до бумаги.

— Видишь, сказалъ Вася, усаживаясь на мѣсто:— видишь, и у меня идея пришла, есть надежда.

Онъ улыбнулся Аркадію, и блѣдное лицо его дѣйствительно какъ будто оживилось лучомъ надежды.

— Вотъ что: я понесу ему послѣ завтра не все. Про остальное солгу, скажу, что сгорѣло, что подмокло, что потерялъ, что, наконецъ, ну, не кончилъ; я лгать не могу. Я самъ объясню- знаешь что? Я объясню ему все; я скажу: такъ и такъ, не могъ... Я разскажу ему про любовь мою; онъ-же самъ недавно женился, онъ пойметъ меня! Я сдѣлаю это все, разумѣется, почтительно. тихо; онъ увидитъ слезы мои, онъ тронется ими...

— Да, разумѣется, поди, поди къ нему, объяснись... Да тутъ и слезъ не нужно! Изъ чего? Право, Вася, ты и меня совсѣмъ запугалъ.

— Да, я пойду, пойду. А теперь дай мнѣ писать, дай мнѣ писать, Аркаша. Я никого не трону, дай мнѣ писать!

Аркадій бросился на постель. Онъ не довѣрялъ Васѣ, рѣшительно не довѣрялъ. Вася былъ способенъ на все. Но просить прощенія, въ чемъ, какъ! Дѣло было не въ томъ. Дѣло было въ томъ, что Вася не исполнилъ обязанностей, что Вася чувствуетъ себя виноватымъ *сама передъ собою*: чувствуетъ себя неблагодарнымъ къ судьбѣ, что Вася подавленъ, потрясенъ счастіемъ и считаетъ себя его недостойнымъ, что, наконецъ, онъ отыскалъ себѣ только предлогъ повихнуть на эту сторону, а что со вчерашняго дня еще не опомнился отъ своей неожиданности; вотъ что такое! подумалъ Аркадій Ивановичъ. Нужно спасти его. Нужно помирить его съ самимъ собою. Онъ самъ себя отпѣваетъ.—Онъ думалъ-думалъ, да и рѣшилъ немедленно идти къ Юліану Мастаковичу, завтра-же идти и разсказать ему все.

Вася сидѣлъ и писалъ. Измученный Аркадій Ивановичъ прилегъ, чтобъ поразмыслить о дѣлѣ опять, и проснулся передъ разсвѣтомъ.

— Ай, чортъ! Опять! закричалъ онъ, посмотрѣвъ на Васю: тотъ сидѣлъ и писалъ.

Аркадій бросился къ нему, обхватилъ его и насильно уложилъ въ постель. Вася улыбался: глаза его смыкались отъ слабости. Онъ едва могъ говорить.

— Я и самъ хотѣлъ лечь, сказалъ онъ.—Знаешь, Аркадій, у меня есть идея: я кончу. Я *ускорилъ* перо! Дальше сидѣть я былъ неспособенъ; разбуди меня въ восемь часовъ.

Онъ не договорилъ и заснулъ какъ убитый.

— Мавра! шепотомъ сказалъ Аркадій Ивановичъ Маврѣ, вносившей чай:—онъ просилъ разбудить его черезъ часъ. Ни подъ какимъ видомъ! Пусть спитъ хоть десять часовъ, понимаешь?

— Понимаю, баринъ-батюшка.

— Обѣдъ не готовь, съ дровами не возись, не шуми, бѣда тебѣ! Коли спроситъ меня, скажи, что я въ должность ушелъ, понимаешь?

— Понимаю-ста, батюшка-баринъ; пусть почиваетъ въ волю, что мнѣ! Я рада барскому сну, и барское добро берегу. А намедни, что чашку разбила и попрекать изволили, такъ это не я, это кошка-машка разбила, а я не доглядѣ за ней; брысь, говорю, проклятая!

— Тсс, молчи, молчи!

Аркадій Ивановичъ выпроводилъ Мавру въ кухню, потребовалъ ключъ и заперъ ее тамъ на замокъ. Потомъ пошелъ на службу. Дорогою онъ раздумывалъ, какъ-бы ему предстать къ Юліану Мастаковичу, и ловко-ли, и не дерзко-ли будетъ? Въ должность пришелъ онъ съ робостью, и робко освѣдомился, тутъ-ли его превосходительство; отвѣтили, что нѣтъ, да и не будетъ. Аркадій Ивановичъ мигомъ хотѣлъ идти къ нему на квартиру, но весьма кстати сообразилъ, что если Юліанъ Мастаковичъ не пріѣхалъ, такъ, стало быть, занятъ и дома. Онъ остался. Часы казались ему нескончаемыми. Подъ рукою онъ вывѣдывалъ о дѣлѣ, порученномъ Шумкову. Но никто не зналъ ничего. Знали только, что Юліанъ Мастаковичъ изволилъ занимать его особыми порученіями, — какими, не зналъ никто. Наконецъ, пробило три часа, и Аркадій Ивановичъ бросился домой. Въ прихожей остановилъ его одинъ писарь и сказалъ, что Василій Петровичъ Шумковъ приходилъ этакъ будетъ въ первомъ часу и спрашивалъ, прибавилъ писарь: тутъ-ли вы и не былъ-ли тутъ Юліанъ Мастаковичъ. Услышавъ это, Аркадій Ивановичъ нанялъ извощика и доѣхалъ домой внѣ себя отъ испуга.

Шумковъ былъ дома. Онъ ходилъ по комнатѣ чрезвычайно взволнованный. Взглянувъ на Аркадія Ивановича, онъ какъ будто тотчасъ оправился, одумался и постѣшилъ скрыть свое волненіе. Онъ молча сѣлъ за бумаги. Казалось, онъ избѣгалъ вопросовъ своего друга, тяготился ими, самъ задумалъ кое-что про себя и уже

рѣшился не открывать своего рѣшенія, затѣмъ, что и на дружбу болѣе нельзя полагаться. Это поразило Аркадія, и сердце его изныло отъ тяжкой, пронзительной боли. Онъ сѣлъ на кровать и развернулъ какую-то книжонку, единственную, бывшую въ его обладаніи, а самъ не спускалъ глазъ съ бѣднаго Васи. Но Вася упорно молчалъ, писалъ и не подымалъ головы. Такъ прошло нѣсколько часовъ, и мученія Аркадія возросли до послѣдней степени. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, Вася поднялъ голову, и тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Аркадія. Аркадій ждалъ. Прошло двѣ—три минуты: Вася молчалъ.—«Вася!» крикнулъ Аркадій. Вася не далъ отвѣта. — «Вася!» повторилъ онъ, вскочивъ съ кровати: «Вася, что съ тобою? Что ты?» закричалъ онъ, подбѣгая къ нему. Вася поднялъ голову и опять посмотрѣлъ на него тѣмъ-же тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ. «На него столбнякъ нашелъ!» подумалъ Аркадій весь дрожа отъ испуга. Онъ схватилъ графинъ съ водой, приподнялъ Васю, налилъ ему воды на голову, намочилъ виски, теръ руки въ своихъ рукахъ — и Вася очнулся. — «Вася, Вася!» кричалъ Аркадій, заливаясь слезами, не удерживаясь болѣе: — «Вася, не губи себя, вспомни! Вспомни!..» Онъ не договорилъ и горячо сжималъ его въ своихъ объятіяхъ. Какое-то тягостное ощущеніе прошло по всему лицу Васи: онъ теръ себѣ лобъ и схватился за голову, словно боясь, что она разлетится.

— Не знаю, что это со мною! проговорилъ онъ, наконецъ:— я, кажется, надорвался. Ну, хорошо, хорошо! Полно, Аркадій, не печалься; полно! повторялъ онъ, смотря на него грустнымъ, изнеможеннымъ взглядомъ:—чего безпокоиться? Полно!

— Ты-же, ты-же меня утѣшаешь, закричалъ Аркадій у котораго разрывалось сердце.—Вася, сказалъ онъ наконецъ:—прилягъ, засни немножко, что? Не мучь себя понапрасну! Лучше потомъ опять сядешь работать!

— Да, да! повторялъ Вася:- изволь! Я лягу: хорошо: да! Видишь-ли, я хотѣлъ кончить, а теперь раздумалъ, да...

И Аркадій утащилъ его на постель.

— Слушай, Вася, сказалъ онъ твердо: — нужно окончательно рѣшить это дѣло! Скажи мнѣ, что ты задумалъ?

— Ахъ! сказалъ Вася, махнувъ ослабѣвшей рукой и повернувъ на другую сторону голову.

— Полно, Вася, полно! Рѣшись! Я не хочу быть убійцей твоимъ: я не могу больше молчать. Ты не заснешь, коль не рѣшишься, я знаю.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, загадочно повторялъ Вася.

«Сдается»! подумалъ Аркадій Ивановичъ.

— Послѣдуй мнѣ, Вася, сказалъ онъ: — вспомни, что я тебѣ

рилъ, и я спасу тебя завтра: завтра я рѣшу твою участь! Что я говорю, участь! Ты такъ напугалъ меня, Вася, что я самъ толкую твоими словами. Какая участь! Просто вздоръ, пустяки! Тебѣ не хочется потерять расположеніе, любовь, если хочешь, Юліана Мастаковича, да! И не потеряешь, увидишь... Я...

Аркадій Ивановичъ еще долго-бы говорилъ, но Вася прервалъ его. Онъ приподнялся на постели, молча обвилъ обѣими руками шею Аркадія Ивановича и поцаловалъ его.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ голосомъ:—довольно! Полно объ этомъ!

И онъ снова повернулъ къ стѣнѣ свою голову.

— Боже мой! думалъ Аркадій:—Боже мой! Что съ нимъ? Онъ совсѣмъ потерялся; на что онъ рѣшился такое? Онъ погубитъ себя.

Аркадій смотрѣлъ на него въ отчаяніи.

Если-бъ онъ заболѣлъ, думалъ Аркадій: —можетъ быть, лучше-бы было. Съ болѣзнью прошла-бы забота, а тамъ можно-бы отличнымъ образомъ уладить все дѣло. Но что я вру? Ахъ, Создатель мой!...

Между тѣмъ Вася какъ будто задремалъ. Аркадій Ивановичъ обрадовался. Добрый знакъ! думалъ онъ. Онъ рѣшился сидѣть надъ нимъ всю ночь. Но самъ Вася былъ неспокоенъ. Онъ поминутно вздрагивалъ, метался на постели и на мгновеніе открывалъ глаза. Наконецъ, утомленіе взяло верхъ: казалось, онъ заснулъ какъ убитый. Было около двухъ часовъ утра. Аркадій Ивановичъ задремалъ на стулѣ, облокотясь локтемъ на столъ.

Сонъ его былъ тревоженъ и страшенъ. Ему все казалось, что онъ не спитъ и что Вася по прежнему лежитъ на постели. Но, странное дѣло! Ему казалось, что Вася притворяется, что онъ даже обманываетъ его и вотъ-вотъ встаетъ потихоньку, наблюдая его въ пол-глаза, и крадется за письменный столъ. Жгучая боль захватывала сердце Аркадія: ему было и досадно, и грустно, и тяжело видѣть Васю, который не довѣряетъ ему, таится отъ него и кроется. Онъ хотѣлъ обхватить его, закричать, унесть на кровать... Тогда Вася вскрикивалъ у него на рукахъ, и онъ уносилъ на постель одинъ бездыханный трупъ. Холодный потъ прошибалъ на лбу Аркадія, сердце его страшно билось. Онъ открылъ глаза и проснулся. Вася сидѣлъ передъ нимъ за столомъ и писалъ.

Не довѣряя чувствамъ своимъ, Аркадій взглянулъ на постель: тамъ не было Васи. Аркадій вскочилъ въ испугѣ, еще подъ вліяніемъ своихъ сновидѣній. Вася не пошелохнулся. Онъ все писалъ. Вдругъ Аркадій съ ужасомъ замѣтилъ, что Вася водитъ по бумагѣ сухимъ перомъ, переворачиваетъ совсѣмъ бѣлыя страницы и сиѣшитъ, сиѣшитъ наполнить бумагу, какъ будто онъ дѣлаетъ отличнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ дѣло! — Нѣтъ, это не столо-

някъ!» подумалъ Аркадій Ивановичъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. «Вася, Вася! Откликнись-же мнѣ!» закричалъ онъ, схвативъ его за плечо. Но Вася молчалъ и по прежнему продолжалъ строчить сухимъ перомъ по бумагѣ.

— Наконецъ, я *ускорилъ* перо, проговорилъ онъ, не подымая головы на Аркадія.

Аркадій схватилъ его за руку и вырвалъ перо.

Стонъ вырвался изъ груди Васи. Онъ опустилъ руку и поднялъ глаза на Аркадія, потомъ съ томительно-тоскливымъ чувствомъ провелъ рукою по лбу, какъ будто желая снять съ себя какой-то тяжелый, свинцовый грузъ, налегшій на все существо его, и тихо, какъ будто въ раздумьи, опустилъ на грудь голову.

— Вася, Вася! вскричалъ Аркадій Ивановичъ въ отчаяніи: — Вася!

Черезъ минуту, Вася посмотрѣлъ на него. Слезы стояли въ его большихъ голубыхъ глазахъ и блѣдное, кроткое лицо его выразило безконечную муку... Онъ что-то шепталъ.

— Что, что? закричалъ Аркадій, наклоняясь къ нему.

— За что-же, за что меня? шепталъ Вася: — за что? Что я сдѣлалъ?

— Вася! Что ты? Чего ты боишься, Вася? Чего? закричалъ Аркадій, ломая руки въ отчаяніи.

— За что-жь меня въ солдаты-то отдавать? сказалъ Вася, посмотрѣвъ прямо въ глаза своего друга: — за что? Что я сдѣлалъ?

Волосы стали дыбомъ на головѣ Аркадія: онъ не хотѣлъ вѣрить. Онъ стоялъ надъ нимъ какъ убитый.

Черезъ минуту, онъ опомнился: это такъ, это минутное! говорилъ онъ про себя, весь блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми губами, и бросился одѣваться. Онъ хотѣлъ бѣжать прямо за докторомъ. Вдругъ Вася кликнулъ его: Аркадій бросился на него и обнялъ его, какъ мать, у которой отнимаютъ родное дитя...

— Аркадій, Аркадій, не говори никому! Слышишь: моя бѣда! Пусть я одинъ и несу...

— Что ты? Что ты? Опомнись, Вася, опомнись!

Вася вздохнулъ, и тихія слезы заструились по щекамъ его.

— За что-же ее убивать? Чѣмъ-же она, чѣмъ-же она виновата!.. проговорилъ онъ мучительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ:—мой грѣхъ, мой грѣхъ!..

Онъ замолчалъ на минуту.

— Прощай, моя люба! Прощай, моя люба! шепталъ онъ, качая бѣдной своей головою. Аркадій вздрогнулъ, очнулся и хотѣлъ броситься за докторомъ.—Идемъ! Пора! закричалъ Вася, увлекшись послѣднимъ движеніемъ Аркадія. — Идемъ, братъ, идемъ; я готовъ!

Ты меня проводи! — Онъ замолчалъ и взглянулъ на Аркадія убитымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Вася, не ходи за мной, ради Бога! Подожди меня здѣсь. Я сейчасъ, сейчасъ ворочусь къ тебѣ, говорилъ Аркадій Ивановичъ, самъ теряя голову и схвативъ фуражку, чтобы бѣжать за докторомъ. Вася усѣлся тотчасъ; онъ былъ тихъ и послушенъ, только въ глазахъ его сіяла какая-то отчаянная рѣшимость. Аркадій воротился, схватилъ со стола разогнутый перочинный ножичекъ, послѣдній разъ взглянулъ на бѣднягу и выбѣжалъ изъ квартиры.

Былъ восьмой часъ. Свѣтъ уже давно разогналъ сумерки въ комнатѣ.

Онъ не нашелъ никого. Онъ бѣгалъ уже цѣлый часъ. Всѣ доктора, адрессы которыхъ узналъ онъ у дворниковъ, навѣдываясь, не живетъ-ли хоть какой нибудь докторъ въ домѣ, уже уѣхали, кто по службѣ, кто по своимъ дѣламъ. Былъ одинъ, который принималъ пацiентовъ. Онъ долго и подробно разспрашивалъ слугу, доложившаго, что пришелъ Нефедевичъ: отъ кого, кто и какъ, по какой надобности и какъ даже будетъ примѣтами раній посѣтитель?— и заключилъ тѣмъ, что нельзя, дѣла много и ѣхать не можетъ, а что такого рода больныхъ нужно въ больницу везти.

Тогда убитый, потрясенный Аркадій, никакъ не ожидавшій подобной развязки, бросилъ все, всѣхъ докторовъ на свѣтѣ, и пустился домой, въ послѣдней степени испуга за Васю. Онъ вбѣжалъ въ квартиру. Мавра, какъ ни въ чемъ не бывало, мела полъ, ломала лучинки и готовилась печь топить. Онъ въ комнату, — Васи и слѣдъ простылъ: онъ ушелъ со двора.

— Куда? Гдѣ? Куда побѣжитъ несчастный? подумалъ Аркадій, леденѣя отъ ужаса. Онъ началъ допрашивать Мавру. Та ничего не знала, не вѣдала, да и не слыхала, какъ вышелъ, прости его Господи! Нефедевичъ бросился къ коломенскимъ.

Ему, Богъ знаетъ, отчего пришло на мысль, что онъ тамъ.

Былъ уже десятый часъ, какъ онъ пріѣхалъ туда. Тамъ его не ждали, ничего не знали, не вѣдали. Онъ стоялъ передъ ними испуганный, растроганный, и спрашивалъ, гдѣ Вася? У старухи подломились ноги; она рухнулась на диванъ. Лизанька, вся дрожа отъ испуга, начала разспрашивать о случившемся. Что было говорить? Аркадій Ивановичъ отдѣлался на-скоро, выдумалъ какую-то басню, которой, разумѣется, не повѣрили, и убѣжалъ, оставивъ всѣхъ потрясенными, измученными. Онъ бросился въ свое вѣдомство, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не опоздать и дать знать туда, чтобъ поскорѣе приняли мѣры. Дорогою ему вздумалось, что Вася у Юліана Мастаковича. Это было вѣрнѣе всего: Аркадій прежде всего, прежде коломенскихъ, подумалъ объ этомъ. Проѣзжая мимо дома

его превосходительства, онъ хотѣлъ остановиться, но тотчасъ-же велѣлъ продолжать путь далѣе. Онъ рѣшился попытаться узнать: нѣтъ-ли чего въ вѣдомствѣ, и потомъ, какъ ужь тамъ не найдетъ, явиться къ его превосходительству, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ рапортующаго объ Васѣ. Кому нибудь нужно-же было рапортовать.

Еще въ пріемной окружили его товарищи помоложе, все большею частію ему равные чиномъ, и въ одинъ голосъ стали разспрашивать, что сдѣлалось съ Васей? Всѣ они въ тоже время говорили, что Вася съ ума сошелъ, и помѣшался на томъ, что его въ солдаты хотятъ отдать за неисправное исполненіе дѣла. Аркадій Ивановичъ отвѣчалъ на всѣ стороны, или, лучше сказать, не отвѣчая положительно никому, стремился во внутреннія покои. На дорогѣ узналъ онъ, что Вася въ кабинетѣ Юліана Мастаковича, что туда всѣ пошли, и что Эсперъ Ивановичъ тоже туда пошелъ. Онъ было пріостановился. Кто-то изъ старшихъ спросилъ его, куда онъ и что ему надо? Не отличивъ лица, онъ проговорилъ что-то объ Васѣ и пошелъ прямо въ кабинетъ.—Оттуда уже слышался голосъ Юліана Мастаковича. — Куда вы? спросилъ его кто-то у самыхъ дверей. Аркадій Ивановичъ почти потерялся; онъ уже хотѣлъ было воротиться, но изъ-за пріотворенной двери увидѣлъ своего бѣднаго Васю. Онъ отворилъ и протѣснился кое-какъ въ комнату. Тамъ царствовала суматоха и недоумѣніе, затѣмъ, что Юліанъ Мастаковичъ былъ, повидимому, въ сильномъ огорченіи. Около него стояли всѣ, кто поважнѣе, толковали и не рѣшили ровно ничего. Поодаль стоялъ Вася. Все замерло въ груди Аркадія, когда онъ взглянулъ на него. Вася стоялъ блѣдный, съ поднятой головой, вытянувшись въ нитку, какъ рекрутъ передъ новымъ начальствомъ, сплотивъ ноги и опустивъ руки по швамъ. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза Юліану Мастаковичу. Тотчасъ замѣтили Нефедовича, и кто-то, знавшій, что они сожители, доложилъ о томъ его превосходительству. Аркадія подвели. Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить на предложенные вопросы, взглянулъ на Юліана Мастаковича и, видя, что на лицѣ его изобразилась истинная жалость, затрясся и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ даже сдѣлалъ болѣе: бросился, схватилъ руку начальника и поднесъ къ глазамъ своимъ, омывая ее слезами, такъ что даже самъ Юліанъ Мастаковичъ принужденъ былъ отнять ее на-скоро, махнуть ею по воздуху и сказать: «ну, полно, братъ, полно: вижу, что у тебя доброе сердце». Аркадій рыдалъ и бросалъ на всѣхъ умоляющіе взгляды. Ему казалось, что всѣ братья его бѣдному Васѣ, что всѣ они тоже терзаются и плачутъ объ немъ. «Какъ-же это, какъ-же это съ нимъ сдѣлалось?» говорилъ Юліанъ Мастаковичъ: «отчего-же онъ съ ума сошелъ?»

— Отъ бла-благо-дарности! могъ только выговорить Аркадій Ивановичъ.

Всѣ выслушали отвѣтъ его въ недоумѣніи, и всѣмъ показалось страннымъ и невѣроятнымъ: какъ-же это такъ можетъ изъ благодарности сойдти съ ума человѣкъ? Аркадій объяснился, какъ умѣлъ.

— Боже, какъ жаль! проговорилъ, наконецъ, Юліанъ Мастаковичъ:—и дѣло-то, порученное ему, было неважное и вовсе неспѣшное. Такъ-таки, ни изъ-за чего, погибъ человѣкъ! Что-жь, отвезти его!.. Тутъ Юліанъ Мастаковичъ обратился снова къ Аркадію Ивановичу и снова началъ его разспрашивать: «онъ проситъ», сказалъ онъ, указавъ на Васю,—«чтобъ не говорили объ этомъ какой-то дѣвушкѣ; что она невѣста, что-ли, его?»

Аркадій сталъ объяснять. Между тѣмъ Вася какъ будто думалъ о чемъ-то, какъ будто съ величайшимъ напряженіемъ припоминалъ одну важную, нужную вещь, которая вотъ именно теперь-бы и пригодилась. Порой онъ страдальчески поводилъ глазами, какъ будто надѣялся, что кто нибудь напомнитъ ему про то, что забылъ онъ. Онъ устремился глазами на Аркадія. Наконецъ, вдругъ, какъ будто надежда блеснула въ глазахъ его, онъ двинулся съ мѣста съ лѣвой ноги, стукнулъ три шага какъ только могъ ловче и даже пристукнулъ правымъ сапогомъ, какъ дѣлаютъ солдаты, подойдя къ подозвавшему ихъ офицеру. Всѣ ожидали, что будетъ.

— Я съ тѣлеснымъ недостаткомъ, ваше превосходительство, слабосиленъ и малъ, не гожусь на службу, сказалъ онъ отрывисто.

Тутъ всѣ, кто ни были въ комнатѣ, всѣ почувствовали, какъ будто кто нибудь сжалъ имъ сердце, и даже, какъ ни твердъ былъ характеромъ Юліанъ Мастаковичъ, но слеза потекла изъ глазъ его. «Уведите его», сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Лобъ! сказалъ Вася въ полголоса, повернулся налѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ бросились всѣ, кого интересовала его участь. Аркадій тѣснился за прочими. Васю усадили въ пріемной въ ожиданіи предписанія и кареты, чтобы отвезти его въ больницу. Онъ сидѣлъ молча и былъ, казалось, въ чрезвычайной заботѣ. Кого узнавалъ, тому кивалъ головою, какъ будто прощаясь съ нимъ. Онъ поминутно оглядывался на дверь и готовился, когда скажутъ: «пора». Кругомъ его столпился тѣсный кружокъ; всѣ покачивали головами, всѣ сѣтовали. Многихъ поразила его исторія, которая уже вдругъ сдѣлалась извѣстною: одни разсуждали, другіе жалѣли и хвалили Васю, говорили, что былъ такой скромный, тихій молодой человѣкъ, что обѣщалъ такъ много: разсказывали, какъ онъ старался учиться, былъ любознателенъ, стремился образовать себя. «Собственными силами вышелъ изъ низкаго состоянія!» замѣтилъ

кто-то. Съ умиленіемъ говорили о привязанности къ нему его превосходительства. Нѣкоторые пустились объяснять, почему именно пришло въ голову Васѣ, и онъ на томъ помѣшался, что его отдадутъ въ солдаты за то, что не кончилъ работы. Говорили, что бѣднякъ недавно изъ податнаго званія, и только по ходатайству Юліана Мастаковича, умѣвшаго отличить въ немъ талантъ, послушаніе и рѣдкую кротость, получилъ первый чинъ. Однимъ словомъ, очень много было разныхъ толковъ и мнѣній. Въ особенности, изъ потрясенныхъ, замѣтенъ былъ одинъ, очень маленькій ростомъ, сослуживецъ Васи Шумкова. И не то, чтобы такъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, а примѣрно лѣтъ уже тридцати. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и какъ-то странно улыбался,— можетъ быть, потому что всякое скандалезное дѣлыцо или ужасная сцена и пугаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то нѣсколько радуетъ посторонняго зрителя. Онъ поминутно обѣгалъ весь кружокъ, обступившій Шумкова, и такъ какъ былъ малъ, то становился на цыпочки, хваталъ за пуговицу встрѣчнаго и поперечнаго, т. е. изъ тѣхъ, кого имѣлъ право хватать, и все говорилъ, что онъ знаетъ, отчего это все, что это не то, чтобы простое, а довольно важное дѣло, что такъ оставить нельзя; потомъ опять становился на цыпочки, нашептывалъ на ухо слушателю, опять кивалъ раза два головою и снова перебѣгалъ далѣе. Наконецъ, кончилось все: явился сторожъ, фельдшеръ изъ больницы, подошли къ Васѣ и сказали ему, что пора ѣхать. Онъ вскочилъ, засуетился и пошелъ съ ними, оглядываясь кругомъ. Онъ искалъ кого-то глазами! «Вася, Вася!» закричалъ, рыдая, Аркадій Ивановичъ. Вася остановился, и Аркадій такъ притѣснился къ нему. Они бросились въ послѣдній разъ другъ другу въ объятія и тяжело скали другъ друга... Грустно было ихъ видѣть. Какое химерическое несчастіе вырывало слезы изъ глазъ ихъ! Объ чемъ они плакали? Гдѣ эта бѣда? Зачѣмъ они не понимали другъ друга?

— На, на, возьми! Сбереги это, говорилъ Шумковъ, всовывая какую-то бумажку въ руку Аркадія.—Они у меня унесутъ. Принеси мнѣ потомъ: принеси; сбереги... Вася не договорилъ, его кликнули. Онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, кивая всѣмъ головою, прощаясь со всѣми. Отчаяніе было на лицѣ его. Наконецъ, усадили его въ карету и повезли. Аркадій поспѣшно развернулъ бумажку: это былъ локонъ черныхъ волосъ Лизы, съ которыми не разставался Шумковъ. Горячія слезы брызнули изъ глазъ Аркадія. «Ахъ, бѣдная Лиза!»

По окончаніи служебнаго времени, онъ пошелъ къ Коломенскимъ. Нечего говорить, что тамъ было! Даже Петя, малютка Петя, не совсѣмъ понявшій, что сдѣлалось съ добрымъ Васей, зашелъ въ

уголъ, закрылся ручонками и зарыдалъ во сколько стало его дѣтскаго сердца. Были уже полныя сумерки, когда Аркадій возвращался домой. Подойдя къ Невѣ, онъ остановился на минуту и бросилъ пронзительный взглядъ вдоль рѣки въ дымную, морозно-мутную даль, вдругъ заалѣвшую послѣднимъ пурпуромъ кровавой зари, догоравшей въ мглякомъ небосклонѣ. Ночь ложилась надъ городомъ, и вся необъятная, вспухшая отъ замерзшаго снѣга поляна Невы, съ послѣднимъ отблескомъ солнца, осыпалась безконечными міріадами искръ иглистаго инея. Становился морозъ въ двадцать градусовъ. Мерзлый паръ валилъ съ загнанныхъ на смерть лошадей, съ бѣгущихъ людей. Сжатый воздухъ дрожалъ отъ малѣйшаго звука и, словно великаны, со всѣхъ кровель обѣихъ набережныхъ поднимались и неслись вверхъ по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь въ дорогѣ, такъ что, казалось, новыя зданія вставали надъ старыми, новый городъ складывался въ воздухѣ... Казалось, наконецъ, что весь этотъ міръ, со всѣми жильцами его, сильными и слабыми, со всѣми жилищами ихъ, пріютами нищихъ, или раззолоченными палатами—отрадой сильныхъ міра сего, въ этотъ сумеречный часъ походитъ на фантастическую, волшебную грезу, на сонъ, который въ свою очередь тотчасъ исчезнетъ и искурится паромъ къ темно-синему небу. Какая-то странная дума посѣтила оспротѣлаго товарища бѣднаго Васи. Онъ вздрогнулъ, и сердце его какъ будто облилось въ это мгновеніе горячимъ ключемъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива какого-то могучаго, но доселѣ незнакомаго ему ощущенія. Онъ какъ будто только теперь понялъ всю эту тревогу и узналъ, отчего сошелъ съ ума его бѣдный, не вынесшій своего счастія Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, онъ побѣдѣлъ и какъ будто прозрѣлъ во что-то новое въ эту минуту...

Онъ сдѣлался скученъ и угрюмъ и потерялъ всю свою веселость. Прежняя квартира стала ему ненавистна—онъ взялъ другую. Къ коломенскимъ идти онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Черезъ два года, онъ встрѣтилъ Лизаньку въ церкви. Она была уже замужемъ; за нею шла мамка съ грудянымъ ребенкомъ. Они поздоровались и долгое время избѣгали разговора о старомъ. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бѣдна, что мужъ ея добрый человѣкъ, котораго она любитъ... Но вдругъ, среди рѣчи, глаза ея наполнились слезами, голосъ упалъ, она отвернулась и склонилась на церковный помостъ, чтобы скрыть отъ людей свое горе...

ЧУЖАЯ ЖЕНА

И

МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЬЮ

ПРОИСШЕСТВІЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ

I.

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, позвольте васъ спросить...

Прохожій вздрогнулъ и нѣсколько въ испугѣ взглянулъ на господина въ енотахъ, пристушившаго къ нему такъ безъ обиняковъ, въ восьмомъ часу вечера, среди улицы. А ужъ извѣстно, что если одинъ петербургскій господинъ вдругъ заговоритъ на улицѣ о чемъ нибудь съ другимъ, совершенно незнакомымъ ему господиномъ, то другой господинъ непремѣнно испугается.

Итакъ, прохожій вздрогнулъ и нѣсколько испугался.

— Извините, что я васъ потревожилъ, говорилъ господинъ въ енотахъ: но я... я, право, не знаю... вы, вѣроятно, извините меня; вы видите, я въ нѣкоторомъ разстройствѣ духа...

Тутъ только замѣтилъ молодой человѣкъ въ бекешъ, что господинъ въ енотахъ былъ точно въ разстройствѣ. Его сморщенное лицо было довольно блѣденько, голосъ его дрожалъ, мысли, очевидно, сбивались, слова не лѣзли съ языка, и видно было, что ему ужаснаго труда стоило согласить покорнѣйшую просьбу, можетъ быть, къ своему низшему въ отношеніи степени или сословія лицу, съ нуждою непремѣнно обратиться къ кому нибудь съ просьбой. Да и, наконецъ, просьба эта во всякомъ случаѣ была неприличная, несолидная, странная со стороны человѣка, имѣвшаго такую солидную шубу, такой почтенный, превосходнаго темнозеленаго цвѣта фракъ, и такія многознаменательныя украшенія, унецрявшія этотъ фактъ. Видно было, что все это смущало самого господина въ енотахъ, такъ что, наконецъ, разстроенный духомъ, господинъ не выдержалъ, рѣшился подавить свое волненіе и прилично замять непріятную сцену, которую самъ-же вызвалъ.

— Извините меня, я не въ себѣ; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обезпокоилъ васъ; я раздумалъ.

Тутъ онъ приподнялъ изъ учтивости шляпу и побѣжалъ далѣе.

— Но позвольте, сдѣлайте милость.

Маленькій человѣкъ, однако, скрылся во мракѣ, оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи господина въ бекешъ.

«Что за чудакъ!» подумалъ господинъ въ бекешѣ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, подивившись и выпедии, наконецъ, изъ остолбенѣлаго состоянія, онъ вспомнилъ про свое и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, пристально глядя на ворота одного безконечно-этажнаго дома. Начиналъ падать туманъ, и молодой человѣкъ нѣсколько обрадовался, ибо прогулка его при туманѣ была незамѣтнѣе, хотя, впрочемъ, только какой нибудь безнадежно весь день простоявшій извощикъ могъ замѣтить ее.

— Извините!

Прохожій опять вздрогнулъ: опять тотъ-же господинъ въ енотахъ стоялъ передъ нимъ.

— Извините, что я опять... заговорилъ онъ: — но вы, вы — вѣрно благородный человѣкъ! Не обращайте на меня вниманія, какъ на лицо, взятое въ общественномъ смыслѣ; я, впрочемъ, сбиваюсь; но вникните, по человѣчески... передъ вами, сударь, человѣкъ, нуждающійся въ покорнѣйшей просьбѣ...

— Если могу... что̀ вамъ угодно?

— Вы, можетъ, подумали, что ужь я у васъ денегъ прошу! сказалъ таинственный господинъ, кривя ротъ, истерически смѣясь и блѣднѣя.

— Помилуйте-съ...

— Нѣтъ, я вижу, что я вамъ въ тягость! Извините, я не могу переносить себя: считайте, что вы видите меня въ разстроенномъ состояніи духа, почти въ сумасшествіи и не заключите чего нибудь...

— Но къ дѣлу, къ дѣлу! отвѣчалъ молодой человѣкъ, ободрительно и нетерпѣливо кивнувъ головой.

— А! Теперь вотъ какъ! Вы, такой молодой человѣкъ, мнѣ напоминаете о дѣлѣ, какъ будто я какой нерадивый мальчишка! Я рѣшительно выжилъ изъ ума!. Какъ я вамъ кажусь теперь въ моемъ униженіи, скажите откровенно?

Молодой человѣкъ сконфузился и смолчалъ.

— Позвольте васъ спросить откровенно: не видали-ль вы одной дамы? Въ этомъ вся просьба моя! рѣшительно проговорилъ, наконецъ, господинъ въ енотовой шубѣ.

— Дамы?

— Да-съ, одной дамы.

— Я видѣлъ... но ихъ, признаюсь, такъ прошло много...

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ таинственный человѣкъ съ горькой улыбкой. — Я сбиваюсь, я не то хотѣлъ спросить, извините меня: я хотѣлъ сказать, не видали-ль вы одной госпожи въ лисьемъ салопѣ, въ темномъ бархатномъ капорѣ съ черной вуалью?

— Нѣтъ, такой не видалъ... нѣтъ, кажется, не замѣтилъ.

— А! въ такомъ случаѣ, извините-съ!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то спросить, но господинъ въ сапогахъ опять исчезъ, опять оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи своего терпѣливаго слушателя. «А чортъ-бы его взялъ!» подумалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, очевидно, разстроенный.

Онъ съ досадою закрылся бобромъ и опять сталъ прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо воротъ безконечно-этажнаго дома. Онъ злился.

— Что-жъ она не выходитъ? думалъ онъ: — скоро восемь часовъ!

На башнѣ пробило восемь часовъ.

— Ахъ! Чортъ васъ возьми, наконецъ!

— Извините-съ!..

— Извините меня, что я васъ такъ... Но вы такъ подкатились мнѣ подъ ноги, что испугали совсѣмъ, проговорилъ прохожій, морщась и извиняясь.

— Я опять къ вамъ-съ. Конечно, я вамъ долженъ казаться безпокойнымъ и страннымъ-съ.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ пустяковъ, объяснитесь скорѣе; я еще не знаю, въ чемъ ваше желанье?..

— Вы торопитесь? Видите-ли-съ. Я вамъ все разскажу откровенно, безъ лишнихъ словъ. Что-жъ дѣлать! Обстоятельства связываютъ иногда людей совершенно разнородныхъ характеровъ... Но я вижу, вы нетерпѣливы, молодой человѣкъ... Такъ вотъ-съ... впрочемъ, я не знаю, какъ и говорить: я ищу даму-съ (я ужъ рѣшился все говорить). Я именно долженъ знать, куда пошла эта дама? Кто она — я думаю, вамъ не нужно знать ея имени, молодой человѣкъ.

— Ну-съ, ну-съ, дальше.

— Дальше! Но вашъ тонъ со мной! Извините, можетъ быть, я васъ оскорбилъ, назвавъ васъ молодымъ человѣкомъ, но я не имѣлъ ничего... однимъ словомъ, если вамъ угодно оказать мнѣ величайшую услугу, такъ вотъ-съ, одна дама-съ, то есть я хочу сказать, порядочная женщина, изъ превосходнаго семейства, моихъ знакомыхъ... мнѣ поручено... я, видите-ли, самъ не имѣю семейства...

— Ну-съ.

— Вникните въ мое положеніе, молодой человѣкъ (ахъ, опять! извините-съ: я все называю васъ молодымъ человѣкомъ). Каждая минута дорога... Представьте себѣ, эта дама... но не можете-ли вы мнѣ сказать, кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Да... тутъ много живутъ.

— Да, то есть вы совершенно справедливы, отвѣчалъ господинъ въ епотахъ, слегка засмѣявшись для спасенія приличій: — чувствую, я немного сбиваюсь... но къ чему такой тонъ вашихъ словъ? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что сбиваюсь, и если вы надменный человѣкъ, то ужь вы достаточно видѣли мое униженіе... Я говорю, одна дама, благороднаго поведенія, то есть легкаго содержанія,—извините, я такъ сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вотъ—выдумали, что Поль-де-Кокъ легкаго содержанія, а вся бѣда отъ Поль-де-Кока-то-съ... вотъ!..

Молодой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на господина въ епотахъ, который, казалось, окончательно сбился, замолчалъ, глядѣлъ на него безсмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, безъ всякой видимой причины, хваталъ его за лацканъ бекеши.

— Вы спрашиваете, кто здѣсь живетъ? спросилъ молодой человѣкъ, нѣсколько отступая назадъ.

— Да, многіе живутъ, вы сказали.

— Здѣсь... я знаю, что здѣсь Софья Остафьевна тоже живетъ, проговорилъ молодой человѣкъ шепотомъ и даже съ какимъ-то соболѣзнованіемъ.

— Ну, вотъ видите, видите! Вы что-нибудь знаете, молодой человѣкъ?

— Увѣряю васъ, нѣтъ, ничего не знаю... Я судилъ по разстроенному вашему виду.

— Я тотчасъ узналъ отъ кухарки, что она сюда ходитъ; но вы не на то напали, то есть не къ Софьѣ Остафьевнѣ... она съ ней незнакома...

— Нѣтъ? Ну, извините-съ...

— Видно, что вамъ это все непнтересно, молодой человѣкъ, проговорилъ странный господинъ съ горькой ироніей.

— Послушайте, сказалъ молодой человѣкъ, заминаясь:—я въ сущности не знаю причины вашего состоянія, но вамъ вѣрно измѣнили, вы скажите прямо?

Молодой человѣкъ одобрительно улыбнулся.

— Мы, по крайней мѣрѣ, поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, и все тѣло его великодушно обнаружило желаніе сдѣлать легкій полу-поклонъ.

— Вы убили меня! но —откровенно признаюсь вамъ—именно такъ... но съ кѣмъ не случается!.. До глубины тронутъ вашимъ участіемъ. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молодъ, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостежью, извѣстно...

— Ну, ужъ извѣстно, извѣстно! Но чѣмъ-же я могу вамъ помочь?

— А вотъ-съ; согласитесь, что посѣщать Софью Остафьевну... Впрочемъ, я еще не знаю навѣрно, куда пошла эта дама: я знаю только, что она въ этомъ домѣ: но, видя васъ прогуливающимся,— а я самъ прогуливался по той сторонѣ—думаю... я вотъ, видите-ли, жду эту даму... я знаю, что она тутъ—мнѣ-бы хотѣлось встрѣтить ее и объяснить, какъ неприлично и глупо... однимъ словомъ, вы меня понимаете...

— Гм! Ну!

— Я и не для себя это дѣлаю: вы не подумайте—это чужая жена! Мужъ тамъ стоитъ, на Вознесенскомъ мосту: онъ хочетъ поймать, но онъ не рѣшается,—онъ еще не вѣритъ, какъ и всякій мужъ... (тутъ господинъ въ очкахъ хотѣлъ улыбнуться), я—другъ его: согласитесь сами, я человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ—я не могу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-съ; ну-съ, ну-съ!..

— Такъ вотъ: я все ее ловлю: мнѣ поручено-съ (несчастный мужъ!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вѣчно Поль-де-Кокъ подъ подушкой): я увѣренъ, что она проимыгнетъ какъ нибудь незамѣтно... Мнѣ, признаюсь, кухарка сказала, что она ходитъ сюда: я какъ сумасшедшій бросился, только что извѣстіе получилъ: я хочу поймать; я давно подозрѣвалъ, и потому хотѣлъ просить васъ, вы здѣсь ходите... вы—вы—я не знаю...

— Ну, да, наконецъ, что-жъ вамъ угодно?

— Да-съ... Не имѣю чести знать васъ: не смѣю любопытствовать, кто и какъ... Во всякомъ случаѣ, позвольте познакомиться: пріятный случай!..

Дрожащій господинъ жарко потрясъ руку молодаго человѣка.

— Это-бы я долженъ былъ сдѣлать въ самомъ началѣ, прибавилъ онъ:—но я забылъ все приличіе!

Говоря, господинъ въ очкахъ не могъ постоять на мѣстѣ, съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ, сѣменилъ ногами, и поминутно, какъ погибающій, хватался рукою за молодаго человѣка.

— Видите-ли-съ, продолжалъ онъ,—я хотѣлъ обратиться къ вамъ по-дружески... извините за вольность... хотѣлъ попросить у васъ, чтобъ вы ходили—по той сторонѣ и со стороны переулка, гдѣ черный выходъ, этакъ, *попарно*, описывая букву П, то есть. Я тоже, съ своей стороны, буду ходить-съ съ главнаго подъѣзда, такъ что мы не пропустимъ: а я все боялся одинъ пропустить: я не хочу пропустить. Вы, какъ увидите ее, то остановите и за-

кричите мнѣ... Но я сумасшедшій! Только теперь вижу всю глупость и неприличіе моего предложенія!

— Нѣтъ, что-жь! Помилуйте!..

— Не извиняйте меня: я въ разстройствѣ духа, я теряюсь, какъ никогда не терялся! Точно меня подъ судъ отдали! Я даже признаюсь вамъ—я буду благороденъ и откровенъ съ вами, молодой человѣкъ: я даже васъ принималъ за любовника!

— То есть, по просту, вы хотите знать, что̀ я здѣсь дѣлаю?

— Благородный человѣкъ, милостивый государь, я далекъ отъ мысли, что вы *они*: я не замараю васъ этою мыслію, но... но даете-ли вы мнѣ честное слово, что вы не любовникъ?..

— Ну, хорошо, извольте честное слово, что любовникъ, но не вашей жены; иначе-бы я не былъ на улицѣ, я былъ-бы теперь вмѣстѣ съ нею!

— Жены? Кто вамъ сказалъ жены, молодой человѣкъ? Я холостой, я, то есть, самъ любовникъ...

— Вы говорили, есть мужъ... на Вознесенскомъ мосту...

— Конечно, конечно, я заговариваюсь: но есть другія узы! И согласитесь, молодой человѣкъ, нѣкоторая легкость характеровъ, то есть...

— Ну, ну! Хорошо, хорошо!..

— То есть, я вовсе не мужъ...

— Очень вѣрю-съ. Но откровенно говорю вамъ, что, разувѣряя васъ теперь, хочу самъ себя успокоить, и оттого собственно съ вами и откровененъ; вы меня разстроили и мѣшаете мнѣ. Обѣщаю вамъ, что кликну васъ. Но прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ мѣсто и удалиться. Я самъ тоже жду.

— Извольте, извольте-съ, я удаляюсь, я уважаю страшное терпѣніе вашего сердца. Я понимаю это, молодой человѣкъ. О, какъ васъ я теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо...

— До свиданія!.. Впрочемъ, извините, молодой человѣкъ, я опять къ вамъ... Я не знаю, какъ сказать... Дайте мнѣ еще разъ честное и благородное слово, что вы не любовникъ!

— Ахъ, Господи, Богъ мой!

— Еще вопросъ, послѣдній: вы знаете фамилію мужа вашей... то есть той, которая составляетъ вашъ предметъ?

— Разумѣется, знаю; не ваша фамилія и кончено дѣло!

— А почему-жь вы знаете мою фамилію?

— Да послушайте, стучайте; вы теряете время: она уйдетъ тысячу разъ... Ну, что-же вы? Ну, ваша въ письмѣ салонѣ и въ

капорѣ, а моя въ клѣтчатомъ плащѣ и въ голубой бархатной шляпкѣ... Ну, что-жь вамъ еще? Чего-жь больше?

— Въ голубой бархатной шляпкѣ! У ней есть и клѣтчатый плащъ и голубая шляпка, закричалъ неотвязчивый человѣкъ, мигомъ возвратившись съ дороги.

— Ахъ, чортъ возьми! Ну, да вѣдь это можетъ случиться... Да, впрочемъ, что-жь я? Моя-же туда не ходитъ!

— А гдѣ она—ваша?

— Вамъ это хочется знать; что-жь вамъ?

— Признаюсь, я все про то...

— Фу, Богъ мой! Да вы безъ стыда безъ всякаго. Ну, у моей здѣсь знакомые, въ третьемъ этажѣ, на улицу. Ну, что-жь вамъ, по именамъ людей называть, что-ли?

— Богъ мой! И у меня есть знакомые въ третьемъ этажѣ, и окна на улицу... Генералъ...

— Генералъ?!

— Генералъ. Я вамъ, пожалуй, скажу, какой генералъ: ну, генералъ Половицынъ.

— Вотъ тебѣ на! Нѣтъ, это не тѣ! (Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми!)

— Не тѣ?

— Не тѣ.

Оба молчали и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Ну, что-жь вы такъ смотрите на меня? вскрикнулъ молодой человѣкъ, съ досадою отряхая съ себя столбнякъ и раздумье.— Господинъ заметался.

— Я, я, признаюсь...

— Нѣтъ, ужь позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнѣе. Общее дѣло. Объясните мнѣ... Кто у васъ тамъ?..

— То есть, знакомые?

— Да, знакомые...

— Вотъ видите, видите! Я по глазамъ вашимъ вижу, что я угадалъ!

— Чортъ возьми! Да нѣтъ-же, нѣтъ, чортъ возьми! Слѣпы вы, что-ли? Вѣдь я передъ вами стою, вѣдь я не съ ней нахожусь. Ну! ну-же! Да, впрочемъ, мнѣ все равно; хоть говорите, хоть нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ повернулся два раза на каблукѣ и махнулъ рукой.

— Да я ничего, помилуйте, какъ благородный человѣкъ, я вамъ все разскажу: сначала жена сюда ходила одна, она имъ родня: я и не подозрѣвалъ; вчера встрѣчаю его превосходительство: говоритъ, что ужь три недѣли, какъ переѣхалъ отсюда на другую квар-

тиру, а же... то есть не жена, а чужая жена (на Вознесенскомъ мосту), эта дама говорила, что еще третьяго дня была у нихъ, то есть на этой квартирѣ... А кухарка-то мнѣ разсказала, что квартиру его превосходительства снялъ молодой человѣкъ Бобыницынъ...

— Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми!..

— Милостивый государь, я въ страхѣ, я въ ужасѣ!

— Э, чортъ возьми! Да мнѣ-то какое дѣло до того, что вы въ страхѣ и въ ужасѣ? Ахъ! Воиъ-воиъ мелькнуло, воиъ...

— Гдѣ? гдѣ? Вы только крикните: Иванъ Андрепчъ, а я побѣгу...

— Хорошо, хорошо. Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! Иванъ Андрепчъ!!

— Здѣсь, закричалъ воротившійся Иванъ Андрепчъ, совсѣмъ задыхаясь.—Ну, что̀? Что̀? Гдѣ?

— Нѣтъ, я только такъ... я хотѣлъ знать, какъ зовутъ эту даму?

— Глаф...

— Глафира?

— Нѣтъ, не совсѣмъ Глафира... извините, я вамъ не могу сказать ея имя. Говоря это, почтенный человѣкъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Да, конечно, не Глафира, я самъ знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а, впрочемъ, съ кѣмъ-же она?

— Гдѣ?

— Тамъ! Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! (Молодой человѣкъ не могъ устоять на мѣстѣ отъ бѣшенства).

— А, видите! Почему-же вы знали, что ее зовутъ Глафирой?

— Ну, чортъ возьми, наконецъ! Еще съ вами возня! Да вѣдь вы говорите вашу не Глафирой зовутъ!..

— Милостивый государь, какой тонъ!

— А, чортъ, не до тону! Что она, жена, что-ли, ваша?

— Нѣтъ, то есть, я не женатъ... Но не сталъ-бы я сулить почтенному человѣку въ несчастіи, человѣку—не скажу достойному всякаго уваженія, но, по крайней мѣрѣ, воспитанному человѣку, чорта на каждомъ шагу. Вы все говорите: чортъ возьми! чортъ возьми!

— Ну да, чортъ возьми! Вотъ-же вамъ, понимаете?

— Вы ослѣплены гнѣвомъ, и я молчу. Боже мой, кто это?

— Гдѣ?

Раздался шумъ и хохотъ; двѣ смазливыя дѣвушки вышли съ крыльца; оба бросились къ нимъ.

— Ахъ какіе! Что вы?

— Куда вы суетесь?
— Не тѣ!
— Что, не на тѣхъ напали! Извощикъ!
— Куда васъ, мамзель?
— Къ Покрову; садись, Аннушка, я довезу.
— Ну, а я съ той стороны; пошелъ! Смотри-же, ишбче вези..
Извощикъ уѣхалъ.
— Это откуда?
— Боже мой, Боже! Но не пойдти-ли туда!
— Куда?
— Да къ Бобынницыну.
— Нѣтъ-съ, нельзя...
— Отчего?
— Я-бы, конечно, пошелъ: но тогда она скажетъ другое; она... обернется; я ее знаю! Она скажетъ, что нарочно пришла, чтобъ меня поймать съ кѣмъ нибудь, да бѣду на меня-же и свалить!
— И знать, что, можетъ быть, тамъ она! Да вы—я не знаю, почему-же—ну, да вы подите къ генералу-то...
— Да вѣдь онъ переѣхалъ!
— Все равно, понимаете? Она-же вѣдь поняла; ну, и вы тоже—поняли? Сдѣлайте такъ, что какъ будто не знаете, что генералъ переѣхалъ, приходите какъ будто къ нему за женой, ну и такъ далѣе
— А потомъ?
— Ну, а потомъ накрывайте кого слѣдуетъ у Бобынницына; фу, ты, чортъ, какой безтолк...
— Ну, а вамъ-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..
— Что, что, батенька? Что? Опять за тоже, что прежде? Ахъ, ты, Господи, Господи! Срамитесь вы, смѣшной человѣкъ, безтолковый вы человѣкъ!
— Ну, да зачѣмъ-же вы такъ интересуетесь? Вы хотите узнать...
— Что узнать? Что? Ну, да чортъ возьми, не до васъ теперь! Я одинъ пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бѣгайте тамъ, ну!
— Милостивый государь, вы почти забываетесь! закричалъ господинъ въ енотахъ въ отчаяніи.
— Ну, что-жь? Ну, что-жь, что я забываюсь? проговорилъ молодой человѣкъ, стиснувъ зубы и въ бѣшенствѣ приступая къ господину въ енотахъ:—ну, что-жь? Передъ кѣмъ забываюсь?! загремѣлъ онъ, сжимая кулаки.
— Но, милостивый государь, позвольте...

— Ну, кто вы, передъ кѣмъ забываюсь: какъ ваша фамилія?

— Я не знаю, какъ это, молодой человѣкъ; зачѣмъ-же фамилію?.. Я не могу объявить. Я лучше съ вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готовъ... Но повѣрьте, я заслуживаю болѣе вѣжливыхъ выраженій! Не нужно нигдѣ терять присутствія духа, и если вы чѣмъ разстроены—я догадываюсь чѣмъ,—то, по крайней мѣрѣ, забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человѣкъ!..

— Да что мнѣ, что вы старый? Эка невидаль! Ступайте прочь; чего вы тутъ бѣгаете?..

— Почему-жь я старый? Какой-же я старый? Конечно, по званію, но я не бѣгаю...

— Это и видно. Да убирайтесь-же прочь...

— Нѣтъ, ужь я съ вами; вы мнѣ не можете запретить: я тоже замѣшанъ; я съ вами...

— Ну, такъ тише-же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лѣстницу въ третій этажъ; было темнехонько.

— Стойте! Есть у васъ спички?

— Спички? Какія спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! Есть, есть; здѣсь онѣ, здѣсь; вотъ, постойте... Господинъ въ енотахъ засуетился.

— Фу, какой безтолковъ... чортъ! Кажется, эта дверь...

— Эта-эта-эта-эта-эта...

— Эта-эта-эта... что вы орете? Тише!..

— Милостивый государь, я, скрѣпя сердце... вы дерзкій человѣкъ, вотъ что!..

Вспыхнулъ огонь.

— Ну, такъ и есть, вотъ мѣдная дощечка! Вотъ Бобыницынъ; видите: Бобыницынъ?..

— Вижу, вижу!

— Ти...ше! Что̀, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?

— Да, нужно! отозвался господинъ въ енотахъ

— Стучитесь!

— Нѣтъ, зачѣмъ-же я? Вы начните, вы постучите...

— Трусъ!

— Сами вы трусъ!

— Уб-бир-райтесь-же!

— Я почти раскаяваюсь, что повѣрилъ вамъ тайну: вы..

— Я? Ну, что-жь я?

— Вы воспользовались разстройствомъ моимъ, вы видѣли, что я въ разстроенномъ духѣ...

— А наплевать! Мнѣ смѣшно—вотъ и кончено!

— Зачѣмъ-же вы здѣсь?

— А вы-то зачѣмъ?..

— Прекрасная нравственность! замѣтилъ съ негодованіемъ господинъ въ енотахъ...

— Ну, что вы про нравственность? Вы-то чего?

— А вотъ и безнравственно!

— Что?!!

— Да, по вашему, каждый обиженный мужъ есть колпакъ!

— Да вы развѣ мужъ? Вѣдь мужъ-то на Вознесенскомъ мосту? Что-жь вамъ-то? Чего вы пристали?

— А вотъ мнѣ кажется, что вы-то и есть любовникъ!..

— Послушайте, если вы будете такъ продолжать, то я долженъ буду признаться, что вы-то и есть колпакъ! То есть знаете кто?

— То есть вы хотите сказать, что я мужъ! сказалъ господинъ въ енотахъ, какъ будто кипяткомъ обваренный, отступая назадъ.

— Тсс! молчать! Слышите...

— Это она.

— Нѣтъ!

— Фу! какъ темно!

Все затихло: въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ.

— За что намъ ссориться, милостивый государь? прошепталъ господинъ въ енотахъ.

— Да вы-же, чортъ возьми, сами обидѣлись!

— Но вы меня вывели изъ послѣднихъ границъ.

— Молчите!

— Согласитесь, что вы еще очень молодой человѣкъ...

— Мо-л-чите-же!

— Конечно, я согласенъ съ вашей идеи, что мужъ въ такомъ положеніи—колпакъ.

— Да замолчите-ли вы? О!..

— Но къ чему-же такое озлобленное преслѣдованіе несчастнаго мужа?..

— Это она!

Но шумъ въ это время умолкъ.

— Она?

— Она! Она! Она! Да вы-то, вы-то изъ чего хлопочете? Вѣдь не ваша бѣда!

— Милостивый государь, милостивый государь! бормоталъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя и всхлипывая: — я, конечно, въ разстройствѣ... вы достаточно видѣли мое униженіе; но теперь ночь, конечно, но завтра... впрочемъ, мы, вѣрно, не встрѣтимся завтра, хотя я и не боюсь встрѣтиться съ вами,—и, это, впрочемъ, не я, это мой пріятель, который на Вознесенкомъ мосту; право, онъ! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человѣкъ! Увѣряю васъ. Я съ нимъ знакомъ хорошо: позвольте, я вамъ все разскажу. Я съ нимъ другъ, какъ вы можете видѣть, ибо не сталъ-бы я такъ теперь изъ-за него сокрушаться,—сами видите; я-же нѣсколько разъ ему говорилъ: зачѣмъ ты женишься, милый другъ? Званіе есть у тебя, достатокъ есть у тебя, почтенный ты человѣкъ, что-жь мѣнять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нѣтъ, женюсь, говоритъ: семейное счастіе... Вотъ и семейное счастіе! Сначала самъ мужей обманывалъ, а теперь и пьетъ чашу... вы извините меня, но это объясненіе было вынуждено необходимостію!.. Онъ несчастный человѣкъ, и пьетъ чашу—вотъ!.. Тутъ господинъ въ енотахъ такъ всхлипнулъ, какъ будто зарыдалъ не на шутку.

— А чортъ-бы взялъ ихъ всѣхъ! Мало-ли дураковъ! Да вы кто такой?

Молодой человѣкъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Ну, ужь послѣ этого, согласитесь сами... я былъ съ вами благороденъ и откровененъ... этакой тонъ!

— Нѣтъ, позвольте, вы меня извините... какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же фамилія?

— А!!

— Мнѣ нельзя сказать фамилію...

— Шабрина знаете? быстро сказалъ молодой человѣкъ.

— Шабринъ!!!

— Да, Шабринъ! А!!! (Тутъ господинъ въ бекешѣ нѣсколько поддразнилъ господина въ енотахъ).—Поняли дѣло?

— Нѣтъ-съ, какой-же Шабринъ! отвѣчалъ оторопѣвшій господинъ въ енотахъ:—совсѣмъ не Шабринъ; онъ почтенный человѣкъ! Извиняю вашу невѣжливость мученіями ревности.

— Мошенникъ онъ, продажная душа, взяточникъ, плутъ, казну обворовалъ! Его скоро подъ судъ отдадутъ!

— Извините, говорилъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя: — вы его не знаете; совершенно, какъ я вижу, онъ вамъ не извѣстенъ.

— Да, въ лицо-то не знаю, а изъ другихъ очень близкихъ ему источниковъ знаю.

— Милостивый государь, изъ какихъ источниковъ? Я въ разстройствѣ, вы видите...

— Дуракъ! Ревнивецъ! За женой не усмотритъ! Вотъ онъ какой, коль пріятно вамъ знать!

— Извините, вы въ ожесточенномъ заблужденіи, молодой человѣкъ...

— Ахъ!

— Ахъ!

Въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ахъ, это не она, не она! Я узнаю ея голосъ; я теперь узналъ все, это не она! сказалъ господинъ въ енотахъ, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

— Молчать!

Молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ.

— Милостивый государь, я бѣгу: это не она, я очень радъ.

— Ну, ну! Ступайте, ступайте!

— А чего-жъ вы стопте?

— А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господинъ въ енотахъ, не выдержавъ, стремглавъ покатился съ лѣстницы.

Мимо молодаго человѣка прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло... Послышался знакомый женскій голосъ, и потомъ сильный мужской, но всѣмъ незнакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, говорилъ сильный голосъ.

— Ахъ! ну, ну, согласна; ну, прикажите...

— Они тамъ, сейчасъ.

Дама осталась одна.

— Глафира! Гдѣ твои клятвы? вскричалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Твороговъ? Боже мой! Что вы дѣлаете?

— Съ кѣмъ вы здѣсь были?

— Но это мой мужъ, уйдите, уйдите, онъ сейчасъ выйдетъ оттуда... отъ Половицыныхъ; уйдите, ради Бога, уйдите.

— Половицыны три недѣли какъ переѣхали! Я все знаю!

— Ай! Дама бросилась на крыльцо. Молодой человѣкъ догналъ ее.

— Кто вамъ сказалъ? спросила дама.

— Мужъ вашъ, сударыня, Иванъ Андреичъ; онъ здѣсь, онъ передъ вами, сударыня...

Иванъ Андреичъ дѣйствительно стоялъ у крыльца.

— Ай, это вы? закричалъ господинъ въ енотовой шубѣ.

— A! c'est vous? закричала Глафира Петровна, съ неподдѣль-

ною радостью бросаясь къ нему: — Боже! Что со мной было? Я была у Половицыныхъ; можешь себѣ представить... ты знаешь, что они теперь у Измайловскаго моста; я говорила тебѣ, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбѣсились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагахъ; кучера взяли; я была вить себя. Къ счастію, m-r Твороговъ...

— Какъ?

М-r Твороговъ походилъ болѣе на окаменѣлость, чѣмъ на m-r Творогова.

— М-r Твороговъ увидалъ меня здѣсь и взялся проводить: но теперь вы здѣсь, и я могу вамъ только изъявить мою жаркую благодарность, Иванъ Ильичъ...

Дама подала руку остолбенѣлому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сжала ее.

— М-r Твороговъ! мой знакомый; на балѣ у Скорлуповыхъ имѣли удовольствіе видѣться; я, кажется, говорила тебѣ? Неужели ты не помнишь, Коко?

— Ахъ, конечно, конечно! Ахъ, помню! заговорилъ господинъ въ енотовой шубѣ, котораго называли Коко.—Очень пріятно, очень пріятно.

И онъ жарко пожалъ руку господину Творогову.

— Это съ кѣмъ? Что-же это значитъ? Я жду... раздался сильный голосъ.

Передъ группой стоялъ господинъ безконечнаго роста; онъ вынулъ лорнетъ и внимательно посмотрѣлъ на господина въ енотовой шубѣ.

— Ахъ, m-r Бобыницынъ! защебетала дама:—откудова? Вотъ встрѣча! Представьте, меня тотчасъ разбили лошади... но вотъ мой мужъ! Jean! М-r Бобыницынъ, на балѣ у Карповыхъ...

— Ахъ, очень, очень, очень пріятно!.. Но я сейчасъ возьму карету, мой другъ.

— Возьми, Jean, возьми: я вся въ испугѣ; я дрожу; со мной даже дурно... Сегодня въ маскарадѣ, шепнула она Творогову... Прощайте, прощайте, господинъ Бобыницынъ! Мы вѣрно встрѣтимся завтра на балѣ у Карповыхъ...

— Нѣтъ, извините, я завтра не буду; я ужь завтра того, коль теперь не такъ... Господинъ Бобыницынъ проворчалъ что-то еще сквозь зубы, шаркнулъ сапожищемъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ.

Подъѣхала карета; дама сѣла въ нее. Господинъ въ енотовой шубѣ остановился; казалось, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать движенія и безсмысленно смотрѣлъ на господина въ бекешѣ. Господинъ въ бекешѣ улыбался довольно неостроумно.

— Я не знаю...

— Извините, очень радъ быть знакомымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кланяясь съ любопытствомъ и немного сробѣвъ.

— Очень, очень радъ...

— У васъ, кажется, свалилась калоша...

— У меня? Ахъ, да! Благодарю, благодарю; хочу все завести резиновыя...

— Въ резиновыхъ нога какъ будто потѣетъ-съ, сказалъ молодой человѣкъ, повидимому, съ безграничнымъ участіемъ.

— Jean! Да скоро-ли ты?

— Именно потѣетъ. Сейчасъ, сейчасъ, душенька, вотъ разговоръ интересный! Именно, какъ вы изволили замѣтить, потѣетъ нога... Впрочемъ, извините, я...

— Помилуйте-съ.

— Очень, очень, очень радъ познакомиться...

Господинъ въ енотахъ сѣлъ въ карету; карета тронулась; молодой человѣкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, въ изумленіи провожая ее глазами.

II.

На другой-же вечеръ шло какое-то представленіе въ итальянской оперѣ. Иванъ Андреевичъ ворвался въ залу, какъ бомба. Еще никогда не замѣчали въ немъ такого furore, такой страсти къ музыкѣ. По крайней мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрапнуть часокъ—другой въ итальянской оперѣ; даже отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; «да и примадонна-то тебѣ», говаривалъ онъ друзьямъ: «мяукаетъ, словно бѣленькая кошечка, колыбельную пѣсенку». Но онъ это уже давно что-то говаривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однако-жъ, онъ всетаки ворвался, какъ бомба, въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ взглянулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ-же покосился глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятаннаго на всякій случай книжала. Нужно замѣтить, что въ то время процвѣтали двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ****листы*, другіе ****листы*. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры, наконецъ, рѣшительно стали опасаться какого нибудь очень рѣзкаго проявленія любви ко всему прекрасному и высокому,

совмѣщавшемуся въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго, и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго принца:

Когда ужь старость падаетъ такъ страшно,
Что-жь юность?... и т. д.

и, какъ было сказано выше, покосился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облетѣлъ взглядомъ всѣ ложи втораго яруса и — о, ужасъ! Сердце его замерло: она была здѣсь! Она сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генералъ Половицынъ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала,—чрезвычайно ловкій молодой человѣкъ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но—о, ужасъ! Статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвѣстности.

Она была здѣсь, а между тѣмъ сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-то двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юнона и повергъ его, наконецъ, въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отчего-бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенуара, и въ добавокъ предательская ложа втораго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ что онъ, къ величайшей своей непріятности, рѣшительно не могъ замѣтить, что дѣлалось надъ его головою. Зато онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, то есть, онъ не слыхалъ ни одной ноты. Говорятъ, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкальныя впечатлѣнія подъ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный — печаль; въ ушахъ Ивана Андреевича завывала цѣлая буря. Къ довершенію досады, сзади, спереди, съ боку кричали такіе страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ, актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героемъ случилось такое приключеніе, которое никакое перо не опишетъ.

Случается, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложъ слетаетъ афишка. Когда пьеса скучна и зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключеніе. Особенно съ участіемъ смотрятъ они на полетъ этой чрезвычайно мягкой бумаги съ самаго верхняго яруса и находятъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ креселъ, гдѣ она непремѣнно уляжется на чью нибудь, вовсе неприготовленную къ этому случаю голову. Дѣйствительно, очень любопытно смотрѣть, какъ эта голова сконфузится (потому что она непремѣнно сконфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежатъ зачастую на бордюрахъ ложъ: мнѣ все такъ и кажется, что они вотъ тотчасъ слетятъ на чью нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сдѣлалъ такое трагическое примѣчаніе и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыя предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у васъ въ домѣ, рекомендуя извѣстнаго г-на Принчипе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже иностранныхъ, какъ-то пруссаковъ и проч.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до сихъ поръ еще нигдѣ неописанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно плѣшивую—не афишка. Признаюсь, я даже совѣстусь сказать, что̀ къ нему слетѣло на голову, потому что, дѣйствительно, какъ-то совѣстно объявить, что на почтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, напримѣръ, любовная раздушенная записочка. По крайней мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ будто поймалъ на своей головѣ мышь или другаго какого нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія, въ этомъ ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски малую форму, такъ что ее можно было скрыть подъ дамской перчаткой. Узнала-же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи: какъ нибудь спрашивали, напримѣръ, афишку, и ужь записочка проворно была ввернута въ эту афишку, уже передавалась въ извѣстныя руки, но одинъ мигъ, можетъ быть, нечаянный толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости, и записочка выскользнула изъ маленькой дрожавшей отъ смущенія ручки, а статскій юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки,

одну афишку, съ которой рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Непріятный, страшный случай, совершенная правда: но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще непріятнѣе.

— Predestiné, пропенталъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и сжимая записочку въ рукахъ: predestiné! Нуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ: нѣтъ, не то! Чѣмъ-же я виноватъ? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало-ли что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествіемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ окостенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣренъ былъ, что его приключеніе замѣчено со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ будто съ нимъ случилась какая нибудь неожиданная непріятность, какой нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ, онъ рѣшился поднять глаза.

— Пріятно ѣли-съ! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвую его сторону.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, по преимуществу выѣзжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и, тотчасъ-же сдѣлавъ руками щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобъ было слышнѣе, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слыхалъ подобной глотки, былъ въ восторгѣ. «Ничего не замѣтилъ!» подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади его, теперь, въ свою очередь, сталъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложи. «Тоже хорошо!» подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумѣется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самаго непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и упавъ на спинку креселъ, хохотала какъ изступленная.

— Охъ, ужь эти мнѣ женщины! пропенталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Неужели правъ былъ онъ въ эту минуту? Большой театръ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ—галлерею. Почему-же непремѣнно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой нибудь,— напримѣръ, хоть изъ пятаго яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но

страсть исключительна, а ревность—самая исключительная страсть въ мірѣ.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталъ у дамы, сломалъ печать и прочелъ:

«Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г—вой, на углу—ского переулка, въ домъ К—, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъѣзда. Будь тамъ, sans faute, ради Бога—.

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, но сомнѣнія нѣтъ: назначалось свиданіе. Поймать, изловить и пресѣчь зло въ самомъ началѣ—, была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло въ голову изобличить теперь-же, тутъ-же на мѣстѣ: но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ взбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно онъ не зналъ: куда бѣжать. Отъ нечего дѣлать, онъ забѣжалъ съ другой стороны и посмотрѣлъ чрезъ открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Такъ, такъ! Во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодыя дамы и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ заговоръ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ корридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было сунулся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имена особъ, взявшихъ ложи во всѣхъ четырехъ ярусахъ, но касса уже была заперта. Наконецъ, раздались неистовыя восклицанія и аплодисменты. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно гремѣли съ самаго верха два голоса,—предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешь и пустился въ Г—вую, чтобъ тамъ застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного энергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро нашелъ домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками, у него промелькнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лицо этого франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогналъ его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ отворилась дверь въ третьемъ этажѣ, и отворилась безъ звонка, какъ будто ждали приглашеннаго. Молодой человѣкъ промелькнулъ въ квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьяго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ было постоять передъ дверью, благоразумно и обдумать свой шагъ, попробовать немного и потомъ уже рѣшиться на что-

нибудь очень рѣшительное: но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ отворились двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ кряхтомъ и кашлемъ свое восшествіе въ верхній этажъ. Иванъ Андреевичъ не устоялъ, отворилъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорбленнаго мужа. На встрѣчу къ нему бросилась горничная, вся въ волненіи, потомъ явился человѣкъ; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Какъ бомба, влетѣлъ онъ въ покои и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ будто не понимая, что̀ вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту послышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые прямо шли въ спальню: это были тѣ самые шаги, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! Это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ бѣлѣе своего пеньюара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что не обдумалъ хорошо своего шага, что не поробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату... Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! Не знаю, что̀ ему помѣшало прямо стать на встрѣчу мужа, объявить, что попался въ просакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться, — конечно, не съ большою честью, конечно, не со славою, но, по крайней мѣрѣ, уйдти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ какъ мальчикъ, какъ будто-бы считалъ себя Донъ-Жуаномъ или Ловеласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въ полномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и безсмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подѣйствовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Андреевичъ, самъ оскорбленный мужъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ — можетъ быть, боясь оскорбить его своимъ присутствіемъ. Такъ или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно, не понимая, какъ это сдѣлалось. Но, что̀ всего было удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиціи. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно страшный, пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ, охая и кряхтя, поздоровался съ женой на рас-

нѣвъ, самымъ старческимъ образомъ и свалился на кресла такъ, какъ будто только что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяреннаго тигра въ ягненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышенокъ передъ котомъ, едва смѣлъ дышать отъ испуга, хотя и могъ-бы знать, по собственному опыту, что не всѣ оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему въ голову или отъ недостатка соображенія, или отъ другаго какого нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобъ какъ нибудь улечься удобнѣе. Каково-же было его изумленіе, когда онъ ощупалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился, и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ...

— Кто это?—шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ страшный незнакомецъ.—Лежите и молчите, коли попались въ просакъ!

— Однако-же...

— Молчать!

И постороній человѣкъ (потому что подъ кроватью довольно было и одного), постороній человѣкъ стиснулъ въ своемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Такъ не жмите-же меня, или я закричу.

— Ну-ка, закричите! Попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ быть, это былъ человѣкъ, испытавшій не разъ гоненія судьбы и не разъ находившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичекъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь била ему въ голову. Однако-жъ, нечего было дѣлать; нужно было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенька, былъ, началъ мужъ: —я, душенька, былъ у Павла Иваныча. Сѣли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи-кхи-кхи! (онъ закашлялся) такъ... кхи! Такъ спина... кхи! Ну ее!.. Кхи-кхи-кхи!

И старичокъ погрузился въ свой кашель.

— Спина... проговорилъ онъ, наконецъ, со слезами на глазахъ:—спина разболѣлась... геморрой проклятый! Ни стать, ни сѣсть... ни сѣсть! Акхи-кхи-кхи!..

И казалось, что вновь начавшемуся канью суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старичку, обладателю этого канья. Старичокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего нельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвиньтесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? Мѣста нѣтъ.

— Однако-же, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ образомъ. Я еще въ первый разъ нахожусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ.

— Однако-же, молодой человѣкъ...

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человѣкъ... Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше васъ

— Молчать!

— Милостивый государь! Вы забываетесь: вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подъ кроватью...

— Но меня привлекъ сюда сюрпризъ... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! Я постарше васъ, я вамъ говорю...

— Милостивый государь! Знаете, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прошу васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! Я ничего не разберу. Извините меня, но нѣтъ мѣста.

— Зачѣмъ-же вы такой толстый?

— Боже! Я никогда не былъ въ такомъ унизительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! Я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось: но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете...

— Я-бы ровно ничего не думалъ объ васъ, если-бъ вы не толкались. Да молчите-же!

— Милостивый государь! Если вы не подвинетесь, со мной будетъ ударъ. Вы будете отвѣчать за смерть мою. Увѣряю васъ... Я почтенный человѣкъ, я отецъ семейства. Не могу-же я быть въ такомъ положеніи!..

— Сами-же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь-же! Вотъ вамъ мѣсто; больше нельзя!

— Благородный молодой человѣкъ! Милостивый государь! Я вижу, что я въ васъ ошибался, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарности за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены: — я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что-же дѣлать? Вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣніи мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой, я пришелъ сюда противъ себя, увѣряю васъ; я не затѣмъ, зачѣмъ вы думаете... Я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Да замолчите-ли вы? Понимаете-ли, что если услышатъ насъ, будетъ худо? Тсс... Онъ говоритъ. Дѣйствительно, кашель старика, повидимому, начиналъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хрипѣлъ онъ на самый плачевный напѣвъ:—такъ вотъ, душенька, кхи-кхи! Ахъ! Несчастье! Одолѣй-то Ивановичъ и говоритъ: вы-бы, говоритъ, тысячелиственникъ пить попробовали; слышишь, душенька?

Слышу, мой другъ.

— Ну, такъ и говоритъ: вы-бы, говоритъ, попробовали тысячелиственникъ пить. Я и говорю: я піявки пущускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелиственникъ лучше: онъ открываетъ, я вамъ скажу... Кхи! кхи! Охъ, Боже мой! Какъ-же ты думаешь, душенька? Кхи-кхи! Ахъ! Создатель мой! Кхи-кхи!.. Такъ лучше тысячелиственникъ, что-ли?.. Кхи-кхи-кхи! Ахъ! Кхи! и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, отвѣчала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говоритъ, пожалуй, чахотка, кхи-кхи! А я говорю: подагра, да раздраженіе въ желудкѣ: кхи-кхи! А онъ мнѣ: можетъ быть, и чахотка. Какъ ты, кхи-кхи! Какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты-бы, душенька, раздѣвалась теперь, да спать ложилась, кхи-кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ:— ради Бога, подвиньтесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается, ну, не можете вы спокойно лежать...

— Вы ожесточены противъ меня, молодой человѣкъ: хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно, любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! Не дамъ вамъ командовать! А, вы вѣрно любовникъ? Если насъ откроютъ, я ни въ чемъ не виноватъ. Я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой человѣкъ, сре-

женца зубами:—я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе. Тогда, по крайней мѣрѣ, не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! Вы издѣваетесь надо мной. Вы истощаете терпѣніе мое.

— Тсс! или я васъ заставлю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я-бы пролежалъ какъ нибудь до утра, а тамъ-бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу-же лежать до утра: я человѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи... Какъ вы думаете, неужели онъ будетъ здѣсь ночевать?

— Кто?

— Да этотъ старикъ...

— Разумѣется, будетъ. Не всѣ-жь такіе мужья, какъ вы. Почуютъ и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга:—будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперь въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человѣкъ? Скажите мнѣ тотчасъ-же, умоляю васъ, изъ безкорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! Я употреблю насиліе...

— Но позвольте, позвольте вамъ разсказать, милостивый государь, позвольте вамъ объяснить все это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу-же.

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолкъ.

— Душенька, что-то здѣсь какъ будто коты шепчутся?

— Какіе коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чемъ разговаривать съ своимъ мужемъ. Она была такъ поражена, что еще не могла опомниться. Теперь-же она вздрогнула и подняла уши.

— Какіе коты?

— Коты, душенька. Я намедни прихожу, сидитъ васька у меня въ кабинетѣ, шю-шю-шю, и шепчетъ. Я ему: что ты, васенька? а онъ опять: шю-шю-шю! И такъ какъ будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! Ужь не о смерти-ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какія глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебѣ непріятно, что я умру, не сердись: я только такъ говорю. А ты-бы, душенька,

стала раздѣваться и спать легла, а я-бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложиться будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь какъ будто мыши.

— Ну вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я ни... кхи! Я ничего, кхи-кхи-кхи-кхи! Ахъ, Боже ты мой! Кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхалъ, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но если-бъ вы знали, что со мной дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, но вникните въ мое положеніе; вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что-ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же фамилію... Я только интересуюсь объяснить, какимъ безсмысленнымъ образомъ...

— Тсс... онъ опять говоритъ.

— Право, душенька, шепчутся.

— Да нѣтъ-же; это у тебя вата въ ушахъ дурно лежитъ.

— Ахъ, по поводу ваты. Знаешь-ли, тутъ, на верху... кхи-кхи! На верху, кхи-кхи-кхи! и т. д.

— На верху! прошепталъ молодой человѣкъ.—Ахъ, чортъ! А я думалъ, что это послѣдній этажъ: да развѣ это второй?

— Молодой человѣкъ, прошепталъ встрепенувшись Иванъ Андреевичъ:—что вы говорите? Ради Бога, почему это васъ интересуетъ? И я думалъ, что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?..

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставши, наконецъ, кашлять...

— Тсс! Слышите! прошепталъ молодой человѣкъ, сдавивъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насиліи. Пустите меня.

— Тсс...

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенькую... началъ старикъ.

— Какъ, хорошенькую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хоро-

ненькую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь намять слаба. Это звѣробой... кхи!

— Что?

— Звѣробои нить надо: говорятъ, лучше будетъ... кхи-кхи-кхи! Лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, опять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенькую какую-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконецъ-то! Экая мумія! Ну! прошепталъ молодой человѣкъ, мысленно погоняя забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! Я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера!..

— Тсс.

— Да, да, да! Вспомнилъ: прелутовочка! Глазенки такіе... въ голубой шляпкѣ...

— Въ голубой шляпкѣ! Ай, ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреевичъ...

— Она? Кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.

— Тсс! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреевичъ: — онъ говоритъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Ну, да, впрочемъ, у кого-жъ нѣтъ голубой шляпки... ну!

— И такая плутовка! продолжалъ старикъ.—Она тутъ къ какимъ-то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаетъ. А къ тѣмъ знакомымъ тоже ходятъ знакомые...

— Фу, какъ это скучно, перебила дама:—помилуй, чѣмъ ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! Не сердись! возразилъ старичокъ на распѣвъ:—ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не въ духѣ сегодня...

— Да вы какъ-же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ.

— А, видите, видите! Вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!

— Ну, да вѣдь мнѣ все равно! Не говорите, пожалуйста! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!

— Молодой человѣкъ, не сердитесь: я не знаю, что̀ говорю; это я такъ: я только хотѣлъ сказать, что тутъ, вѣрно, что нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе... Но кто вы, молодой человѣкъ? Я вижу, вы незнакомецъ: но кто-же вы, незнакомецъ? Боже! я не знаю, что̀ говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человѣкъ, какъ будто что-то обдумывая.

— Но я вамъ все разскажу, все. Вы, можетъ быть, думаете, что я не разскажу, что я золь на васъ, нѣтъ! Вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала: какъ вы здѣсь сами? По какому случаю? Что-же касается до меня, то я не сержусь, ей Богу не сержусь, вотъ вамъ рука моя. Здѣсь только пыльно: я немного запачкалъ ее: но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! Тутъ повернуться негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь! Вы со мной обходитесь, какъ будто, съ позволенія сказать, со старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянія, голосомъ, въ которомъ было слышно моленье.—Обходитесь со мной учтивѣе, хоть немножко учтивѣе, и я вамъ все разскажу! Мы-бы полюбили другъ друга: я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ на обѣдъ. А этакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человѣкъ! Вы не знаете...

— Когда-же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человѣкъ, очевидно, въ крайнемъ волненіи.—Она, можетъ быть, теперь меня ждетъ... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? Кто она? Боже мой! Про кого вы говорите, молодой человѣкъ? Вы думаете, что тамъ наверху... Боже мой! Боже мой! За что я такъ наказанъ?

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спину, въ знакъ отчаянья.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чортъ! Была не была, я вылѣзаю!..

— Милостивый государь! Что вы? А я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сосѣда.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состоянье, чтобъ не подумалъ старикъ, что я любовникъ жены его.

— Но, молодой человѣкъ, это невозможно: это ненатурально, коли дядя. Никто не повѣритъ вамъ. Этому вотъ такой маленькій ребенокъ не повѣритъ, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте-же, а лежите себѣ смирно, пластомъ! Пожалуй, почуйте здѣсь, а завтра какъ нибудь выдѣзете; васъ никто не замѣтитъ; ужь коли одинъ выдѣзъ, такъ вѣрно не подумаютъ, что еще остался другой. Еще-бы сидѣла цѣлая дюжина! Впрочемъ, вы и одинъ стòите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы язвите меня, молодой человѣкъ... А что, если я закашляюсь? Нужно все предвидѣть!

— Тсс!..

— Что это? Какъ будто на верху я опять слышу возню, проговорилъ старичокъ, который тѣмъ временемъ, кажется, успѣлъ задремать.

— На верху?

— Слышите, молодой человѣкъ, на верху?

— Ну, слышу!

— Боже мой! Молодой человѣкъ, я выйду.

— А я такъ не выйду! Мнѣ все равно! Ужь если разстроилось, такъ все равно! А знаете-ли, что я подозрѣваю? Я подозрѣваю, что вы-то и есть какой нибудь обманутый мужъ—вотъ что!..

— Боже, какой цинизмъ!.. Неужели вы это подозрѣваете? Но почему-же именно мужъ... я не женатъ.

— Какъ не женатъ? Дудки!

— Я, можетъ быть, самъ любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я все вамъ разскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женатъ. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства... а я любовникъ... Говоритъ мнѣ: «я несчастный человѣкъ, я, говоритъ, ныо чашу, я подозрѣваю жену свою».—Но, говорю я ему благоразумно: — за что-же ты ее подозрѣваешь?.. Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! — Ревность смѣшна, говорю, ревность порокъ!.. «Нѣтъ», говоритъ: «я несчастный человѣкъ! Я того... чашу, то есть, я подозрѣваю».—Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты удовольствія, тонули на пуховикахъ наслажденія.—Боже, я не знаю, что говорю. Вы все смѣетесь, молодой человѣкъ. Вы сдѣлаете меня сумасшедшимъ.

— Да вы и теперь сумасшедшій!...

— Такъ, такъ, я и предчувствовалъ, что вы это скажете... когда говорилъ про сумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой

человѣкъ! Также и я процвѣталъ въ свое время, также и я соблазнялъ. Ахъ! У меня сдѣлается воспаленіе въ мозгу!

— Что это, душенька, какъ будто у насъ кто-то чихаетъ? прошѣлъ старичокъ:—это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Тсс! раздалось подъ кроватью.

— Это на верху, вѣрно, стучатъ, замѣтила жена, испугавшись, потому что подъ кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, на верху! проговорилъ мужъ.—На верху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика—кхи-кхи! Франтика съ усиками—кхи-кхи! Охъ, Богъ мой—спина!.. франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы, прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человѣкъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь вмѣстѣ съ вами лежу! Какъ-же-бы онъ меня встрѣтилъ? Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

Въ это время на верху дѣйствительно послышался шумъ.

— Что-бы тамъ было? прошепталъ молодой человѣкъ.

— Милостивый государь! Я въ страхѣ, я въ ужасѣ. Помогите мнѣ.

— Тсс!

— Дѣйствительно, душка, шумъ; цѣлый гвалтъ подымаютъ. Да еще надъ твоей спальней. Не послать-ли спросить?

— Ну, вотъ! Чего ты не выдумаешь!

— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..

— О, Боже мой! Вы-бы шли спать.

— Лиза! Ты меня вовсе не любишь.

— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.

— Ну, ну! Я уйду.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не уходите, закричала жена:—или нѣтъ, идите, идите!

— Да что это ты, въ самомъ дѣлѣ! То уходите, то не уходите! Кхи-кхи! А и вправду спать... кхи-кхи! У Панафидиныхъ дѣвочки... Кхи-кхи! Дѣвочки... кхи! Куклу я у дѣвочки видѣлъ нюренбергскую, кхи-кхи...

— Ну, вотъ куклы теперь!

— Кхи-кхи! Хорошая кукла, кхи-кхи!

— Онъ прощается, проговорилъ молодой человѣкъ:—онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? Радуйтесь-же!

— О, дай-то Богъ! Дай-то Богъ!

— Это вамъ урокъ...

— Молодой человѣкъ! За что-же урокъ? Я это чувствую... Но вы еще молоды; вы не можете давать мнѣ урока.

— А всетаки дамъ. Слушайте.

— Боже! Я хочу чихнуть!..

— Тсс! Если вы только осмѣлитесь.

— Но что-же мнѣ дѣлать? Здѣсь такъ пахнетъ мышами; не могу-же я: достаньте мнѣ изъ моего кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться... О, Боже, Боже! За что я такъ наказанъ?

— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ знаетъ на чемъ, вы бѣгаете какъ угорѣлый, врываетесь въ чужое жилище, производите безпорядки...

— Молодой человѣкъ! Я не производилъ безпорядковъ.

— Молчать!

— Молодой человѣкъ, вы не можете читать мнѣ про нравственность: я нравственнѣе васъ.

— Молчать!

— О, Боже мой! Боже мой!

— Производите безпорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ куда дѣваться отъ страха и, можетъ быть, будетъ больна; безпокоите почтеннаго старца, удрученнаго геморроемъ, которому прежде всего нуженъ покой,—а все отчего? Оттого, что вамъ вообразился какой-то вздоръ, съ которымъ вы бѣгаете по всѣмъ закоулкамъ! Понимаете-ли, понимаете-ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете-ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права...

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете-ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете-ли, что старикъ, который любитъ жену, можетъ съ ума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылѣзать изъ подъ кровати? Но нѣтъ, вы неспособны сдѣлать трагедіи! Когда вы вылѣзете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захохочетъ. Я-бы желалъ васъ видѣть при свѣчахъ; должно быть, вы очень смѣшны.

— А вы-то? Вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ! Я тоже хочу посмотрѣть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! Вы про нравственность! А почемъ вы знаете, зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой; я ошибся этажемъ.

И чортъ знаетъ, почему меня впустили! Вѣрно она въ самомъ дѣлѣ ждала кого нибудь (не васъ, разумѣется) Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую походку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ тому-же было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старикъ. Вѣдь я отчего не выхожу? Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь выйти? Нѣтъ, сударь, я-бы ужь давно вышелъ. да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сижу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень стоять передъ ними, вѣдь вы не найдетесь...

— Нѣтъ, отчего-же: какъ пень? Отчего-же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ чѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отчего-же не найдусь? Нѣтъ, я найдусь.

— О, Боже мой, какъ лаетъ эта собаченка!

— Тс! Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... Это оттого, что вы все болтаете. Видите. вы разбудили собаченку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно, собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О. Боже мой! Какая глупая собаченка! прошепталъ Иванъ Андреевичъ:—она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да: вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка:—ici, ici.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Аминка все лаетъ? проговорилъ старичокъ.—Тамъ вѣрно мыши, или котъ-васька сидитъ. То-то я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ... А вѣдь у васьки-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошепталъ молодой человѣкъ: — не ворочайтесь! Она, можетъ быть, такъ и отстанетъ.

— Милостивый государь. милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс!—Молчать!

— Но, помилуйте, молодой человѣкъ: она меня за носъ кусаетъ! Вы хотите, чтобъ я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ высвободилъ свои руки. Собачка заливалась отъ лая: вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Звѣрь! Что вы дѣлаете? прошепталъ молодой человѣкъ:— вы губите насъ обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ

ее душитъ! Не душите! Пустите ее! Извергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердца женщины! Она насъ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

Но Иванъ Андреевичъ уже ничего не слыхалъ. Ему удалось поймать собачку, и, въ припадкѣ самохраненія, онъ сдавилъ ей горло. Собаченка взвизгнула и испустила духъ.

— Мы пропали! прошепталъ молодой человѣкъ.

— Аминка! Аминка! закричала дама: — Боже мой, что они дѣлаютъ съ моимъ Аминкой? Аминка! Аминка! Ici! О, изверги! Варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? Что такое? закричалъ старичокъ, вскочивъ съ кресель: — что съ тобой, душа моя? Аминка, здѣсь! Аминка, Аминка, Аминка! кричалъ старичокъ, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Аминку изъ-подъ кровати. — Аминка! Ici! Ici! Не можетъ быть, чтобы васька тамъ съѣлъ его. Нужно высѣчь ваську, мой другъ; его, плута, уже цѣлый мѣсяцъ не сѣкли. Какъ ты думаешь? Я посовѣтуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой! Ты побѣднѣла, охъ! Охъ! Люди! Люди!

И старичокъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! Изверги! кричала дама, покатившись на кушетку.

— Кто? Кто? Кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужіе!.. Тамъ подъ кроватью! О, Боже мой! Аминка! Аминка! Что они съ тобой сдѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! Какіе люди! Аминка... Нѣтъ, люди, люди, сюда! Кто тамъ? Кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать:—кто такой? Люди, люди!..

Иванъ Андреевичъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ, подлѣ бездыханнаго трупа Аминки. Но молодой человѣкъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ старикъ запелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ выдѣзъ изъ-подъ кровати и пустился бѣжать, покамѣстъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, вглядѣвшись въ молодаго человѣка:—кто-же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ.—Онъ виновникъ Аминкиной смерти!

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человѣкъ уже исчезъ изъ комнаты.

— Ах! Здѣсь кто-то есть. Здѣсь чей-то сапогъ! закричалъ мужъ, поймавъ за ногу Ивана Андреевича.

— Убійца! убійца! кричала дама:—о, Ами! Ами!

— Выѣзайте, выѣзайте! кричалъ старикъ, топая по ковру обѣими ногами:—выѣзайте; кто вы таковы? Говорите, кто вы таковы? Боже! Какой странный человѣкъ!

— Да это разбойники!..

— Ради Бога, ради Бога! кричалъ Иванъ Андреевичъ, выѣзжая:—ради Бога, ваше превосходительство, не зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей! Это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!.. Я не такой человѣкъ! Я самъ по себѣ... Ваше превосходительство, это случилось по ошибкѣ! Я вамъ сейчасъ объясню, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, рыдая и всхлипывая.—Это все жена, то есть, не моя жена, а чужая жена, — я не женатъ, я такъ... Это мой другъ и товарищъ дѣтства...

— Какой товарищъ дѣтства! кричалъ старикъ, топая ногами:—вы воръ, пришли обокрасть... а не товарищъ дѣтства...

— Нѣтъ, не воръ, ваше превосходительство; я дѣйствительно товарищъ дѣтства... я только нечаянно ошибся, попалъ съ другаго подъѣзда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, изъ какого подъѣзда вы выѣзжали.

— Ваше превосходительство! Я не такой человѣкъ Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы въ жестокомъ заблужденіи, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что я не могу быть воромъ. Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ, складывая руки и обращаясь къ молодой дамѣ:—вы, дама, поймите меня... Это я умертвилъ Аминку... Но я не виноватъ, я ей Богу не виноватъ... Это все жена виновата. Я несчастный человѣкъ, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое-же мнѣ дѣло, что вы выпили чашу: можетъ быть, вы и не одну чашу выпили,—судя по вашему положенію, оно и видно: но какъ-же вы зашли сюда, мелестивый государь? кричалъ старикъ, весь трясясь отъ волненія, но дѣйствительно удостовѣрившись, по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что Иванъ Андреевичъ не можетъ быть воромъ.—Я васъ спрашиваю: какъ вы зашли сюда? Вы, какъ разбойникъ...

— Не разбойникъ, ваше превосходительство. Я только съ другаго подъѣзда: право, не разбойникъ! Это все оттого, что я ревнивъ. Я вамъ все разскажу, ваше превосходительство, откровенно разскажу, какъ отцу родному, потому что вы въ такихъ лѣтахъ, что я могу принять васъ за отца.

— Какъ въ такихъ лѣтахъ?

— Ваше превосходительство! Я, можетъ быть, васъ оскорбилъ? Дѣйствительно, такая молодая дама... и ваши лѣта... пріятно видѣть, ваше превосходительство, дѣйствительно, пріятно видѣть такое супружество... въ цвѣтѣ лѣтъ.. Но не зовите людей... ради Бога, не зовите людей... люди только будутъ смѣяться... я ихъ знаю... То есть, я не хочу этимъ сказать, что я знакомъ съ одними лакеями,—у меня тоже есть лакеи, Ваше превосходительство, и все смѣются... ослы! Ваше сіятельство... Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю съ княземъ...

— Нѣтъ, не съ княземъ, я, милостивый государь, самъ по себѣ... Пожалуйста, меня не задабривайте вашимъ сіятельствомъ. Какъ вы попали сюда, милостивый государь? Какъ вы попали?

— Ваше сіятельство, то есть, ваше превосходительство... извините, я думалъ, что вы ваше сіятельство. Я осмотрѣлся... я обдумался, — это случается. Вы такъ похожи на князя Коротkоухова, котораго я имѣлъ честь видѣть у моего знакомаго, господина Музырева... Видите, я тоже знакомъ съ князьями, тоже видѣлъ князя у моего знакомаго: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не воръ. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете людей, что-жъ изъ этого выйдетъ?

— Но какъ вы сюда попали? закричала дама:—кто вы таковы?

— Да, кто вы таковы? подхватилъ мужъ:—а я-то, душенька, думаю, что это васька у насъ подъ кроватью сидитъ и чихаетъ. А это онъ. Ахъ ты потаскунъ-потаскунъ!.. Кто вы такой? Говорите-же!

И старичокъ снова затопалъ по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамѣсть вы кончите.. Внимаю вашимъ остроумнымъ шуткамъ. Что-же касается до меня, то это смѣшная исторія, ваше превосходительство. Я вамъ все разскажу. Это можетъ все и безъ того объясниться, то есть, я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! Поступите со мной благороднымъ образомъ... Это ничего, что я посидѣлъ подъ кроватью... я не потерялъ этимъ своей важности. Это исторія самая комическая, ваше превосходительство! вскричалъ Иванъ Андреевичъ, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ супругѣ: — особенно вы, ваше превосходительство, будете смѣяться! Вы видите на сценѣ ревниваго мужа. Вы видите, я ушекаюсь, я самъ добровольно ушекаюсь. Конечно, я умертвилъ Аннушку, но... Боже мой, я не знаю, что говорю!

— Но какъ-же, какъ вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою... Виноватъ! Простите меня, ваше превосхо-

дительство! Униженно прошу извиненія! Я только оскорбленный мужъ, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтобъ я былъ любовникъ! Я не любовникъ! Ваша супруга очень добродѣтельна, если осмѣлюсь такъ выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? Что? Что вы осмѣливаетесь говорить? закричалъ старикъ, снова затопавъ ногами. — Съ ума вы сошли, что-ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Аминку! кричала супруга, заливаясь слезами.—И онъ еще смѣетъ!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! Я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ:—я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я-бы подалъ вамъ руку, но я не смѣю подать ее... Я былъ не одинъ, я дядя... то есть я хочу сказать, что меня нельзя принять за любовника... Боже! Я опять завираюсь... Не обижайтесь, ваше превосходительство, кричалъ Иванъ Андреевичъ супругѣ. — Вы дама, вы понимаете, что такое любовь,—это тонкое чувство... Но что я? Опять завираюсь! То есть я хочу сказать, что я старикъ, то есть пожилой человѣкъ, а не старикъ, — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, то есть Ловелась... я заврался! Но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу. Вы смѣетесь, ваше превосходительство! Радъ, радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ, ваше превосходительство. О, какъ я радъ, что провокировалъ смѣхъ вашъ!

— Боже мой! Какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, и какой заначканный, заговорилъ старикъ въ радости, что засмѣялась жена.—Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно странно! Дѣйствительно странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? Въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подъ кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо Ринальдини, нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все разскажу... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Этакая шерсть длинная, ножки коротенькія, двухъ шаговъ пройдти не умѣетъ: побѣжитъ, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непремѣнно ее принесу.

— Ха-ха-ха-ха-ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ, отъ смѣха.—Боже мой, со мной сдѣлается истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! Ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи! Смѣшной, запачканный такой, кхи-кхи-кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я-бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, но теперь открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее.

— Жена, его жена! кричала дама, со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Отъ женатъ! Не-уже-ли? Вотъ-бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена —и она всему виновата, то есть это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе,—здѣсь на верху: я перехватилъ записку, ошибся этажемъ и пролежалъ подъ кроватью...

— Хе-хе-хе-хе!

— Ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха! захохоталъ, наконецъ, Иванъ Андреевичъ. — О, какъ я счастливъ! О, какъ умилительно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! Я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь непремѣнно такъ, ваше превосходительство?

— Ха-ха-ха! Кхи-кхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ, наконецъ, старикъ, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! Кто?

— Это та хорошенькая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та: я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать. — Бѣгите, ступайте на верхъ. Можетъ быть, вы ихъ застанете...

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣ. Она теперь дома! А это я! Я только ревновъ и болѣ ничего... Какъ вы думаете, неужели я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха-ха-ха!

— Хи-хи-хи! Кхи-кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ придите разсказать, кричала дама: — или нѣтъ: лучше завтра утромъ, да приведите и ее: я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непремѣнно приведу: очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте-же: болонку прежде всего принесите!

— Принесу, ваше превосходительство, непремѣнно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому что уже было раскланялся и вышелъ.—Непремѣнно принесу. Такая хорошенькая! Точно ее кондитеръ изъ конфектовъ сдѣлалъ. И такая: пойдетъ — въ собственной шерсти запутается и упадетъ. Такая. право! Я еще женѣ говорю: что это, душечка, она все падаетъ? — Да, миленькая такая! говоритъ. Изъ сахару. ваше превосходительство, ей Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство, очень, очень радъ познакомиться, очень радъ познакомиться!

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! Милостивый государь! Постойте: воротитесь опять! закричалъ старичокъ вслѣдъ уходившему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я, вотъ, васьки-кота все не отыщу. Не встрѣчались-ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство: впрочемъ, очень радъ познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперь насморкъ, и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо высѣчь!

— Да, ваше превосходительство, конечно: исправительныя наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительныя наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!.. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только объ этомъ.

Вышедъ на улицу. Иванъ Андреевичъ сталъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ-же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба. зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково-же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно пріѣхала изъ театра. уже давно какъ у ней разболѣлись зубы, какъ посылала за докторомъ. какъ посылала за

піявками, и какъ она теперь лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударилъ себя сначала по лбу, потомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и, наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы проводите время? Посмотрите, на кого вы похожи. На васъ лица нѣтъ! Гдѣ это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умрастъ, а васъ не сыщутъ по городу. Гдѣ вы были? Ужь не опять-ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ! Скоро пальцами указывать будутъ!

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервать начатую рѣчь, за тѣмъ, что не доставало ни словъ, ни мысли, ни духа... Каково-же было его изумленіе, страхъ, ужасъ, когда, вмѣстѣ съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Аминка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вылѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Аминку, въ припадкѣ безотчетнаго страха, въ карманъ, съ отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга: — мертвая собаченка! Боже! Откуда!.. Что это вы?.. Гдѣ вы были? Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?..

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Аминки:—душечка...

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя,—до другаго раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность—страсть непростительная, мало того: даже—несчастіе!...

ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО

дважды утромъ, когда я уже совѣмъ собрался идти въ должность, вошла ко мнѣ Аграфена, моя кухарка, прачка и домоводка и, къ удивленію моему, вступила со мной въ разговоръ.

До сихъ поръ это была такая молчаливая, простая баба, что, кромѣ ежедневныхъ двухъ словъ о томъ, чего приготовить къ обѣду, не сказала лѣтъ въ шесть почти ни слова. По крайней мѣрѣ, я болѣе ничего не слыхалъ отъ нея.

— Вотъ я, сударь, къ вамъ, начала она вдругъ:—вы-бы отдали въ наемъ каморку.

— Какую каморку?

— Да вотъ, что̀ подлѣ кухни. Извѣстно какую.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что пускаютъ-же люди жильцовъ. Извѣстно зачѣмъ.

— Да кто ее найметъ?

— Кто найметъ! Жилецъ найметъ. Извѣстно кто.

— Да тамъ, мать моя, и кровати поставить нельзя; тѣсно будетъ. Кому-жь тамъ жить?

— Зачѣмъ тамъ жить! Только-бы спать гдѣ было; а онъ на окнѣ будетъ жить.

— На какомъ окнѣ?

— Извѣстно на какомъ, будто не знаете! На томъ, что въ передней. Онъ тамъ будетъ сидѣть, шить, или что нибудь дѣлать. Пожалуй, и на стулъ сядетъ. У него есть стулъ: да и столъ есть; все есть.

— Кто-жь онъ такой?

— Да хорошій, бывалый человѣкъ. И ему кушанье буду готовить. И за квартиру, за столъ буду всего три рубля серебромъ въ мѣсяцъ брать...

Наконецъ, я, послѣ долгихъ усилій, узналъ что какой-то пожилой человѣкъ уговорилъ, или какъ-то склонилъ Аграфену пустить его въ кухню, въ жильцы и въ нахлѣбники. Что̀ Аграфенѣ пришло

въ голову, тому должно было сдѣлаться; иначе, я зналъ, что она миѣ покоя не дастъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что нибудь было не по ней, она тотчасъ-же начинала задумываться, впадала въ глубокую меланхолію, и такое состояніе продолжалось недѣли двѣ или три. Въ это время портилось кушанье, не досчитывалось бѣлье, полы не были вымыты, однимъ словомъ, происходило много непріятностей. Я давно замѣтилъ, что эта безсловесная женщина не въ состояніи была составить рѣшенія, установиться на какой нибудь собственно ей принадлежащей мысли. Но ужь если въ слабомъ мозгу ея какимъ нибудь случайнымъ образомъ складывалось что нибудь похожее на идею, на предпріятіе, то отказать ей въ исполненіи значило на нѣсколько времени морально убить ее. И потому, болѣе всего любя собственное спокойствіе, я тотчасъ-же согласился.

— Есть-ли, по крайней мѣрѣ, у него видъ какой нибудь, паспортъ или что нибудь?

— Какъ-же? Извѣстно, есть. Хорошій, бывалый человѣкъ: три рубля обѣщался давать.

На другой-же день, въ моей скромной, холостой квартирѣ появился новый жилецъ: но я не досадовалъ, даже про себя былъ радъ. Я вообще живу уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти никого; выхожу я рѣдко. Десять тѣтъ проживъ глухаремъ, я, конечно, привыкъ къ уединенію. Но десять, пятнадцать лѣтъ, а, можетъ быть, и болѣе такого-же уединенія, съ такой-же Аграфеной, въ той-же холостой квартирѣ,—конечно, довольно безцвѣтная перспектива! И потому линяій, смирный человѣкъ, при такомъ порядкѣ вещей—благодать небесная!

Аграфена не солгала: жилецъ мой былъ изъ бывалыхъ людей. По паспорту оказалось, что онъ изъ отставныхъ солдатъ, о чемъ я узналъ и не глядя на паспортъ, съ перваго взгляда, по лицу. Это легко узнать. Астафій Ивановичъ, мой жилецъ, былъ изъ хорошихъ между своими. Зажили мы хорошо. Но всего лучше было, что Астафій Ивановичъ подъ часъ умѣлъ разсказывать исторіи, случаи изъ собственной жизни. При всегдашней скукѣ моего житья-бытья, такой разсказчикъ былъ просто кладъ. Разъ онъ миѣ разсказалъ одну изъ такихъ исторій. Она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Но вотъ по какому случаю произошелъ этотъ разсказъ.

Однажды я остался въ квартирѣ одинъ: и Астафій, и Аграфена разошлись по дѣламъ. Вдругъ я услышалъ изъ второй комнаты, что кто-то вошелъ и, показалось миѣ, чужой; я вышелъ: дѣйствительно, въ передней стоялъ чужой человѣкъ, малый невысокаго роста, въ одномъ сюртукѣ, не смотря на холодное, осеннее время.

— Чего тебѣ?

— Чиновника Александрова; здѣсь живетъ?

— Такого нѣтъ, братецъ; прощай.

— Какъ-же дворникъ сказалъ, что здѣсь, проговорилъ посѣтитель, осторожно ретируясь къ дверямъ.

— Убирайся, убирайся, братецъ; пошелъ.

На другой день послѣ обѣда, когда Астафій Ивановичъ примѣрялъ мнѣ сюртукъ, который былъ у него въ передѣлкѣ, опять кто-то вошелъ въ переднюю. Я пріотворилъ дверь.

Вчерашній господинъ, на моихъ-же глазахъ, преспокойно снялъ съ вѣшалки мою бекешь, сунулъ ее подъ мышку и пустился вонъ изъ квартиры. Аграфена все время смотрѣла на него разинувъ ротъ отъ удивленія и больше ничего не сдѣлала для защиты бекеши. Астафій Ивановичъ пустился вслѣдъ за мошенникомъ и черезъ десять минутъ воротился, весь запыхавшись, съ пустыми руками. Сгинулъ да пропалъ человѣкъ!

— Ну, неудача, Астафій Ивановичъ. Хорошо еще, что вицель намъ осталась! А то-бы совсѣмъ посадилъ на мель, мошенникъ!

Но Астафія Ивановича все это такъ поразило, что я даже позабылъ о покражѣ, на него глядя. Онъ опомниться не могъ. Поминутно бросалъ работу, которою былъ занятъ, поминутно начиналъ сызнова разсказывать дѣло, какимъ это образомъ все случилось, какъ онъ стоялъ, какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешь, и какъ это все устроилось, что и поймать нельзя было. Потомъ опять садился за работу: потомъ опять бросалъ все, и я видѣлъ, какъ, наконецъ, понелъ онъ къ дворнику разсказать и попрекнуть его, что на своемъ дворѣ такимъ дѣламъ быть попускаетъ. Потомъ воротился и Аграфену началъ бранить. Потомъ опять съѣлъ за работу и долго еще бормоталъ про себя, что вотъ, какъ это все дѣло случилось, какъ онъ тутъ стоялъ, а я тамъ, и какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешь и т. д. Однимъ словомъ, Астафій Ивановичъ, хотя дѣло сдѣлать умѣлъ, однако былъ большой кропотунъ и хлопотунъ.

— Одурачили насъ съ тобой, Астафій Иванычъ! сказалъ я ему вечеромъ, подавая ему стаканъ чая и желая отъ скуки опять вызвать разсказъ о пропавшей бекешѣ, который отъ частаго повторенія и отъ глубокой искренности разсказчика начиналъ становиться очень комическимъ.

— Одурачили, сударь! Да просто вчухъ досадно, зло пробираетъ, хоть и не моя одежа пропала. И по моему нѣтъ гадины хуже вора на свѣтѣ. Иной хоть задаромъ беретъ, а этотъ твой трудъ, потъ, за него пролитой, время твое у тебя крадетъ... Тьфу, тьфу!

Говорить не хочется, зло беретъ. Какъ это вамъ, сударь, своего добра не жалко?

— Да, оно правда, Астафій Иванычъ; ужь лучше сгори вещь, а вору уступить досадно, не хочется.

— Да ужь чего тутъ хочется! Конечно, воръ вору рознь... А былъ, сударь, со мной одинъ случай, что понялъ я и на честнаго вора.

— Какъ на честнаго? Да какой-же воръ честный, Астафій Иванычъ?

— Оно, сударь, правда! Какой-же воръ честный, и не бываетъ такого. Я только хотѣлъ сказать, что честный, кажется, былъ человѣкъ, а укралъ. Просто, жалко было его.

— А какъ это было, Астафій Иванычъ?

— Да было, сударь, тому назадъ года два. Пришлось мнѣ тогда безъ малаго годъ быть безъ мѣста, а когда еще доживалъ я на мѣстѣ, сошелся со мной одинъ пропащій совсѣмъ человѣкъ. Такъ, въ харчевнѣ сошлись. Пьянчужка такой, потаскунъ, тунеядецъ, служилъ прежде гдѣ-то, да его за пьяную жизнь ужь давно изъ службы выключили. Такой недостойный! Ходилъ онъ ужь Богъ знаетъ въ чемъ! Иной разъ такъ думаешь есть-ли рубашка у него подъ шинелью; все, что у него ни заведется, пропьетъ. Да не буянъ; характеромъ смиренъ, такой ласковый, добрый, и не попроситъ, все совѣстится: ну, самъ видишь, что хочется выпить бѣднягѣ, и поднесешь. Ну, такъ-то я съ нимъ и сошелся, то есть онъ ко мнѣ привязался... Мнѣ-то все равно. И какой былъ человѣкъ! Какъ собаченка привяжется, ты туда—и онъ за тобой; а всего одинъ разъ только видѣлись, мозгляк такой! Сначала пусти его переночевать—ну, пустилъ: вижу и паспортъ въ порядкѣ, человѣкъ ничего! Потомъ, на другой день, тоже пусти его ночевать, а тамъ и на третій пришелъ, цѣлый день на окнѣ просидѣлъ; тоже ночевать остался. Ну, думаю, навязался-жь онъ на меня: и пой и корми его, да еще ночевать пускай,—вотъ бѣдному человѣку да еще нахлѣбникъ на шею садится. А прежде онъ тоже, какъ и ко мнѣ, къ одному служащему хаживалъ, привязался къ нему, вмѣстѣ все пили: да тотъ спился и умеръ съ какого-то горя. А этого звали Емелей, Емельяномъ Ильичемъ. Думаю, думаю: какъ мнѣ съ нимъ быть? Прогнать его—совѣстно, жалко: такой жалкій, пропащій человѣкъ, что и Господи! И безсловесный такой, не попроситъ, сидитъ себѣ, только какъ собачонка въ глаза тебѣ смотритъ. То есть, вотъ какъ пьянство человѣка испортитъ! Думаю про себя: какъ скажу я ему: ступай-ка ты, Емельянушка, вонъ: нечего тебѣ дѣлать у меня; не къ тому попалъ; самому скоро перекусить будетъ нечѣмъ, какъ-же

мнѣ держать тебя на своихъ харчахъ? Думаю, сижу, что онъ сдѣлаетъ, какъ я такое скажу ему? Ну, и вижу самъ про себя, какъ-бы долго онъ глядѣлъ на меня, когда-бы услыхалъ мою рѣчь, какъ-бы долго сидѣлъ и не понималъ ни слова, какъ-бы потомъ, когда въ домекъ-бы взялъ, всталъ-бы съ окна, взялъ-бы свой узелокъ, какъ теперь вижу, клѣтчатый, красный, дырявый, въ который Богъ знаетъ что завертывалъ и всюду съ собой носилъ, какъ-бы оправилъ свою шинелишку, такъ чтобъ и прилично было, и тепло, да и дырьевъ было-бы не видать, — деликатный былъ человѣкъ! Какъ-бы отворилъ потомъ дверь, да и вышелъ-бы съ слезинкой на лѣстницу. Ну, не пропадать-же совсѣмъ человѣку... жалко стало! А тутъ, потомъ думаю, мнѣ-то самому каково! Постой-же, смекаю про себя, Емельянушка, не долго тебѣ у меня пировать: вотъ скоро съѣду, тогда не найдешь. Ну-съ, сударь, съѣхали мы: тогда еще Александръ Филимоновичъ, баринъ (теперь покойникъ, царство ему небесное), говорятъ: очень остаюсь тобою доволенъ, Астафій, воротимся всѣ изъ деревни, не забудемъ тебя, опять возьмемъ. А я у нихъ въ дворецкихъ проживалъ, — добрый былъ баринъ, да умеръ въ томъ-же году. Ну, какъ проводили мы ихъ, взялъ я свое добро, деньжонокъ кой-какихъ было, думаю, понокоюсь себѣ, да и съѣхалъ я къ одной старушоночкѣ, уголъ занялъ у ней. А у ней и всего-то одинъ уголъ свободный былъ. Тоже въ пяныонкахъ гдѣ-то была, такъ теперь особо жила, пенсіонъ получала Ну, думаю, прощай теперь, Емельянушка, родной человѣкъ, не найдешь ты меня! Что-жъ, сударь, думаете? Воротился я по вечеру (къ знакомому человѣку повидаться ходилъ) и первато вижу Емелю, сидитъ себѣ у меня на сундукѣ, и клѣтчатый узелокъ подлѣ него, сидитъ въ шинелишкѣ, меня поджидаетъ... да отъ скуки еще книжку церковную у старухи взялъ, вверхъ ногами держитъ. Нашелъ-таки! И руки у меня опустились. Ну, думаю, нечего дѣлать, — зачѣмъ сначала не гнать? Да прямо и спрашиваю: «Принесъ-ли паспортъ, Емеля?

«Я тутъ, сударь, съѣлъ да началъ раздумывать: чтожъ онъ, скитающійся человѣкъ, много-ль помѣхи мнѣ сдѣлаетъ? И вышло, по раздумьи, что немногаго будетъ стоить помѣха. Кушать ему надо, думаю. Ну, хлѣбца кусочекъ утромъ, да чтобъ прирава посмачнѣе была, такъ лучку кушитъ. Да въ полдень ему тоже хлѣбца, да лучку дать, да повечерять тоже лучку съ квасомъ, да хлѣбца, если хлѣбца захочетъ. А наверутся ци какія нибудь, такъ мы ужъ оба по горлышко сыты. Я-то ѣсть много не ѣмъ, а пьющій человѣкъ, извѣстно, ничего не ѣстъ: ему-бы только настоечки, да зелена вина. Доканаетъ онъ меня на питейномъ, подумалъ я, да тутъ-же, сударь, и другое въ голову пришло, и вѣдь какъ забрало меня. Да такъ, что вотъ,

если-бъ Емеля ушелъ, такъ я-бы жизни не радъ былъ... Порѣшилъ-же я тогда быть ему отцомъ-благодѣтелемъ. Воздержу, думаю, его отъ злой гибели, отъучу его чарочку знать! Постой-же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!

Вотъ и думаю себѣ: начну-ка я его теперь къ работѣ какой пріучать, да не вдругъ; пусть сперва погуляетъ маленько, а я, межъ тѣмъ, приглянусь, поищу, къ чему-бы такому, Емеля, способность найдти въ тебѣ. Потому что на всякое дѣло, сударь, напередъ всего человѣческая способность нужна. И сталъ я къ нему въ тихомолку приглядываться. Вижу: отчаянный ты человѣкъ, Емельянушка! Началъ я, сударь, сперва съ добраго слова: такъ и сякъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, ты-бы на себя посмотрѣлъ, да какъ нибудь тамъ поопрявился.

«— Полно гулять! Смотри-ка, въ отребьи весь ходишь, шинелишка-то твоя, простительно сказать, на рѣшето годится; нехорошо! Пора-бы, кажется, честь знать. Сидитъ, слушаетъ меня, понуря голову, мой Емельянушка. Чего, сударь! Ужь до того дошелъ, что языкъ прошилъ, слова путнаго сказать не умѣетъ. Начнешь ему про огурцы, а онъ тебѣ на бобахъ откликается! Слушаетъ меня, долго слушаетъ, а потомъ и вздохнетъ.— Чего-жь ты вздыхаешь, спрашиваю, Емельянъ Ильичъ?

«— Да такъ-съ, ничего, Астафій Иванычъ, не безпокойтесь. А вотъ сегодня двѣ бабы, Астафій Иванычъ, подрались на улицѣ, одна у другой лукошко съ клюквой невзначай разсыпала.

«— Ну, такъ что-жь?

«— А другая за то ей нарочно, ея-же лукошко съ клюквой разсыпала, да еще ногой давить начала.

«— Ну, такъ что-жь, Емельянъ Ильичъ?

«— Да ничего-съ, Астафій Иванычъ, я только такъ.

«— Ничего-съ, только такъ. Э-эхъ, думаю, Емеля-Емелюшка! Пропилъ-прогулялъ ты головушку!..

— А то баринъ ассигнацію обронилъ на панели въ Горохової, то бишь, въ Садовой. А мужикъ увидалъ, говоритъ, мое счастье: а тутъ другой увидалъ, говоритъ, нѣтъ, мое счастье! Я прежде твоего увидалъ...

«— Ну, Емельянъ Ильичъ.

— И задрались мужики, Астафій Иванычъ. А городовой подошелъ, поднялъ ассигнацію и отдалъ барину, а мужиковъ обоихъ въ будку грозилъ посадить.

«— Ну, такъ что-жь? Что-же тутъ такого назидательнаго есть, Емельянушка?

«— Да я ничего-съ. Народъ смѣялся, Астафій Иванычъ.

«— Э-эхъ, Емельянушка! Что народъ! Продалъ ты за мѣдный алтынъ свою душеньку. А знаешь-ли что, Емельянъ Ильичъ, я скажу-то тебѣ?

«— Чего-съ, Астафій Иванычъ?

«— Возьми-ка работу какую нибудь, право, возьми. Въ сотый говорю, возьми, пожалѣй себя!

«— Что-же мнѣ взять такое, Астафій Иванычъ? Я ужь и не знаю, что я такое возьму, и меня-то никто не возьметъ, Астафій Иванычъ.

«— За то-жь тебя и изъ службы изгнали, Емеля, пьющій ты человѣкъ!

«— А то вотъ Власа-буфетчика въ контору позвали сегодня, Астафій Иванычъ.

«— Зачѣмъ-же, говорю, позвали его, Емельянушка?

«— А вотъ ужь и не знаю зачѣмъ, Астафій Иванычъ. Значитъ, ужь оно тамъ нужно такъ было, такъ и потребовали...

«Э-эхъ, думаю, пропали мы оба съ тобой, Емельянушка! За грѣхи наши насъ Господь наказуетъ! Ну, что съ такимъ человѣкомъ дѣлать прикажете, сударь!

«Только хитрый былъ парень, куды! Слушалъ онъ, слушалъ меня, да потомъ, знать, ему надоѣло, чуть увидитъ, что я осерчалъ, возьметъ шинелишку, да и улизнетъ—поминай какъ звали! День пропатается, придетъ подъ вечеръ пьяненькій. Кто его поилъ, откуда онъ деньги бралъ—ужь Господь его вѣдаетъ, не моя въ томъ вина виновата!..

«— Нѣтъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, не сносить тебѣ головы! Полно пить, слышишь ты, полно! Другой разъ, коли пьяный воротишься, на лѣстницѣ будешь у меня ночевать. Не пущу!..

«Выслушавъ наказъ, сидитъ мой Емеля день, другой: на третій опять улизнулъ. Жду-подожду, не приходитъ! Ужь я, признаться сказать, перетрусилъ, да и жалко мнѣ стало. Что я сдѣлалъ надъ нимъ! думаю. Запугалъ я его. Ну, куда онъ пошелъ теперь, горемыка? Пропадетъ пожалуй. Господи Боже мой! Ночь прошла, нейдетъ. На утро вышелъ я въ сѣни, смотрю, а онъ въ сѣняхъ ночивать изволитъ. На приступочку голову положилъ и лежитъ: окостенѣлъ отъ стужи совсѣмъ.

«— Что ты, Емеля? Господь съ тобой! Куда ты пошелъ?

«— Да вы, энтого, Астафій Иванычъ, сердились намедни, огорчаться изволили, и обѣщались въ сѣняхъ меня спать положить, такъ я, энтого, и не посмѣлъ войти, Астафій Иванычъ, да и легъ тутъ...

«И злость и жалость взяли меня.

«— Да ты-бъ, Емельянъ, хоть-бы другую какую нибудь должность взялъ, говорю.—Чего лѣстницу-то стеречь!..

«— Да какую-жь-бы другую должность, Астафій Иванычъ?

«— Да хоть-бы ты, пропащая ты душа, говорю (зло меня такое взяло!), хоть-бы ты портняжному-то искусству повыучился. Ишь у тебя шильё-то какая! Мало что въ дырьяхъ, такъ ты лѣстницу ею метешь! Взялъ-бы хоть иголку, да дырья-то свои законопатилъ, какъ честь велитъ. Э-эхъ, пьяный ты человѣкъ!

«Что-жь, сударь! И взялъ онъ иглу: вѣдь я ему на смѣхъ сказалъ, а онъ оробѣлъ, да и возьми. Скинулъ шинелишку и началъ нитку въ иглу вдѣвать. Я гляжу на него: ну, дѣло извѣстное, глаза наголошись, покраснѣли: руки трепещутъ, хоть ты что! Совалъ, совалъ,—не вдѣвается нитка: ужь онъ какъ примигивался: и помуслитъ-то, и посучитъ въ рукахъ—нѣтъ! Бросилъ, и смотритъ на меня...

«— Ну, Емеля, одолѣлъ ты меня! Было-бъ при людяхъ, такъ голову срѣзалъ-бы! Да вѣдь я тебѣ, простому такому человѣку, на смѣхъ, въ укору сказалъ... Ужь стунай, Богъ съ тобой, отъ грѣха! Сиди такъ, да срамнаго дѣла не дѣлай, по лѣстницамъ не шарь, меня не срами!..

«— Да что-же мнѣ дѣлать-то, Астафій Иванычъ: я вѣдь и самъ знаю, что всегда пьяненькій и никуда не гожусь!.. Только васъ, моего бла... благо-дѣтеля, въ сердце вонзку понапрасну...

«Да тутъ какъ затрясутся у него вдругъ его синія губы, какъ покатилась слезинка по бѣлой щекѣ, какъ задрожала эта слезинка на его бороденкѣ небритой, да какъ зальется, прыснетъ вдругъ цѣлой пригоршней слезъ мой Емельянъ... Батюшки! Словно ножемъ мнѣ полоснуло по сердцу.

«Экъ ты, чувствительный человѣкъ, совсѣмъ и не думалъ я! Кто-бы зналъ, кто гадалъ про то?.. Нѣтъ, думаю, Емеля, отстунлось отъ тебя совсѣмъ; пропадай, какъ ветошка!..

«Ну, сударь, что тутъ еще долго разсказывать! Да и вся-то вещь такая пустая, мизерная, словъ не стоитъ, то есть вы, сударь, примѣрно сказать, за нее двухъ сломанныхъ грошей не дадите, а я-то-бы много далъ, если-бъ у меня много было, чтобъ только всего того не случилось! Были у меня, сударь, ретузы, прахъ ихъ возьми, хорошіе, славные ретузы, синіе съ клѣтками, а заказывалъ мнѣ ихъ помѣщикъ, который сюда пріѣзжалъ, да отстунился потомъ, говоритъ: узки: такъ они у меня на рукахъ и остались. Думаю: цѣнная вещь! Въ Толкучемъ цѣлковыхъ пять, можетъ, дадутъ, а нѣтъ, такъ я изъ нихъ двое панталонъ перер-

бургскимъ господамъ выгадаю, да еще хвостикъ мнѣ на жилетку останется. Оно бѣдному человѣку, нашему брату, знаете, все хорошо! А у Емельянушки на ту пору приключись время суровое, грустное. Смотрю: день не пьетъ, другой не пьетъ, третій—хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, осовѣлъ совсѣмъ, инда жалко, сидитъ подгорюнившись. Ну, думаю: али кушева, парень, нѣтъ у тебя, али ужь ты самъ на путь Божій вошелъ, да баста сказалъ, резону послушался. Вотъ, сударь, такъ это все и было: а на ту пору случись праздникъ большой. Я пошелъ ко всенощной: прихожу—сидитъ мой Емеля на окошечкѣ, пьяненькій, покачивается. Э-ге! думаю, такъ-то ты, парень! Да и пошелъ зачѣмъ-то въ сундукъ. Глядь! а ретузъ-то и нѣту... Я туда и сюда: стинули! Ну, какъ перерылъ я все, вижу, что нѣтъ.—такъ меня по сердцу какъ будто скребнуло! Бросился я къ старушоночкѣ, сначала ее поколналъ, согрѣшилъ, а на Емелю, хоть и улика была, что пьянымъ сидитъ человѣкъ, и домека не было! «Нѣтъ, говоритъ моя старушонка: Господь съ тобой, кавалеръ, на что мнѣ ретузы, носить что-ли стать? У меня у самой намедни юбка на добромъ человѣкѣ изъ вашего брата пропала... Ну, то есть, не знаю, не вѣдаю», говоритъ.—Кто здѣсь былъ, говорю, кто приходилъ? «Да никто, говоритъ, кавалеръ, не приходилъ; я все здѣсь была, Емельянъ Ильичъ выходилъ, да потомъ и пришелъ: вонъ сидитъ! Его допроси». Не бралъ-ли, Емеля, говорю, по какой нибудь надобности, ретузъ моихъ новыхъ, помнишь, еще на номѣщика строили? «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, я, то есть, энтого, ихъ не бралъ-съ».

«Что за оказія! Опять искать началъ, искалъ-искалъ—нѣтъ! А Емеля сидитъ, да покачивается. Сидѣлъ я вотъ, сударь, такъ передъ нимъ, надъ сундукомъ, на корточкахъ, да вдругъ и покосился на него глазомъ... Эхма: думаю: да такъ вотъ у меня и зажгло сердце въ груди; даже въ краску бросило. Вдругъ и Емеля посмотрѣлъ на меня.

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ: я ретузъ-то вашихъ, энтого... вы, можетъ, думаете, что того, а я ихъ не бралъ-съ

«— Да куда-же-бы пропасть имъ, Емельянъ Ильичъ?

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, не видалъ совсѣмъ.

«— Что-же, Емельянъ Ильичъ, знать ужь они, какъ тамъ ни есть, взяли да сами пропали?

«— Можетъ, что и сами пропали, Астафій Иванычъ.

«Я какъ выслушалъ его, какъ былъ—всталъ, подошелъ къ окну, засвѣтилъ свѣтильню, да и сѣлъ работу точать. Жилетку чиновнику, что подъ нами жилъ, передѣливать. А у самого такъ вотъ и горитъ, такъ и ноетъ въ груди. То есть, легче-бъ, если-бъ я

всѣмъ гардеробомъ печь затопилъ. Вотъ и почуялъ знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Оно, сударь, коли злу человѣкъ причастенъ, такъ еще издали чуетъ бѣду, словно передъ грозой птица небесная.

«— А вотъ, Астафій Ивановичъ, началъ Емелюшка (а у самого дрожитъ голосенокъ):—сегодня Антипъ Прохорычъ, фельдшеръ, на кучеровой женѣ, что номеръ намедни, женился...

«Я, то есть, такъ поглядѣлъ на него, да ужь злостно, знать, поглядѣлъ.. Понялъ Емеля. Вижу: встаетъ, подошелъ къ кровати и началъ около нея что-то пошаривать. Жду—долго возится, а самъ все приговариваетъ: «нѣтъ, какъ нѣтъ, куда-бы имъ, ильмамъ, сгинуть!» Жду, что будетъ; вижу, полѣзъ Емеля подъ кровать на корточкахъ. Я и не вытерпѣлъ.

«— Чего вы, говорю, Емельянъ Ильичъ, на корточкахъ-то ползаете?

«— А вотъ нѣтъ-ли ретузъ, Астафій Иванычъ. Посмотрѣть, не завалились-ли туда куда нибудь.

«— Да что вамъ, сударь, говорю (съ досады величать его началъ), что вамъ, сударь, за бѣднаго, простаго человѣка, какъ я, заступаться; колѣнки-то по пусту ерзать!

«— Да что-жь, Астафій Иванычъ, я ничего-съ... Оно, можетъ, какъ нибудь и найдутся, какъ попскать.

«— Гм!.. говорю; послушай-ка, Емельянъ Ильичъ!

«— Что, говоритъ, Астафій Иванычъ?

«— Да не ты-ли, говорю, ихъ просто укралъ у меня, какъ воръ и мошенникъ, за мою хлѣбъ-соль услужилъ?—То есть, вотъ какъ, сударь, меня разобрало тѣмъ, что онъ на колѣнкахъ передо мной началъ по-полу ерзать.

«— Нѣтъ-съ... Астафій Ивановичъ...

«А самъ какъ былъ, такъ и остался подъ кроватью ничкомъ. Долго лежалъ; потомъ выползъ. Смотрю: блѣдный совсѣмъ человѣкъ, словно простыня. Привсталъ, сѣлъ подлѣ меня на окно, этакъ минутъ съ десятокъ сидѣлъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, да вдругъ и всталъ и подступилъ ко мнѣ, какъ теперь смотрю, страшный какъ грѣхъ:

«— Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, я вашихъ ретузъ, того, не изволилъ брать...

Самъ весь дрожитъ, себя въ грудь пальцемъ трясучимъ тыкаетъ, а голосенокъ-то дрожитъ у него такъ, что я, сударь, самъ оробѣлъ и словно приросъ къ окну.

«— Ну, говорю, Емельянъ Ильичъ:—какъ хотите, простите, коли я, глупый человѣкъ, васъ попрекнулъ понапрасной. А ретузы

пусть ихъ, знать, пропадаютъ; не пропадемъ безъ ретузъ. Руки есть, слава Богу, воровать не пойдемъ... и побираться у чужаго бѣднаго человѣка не будемъ; заработаемъ хлѣба...

«Выслушалъ меня Емеля, постоялъ-постоялъ предо мной, смотрю — сѣлъ. Такъ и весь вечеръ просидѣлъ, не шелохнулся; ужь я и ко сну отошелъ, все на томъ-же мѣстѣ Емеля сидитъ. На утро только смотрю, лежитъ себѣ на голомъ полу, скрючившись въ своей нищенскѣ; унизился больно, такъ и на кровать лечь не пришелъ. Ну, сударь, не взлюбилъ я его съ этой поры, то есть на первыхъ дняхъ возненавидѣлъ. Точно это, примѣрно сказать, сынъ родной меня обокралъ, да обиду кровную мнѣ причинилъ. Ахъ, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недѣли съ двѣ безъ просыпу пьетъ. То есть, остервенился совсѣмъ, опился. Съ утра уйдетъ, придетъ поздней ночью, и въ двѣ недѣли хоть-бы слово какое я отъ него услыхалъ. То есть вѣрно это его самого тогда горе загрызло, или извести себя какъ нибудь хотѣлъ. Наконецъ, баста, прекратилъ, знать, все пропилъ и сѣлъ опять на окно. Номню, сидѣлъ, молчалъ трое сутокъ; вдругъ, смотрю: плачетъ человѣкъ. То есть сидитъ, сударь, и плачетъ, да какъ! То есть просто колодезь, словно не слышитъ самъ, какъ слезы роняетъ. А тяжело, сударь, видѣть, когда взрослый человѣкъ, да еще старикъ-человѣкъ, какъ Емеля, съ бѣды-грусти плакать начнетъ.

«— Что ты, Емеля? говорю.

И всего его затрясло. Такъ и вздрогнулъ. Я, то есть, первый разъ съ того времени къ нему рѣчь обратилъ.

«— Ничего... Астафій Иванычъ.

«— Господь съ тобой, Емеля, пусть его все пропадаетъ. Чего ты такой совой сидишь?—Жалко мнѣ стало его.

«— Такъ-съ, Астафій Иванычъ, я не того-съ. Работу какую нибудь хочу взять, Астафій Иванычъ.

«— Какую-же-бы такую работу, Емельянъ Ильичъ?

«— Такъ, какую нибудь-съ. Можетъ, должность какую найду-съ, какъ и прежде; я уже ходилъ просить къ Осдосѣю Ивановичу... Не хорошо мнѣ васъ обижать-съ, Астафій Иванычъ. Я, Астафій Иванычъ, какъ, можетъ быть, должность-то найду, такъ вамъ все отдамъ и за всѣ харчи ваши вамъ вознаграждение представлю.

«— Полно, Емеля, полно; ну, былъ грѣхъ такой, ну—и прошелъ! Прахъ его побери! Давай жить по старому!

«— Нѣтъ-съ. Астафій Иванычъ, вы, можетъ быть, все того... а я вашихъ ретузъ не изволилъ брать...

«— Ну, какъ хочешь; Господь съ тобой, Емельянушка!

«— Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ. Я, видно, больше у васъ не жилецъ. Ужь вы меня извините, Астафій Иванычъ.

«— Да Господь съ тобой, говорю: кто тебя, Емельянъ Ильичъ, обижаетъ, съ двора гонитъ, я, что-ли?

«— Нѣтъ-съ, неприлично мнѣ такъ жить у васъ, Астафій Иванычъ... Я лучше ужь пойду-съ...

«То есть разобидѣлся, наладилъ одно человѣкъ. Смотрю я на него, и вправду всталъ, тащитъ на плечи шинелишку.

«— Да куда-жь ты, этово, Емельянъ Ильичъ? Послушай умаразума: что ты? Куда ты пойдешь?

«— Нѣтъ, ужь вы прощайте, Астафій Иванычъ, ужь не держите меня (самъ опять хнычетъ); я ужь пойду отъ грѣха, Астафій Ивановичъ. Вы ужь не такіе стали теперь.

«— Да какой не такой? Такой! Да ты какъ дитя малое, неразумное, пропадешь одинъ, Емельянъ Ильичъ.

«— Нѣтъ, Астафій Иванычъ, вы вотъ какъ уходите, сундукъ теперь запрете, а я, Астафій Иванычъ, вижу и плачу... Нѣтъ, ужь вы лучше пустите меня, Астафій Иванычъ, и простите мнѣ все, чѣмъ я въ нашемъ сожительствѣ вамъ обиду нанесъ.

«Что-жь, сударь? И ушелъ человѣкъ. День жду, вотъ, думаю, воротится къ вечеру—нѣтъ. Другой день нѣтъ, третій— нѣтъ. Испугался я, тоска меня ворочаетъ; не пью, не ѣмъ, не сплю. Обезоружилъ меня совсѣмъ человѣкъ! Пошелъ я на четвертый день ходить, во всѣ кабачки заглядывалъ, спрашивалъ — нѣтъ, пропалъ Емельянушка! «Ужь сносилъ-ли ты свою голову побѣдную?» — думаю. «Можетъ, издохъ гдѣ у забора пьяненькій, и теперь какъ бревно гнилое лежишь». Ни живъ, ни мертвъ я домой воротился. На другой день тоже искать положилъ. И самъ себя проклинаю, зачѣмъ я тому попустилъ, чтобъ глупый человѣкъ на свою волю ушелъ отъ меня. Только смотрю: чѣмъ свѣтъ, на пятый день (праздникъ былъ) скрипитъ дверь. Вижу: входитъ Емеля: синій такой и волосы всѣ въ грязи, словно спалъ на улицѣ, исхудалъ весь, какъ лучина; снялъ шинелишку, сѣлъ ко мнѣ на сундукъ, глядитъ на меня. Обрадовался я, да пуще прежняго тоска въ моей душѣ приплясъ. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случись, то есть надо мной такой грѣхъ человѣческій, такъ я, право слово говорю: скорѣй какъ собака издохъ-бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ. Ну, натурально, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть. Началъ я его лелѣять, ласкать, утѣшать. «Ну, говорю, Емельянушка, радъ, что ты воротился. Опоздалъ-бы маленько придти, я-бы и сегодня пошелъ по кабачкамъ тебя промышлять. Кушалъ-ли ты?»

«— Кушалъ-съ, Астафій Иванычъ.

«— Полно, кушалъ-ли? Вотъ, братецъ, щецъ вчерашнихъ маленько осталось; на говядинѣ были, не пустыя; а вотъ и лучку съ хлѣбомъ. Покушай, говорю: оно на здоровье не лишнее.

«Подалъ я ему: ну, тутъ и увидалъ, что, можетъ, три дня цѣлыхъ не ѣлъ человѣкъ—такой аппетитъ оказался. Это, значитъ, его голодъ ко мнѣ пригналъ. Разголубился я, на него глядя, сердечнаго. Съмъ-ка, я думаю, въ штофную сбѣгаю. Принесу ему отвести душу, да и покончимъ, полно! Нѣтъ у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принесъ винца. Вотъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, выпьемъ для праздника. Хочешь выпить? Оно здорово.

«Протянулъ-было онъ руку, этакъ жадно протянулъ, ужъ взялъ было да и остановился; подождалъ маленько: смотрю: взялъ, несетъ ко рту, плескаетъ у него винцо на рукавъ. Нѣтъ, донесъ ко рту, да тотчасъ и поставилъ на столъ.

«— Что-жъ, Емельянушка?

«— Да нѣтъ; я того... Астафій Иванычъ.

«— Не выпьешь, что-ли?

«— Да я, Астафій Иванычъ, такъ ужъ... не буду больше пить, Астафій Иванычъ.

«— Что-жъ, ты совсѣмъ перестать собрался, Емелюшка, или только сегодня не будешь.

«Промолчалъ. Смотрю: черезъ минуту положилъ на руку голову. Что ты, ужъ не заболѣлъ-ли, Емеля?

«— Да такъ, нездоровится, Астафій Иванычъ.

«Взялъ я его и положилъ на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горитъ, а самого трясетъ лихорадкой. Посидѣлъ я день надъ нимъ; къ ночи хуже. Я ему квасу съ масломъ и съ лукомъ смѣшалъ, хлѣбца подсыпалъ. Ну, говорю: тюри покушай: авось будетъ лучше! Мотаетъ головой.—«Нѣтъ, говоритъ, я ужъ сегодня обѣдать не буду, Астафій Ивановичъ». Чаю ему приготовилъ, старушоночку замоталъ совсѣмъ,—нѣтъ ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошелъ я на третье утро къ врачу. У меня тутъ медикъ Костоправовъ знакомый жилъ. Еще прежде, когда я у Босомягиныхъ господъ находился, познакомились; лечилъ онъ меня. Пришелъ медикъ, посмотрѣлъ;—«да нѣтъ, говоритъ, оно плохо. Нечего было, говоритъ, и посылать за мной. А, пожалуй, дать ему порошковъ». Ну, порошковъ-то я не далъ; такъ, думаю, балуется медикъ; а между тѣмъ наступилъ пятый день.

«Лежалъ онъ, сударь, передо мной, кончался. Я сидѣлъ на окнѣ, работу въ рукахъ держалъ. Старушоночка печку топила. Всѣ молчимъ. У меня, сударь, сердце по немъ, забулдыгѣ, раз-

рывается; точно это я сына роднаго хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотритъ, еще съ утра видѣлъ, что крѣпится человѣкъ, сказать что-то хочетъ, да, какъ видно, не смѣетъ. Наконецъ, взглянулъ на него; вижу: тоска такая въ глазахъ у бѣдняги, съ меня глазъ не сводитъ; а увидалъ, что я гляжу на него, тотчасъ потупился.

«— Астафій Иванычъ!

«— Что, Емелюшка?

«— А вотъ, если-бъ, примѣромъ, мою шпиленочку въ Толкучій снесть, такъ много-ль за нее дали-бы, Астафій Иванычъ?

«— Ну, говорю, невѣдомо много-ли дали-бы. Можетъ, и трехрублевый-бы дали, Емельянъ Ильичъ.

«А поди-ка, понеси, въ самомъ дѣлѣ, такъ и ничего-бы не дали, кромѣ того, что насмѣялись-бы тебѣ въ глаза, что такую злостную вещь продаешь. Такъ только ему, человѣку Божію, зная норовъ его простоватый, въ утѣху сказалъ.

«— А я-то думалъ, Астафій Иванычъ, что три рубля серебромъ за нее положили-бы; она вещь суконная, Астафій Иванычъ. Какъ-же трехрублевый, коли суконная вещь?

«— Не знаю, говорю, Емельянъ Ильичъ; коль несть хочешь, такъ, конечно, три рубля нужно будетъ съ перваго слова просить.

«Помолчалъ немного Емеля; потомъ опять окликаетъ.

«— Астафій Иванычъ!

«— Что, спрашиваю, Емельянушка?

«— Вы продайте шпиленочку-то, какъ я помру, а меня въ ней не хороните. Я и такъ полежу; а она вещь цѣнная; вамъ пригодиться можетъ.

«Тутъ у меня такъ, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная къ человѣку подступаетъ. Опять замолчали. Этакъ часъ прошло времени. Посмотрѣлъ я на него съизнова: все на меня смотритъ, а какъ встрѣтился взглядомъ со мной, опять потупился.

«— Не хотите-ли, говорю, водицы испить, Емельянъ Ильичъ?

«— Дайте, Господь съ вами, Астафій Иванычъ.

«Подалъ я ему испить. Отпилъ. — Благодарствую, говоритъ, Астафій Иванычъ.

«— Не надо-ли еще чего, Емельянушка?

«— Нѣтъ, Астафій Иванычъ; ничего не надо; а я того...

«— Что?

«— Этого...

«— Чего такого, Емелюшка?

«— Ретузы-то... энтого... это я ихъ взялъ у васъ тогда... Астафій Иванычъ...

«— Ну, Господь, говорю, тебя проститъ, Емельянушка, горемыка ты такой-сякой, этакой! Отходи съ миромъ... А у самого, сударь, духъ захватило, и слезы изъ глазъ посыпались; отвернулся было я на минуту.

«— Астафій Иванычъ...

«Смотрю: хочетъ Емеля мнѣ что-то сказать; самъ приподнимается, силится, губами шевелитъ... Весь вдругъ покраснѣлъ, смотритъ на меня... Вдругъ вижу: опять блѣднѣетъ, блѣднѣетъ, опалъ совсѣмъ во мгновенье, голову назадъ закинулъ, дохнулъ разъ, да тутъ и Богу душу отдалъ».

. . . . . .

ЁЛКА И СВАДЬБА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

На дняхъ я видѣлъ свадьбу... но нѣтъ! Лучше я вамъ разскажу про ёлку. Свадьба хороша; она мнѣ очень понравилась, но другое происшествіе лучше. Не знаю какимъ образомъ, смотря на эту свадьбу, я вспомнилъ про эту ёлку. Это вотъ какъ случилось. Ровно лѣтъ пять назадъ, наканунѣ Новаго года, меня пригласили на дѣтскій балъ. Лицо приглашавшее было одно извѣстное дѣловое лицо, со связями, съ знакомствомъ, съ интригами, такъ, что можно было подумать, что дѣтскій балъ этотъ былъ предлогомъ для родителей сойдтись въ кучу и потолковать объ иныхъ, интересныхъ матеріяхъ, невиннымъ, случайнымъ, нечаяннымъ образомъ. Я былъ человѣкъ посторонній; матерій у меня не было никакихъ, и потому я провелъ вечеръ довольно независимо. Тутъ былъ и еще одинъ господинъ, у котораго, кажется, не было ни роду, ни племени, но который, подобно мнѣ, попалъ на семейное счастье... Онъ прежде всѣхъ бросился мнѣ на глаза. Эти былъ высокій, худощавый мужчина, весьма серіозный, весьма прилично одѣтый. Но видно было, что ему вовсе не до радостей и семейнаго счастья; когда онъ отходилъ куда нибудь въ уголъ, то сейчасъ-же переставалъ улыбаться и хмурилъ свои густыя, черныя брови. Знакомыхъ, кромѣ хозяина, на всемъ балѣ у него не было ни единой души. Видно было, что ему страхъ скучно, но что онъ выдерживалъ храбро, до конца, роль совершенно развлеченнаго и счастливаго человѣка. Я послѣ узналъ, что это одинъ господинъ изъ провинціи, у котораго было какое-то рѣшительное, головоломное дѣло въ столицѣ, который привезъ нашему хозяину рекомендательное письмо, которому хозяинъ нашъ покровительствовалъ вовсе не con amore, и котораго пригласилъ изъ учтивости на свой дѣтскій балъ. Въ карты не играли, сигары ему не предложили, въ разговоры съ нимъ никто не пускался, можетъ быть, издали узнавъ птицу по перьямъ, и потому мой господинъ принужденъ былъ, чтобъ только куда нибудь дѣвать руки, весь вечеръ гладить свои бакенбарды. Бакенбарды были дѣйствительно весьма хороши. Но онъ гладилъ ихъ до того

усердно, что, глядя на него, рѣшительно можно было подумать, что сперва произведены на свѣтъ одни бакенбарды, а потомъ ужь приставленъ къ нимъ господинъ, чтобы ихъ гладить.

Кромѣ этой фигуры, такимъ образомъ, принимавшей участіе въ семейномъ счастіи хозяина, у котораго было пятеро сытенькихъ мальчиковъ, понравился мнѣ еще одинъ господинъ. Но этотъ уже былъ совершенно другаго свойства. Это было лицо. Звали его Юліанъ Мастаковичъ. Съ перваго взгляда можно было видѣть, что онъ былъ гостемъ почетнымъ и находился въ такихъ-же отношеніяхъ къ хозяину, въ какихъ хозяинъ къ господину, гладившему свои бакенбарды. Хозяинъ и хозяйка говорили ему бездну любезностей, ухаживали, поили его, лелѣяли, подводили къ нему, для рекомендаціи, своихъ гостей, а его самого ни къ кому не подводили. Я замѣтилъ, что у хозяина заскрилась слеза на глазахъ, когда Юліанъ Мастаковичъ отнесся по вечеру, что онъ рѣдко проводитъ такимъ пріятнымъ образомъ время. Мнѣ какъ-то стало страшно въ присутствіи такого лица, и потому, полюбовавшись на дѣтей, я ушелъ въ маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засѣлъ въ цвѣточную бесѣдку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дѣти всѣ были до невѣроятности милы и рѣшительно не хотѣли походить на *большихъ*, не смотря на всѣ увѣщанія гувернантокъ и маменекъ. Они разобрали всю ёлку въ мигъ, до послѣдней конфетки, и успѣли уже переломать половину игрушекъ прежде чѣмъ узнали, кому какая назначена. Особенно хорошъ былъ мальчикъ, черноглазый, въ кудряшкахъ, который все хотѣлъ меня застрѣлить изъ своего деревяннаго ружья. Но всѣхъ болѣе обратила на себя вниманіе его сестра, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прелестная какъ амурчикъ, тихонькая, задумчивая, блѣдная, съ большими задумчивыми глазами на выкатѣ. Ее какъ-то обидѣли дѣти и потому она ушла въ ту самую гостиную, гдѣ сидѣлъ я, и занялась въ уголку —своей куклой. Гости съ уваженіемъ указывали на одного богатаго откупщика, ея родителя, и кое-кто замѣчалъ шепотомъ, что за ней уже отложено на приданое триста тысячъ рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующихъ о такомъ обстоятельствѣ и взглядъ мой упалъ на Юліана Мастаковича, который, закинувъ руки за спину и наклонивъ немножечко голову на бокъ, какъ-то чрезвычайно внимательно прислушивался къ празднословію этихъ господъ. Потомъ я не могъ не подивиться мудрости хозяевъ при раздачѣ дѣтскихъ подарковъ. Дѣвочка, уже имѣвшая триста тысячъ рублей приданаго, получила богатѣйшую куклу. Потомъ слѣдовали подарки понижаясь, смотря по понижению рангов родителей всѣхъ этихъ

счастливыхъ дѣтей. Наконецъ, послѣдній ребенокъ, мальчикъ лѣтъ десяти, худенькій, маленькій, весноватенькій, рыженькій, получилъ только одну книжку повѣстей, толковавшихъ о величіи природы, о слезахъ умиленія, и проч., безъ картинокъ и даже безъ виньетки. Онъ былъ сынъ гувернантки хозяйскихъ дѣтей, одной бѣдной вдовы, мальчикъ крайне забитый и запуганный. Одѣтъ онъ былъ въ курточку изъ убогой нанки. Получивъ свою книжку, онъ долгое время ходилъ около другихъ игрушекъ; ему ужасно хотѣлось поиграть съ другими дѣтьми, но онъ не смѣлъ; видно было, что онъ уже чувствовалъ и понималъ свое положеніе. Я очень люблю наблюдать за дѣтьми. Чрезвычайно любопытно въ нихъ первое, самостоятельное проявленіе въ жизни. Я замѣтилъ, что рыженькій мальчикъ до того соблазнился богатыми игрушками другихъ дѣтей, особенно театромъ, въ которомъ ему непремѣнно хотѣлось взять на себя какую-то роль, что рѣшился поподличать. Онъ улыбался и заигрывалъ съ другими дѣтьми, онъ отдалъ свое яблоко одному одутловатому мальчишкѣ, у котораго навязанъ былъ полный платокъ гостинцевъ и даже рѣшился повозить одного на себѣ, чтобъ только не отогнали его отъ театра. Но чрезъ минуту какой-то озорникъ препорядочно поколотилъ его. Ребенокъ не посмѣлъ заплакать. Тутъ явилась гувернантка, его маменька, и велѣла ему не мѣшать играть другимъ дѣтямъ. Ребенокъ вошелъ въ ту-же гостиную, гдѣ была дѣвочка. Она пустила его къ себѣ, и оба весьма усердно принялись наряжать богатую куклу.

Я сидѣлъ уже съ полчаса въ плющевой бесѣдкѣ и почти задремалъ, прислушиваясь къ маленькому говору рыженькаго мальчика и красавицы съ тремя стами тысячъ приданаго, хлопотавшихъ о куклѣ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Юліанъ Мастаковичъ. Онъ воспользовался скандалезною сценою ссоры дѣтей и вышелъ потихоньку изъ залы. Я замѣтилъ, что онъ съ минуту назадъ весьма горячо говорилъ съ маменькой будущей богатой невѣсты, съ которымъ только что познакомился, о преимуществѣ какой-то службы передъ другою. Теперь онъ стоялъ въ раздумьи и какъ будто что-то разсчитывалъ по пальцамъ.

— Триста... триста, шепталъ онъ.—Одиннадцать... двѣнадцать... тринадцать, и т. д. Шестнадцать, —пять лѣтъ! Положимъ по 4 на сто — 12, пять разъ = 60, да на эти 60... ну, положимъ, всего будетъ черезъ пять лѣтъ—четыреста. Да! вотъ... Да не по четыре-же держитъ, мошенникъ! Можетъ, восемь, аль десять со ста беретъ. Ну, пятьсотъ, положимъ, пятьсотъ тысячъ, по крайней мѣрѣ, это навѣрно; ну, излишекъ на тряпки, гм...

Онъ кончилъ раздумье, высморкался и хотѣлъ уже выдти изъ

комнаты, какъ вдругъ взглянулъ на дѣвочку и остановился. Онъ меня не видалъ за горшками съ зеленью. Мнѣ казалось, что онъ былъ крайне взволнованъ. Или разсчетъ подѣйствовалъ на него, или что нибудь другое, но онъ потиралъ себѣ руки и не могъ постоять на мѣстѣ. Это волненіе увеличилось до nec plus ultra, когда онъ остановился и бросилъ другой рѣшительный взглядъ на будущую невѣсту. Онъ было двинулся впередъ, но сначала оглядѣлся кругомъ. Потомъ, на цыпочкахъ, какъ будто чувствуя себя виноватымъ, сталъ подходить къ ребенку. Онъ подошелъ съ улыбочкой, нагнулся и поцѣловалъ ее въ голову. Та, не ожидая нападенія, вскрикнула отъ испуга.

— А что вы тутъ дѣлаете, милое дитя? спросилъ онъ шепотомъ, оглядываясь и трепля дѣвочку по щекѣ.

— Играемъ...

— А? Съ нимъ? Юліанъ Мастаковичъ покосился на мальчика.

— А ты-бы, душенька, пошелъ въ залу, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ молчалъ и глядѣлъ на него во всѣ глаза. Юліанъ Мастаковичъ опять осмотрѣлся кругомъ и опять нагнулся къ дѣвочкѣ.

— А что это у васъ, куколка, милое дитя? спросилъ онъ.

— Куколка, отвѣчала дѣвочка, морщась и немножко робѣя.

— Куколка... А знаете-ли вы, милое дитя, изъ чего ваша куколка сдѣлана?

— Не знаю... отвѣчала дѣвочка шепотомъ и совершенно потупивъ голову.

— А изъ тряпочекъ, душенька. —Ты-бы пошелъ, мальчикъ, въ залу, къ своимъ сверстникамъ, сказалъ Юліанъ Мастаковичъ, строго посмотрѣвъ на ребенка. Дѣвочка и мальчикъ поморщились и схватились другъ за друга. Имъ не хотѣлось разлучаться.

— А знаете-ли вы, почему подарили вамъ эту куколку? спросилъ Юліанъ Мастаковичъ, понижая все болѣе и болѣе голосъ.

— Не знаю.

— А оттого, что вы были милое и благонравное дитя всю недѣлю.

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ, взволнованный до-нельзя, осмотрѣлся кругомъ, и, понижая все болѣе и болѣе голосъ, спросилъ, наконецъ, неслышнымъ, почти совсѣмъ замирающимъ отъ волненія и нетерпѣнія голосомъ...

— А будете-ли вы любить меня, милая дѣвочка, когда я пріѣду въ гости къ вашимъ родителямъ?

Сказавъ это, Юліанъ Мастаковичъ хотѣлъ еще одинъ разъ поцаловать милую дѣвочку, но рыженькій мальчикъ, видя, что она

совѣмъ хочетъ заплакать, схватилъ ее за руки и захныкалъ отъ полнѣйшаго сочувствія къ ней. Юліанъ Мастаковичъ разсердился не въ шутку.

— Пошелъ, пошелъ отсюда, пошелъ! говорилъ онъ мальчишкѣ:— пошелъ въ залу! Пошелъ туда, къ своимъ сверстникамъ!

— Нѣтъ, не нужно, не нужно! Пойдите вы прочь, сказала дѣвочка: — оставьте его, оставьте его! говорила она, почти совѣмъ заплакавъ.

Кто-то зашумѣлъ въ дверяхъ. Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же приподнялъ свой величественный корпусъ и испугался. Но рыженькій мальчикъ испугался еще болѣе Юліана Мастаковича, бросилъ дѣвочку и тихонько, опираясь о стѣнку, прошелъ изъ гостиной въ столовую. Чтобъ не подать подозрѣній, Юліанъ Мастаковичъ пошелъ также въ столовую. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ и, взглянувъ въ зеркало, какъ будто сконфузился себя самого. Ему, можетъ быть, стало досадно за горячку свою и свое нетерпѣніе. Можетъ быть, его такъ поразилъ, въ началѣ, разсчетъ по пальцамъ, такъ соблазнилъ и вдохновилъ, что онъ, не смотря на всю солидность и важность, рѣшился поступить какъ мальчишка и прямо абордировать свой предметъ, не смотря на то, что предметъ могъ быть настоящимъ предметомъ, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ спустя. Я вышелъ за почтеннымъ господиномъ въ столовую и увидѣлъ странное зрѣлище. Юліанъ Мастаковичъ, весь покраснѣвъ отъ досады и злости, пугалъ рыжаго мальчика, который, уходя отъ него все дальше и дальше, не зналъ—куда забѣжать отъ страха.

— Пошелъ, что здѣсь дѣлаешь, пошелъ негодникъ, пошелъ! Ты здѣсь фрукты таскаешь, а? Ты здѣсь фрукты таскаешь? Пошелъ, негодникъ, пошелъ, сопливый, пошелъ, пошелъ къ своимъ сверстникамъ!

Перепуганный мальчикъ, рѣшившись на отчаянное средство, попробовалъ было залѣзть подъ столъ. Тогда его гонитель, разгорячennый до-нельзя, вынулъ свой длинный батистовый платокъ и началъ имъ выхлестывать изъ-подъ стола ребенка, присмирѣвшаго до послѣдней степени. Нужно замѣтить, что Юліанъ Мастаковичъ былъ немножко толстенекъ. Это былъ человѣкъ сытенькій, румяненькій, плотненькій, съ брюшкомъ, съ жирными ляшками, словомъ, что называется, крѣпышъ, кругленькій, какъ орѣшекъ. Онъ вспотѣлъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ ужасно. Наконецъ, онъ почти остервенился, такъ велико было въ немъ чувство негодованія и, можетъ быть (кто знаетъ?), ревности. Я захохоталъ во все горло. Юліанъ Мастаковичъ оборотился и, не смотря на все значеніе свое, сконфузился въ прахъ. Въ это время изъ противоположной двери вошелъ

хозяинъ. Мальчишка вылѣзъ изъ-подъ стола и обтралъ свои колѣни и локти. Юліанъ Мастаковичъ поспѣшилъ поднесть къ носу платокъ, который держалъ, за одинъ кончикъ, въ рукахъ.

Хозяинъ немножко съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на трохъ насъ; но, какъ человѣкъ, знающій жизнь и смотрящій на нее съ точки серіозной, тотчасъ-же воспользовался тѣмъ, что поймалъ наединѣ своего гостя.

— Вотъ-съ, тотъ мальчикъ-съ, сказалъ онъ, указавъ на рыженькаго:—о которомъ я имѣлъ честь просить...

— А? отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, еще не совсѣмъ оправившись.

— Сынъ гувернантки дѣтей моихъ, продолжалъ хозяинъ просительнымъ тономъ:—бѣдная женщина, вдова, жена одного честнаго чиновника; и потому... Юліанъ Мастаковичъ, если возможно...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно закричалъ Юліанъ Мастаковичъ:—нѣтъ, извините меня, Филиппъ Алексѣевичъ, никакъ невозможно-съ. Я справлялся; вакансіи нѣтъ, а если-бы и была, то на нее уже десять кандидатовъ, гораздо болѣе имѣющихъ право, чѣмъ онъ... Очень жаль, очень жаль...

— Жаль-съ, повторилъ хозяинъ:—мальчикъ скромненькій, тихонькій..

— Шалунъ большой, какъ я замѣчаю, отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, истерически скрививъ ротъ:—пошелъ, мальчикъ, что ты стоишь, пойди къ своимъ сверстникамъ! сказалъ онъ, обращаясь къ ребенку.

Тутъ онъ, кажется, не могъ утерпѣть и взглянулъ на меня однимъ глазомъ. Я тоже не могъ утерпѣть и захохоталъ ему прямо въ глаза. Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ-же отворотился и довольно явственно для меня спросилъ у хозяина, кто этотъ странный молодой человѣкъ? Они зашептались и вышли изъ комнаты. Я видѣлъ потомъ, какъ Юліанъ Мастаковичъ, слушая хозяина, съ недовѣрчивостью качалъ головою.

Нахохотавшись вдоволь, я воротился въ залу. Тамъ великій мужъ, окруженный отцами и матерями семействъ, хозяйкой и хозяиномъ, что-то съ жаромъ толковалъ одной дамѣ, къ которой его только что подвели. Дама держала за руку дѣвочку, съ которою, десять минутъ назадъ, Юліанъ Мастаковичъ имѣлъ сцену въ гостиной. Теперь онъ разсыпался въ похвалахъ и восторгахъ о красотѣ, талантахъ, граціи и благовоспитанности милаго дитяти. Онъ замѣтно юлилъ передъ маменькой. Мать слушала его чуть-ли не со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяинъ радовался изліянію всеобщей радости. Даже всѣ гости сочувствовали, даже

игры дѣтей были остановлены, чтобъ не мѣшать разговору. Весь воздухъ былъ наполненъ благоговѣніемъ. Я слышалъ потомъ, какъ тронутая до глубины сердца маменька интересной дѣвочки, въ отборныхъ выраженіяхъ, просила Юліана Мастаковича сдѣлать ей особую честь, подарить ихъ домъ своимъ драгоцѣннымъ знакомствомъ, слышалъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ Юліанъ Мастаковичъ принялъ приглашеніе, и какъ потомъ гости, разойдясь всѣ, какъ приличіе требовало, въ разныя стороны, разсыпались другъ передъ другомъ въ умилительныхъ похвалахъ откупщику, откупщицѣ, дѣвочкѣ и въ особенности Юліану Мастаковичу.

— Женатъ этотъ господинъ? спросилъ я, почти въ слухъ, одного изъ знакомыхъ моихъ, стоявшаго ближе всѣхъ къ Юліану Мастаковичу.

Юліанъ Мастаковичъ бросилъ на меня испытующій и злобный взглядъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ мнѣ мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостію, которую я сдѣлалъ умышленно..

Недавно я проходилъ мимо ***ской церкви: толпа и съѣздъ поразили меня. Кругомъ говорили о свадьбѣ. День былъ пасмурный, начиналась изморозь; я пробрался за толпою въ церковь и увидалъ жениха. Это былъ маленькій, кругленькій, сытенькій человѣчекъ съ брюшкомъ, весьма разукрашенный. Онъ бѣгалъ, хлопоталъ и распоряжался. Наконецъ, раздался говоръ, что привезли невѣсту. Я протѣснился сквозь толпу и увидѣлъ чудную красавицу, для которой едва настала первая весна Но красавица была блѣдна и грустна. Она смотрѣла разсѣянно: мнѣ показалось даже, что глаза ея были красны отъ недавнихъ слезъ. Античная строгость каждой черты лица ея придавала какую-то важность и торжественность ея красотѣ. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвѣчивалъ еще первый дѣтскій, невинный обликъ: сказывалось что-то до нельзя наивное, неустановившееся, юное, и, казалось, безъ просьбъ, само за себя молившее о пощадѣ.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Взглянувъ внимательно на жениха, я вдругъ узналъ въ немъ Юліана Мастаковича, котораго не видалъ ровно пять лѣтъ. Я поглядѣлъ на нее.. Боже мой! Я сталъ протѣсняться скорѣе изъ церкви. Въ толпѣ толковали, что невѣста богата, что у невѣсты пятьсотъ тысячъ приданаго... и на сколько-то тряпками...

— Однако, разсчетъ былъ хорошъ! подумалъ я, протѣснившись на улицу...

БѢЛЫЯ НОЧИ

САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МЕЧТАТЕЛЯ)

. . . Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье.
Въ сосѣдствѣ сердца твоего?..

Ив. Тургеневъ.

ПОЧЬ ПЕРВАЯ.

Была чудная ночь, такая ночь, которая развѣ только и можетъ быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звѣздное, такое свѣтлое небо, что, взглянувъ на него, невольно нужно было спросить себя: неужели-же могутъ жить подъ такимъ небомъ разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопросъ, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вамъ Господь чаще на душу!.. Говоря о капризныхъ и разныхъ сердитыхъ господахъ, я не могъ не припомнить и своего благонравнаго поведенія во весь этотъ день. Съ самаго утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мнѣ вдругъ показалось, что меня, одинокаго, всѣ покидаютъ, и что всѣ отъ меня отступаются. Оно, конечно, всякій въ правѣ спросить: кто-жъ эти всѣ? Потому что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести. Но къ чему мнѣ знакомства? Мнѣ и безъ того знакомъ весь Петербургъ; вотъ почему мнѣ и показалось, что меня всѣ покидаютъ, когда весь Петербургъ поднялся и вдругъ уѣхалъ на дачу. Мнѣ страшно стало оставаться одному, и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ, рѣшительно не понимая, что со мной дѣлается. Пойду-ли на Невскій, пойду-ли въ садъ, брожу-ли по набережной — ни одного лица изъ тѣхъ, кого привыкъ встрѣчать въ томъ-же мѣстѣ въ извѣстный часъ, цѣлый годъ. Они, конечно, не знаютъ меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю: я почти изучилъ ихъ физіономіи — и любуюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свелъ дружбу съ однимъ старичкомъ, котораго встрѣчаю каждый Божій день, въ извѣстный часъ, на Фонтанкѣ. Физіономія такая важная, задумчивая: все шепчетъ подъ

ность и махаетъ лѣвой рукой, а въ правой у него длинная сучковатая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Даже онъ замѣтилъ меня и принимаетъ во мнѣ душевное участіе. Случись, что я не буду въ извѣстный часъ на томъ-же мѣстѣ Фонтанки, я увѣренъ, что на него нападетъ хандра. Вотъ отчего мы иногда чуть не кланяемся другъ съ другомъ, особенно когда оба въ хорошемъ расположеніи духа. Намедни, когда мы не видались цѣлые два дня и на третій день встрѣтились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились во время, опустили руки и съ участіемъ прошли другъ подлѣ друга. Мнѣ тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый какъ будто забѣгаетъ впередъ меня на улицу, глядитъ на меня во всѣ окна и чуть не говоритъ: «здравствуйте; какъ ваше здоровье? И я слава Богу здоровъ, а ко мнѣ въ маѣ мѣсяцѣ прибавятъ этажъ». Или: «какъ ваше здоровье? А меня завтра въ починку». Или: «я чуть не сгорѣлъ и при томъ испугался» и т. д. Изъ нихъ у меня есть любимцы, есть короткіе пріятели: одинъ изъ нихъ намѣренъ лѣчиться это лѣто у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтобъ не залѣчили какъ нибудь, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтлорозовымъ домикомъ. Это былъ такой миленькій каменный домикъ, такъ привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ горделиво смотрѣлъ на своихъ неуклюжихъ сосѣдей, что мое сердце радовалось, когда мнѣ случалось проходить мимо. Вдругъ на прошлой недѣлѣ, я прохожу по улицѣ и какъ посмотрѣлъ на пріятеля — слышу жалобный крикъ: «а меня красятъ въ желтую краску! Злодѣи! Варвары! Они не пощадили ничего: ни колонны, ни карнизовъ, и мой пріятель пожелтѣлъ, какъ канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сихъ поръ не въ силахъ былъ повидаться съ изуродованнымъ моимъ бѣднякомъ, котораго раскрасили подъ цвѣтъ поднебесной имперіи.

Итакъ, вы понимаете, читатель, какимъ образомъ я знакомъ со всѣмъ Петербургомъ.

Я уже сказалъ, что меня цѣлые три дня мучило безпокойство, покамѣстъ я догадался о причинѣ его. И на улицѣ мнѣ было худо (того нѣтъ, этого нѣтъ, куда дѣлся такой-то?)—да и дома я былъ самъ не свой. Два вечера добивался я: чего не достаетъ мнѣ въ моемъ углу? Отчего такъ неловко было въ немъ оставаться? — И съ недоумѣніемъ осматривалъ я свои зеленыя, закоптѣлыя стѣны, потолокъ, завѣшанный паутиной, которую съ большимъ успѣхомъ разводила Матрена, пересматривалъ всю свою мебель, осматривалъ каждый стулъ, думая, не тутъ-ли бѣда? (потому что коль у меня хоть одинъ стулъ стоитъ не такъ, какъ вчера стоялъ, такъ я самъ

не свой) смотрѣлъ на окно, и все понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумалъ было призвать Матрену и тутъ-же сдѣлать ей отеческій выговоръ за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрѣла на меня въ удивленіи и пошла прочь, не отвѣтивъ ни слова, такъ что паутина еще до сихъ поръ благополучно виситъ на мѣстѣ. Наконецъ, я только сегодня по утру догадался, въ чемъ дѣло. Э! Да вѣдь они отъ меня удираютъ на дачу! Простите за тривіальное словцо, но мнѣ было не до высокаго слога... потому что вѣдь все, что только ни было въ Петербургѣ, или переѣхало или переѣзжало на дачу; потому что каждый почтенный господинъ солидной наружности, нанимавшій извощика, на глаза мои тотчасъ-же обращался въ почтеннаго отца семейства, который послѣ обыденныхъ должностныхъ занятій отправляется на легкѣ въ нѣдра своей фамиліи, на дачу; потому что у каждаго прохожаго былъ теперь уже совершенно особый видъ, который чуть-чуть не говорилъ всякому встрѣчному: мы, господа, здѣсь только такъ, мимоходомъ, а вотъ черезъ два часа мы уѣдемъ на дачу. Отворялось-ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькіе, бѣлые, какъ сахаръ, пальчики, и высовывалась головка хорошенькой дѣвушки, подзывавшей разносчика съ горшками цвѣтовъ, — мнѣ тотчасъ-же, тутъ-же представлялось, что эти цвѣты только такъ покупаются, то есть вовсе не для того, чтобъ наслаждаться весной и цвѣтами въ душной городской квартирѣ, а что, вотъ, очень скоро всѣ переѣдутъ на дачу и цвѣты съ собою увезутъ. Мало того, я уже сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ новомъ, особенномъ родѣ открытій, что уже могъ безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто дачѣ живетъ. Обитатели Каменнаго и Аптекарскаго острововъ или Петергофской дороги отличались изученнымъ изяществомъ пріемовъ, щегольскими лѣтними костюмами и прекрасными экипажами, въ которыхъ они пріѣхали въ городъ. Жители Парголова и тамъ, гдѣ подальше, съ перваго взгляда внушали своимъ благоразуміемъ и солидностью: посѣтитель Крестовскаго острова отличался невозмутимо-веселымъ видомъ. Удавалось-ли мнѣ встрѣтить длинную процессію домовыхъ извощиковъ, лѣниво шедшихъ съ возжами въ рукахъ подлѣ возовъ, нагруженныхъ цѣлыми горами всякой мебели, столовъ, стульевъ, диванокъ турецкихъ и нетурецкихъ и прочимъ домашнимъ скарбомъ, на которомъ, сверхъ всего этого, зачастую возсѣдала, на самой вершинѣ воза, тщедушная кухарка, берегущая барское добро какъ зѣницу ока: смотрѣлъ-ли я на тяжело нагруженныя домашнею утварью лодки, скользившія по Невѣ или Фонтанкѣ, до Черной рѣчки или острововъ,—воза и лодки удесятерялись, устерялись, въ глазахъ моихъ:

казалось, все поднялось и поѣхало, все переселялось цѣлыми караванами на дачу; казалось, весь Петербургъ грозилъ обратиться въ пустыню, такъ что, наконецъ, мнѣ стало стыдно, обидно и грустно; мнѣ рѣшительно некуда и незачѣмъ было ѣхать на дачу. Я готовъ былъ уйдти съ каждымъ возомъ; уѣхать съ каждымъ господиномъ почтенной наружности, нанимавшимъ извощика; но ни одинъ, рѣшительно никто не пригласилъ меня, словно забыли меня, словно я для нихъ былъ и въ самомъ дѣлѣ чужой!

Я ходилъ много и долго, такъ что уже совсѣмъ усталъ, по своему обыкновенію, забыть, гдѣ я, какъ вдругъ очутился у заставы. Въ мигъ мнѣ стало весело, и я шагнулъ за шлагбаумъ, пошелъ между засѣянныхъ полей и луговъ, не слышалъ усталости, но чувствовалъ только всѣмъ составомъ своимъ, что какое-то бремя спадаетъ съ души моей. Всѣ проѣзжіе смотрѣли на меня такъ привѣтливо, что рѣшительно чуть не кланялись; все были такъ рады чему-то, всѣ до одного курили сигары. И я былъ радъ, какъ еще никогда со мной не случалось. Точно я вдругъ очутился въ Италіи— такъ сильно поразила природа меня, полубольнаго горожанина, чуть не задохнувшагося въ городскихъ стѣнахъ.

Есть что-то неизъяснимо-трогательное въ нашей петербургской природѣ, когда она, съ наступленіемъ весны, вдругъ выкажетъ всю мощь свою, всѣ дарованныя ей небомъ силы, опушится, разрядится, унестрится цвѣтами.. Какъ-то невольно напоминаетъ она мнѣ ту дѣвушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда съ сожалѣніемъ, иногда съ какою-то сострадательною любовью, иногда-же просто не замѣчаете ея, но которая вдругъ, на одинъ мигъ, какъ-то нечаянно сдѣлается неизъяснимо, чудно-прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать такимъ огнемъ эти грустные, задумчивые глаза? Что вызвало кровь на эти блѣдныя, похудѣвшія щеки? Что обвило страстью эти нѣжныя черты лица? Отчего такъ вздымается эта грудь? Что такъ внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бѣдной дѣвушки, заставило его заблистать такой улыбкой, оживиться такимъ сверкающимъ, искрометнымъ смѣхомъ? Вы смотрите кругомъ, вы кого-то ищете, вы догадываетесь . Но мигъ проходитъ, и, можетъ быть, на завтра-же вы встрѣтите опять тотъ-же задумчивый и разсѣянный взглядъ, какъ и прежде, то-же бѣдное лицо, ту-же покорность и робость въ движеніяхъ и даже раскаяніе, даже слѣды какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлеченіе... И жаль вамъ, что такъ скоро, такъ безвозвратно завяла мгновенная красота, что такъ обманчиво и напрасно блеснула она передъ вами — жаль оттого, что даже полюбить ее вамъ не было времени..

А всетаки моя ночь была лучше дня! Вотъ какъ это было:

Я пришелъ назадъ въ городъ очень поздно, и уже пробило десять часовъ, когда я сталъ подходить къ квартирѣ. Дорога моя шла по набережной канала, на которой въ этотъ часъ не встрѣтишь живой души. Правда, я живу въ отдаленнѣйшей части города. Я шелъ и пѣлъ, потому что, когда я счастливъ, я непремѣнно мурлыкаю что нибудь про себя, какъ и всякій счастливый человѣкъ, у котораго нѣтъ ни друзей, ни добрыхъ знакомыхъ и которому въ радостную минуту не съ кѣмъ раздѣлить свою радость. Вдругъ со мной случилось самое неожиданное приключеніе.

Въ сторонкѣ, прислонившись къ перилямъ канала, стояла женщина; облокотившись на рѣшетку, она, повидимому, очень внимательно смотрѣла на мутную воду канала. Она была одѣта въ премиленькой желтой шляпкѣ и въ кокетливой черной мантилькѣ. «Это дѣвушка и непремѣнно брюнетка», подумалъ я. Она, кажется, не слыхала шаговъ моихъ, даже не шевельнулась, когда я прошелъ мимо, затаивъ дыханіе и съ сильно забившимся сердцемъ. «Странно! подумалъ я: «вѣрно она о чемъ нибудь очень задумалась», и вдругъ я остановился какъ вкопаный. Мнѣ послышалось глухое рыданіе. Да! Я не обманулся: дѣвушка плакала, и черезъ минуту еще и еще всхлипываніе. Боже мой! У меня сердце сжалось. И какъ я ни робокъ съ женщинами, но вѣдь это была такая минута!.. Я воротился, шагнулъ къ ней и непремѣнно-бы произнесъ: «Сударыня! Если-бъ только не зналъ, что это восклицаніе уже тысячу разъ произносилось во всѣхъ русскихъ великосвѣтскихъ романахъ. Это одно и остановило меня. Но покамѣстъ я пріискивалъ слово, дѣвушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчасъ-же пошелъ вслѣдъ за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла черезъ улицу и пошла по тротуару. Я не посмѣлъ перейдти черезъ улицу. Сердце мое трепетало, какъ у пойманной птички. Вдругъ одинъ случай **пришелъ ко мнѣ на помощь.**

По той сторонѣ тротуара, недалеко отъ моей незнакомки, вдругъ появился господинъ во фракѣ, солидныхъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ солидной походки. Онъ шелъ пошатываясь и осторожно зашаркая объ стѣнку. Дѣвушка-же шла, словно стрѣлка, горделиво и робко, какъ вообще ходятъ всѣ дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобъ кто нибудь вызвался провожать ихъ ночью домой, и. конечно, качавшійся господинъ ни за что не догналъ-бы ея, если-бъ судьба моя не надоумила его поискать искусственныхъ средствъ. Вдругъ, не сказавъ ни кому ни слова, мой господинъ срывается съ мѣста и летитъ со всѣхъ ногъ, бѣжитъ, догоняя мою незнакомку. Она

ила какъ вѣтеръ, но колыхавшійся господинъ, насчиталъ, настигъ, дѣвушка вскрикнула—и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этотъ разъ въ моей правой рукѣ. Я мигомъ очутился на той сторонѣ тротуара, мигомъ незваный господинъ понялъ въ чемъ дѣло, принялъ въ соображеніе неотразимый резонъ, замолчалъ, отсталъ и только, когда мы были очень далеко, протестовалъ противъ меня въ довольно энергическихъ терминахъ. Но до насъ едва долетѣли слова его.

— Дайте мнѣ руку, сказалъ я моей незнакомкѣ: — и онъ не посмѣетъ больше къ намъ приставать.

Она молча подала мнѣ свою руку, еще дрожавшую отъ волненія и испуга. О, незваный господинъ! Какъ я благословлялъ тебя въ эту минуту! Я мелькомъ взглянулъ на нее: она была премиленькая и брюнетка — я угадалъ; на ея черныхъ рѣсницахъ еще блестѣли слезинки недавняго испуга, или прежняго горя,—не знаю. Но на губахъ уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснѣла и потупилась.

— Вотъ видите, зачѣмъ-же вы тогда отогнали меня? Если-бъ я былъ тутъ, ничего-бы не случилось...

— Но я васъ не знала: я думала, что вы тоже...

— А развѣ вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вотъ, напримѣръ, отчего вы дрожите?

— О, вы угадали съ перваго раза! отвѣчалъ я въ восторгѣ, что моя дѣвушка умница: это при красотѣ никогда не мѣшаетъ.— Да, вы съ перваго взгляда угадали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Точно, я робокъ съ женщинами, я въ волненіи, не спорю, не меньше какъ были вы минуту назадъ, когда этотъ господинъ испугалъ васъ... Я въ какомъ-то испугѣ теперь. Точно сонъ, а я даже и во снѣ не гадалъ, что когда нибудь буду говорить хоть съ какой нибудь женщиной.

— Какъ? Неужели?..

— Да, если рука моя дрожитъ, то это оттого, что никогда еще ея не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, какъ ваша. Я совсѣмъ отвыкъ отъ женщинъ; то есть я къ нимъ и не привыкалъ никогда: я вѣдь одинъ... Я даже не знаю, какъ говорить съ ними. Вотъ и теперь не знаю—не сказалъ-ли я вамъ какой нибудь глупости? Скажите мнѣ прямо: предупреждаю васъ, я не обидчивъ...

— Нѣтъ, ничего, ничего; напротивъ. И если уже вы требуете, чтобъ я была откровенна, такъ я вамъ скажу, что женщинамъ нравится такая робость: а если вы хотите знать больше, то и мнѣ она тоже нравится, и я не отгоню васъ отъ себя до самаго дома.

— Вы сдѣлаете со мной, началъ я, задыхаясь отъ восторга: что я тотчасъ-же перестану робѣть и тогда — пропали всѣ мои средства!..

— Средства? Какія средства, къ чему? Вотъ это ужь дурно.

— Виноватъ, не буду, у меня съ языка сорвалось: но какъ-же вы хотите, чтобъ въ такую минуту не было желанія...

— Поправиться, что-ли?

— Ну да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Вѣдь вотъ ужь мнѣ двадцать шесть лѣтъ, а я никого никогда не видалъ. Ну, какъ-же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вамъ-же будетъ выгоднѣе, когда все будетъ открыто, наружу... Я не умѣю молчать, когда сердце во мнѣ говоритъ. Ну, да все равно... Повѣрите-ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! И только мечтаю каждый день, что, наконецъ-то, когда нибудь я встрѣчу кого нибудь. Ахъ, если-бъ вы знали, сколько разъ я былъ влюбленъ такимъ образомъ!..

— Но какъ-же, въ кого-же?..

— Да ни въ кого, въ идеалъ, въ ту, которая приснится во снѣ. Я создаю въ мечтахъ цѣлые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя-же безъ того, я встрѣчалъ двухъ—трехъ женщинъ, но какія онѣ женщины? Это все такія хозяйки, что... Но я васъ насмѣшу, я разскажу вамъ, что нѣсколько разъ думалъ заговорить, такъ, запросто, съ какой нибудь аристократкой на улицѣ, разумѣется, когда она одна: заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно: сказать, что погибаю одинъ, чтобъ она не отгоняла меня, что нѣтъ средства узнать хоть какую нибудь женщину: внушить ей, что даже въ обязанностяхъ женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастнаго человѣка, какъ я. Что, наконецъ, и все, чего я требую, состоитъ въ томъ только, чтобъ сказать мнѣ какія нибудь два слова братскія, съ участіемъ, не отогнать меня съ перваго шага, повѣрить мнѣ на-слово, выслушать, что я буду говорить, посмѣяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мнѣ два слова, только два слова, потомъ пусть хоть мы съ ней никогда не встрѣчаемся!.. Но вы смѣетесь... Впрочемъ, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я смѣюсь тому, что вы сами себѣ врагъ, и если-бъ вы попробовали, то вамъ-бы и удалось, можетъ быть, хотьбы и на улицѣ дѣло было: чѣмъ проще, тѣмъ лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа, или особенно не сердита на что нибудь въ ту минуту, не рѣшилась-бы отослать васъ безъ этихъ двухъ словъ, которыхъ вы такъ робко вымаливаете... Впрочемъ, что я! Конечно, приняла-бы васъ за сумасшедшаго. Я

вѣдь судила по себѣ. Сама-то я много знаю, какъ люди на свѣтѣ живутъ!

— О, благодарю васъ, закричалъ я: — вы не знаете, что̀ вы для меня теперь сдѣлали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мнѣ, почему вы узнали, что я такая женщина, съ которой... ну, которую вы считали достойной... вниманія и дружбы... Однимъ словомъ, не хозяйка, какъ вы называете. Почему вы рѣшились подойдти ко мнѣ?

— Почему? Почему? Но вы были одинъ, тотъ господинъ былъ слишкомъ смѣлъ, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нѣтъ, нѣтъ, еще прежде, тамъ, на той сторонѣ. Вѣдь вы хотѣли-же подойдти ко мнѣ?

— Тамъ, на той сторонѣ? Но я, право, не знаю, какъ отвѣчать; я боюсь... Знаете-ли, я сегодня былъ счастливъ; я шелъ, нѣлъ; я былъ за городомъ; со мной еще никогда не бывало такихъ счастливыхъ минутъ. Вы... мнѣ, можетъ быть, показалось... Ну, простите меня, если я напомню: мнѣ показалось, что вы плакали, и я... я не могъ слышать это... у меня стѣснилось сердце... О, Боже мой! Ну, да неужели-же я не могъ потосковать объ васъ? Неужели-же былъ грѣхъ почувствовать къ вамъ братское состраданіе?.. Извините, я сказалъ состраданіе... Ну, да однимъ словомъ, неужели я могъ васъ обидѣть тѣмъ, что невольно вздумалось мнѣ къ вамъ подойдти?...

— Оставьте, довольно, не говорите... сказала дѣвушка, потупившись и сжавъ мою руку. — Я сама виновата, что заговорила объ этомъ; но я рада, что не ошиблась въ васъ... Но вотъ уже я дома; мнѣ нужно сюда въ переулокъ; тутъ два шага... Прощайте, благодарю васъ...

— Такъ неужели-же, неужели мы больше никогда не увидимся?.. Неужели это такъ и останется?

— Видите-ли,—сказала, смѣясь, дѣвушка:—вы хотѣли сначала только двухъ словъ, а теперь... Но, впрочемъ, я вамъ ничего не скажу... Можетъ быть, встрѣтимся...

— Я приду сюда завтра, сказалъ я. — О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпѣливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! прервалъ я ее.—Простите, если я вамъ скажу опять что нибудь такое... Но вотъ что̀: я не могу не придти сюда завтра. Я мечтатель; у меня такъ мало дѣйствительной жизни, что я такія минуты, какъ эту, какъ теперь, считаю такъ рѣдко, что не могу не повторять этихъ минутъ въ мечтаньяхъ.

Я промечтаю объ васъ цѣлую ночь, цѣлую недѣлю, весь годъ. Я непремѣнно приду сюда завтра, именно сюда, на это-же мѣсто, именно въ тотъ часъ, и буду счастливъ, припоминая вчерашнее. Ужь это мѣсто мнѣ мило. У меня уже есть такія два-три мѣста въ Петербургѣ. Я даже одинъ разъ заплакалъ отъ воспоминанія, какъ вы... Почемъ знать, можетъ быть, и вы, тому назадъ десять минутъ, плакали отъ воспоминанія... Но простите меня, я опять забылся; вы, можетъ быть, когда нибудь были здѣсь особенно счастливы...

— Хорошо, сказала дѣвушка,—я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже въ десять часовъ. Вижу, что я уже не могу вамъ запретить... Вотъ въ чемъ дѣло, мнѣ нужно быть здѣсь; не подумайте, чтобъ я вамъ назначала свиданіе; я предупреждаю васъ, мнѣ нужно быть здѣсь для себя. Но вотъ... ну, ужь я вамъ прямо скажу: это будетъ ничего, если и вы придете; во первыхъ, могутъ быть опять непріятности, какъ сегодня, но это въ сторону... Однимъ словомъ, мнѣ просто хотѣлось-бы васъ видѣть... чтобъ сказать вамъ два слова. Только, видите-ли, вы не осудите меня теперь? Не подумайте, что я такъ легко назначаю свиданія.. Я-бы и не назначила, если-бъ... Но пусть это будетъ моя тайна! Только впередъ уговоръ...

— Уговоръ! Говорите, скажите, скажите все заранѣ: я на все согласенъ, на все готовъ, вскричалъ я въ восторгѣ: — я отвѣчаю за себя—буду послушенъ, почитателенъ... вы меня знаете...

— Именно оттого, что знаю васъ, и приглашаю васъ завтра, сказала, смѣясь, дѣвушка.—Я васъ совершенно знаю. Но смотрите, приходите съ условіемъ; во первыхъ (только будьте добры, исполните, что я попрошу,—видите-ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь въ меня... Это нельзя, увѣряю васъ. На дружбу я готова, вотъ вамъ рука моя... А влюбиться нельзя, прошу васъ!

— Клянусь вамъ, закричалъ я, схвативъ ея ручку...

— Полноте, не клянитесь, я вѣдь знаю, вы способны вспыхнуть какъ порохъ. Не осуждайте меня, если я такъ говорю. Если-бъ вы знали.. У меня тоже никого нѣтъ, съ кѣмъ-бы мнѣ можно было слово сказать, у кого-бы совѣта спросить. Конечно, не на улицѣ-же искать совѣтниковъ, да вы исключеніе. Я васъ такъ знаю, какъ будто уже мы двадцать лѣтъ были друзьями... Не правда-ли, вы не измѣните?..

— Увидите... только я не знаю, какъ ужь я доживу хотя сутки.

— Спите покойно: доброй ночи—и помните, что я васъ уже вѣрилась. Но вы такъ хорошо воскликнули давеча: неужели-же

давать отчетъ въ каждомъ чувствѣ, даже въ братскомъ сочувствіи! Знаете-ли, это было такъ хорошо сказано, что у меня тотчасъ-же мелькнула мысль довѣриться вамъ...

— Ради Бога, но въ чемъ? Что?

— До завтра. Пусть это будетъ покамѣстъ тайной. Тѣмъ лучше для васъ; хоть издали будетъ на романъ похоже. Можетъ быть, я вамъ завтра-же скажу, а, можетъ быть, нѣтъ... Я еще съ вами напередъ поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вамъ завтра-же все разскажу про себя! Но что это? Точно чудо со мной совершается... Гдѣ я, Боже мой? Ну, скажите, неужели вы не довольны тѣмъ, что не разсердились, какъ бы сдѣлала другая, не отогнали меня въ самомъ началѣ? Двѣ минуты, и вы сдѣлали меня навсегда счастливымъ. Да, счастливымъ; почемъ знать, можетъ быть, вы меня съ собой помирили, разрѣшили мои сомнѣнія... Можетъ быть, на меня находятъ такія минуты.. Ну, да я вамъ завтра все разскажу, вы все узнаете все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— Согласенъ.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы разстались. Я ходилъ всю ночь; я не могъ рѣшиться воротиться домой. Я былъ такъ счастливъ... до завтра!

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Ну, вотъ и дожили! сказала она мнѣ, смѣясь и пожимая мнѣ обѣ руки.

— Я здѣсь уже два часа; вы не знаете, что было со мной цѣлый день.

— Знаю, знаю... Но къ дѣлу. Знаете, зачѣмъ я пришла? Вѣдь не вздоръ болтать, какъ вчера. Вотъ что: намъ нужно впередъ умнѣй поступать. Я обо всемъ этомъ вчера долго думала.

— Въ чемъ-же, въ чемъ быть умнѣе? Съ моей стороны, я готовъ; но, право, въ жизнь не случалось со мною ничего умнѣе, какъ теперь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во первыхъ, прошу васъ, не жмите такъ моихъ рукъ; во вторыхъ, объявляю вамъ, что я объ васъ сегодня долго раздумывала.

— Ну, и чѣмъ-же кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Кончилось тѣмъ, что нужно все снова на-

чать, потому что въ заключеніе всего я рѣшила сегодня, что вы еще мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, что я вчера поступила, какъ ребенокъ, какъ дѣвочка, и, разумѣется, вышло такъ, что всему виновато мое доброе сердце, то есть я похвалила себя, какъ и всегда кончается, когда мы начнемъ свое разбирать. И потому, чтобъ поправить ошибку, я рѣшила разузнать объ васъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Но такъ какъ разузнавать о васъ не у кого, то вы и должны мнѣ сами все разсказать, всю подноготную. Ну, что вы за человѣкъ? Поскорѣе — начинайте-же, разсказывайте свою исторію.

— Исторію! закричалъ я, испугавшись:—исторію! Но кто вамъ сказалъ, что у меня есть моя исторія? У меня нѣтъ исторіи...

— Такъ какъ-же вы жили, коль нѣтъ исторіи? перебила она, смѣясь.

— Совершенно безъ всякихъ исторій! Такъ, жилъ, какъ у насъ говорится, самъ по себѣ, то есть одинъ совершенно,—одинъ, одинъ, вполнѣ,—понимаете, что̀ такое одинъ?

— Да какъ одинъ? То есть вы никого никогда не видали?

— О, нѣтъ, видѣть-то вижу,—а все-таки я одинъ.

— Что-же, вы развѣ не говорите ни съ кѣмъ?

— Въ строгомъ смыслѣ—ни съ кѣмъ.

— Да кто-же вы такой, объяснитесь! Постойте, я догадываюсь: у васъ вѣрно есть бабушка, какъ и у меня. Она слѣпая и вотъ уже цѣлую жизнь меня никуда не пускаетъ, такъ что я почти разучилась совсѣмъ говорить. А когда я напачкала тому назадъ года два, такъ она видитъ, что меня не удержишь, взяла, призвала меня, да и пришпилила булавкой мое платье къ своему,—и такъ мы съ тѣхъ поръ и сидимъ по цѣлымъ днямъ: она чулокъ вяжетъ, хоть и слѣпая; а я подлѣ нея сиди, шей или книжку вслухъ ей читай,—такой странный обычай, что вотъ уже два года пришпиленная...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Да нѣтъ-же, у меня нѣтъ такой бабушки.

— А коль нѣтъ, такъ какъ это вы можете дома сидѣть?...

— Послушайте, вы хотите знать, кто я таковъ?

— Ну, да, да!

— Въ строгомъ смыслѣ слова?

— Въ самомъ строгомъ смыслѣ слова?

— Извольте, я—тинь.

— Тинь, тинь! Какой тинь? закричала дѣвушка, захохотавъ такъ, какъ будто ей цѣлый годъ не удавалось смѣяться.—Да съ вами превесело! Смотрите: вотъ здѣсь есть скамейка: сядемъ! Здѣсь

никто не ходитъ, насъ никто не услышитъ, и—начинайте-же вашу исторію! Потому что, ужь вы меня не увѣрите, у васъ есть исторія, а вы только скрываетесь. Во первыхъ, что это такое тинъ?

— Тинъ? Тинъ, это оригиналъ, это такой смѣшной человѣкъ! отвѣчалъ я, самъ расхохотавшись вслѣдъ за ея дѣтскимъ смѣхомъ — Это такой характеръ. Слушайте: знаете вы, что̀ такое мечтатель?

— Мечтатель! Позвольте, да какъ не знать? Я сама мечтатель! Иной разъ сидишь подлѣ бабушки и чего-чего въ голову не войдетъ. Ну, вотъ и начнешь мечтать, да такъ раздумаешься — ну, просто за китайскаго принца выхожу... А вѣдь это въ другой разъ и хорошо—мечтать! Нѣтъ, впрочемъ, Богъ знаетъ! Особенно если есть и безъ этого о чемъ думать, прибавила дѣвушка на этотъ разъ довольно серіозно.

— Превосходно! Ужь коли разъ вы выходили за богдыхана китайскаго, такъ, стало быть, совершенно поймете меня. Ну, слушайте... Но позвольте: вѣдь я еще не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Наконецъ-то! Вотъ рано вспомнили!

— Ахъ, Боже мой! Да мнѣ и на умъ не пришло, мнѣ было и такъ хорошо. .

— Меня зовутъ—Настенька.

— Настенька! И только?

— Только! Да неужели вамъ мало, ненасытный вы этакой!

— Мало-ли? Много, много, напротивъ, очень много, Настенька, добренькая вы дѣвушка, коли ст перваго разу вы для меня стали Настенькой!

— То-то-же! Ну!

— Ну, вотъ, Настенька, слушайте-ка, какая тутъ смѣшная исторія.

Я усѣлся подлѣ нея, принялъ педантски-серіозную позу, и началъ словно по писаному:

— Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть въ Петербургѣ довольно странные уголки. Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ тоже солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ, милая Настенька, выживается какъ будто совсѣмъ другая жизнь, непохожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ быть въ тридесятомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серіозное-пресеріозное время Вотъ эта-то жизнь и есть смѣсь чего-то чисто-фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (увы, Настенька!)

тускло-прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать: до невѣроятности пошлаго.

— Фу! Господи Боже мой! Какое предисловіе! Что-же это я услышу?

— Услышите вы, Настенька (мнѣ кажется, я никогда не устану называть васъ Настенькой), услышите вы, что въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди—мечтатели. Мечтатель—если нужно его подробное опредѣленіе—не человѣкъ, а, знаете, какое-то существо средняго рода. Селится онъ большею частію гдѣ нибудь въ неприступномъ углу, какъ будто таится въ немъ даже отъ дневнаго свѣта, и ужь если заберется къ себѣ, то такъ и приростетъ къ своему углу, какъ улитка или, по крайней мѣрѣ, онъ очень похожъ въ этомъ отношеніи на то занимательное животное, которое и животное и домъ вмѣстѣ, которое называется черепахой. Какъ вы думаете, отчего онъ такъ любитъ свои четыре стѣны, выкрашенныя непремѣнно зеленою краскою, законтѣлыя, унылыя и неизволительно обкуренныя? Зачѣмъ этотъ смѣшной господинъ, когда его приходитъ навѣстить кто нибудь изъ его рѣдкихъ знакомыхъ (а кончаетъ онъ тѣмъ, что знакомые у него всѣ переводятся), зачѣмъ этотъ смѣшной человѣкъ встрѣчаетъ его такъ сконфузившись, такъ измѣнившись въ лицѣ и въ такомъ замѣшательствѣ, какъ будто онъ только что сдѣлалъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ преступленіе, какъ будто онъ фабриковалъ фальшивыя бумажки или какіе нибудь стишки для отсылки въ журналъ при анонимномъ письмѣ, въ которомъ обозначается, что настоящій поэтъ уже умеръ и что другъ его считаетъ священнымъ долгомъ опубликовать его вирши? Отчего, скажите мнѣ, Настенька, разговоръ такъ не вяжется у этихъ двухъ собесѣдниковъ? Отчего ни смѣхъ, ни какое нибудь бойкое словцо не слетаетъ съ языка внезапно вспугнаго и озадаченнаго пріятеля, который въ другомъ случаѣ очень любитъ и смѣхъ, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасномъ полѣ, и другія веселыя темы? Отчего-же, наконецъ, этотъ пріятель, вѣроятно, недавній знакомый, и при первомъ визитѣ,—потому что втораго въ такомъ случаѣ уже не будетъ и пріятель другой разъ не придетъ,—отчего самъ пріятель такъ конфузится, такъ костенѣетъ, при всемъ своемъ остроуміи (если только оно есть у него), глядя на опрокинутое лицо хозяина, который въ свою очередь уже совсѣмъ успѣлъ потеряться и сбиться съ послѣдняго толка посль неполныхъ, но тщетныхъ усилій разгладить и уничтожить разговоръ, показать, и съ своей стороны, знаніе свѣтскости, тоже заговорить о прекрасномъ полѣ и хоть такою покорностію понравиться бѣдному, не туда попавшему человѣку, который ошибкою пришелъ къ нему въ гости?

Отчего, наконецъ, гость вдругъ хватается за шляпу и быстро уходитъ, внезапно вспомнивъ о самонужнѣйшемъ дѣлѣ, котораго никогда не бывало, и кое-какъ высвобождаетъ свою руку изъ жаркихъ пожатій хозяина, всячески старающагося показать свое раскаяніе и поправить потерянное? Отчего уходящій пріятель хохочетъ, выйдя за дверь, тутъ-же даетъ самому себѣ слово никогда не приходить къ этому чудаку, хотя этотъ чудакъ въ сущности и превосходнѣйшій малый, и въ тоже время никакъ не можетъ отказать своему воображенію въ маленькой прихоти: сравнить, хоть отдаленнымъ образомъ, физіономію своего недавняго собесѣдника во все время свиданія съ видомъ того несчастнаго котеночка, котораго измяли, застращали и всячески обидѣли дѣти, вѣроломно захвативъ его въ плѣнъ, сконфузили въ прахъ, который забился, наконецъ, отъ нихъ подъ стулъ, въ темноту, и тамъ цѣлый часъ на досугѣ принужденъ отчищиваться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльце обѣими лапами и долго еще послѣ того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку съ господскаго обѣда, принесенную для него сострадательною ключницею?

— Послушайте, перебила Настенька, которая все время слушала меня въ удивленіи, открывъ глаза и ротикъ:—послушайте: я совершенно не знаю, отчего все это произошло и почему именно вы мнѣ предлагаете такіе смѣшные вопросы; но что я знаю навѣрно, такъ то, что всѣ эти приключенія случились непремѣнно съ вами, отъ слова до слова.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я съ самою серіозной миной.

— Ну, коли безъ сомнѣнія, такъ продолжайте, отвѣтила Настенька: — потому что мнѣ очень хочется знать, чѣмъ это кончится.

— Вы хотите знать, Настенька, что такое дѣлалъ въ своемъ углу нашъ герой, или, лучше сказать, я, потому что герой всего дѣла —я, своей собственной, скромной особой: вы хотите знать, отчего я такъ переполошился и потерялся на цѣлый день отъ неожиданнаго визита пріятеля? Вы хотите знать, отчего я такъ вспорхнулся, такъ покраснѣлъ, когда отворили дверь въ мою комнату, почему я не умѣлъ принять гостя и такъ постыдно погибъ подъ тяжестью собственнаго гостепріимства?

— Ну да, да! отвѣчала Настенька:—въ этомъ и дѣло. Послушайте: вы прекрасно разсказываете, но нельзя-ли разсказывать какъ нибудь не такъ прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

— Настенька! отвѣчалъ я важнымъ и строгимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ смѣха: — милая Настенька, я знаю, что я разска-

зываю прекрасно, но—виноватъ, иначе я разсказывать не умѣю. Теперь, милая Настенька, теперь я похожъ на духъ царя Соломона, который былъ тысячу лѣтъ въ кубышкѣ, подъ семью печатями, и съ котораго, наконецъ, сняли всѣ эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять послѣ такой долгой разлуки,—потому что я васъ давно уже зналъ, Настенька, потому что я уже давно кого-то искалъ, а это знакъ, что я искалъ именно васъ, и что намъ было суждено теперь свидѣться,—теперь въ моей головѣ открылись тысячи клапановъ, и я долженъ политься рѣкою словъ, не то я задохнусь. Итакъ, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и послушно; иначе—я замолчу.

— Ни-ни-ни! Никакъ! Говорите! Теперь я не скажу ни слова.

— Продолжаю: есть, другъ мой, Настенька, въ моемъ днѣ одинъ часъ, который я чрезвычайно люблю. Это тотъ самый часъ, когда кончаются почти всякія дѣла, должности и обязательства, и всѣ спѣшатъ по домамъ пообѣдать, прилечь отдохнуть, и тутъ-же, въ дорогѣ, изобрѣтаютъ и другія веселыя темы, касающіяся вечера, ночи и всего остающагося свободнаго времени. Въ этотъ часъ и нашъ герой,—потому что ужъ позвольте мнѣ, Настенька, разсказывать въ третьемъ лицѣ, затѣмъ, что въ первомъ лицѣ все это ужасно стыдно разсказывать,—и такъ, въ этотъ часъ и нашъ герой, который тоже былъ не безъ дѣла, шагаетъ за прочими. Но странное чувство удовольствія играетъ на его блѣдномъ, какъ будто нѣсколько измятомъ лицѣ. Неравнодушно смотритъ онъ на вечернюю зорю, которая медленно гаснетъ на холодномъ петербургскомъ небѣ. Когда я говорю—смотритъ, такъ я лгу: онъ не смотритъ, но созерцаетъ какъ-то безотчетно, какъ будто усталый или занятый въ тоже время какимъ нибудь другимъ, болѣе интереснымъ предметомъ, такъ что развѣ только мелькомъ, почти невольно, можетъ удѣлить время на все окружающее. Онъ доволенъ, потому что покончилъ до завтра съ досадными для него *дѣлами*, и радъ какъ школьникъ, котораго выпустили съ классной скамьи къ любимымъ играмъ и шалостямъ. Посмотрите на него сбоку, Настенька: вы тотчасъ увидите, что радостное чувство уже счастливо подѣйствовало на его слабые нервы и болѣзненно-раздраженную фантазію. Вотъ онъ о чемъ-то задумался... Вы думаете объ обѣдѣ? О сегодняшнемъ вечерѣ? На что онъ такъ смотритъ? На этого-ли господина солидной наружности, который такъ картинно поклонился дамѣ, прокатившейся мимо него на рѣзвоногихъ коняхъ, въ блестящей каретѣ? Нѣтъ, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Онъ теперь уже богатъ *своею особенною* жизнью: онъ какъ-то

вдругъ сталъ богатымъ, и прощальный лучъ потухающаго солнца не напрасно такъ весело сверкнулъ передъ нимъ и вызвалъ изъ согрѣтаго сердца цѣлый рой впечатлѣній. Теперь онъ едва замѣчаетъ ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь «богиня фантазіи» (если вы читали Жуковскаго, милая Настенька) уже заткала прихотливою рукою своею золотую основу и стала развивать передъ нимъ узоры небывалой, причудливой жизни—и, кто знаетъ, можетъ, перенесла его прихотливой рукою на седьмое хрустальное небо съ превосходнаго гранитнаго тротуара, по которому онъ идетъ во-своясн. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдругъ: гдѣ онъ теперь стоитъ, по какимъ улицамъ идетъ?—онъ навѣрно-бы ничего не припомнилъ, ни того, гдѣ ходилъ, ни того, гдѣ стоялъ теперь, и, покраснѣвъ съ досады, непремѣнно солгалъ-бы что нибудь для спасенія приличій. Вотъ почему онъ такъ вздрогнулъ, чуть не закричалъ и съ испугомъ оглядѣлся кругомъ, когда одна очень почтенная старушка учтиво остановила его посреди тротуара и стала разспрашивать его о дорогѣ, которую она потеряла. Нахмурясь съ досады, шагаетъ онъ дальше, едва замѣчая, что не одинъ прохожій улыбнулся, на него глядя, и обратился ему въ слѣдъ, и что какая нибудь маленькая дѣвочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмѣялась, посмотрѣвъ во всѣ глаза на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками. Но все та-же фантазія подхватила на своемъ игривомъ полетѣ и старушку, и любопытныхъ прохожихъ, и смѣющуюся дѣвочку, и мужичковъ, которые тутъ-же вечеряютъ на своихъ баркахъ, запрудившихъ Фонтанку (положимъ, въ это время по ней проходилъ нашъ герой), заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину, и съ новымъ пріобрѣтеніемъ чудакъ уже вошелъ къ себѣ въ отрадную норку, уже съѣлъ за обѣдъ, уже давно отобѣдалъ и очнулся только тогда, когда задумчивая и вѣчно-печальная Матрена, которая ему прислуживаетъ, уже все прибрала со стола и подала ему трубку, очнулся и съ удивленіемъ вспомнилъ, что онъ уже совсѣмъ пообѣдалъ, рѣшительно проглядѣвъ, какъ это сдѣлалось. Въ комнатѣ потемнѣло: на душѣ его пусто и грустно; цѣлое царство мечтаній рушилось вокругъ него, рушилось безъ слѣда, безъ шума и треска, пронеслось какъ сновидѣніе, а онъ и самъ не помнитъ, что ему грезилось. Но какое-то темное ощущеніе, отъ котораго слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желаніе соблазнительно щекочетъ и раздражаетъ его фантазію и незамѣтно сзываетъ цѣлый рой новыхъ призраковъ. Въ маленькой комнатѣ царствуетъ тишина: уединеніе и лѣнь нѣжатъ воображеніе; оно

воспламеняется слегка, слегка закипаетъ, какъ вода въ кофейникѣ старой Матрены, которая безмятежно возится рядомъ, въ кухнѣ, стряпая свой кухарочный кофе. Вотъ оно уже слегка прорывается вспышками, вотъ уже и книга, взятая безъ цѣли и на удачу, выпадаетъ изъ рукъ моего мечтателя, недочитаная и до третьей страницы. Воображеніе его снова настроено, возбуждено, и вдругъ опять новый міръ, новая, очаровательная жизнь блеснула передъ нимъ въ блестящей своей перспективѣ. Новый сонъ —новое счастіе! Новый пріемъ утонченнаго, сладострастнаго яда! О, что ему въ нашей дѣйствительной жизни! На его подкупленный взглядъ мы съ вами, Настенька, живемъ такъ лѣниво, медленно, вяло: на его взглядъ мы всѣ такъ недовольны нашею судьбою, такъ томимся нашею жизнью! Да и вправду, смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ на первый взглядъ все между нами холодно, угрюмо, точно сердито... Бѣдные! думаетъ мой мечтатель. Да и не диво, что думаетъ! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые такъ очаровательно, такъ прихотливо, такъ безбрежно и широко слагаются передъ нимъ въ такой волшебной, одушевленной картинѣ, гдѣ на первомъ планѣ, первымъ лицомъ, ужь конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особою. Посмотрите, какія разнообразныя приключенія, какой безконечный рой восторженныхъ грезъ. Вы спросите, можетъ быть, о чемъ онъ мечтаетъ? Къ чему это спрашивать? да обо всемъ... объ роли поэта, сначала непризнаннаго, а потомъ увѣнчаннаго; о дружбѣ съ Гофманомъ: Варѳоломеевская ночь, Діана Вернонъ, геройская роль при взятіи Казани Иваномъ Васильевичемъ, Клара Мовбрай, Евфія Денеъ, соборъ прелатовъ и Гусъ передъ ними, возстаніе мертвецовъ въ Робертѣ (помните музыку? Кладбищемъ пахнетъ!), Миша и Бренда, сраженіе при Березинѣ, чтеніе поэмы у графини В—й Д—й, Дантонъ, Клеопатра ei suoi amanti, домикъ въ Коломнѣ, свой уголокъ, а подъ милое созданіе, которое слушаетъ васъ, въ зимній вечеръ, раскрывъ ротикъ и глазки, какъ слушаете вы теперь меня, мои маленькій ангельчикъ... Нѣтъ, Настенька, что ему, что ему, сладострастному лѣнивцу, въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? Онъ думаетъ, что это бѣдная, жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, можетъ быть, когда нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастіе отдастъ, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозбраннаго горя. Но покамѣстъ еще не настало оно, это грозное время—онъ ничего не желаетъ, потому что онъ выше желаній, потому что съ нимъ все, потому что онъ пресыщенъ, потому что

онъ самъ художникъ своей жизни и творитъ ее себѣ каждый часъ по новому произволу. И вѣдь такъ легко, такъ натурально создается этотъ сказочный фантастическій міръ! Какъ будто и вирямъ все это не призракъ! Право, вѣрить готовъ въ иную минуту, что вся эта жизнь не возбужденіе чувства, не миражъ, не обманъ воображенія, а что это и вирямъ дѣйствительное, настоящее, сущее! Отчего-жь, скажите, Настенька, отчего-жь въ такія минуты стѣсняется духъ? Отчего-же, какимъ-то волшебствомъ, по какому-то невѣдомому произволу, ускоряется пульсъ, брызжутъ слезы изъ глазъ мечтателя, горятъ его блѣдныя, увлаженныя щеки и такой неотразимой отрадой наполняется все существованіе его? Отчего-же цѣлыя безсонныя ночи проходятъ какъ одинъ мигъ, въ неистощимомъ веселіи и счастіи, и когда заря блеснетъ розовымъ лучемъ въ окна и разсвѣтъ освѣтитъ угрюмую комнату своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ, какъ у насъ, въ Петербургѣ, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпаетъ въ замираніяхъ отъ восторга своего болѣзненно-потрясеннаго духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердцѣ? Да, Настенька, обманешься и невольно вчужѣ повѣришь, что страсть настоящая, истинная волнуетъ душу его, невольно повѣришь, что есть живое, осязаемое въ его безплотныхъ грезахъ! И вѣдь какой обманъ — вотъ, напримѣръ, любовь сошла въ его грудь со всею неистощимою радостью, со всѣми томительными мученіями... Только взгляните на него и убѣдитесь! Вѣрите-ли вы, на него глядя, милая Настенька, что дѣйствительно онъ никогда не зналъ той, которую онъ такъ любилъ въ своемъ изступленномъ мечтаніи? Неужели онъ только и видѣлъ ее въ однихъ обольстительныхъ призракахъ и только лишь снилась ему эта страсть? Неужели и вирямъ не пришли они рука въ руку столько годовъ своей жизни—одни, вдвоемъ, отбросивъ весь міръ и соединивъ каждый свой міръ, свою жизнь съ жизнью друга? Неужели не она, въ поздній часъ, когда настала разлука, не она лежала, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разыгравшейся подъ суровымъ небомъ, не слыша вѣтра, который срывалъ и уносилъ слезы съ черныхъ рѣсницъ ея? Неужели все это была мечта — и этотъ садъ, унылый, заброшенный и дикій, съ дорожками, заросшими мхомъ, уединенный, угрюмый, гдѣ они такъ часто ходили вдвоемъ, надѣялись, тосковали, любили, любили другъ друга такъ долго, «такъ долго и нѣжно!» И этотъ странный, прадѣдовскій домъ, въ которомъ жила она столько времени уединенно и грустно, съ старымъ, угрюмымъ мужемъ, вѣчно-молчаливымъ и желчнымъ, пугавшимъ ихъ, робкихъ какъ дѣтей, уныло и боязливо таившихъ другъ отъ друга любовь свою? Какъ

они мучились, какъ боялись они, какъ невинна, чиста была ихъ любовь и какъ (ужь, разумѣется, Настенька) злы были люди! И, Боже мой, неужели не ее встрѣтилъ онъ потомъ, далеко отъ береговъ своей родины, подъ чужимъ небомъ, полуденнымъ, жаркимъ, въ дивно вѣчномъ городѣ, въ блескѣ бала, при громѣ музыки, въ палаццо (непремѣнно въ палаццо), потонувшемъ въ морѣ огней, на этомъ балконѣ, увитомъ миртомъ и розами, гдѣ она, узнавъ его, такъ поспѣшно сняла свою маску и, прошептавъ: «я свободна», задрожавъ, бросилась въ его объятія, и, вскрикнувъ отъ восторга, прижавшись другъ къ другу, они въ одинъ мигъ забыли и горе, и разлуку, и всѣ мученія, и угрюмый домъ, и старика, и мрачный садъ въ далекой родинѣ, и скамейку, на которой, съ послѣднимъ страстнымъ поцалуемъ, она вырвалась изъ занѣмѣвшихъ въ отчаянной мукѣ объятій его... О, согласитесь, Настенька, что вспорхнешься, смутишься и покраснѣешь какъ школьникъ, только что запихавшій въ карманъ украденное изъ сосѣдняго сада яблоко, когда какой нибудь длинный, здоровый парень, весельчакъ и балагуръ, вашъ незваный пріятель, отворитъ вашу дверь и крикнетъ, какъ будто ничего не бывало: «а я, братъ, сію минуту изъ Павловска!» Боже мой! Старый графъ умеръ, настаетъ неизрѣченное счастіе,— а тутъ люди пріѣзжаютъ изъ Павловска!

Я патетически замолчалъ, кончивъ мои патетическіе возгласы. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось какъ нибудь черезъ силу захохотать, потому что я уже чувствовалъ, что во мнѣ зашевелился какой-то враждебный бѣсенокъ, что мнѣ уже начинало захватывать горло, подергивать подбородокъ, и что все болѣе и болѣе влажнѣли глаза мои... Я ожидалъ, что Настенька, которая слушала меня, открывъ свои умные глазки, захохочетъ всѣмъ своимъ дѣтскимъ, неудержимо-веселымъ смѣхомъ, и уже раскаявался, что зашелъ далеко, что напрасно разсказалъ то, что̀ уже давно накипѣло въ моемъ сердцѣ, о чемъ я могъ говорить какъ по писаному, потому что уже давно приготовилъ я надъ самимъ собой приговоръ, и теперь не удержался, чтобъ не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймутъ: но, къ удивленію моему, она промолчала, погодя немного, слегка пожала мнѣ руку и съ какимъ-то робкимъ участіемъ спросила:

— Неужели и въ самомъ дѣлѣ вы такъ прожили всю свою жизнь?

— Всю жизнь, Настенька, отвѣчалъ я: — всю жизнь и, кажется, такъ и окончу!

— Нѣтъ, этого нельзя, сказала она безпокойно: — этого не будетъ: этакъ, пожалуй, и я проживу всю жизнь подлѣ бабушки. Послушайте, знаете-ли, что это вовсе нехорошо такъ жить?

— Знаю, Настенька, знаю! вскричалъ я, не удерживая болѣе своего чувства. — И теперь знаю больше, чѣмъ когда нибудь, что я даромъ потерялъ всѣ свои лучшіе годы! Теперь это я знаю, и чувствую больнѣе отъ такого сознанія, потому что самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, моего добраго ангела, чтобъ сказать мнѣ это и доказать. Теперь, когда я сижу подлѣ васъ и говорю съ вами, мнѣ ужь и страшно подумать о будущемъ, потому что въ будущемъ,— опять одиночество, опять эта затхлая, ненужная жизнь! И о чемъ мечтать будетъ мнѣ, когда я уже на яву подлѣ васъ былъ такъ счастливъ! О, будьте благословенны, вы, милая дѣвушка, за то, что не отвергли меня съ перваго раза, за то, что уже я могу сказать, что я жилъ хоть два вечера въ моей жизни!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала Настенька, и слезинки заблистали на глазахъ ея:—нѣтъ, такъ не будетъ больше: мы такъ не разстанемся! Что такое два вечера!

— Охъ, Настенька, Настенька! Знаете-ли, какъ надолго вы помирили меня съ самимъ собою? Знаете-ли, что уже я теперь не буду о себѣ думать такъ худо, какъ думалъ въ иныя минуты? Знаете-ли, что уже я, можетъ быть, не буду болѣе тосковать о томъ, что сдѣлалъ преступленіе и грѣхъ въ моей жизни, потому что такая жизнь есть преступленіе и грѣхъ? И не думайте, чтобъ я вамъ преувеличивалъ что нибудь. ради Бога не думайте этого, Настенька, потому что на меня иногда находятъ минуты такой тоски, такой тоски... Потому что мнѣ уже начинаетъ казаться въ эти минуты, что я никогда не способенъ начать жить настоящею жизнію, потому что мнѣ уже казалось, что я потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительномъ: потому что, наконецъ, я проклиналъ самъ себя: потому что послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны! Между тѣмъ слышишь, какъ кругомъ тебя гремитъ и кружится въ жизненномъ вихрѣ людская толпа, слышишь, видишь, какъ живутъ люди—живутъ на яву, видишь, что жизнь для нихъ не заказана, что ихъ жизнь не разлетится какъ сонъ, какъ видѣніе, что ихъ жизнь вѣчно обновляющаяся, вѣчно юная, и ни одинъ часъ ея не похожъ на другой, тогда какъ уныла и до пошлости однообразна шутливая фантазія, раба тѣни, идеи, раба перваго облака, которое внезапно застелетъ солнце и сожметъ тоскою настоящее петербургское сердце, которое такъ дорожитъ своимъ солнцемъ,—а ужь въ тоскѣ какая фантазія! Чувствуешь, что она, наконецъ, устаетъ, истощается въ вѣчномъ напряженіи эта *неистощимая* фантазія, потому что вѣдь мужаешь, выживаешь изъ прежнихъ своихъ идеаловъ: они разбиваются въ пыль, въ обломки;

если-жь нѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ-же обломковъ. А между тѣмъ чего-то другаго проситъ и хочетъ душа! И напрасно мечтатель роется, какъ въ золѣ, въ своихъ старыхъ мечтаніяхъ, ища въ этой золѣ хоть какой нибудь искорки, чтобъ раздуть ее, возобновленнымъ огнемъ пригрѣть похолодѣвшее сердце и воскресить въ немъ снова все, что было прежде такъ мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что вырывало слезы изъ глазъ и такъ роскошно обманывало! Знаете-ли, Настенька, до чего я дошелъ? Знаете-ли, что я уже принужденъ справлять годовщину своихъ ощущеній, годовщину того, что было прежде такъ мило, чего въ сущности никогда не бывало,—потому что эта годовщина справляется все по тѣмъ-же глупымъ, безплотнымъ мечтаніямъ, — и дѣлать это, потому что и этихъ-то глупыхъ мечтаній нѣтъ, затѣмъ, что нечѣмъ ихъ выжить: вѣдь и мечты выживаются! Знаете-ли, что я люблю теперь приномнить и посѣтить въ извѣстный срокъ тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ когда-то по своему, люблю построить свое настоящее подъ ладъ уже безвозвратно-прошедшему, и часто брожу какъ тѣнь, безъ нужды и безъ цѣли, уныло и грустно, по петербургскимъ закоулкамъ и улицамъ. Какія все воспоминанія! Приномнится, напримѣръ, что вотъ здѣсь, ровно годъ тому назадъ, ровно въ это-же время, въ этотъ-же часъ, по этому-же тротуару, бродилъ также одиноко, также уныло, какъ и теперь! И приномнишь, что и тогда мечты были грустны, и хоть и прежде было не легче, но все какъ-то чувствуешь, что какъ будто и легче, и покойнѣе было жить, что не было этой черной думы, которая теперь привязалась ко мнѣ; что не было этихъ угрызеній совѣсти, угрызеній мрачныхъ, угрюмыхъ, которыя ни днемъ, ни ночью теперь не даютъ покоя. И спрашиваешь себя: гдѣ-же мечты твои? И покачиваешь головою, говоришь: какъ быстро летятъ годы! И опять спрашиваешь себя: что-же ты сдѣлалъ съ своими годами? Куда ты схоронилъ свое лучшее время? Ты жилъ или нѣтъ? Смотри, говоришь себѣ, смотри какъ на свѣтѣ становится холодно. Еще пройдутъ годы и за ними придетъ угрюмое одиночество, придетъ съ клюкой грясучая старость, а за ними тоска и уныніе. Поблѣднѣетъ твой фантастическій міръ, замрутъ, увянутъ мечты твои и осыплются какъ желтые листья съ деревьевъ... О, Настенька! Вѣдь грустно будетъ остаться одному, одному совершенно, и даже не имѣть чего пожалѣть — ничего, ровно ничего... потому что все, что потерялъ-то, все это, все было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!

— Ну, не разжалобливайте меня больше! проговорила Настенька, утирая слезинку, которая выкатилась изъ глазъ ея.—Теперь кон-

чено! Теперь мы будемъ вдвоемъ: теперь что̀ ни случись со мной, ужь мы никогда не разстанемся. Послушайте. Я простая дѣвушка, я мало училась, хотя мнѣ бабушка и нанимала учителя: но, право, я васъ понимаю, потому что все, что̀ вы мнѣ пересказали теперь, я ужь сама прожила, когда бабушка меня пришпилила къ платью. Конечно, я-бы такъ не разсказала хорошо, какъ вы разсказали, я не училась,—робко прибавила она, потому что все еще чувствовала какое-то уваженіе къ моей патетической рѣчи и къ моему высокому слогу,—но я очень рада, что вы совершенно открылись мнѣ. Теперь я васъ знаю, совсѣмъ, всего знаю. И знаете что? Я вамъ хочу разсказать и свою исторію, всю безъ утайки, а вы мнѣ послѣ за то дадите совѣтъ. Вы очень умный человѣкъ; обѣщаетесь-ли вы, что вы дадите мнѣ этотъ совѣтъ?

— Ахъ, Настенька, отвѣчалъ я:—я хоть и никогда не былъ совѣтникомъ, и тѣмъ болѣе умнымъ совѣтникомъ, но теперь вижу, что если мы всегда будемъ такъ жить, то это будетъ какъ-то очень умно, и каждый другъ другу надаетъ премного умныхъ совѣтовъ! Ну, хорошенькая моя Настенька, какой-же вамъ совѣтъ? Говорите мнѣ прямо: я теперь такъ веселъ, счастливъ, смѣлъ и уменъ, что за словомъ не полѣзу въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила Настенька, засмѣявшись:—мнѣ нуженъ не одинъ умный совѣтъ, мнѣ нуженъ совѣтъ сердечный, братскій, такъ какъ-бы вы уже вѣкъ свой любили меня!

— Идетъ, Настенька, идетъ! закричалъ я въ восторгѣ: — и если-бъ я уже двадцать лѣтъ васъ любилъ, то все-таки не любилъ-бы сильнѣе теперешняго!

— Руку вашу! сказала Настенька.

— Вотъ она! отвѣчалъ я, подавая ей руку.

— Итакъ, начнемте мою исторію!

Исторія Настеньки.

«— Половину исторіи вы уже знаете, то есть вы знаете, что у меня есть старая бабушка»...

— Если другая половина такъ-же недолга, какъ и эта... перебилъ было я, засмѣявшись.

— Молчите и слушайте. Прежде всего уговоръ: не перебивать меня, а не то я, пожалуй собьюсь. Ну, слушайте-же смирно.

Есть у меня старая бабушка Я къ ней попала еще очень маленькой дѣвочкой, потому что у меня умерли и мать, и отецъ. Надо думать, что бабушка была прежде богаче, потому что и теперь

вспоминаетъ о лучшихъ дняхъ. Она-же меня выучила по французски и потомъ наняла мнѣ учителя Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ (а теперь мнѣ семнадцать), учиться мы кончили. Вотъ въ это время я и напалила; ужь, что̀ я сдѣлала — я вамъ не скажу: довольно того, что проступокъ былъ небольшой. Только бабушка подозвала меня къ себѣ въ одно утро и сказала, что такъ какъ она слѣпа, то за мной не усмотритъ, взяла булавку и пришпилила мое платье къ своему, да тутъ и сказала, что такъ мы будемъ всю жизнь сидѣть, если, разумѣется, я не сдѣлаюсь лучше. Однимъ словомъ, въ первое время отойдти никакъ нельзя было: и работай, и читай, и учись—все подлѣ бабушки. Я было попробовала схитрить одинъ разъ и уговорила сѣсть на мое мѣсто Секлу. Секла—наша работница, она глуха. Секла сѣла вмѣсто меня: бабушка въ это время заснула въ креслахъ, а я отправилась недалеко къ подругѣ. Ну, худо и кончилось. Бабушка безъ меня проснулась и о чемъ-то спросила, думая, что я все еще сижу смирно на мѣстѣ. Секла-то видитъ, что бабушка спрашиваетъ, а сама не слышитъ про что̀, думала, думала, что̀ ей дѣлать, отстегнула булавку, да и пустилась бѣжать»...

Тутъ Настенька остановилась и начала хохотать. Я засмѣялся вмѣстѣ съ нею. Она тотчасъ-же перестала.

«— Послушайте, вы не смѣйтесь надъ бабушкой. Это я смѣюсь оттого, что смѣшно... Что-же дѣлать, когда бабушка, право, такая, а только я ее всѐтаки немножко люблю. Ну, да тогда и досталось мнѣ: тотчасъ меня опять посадили на мѣсто и ужь ни-ни, шевельнуться было нельзя.

Ну-съ, я вамъ еще позабыла сказать, что у насъ, то есть, у бабушки, свой домъ, то есть маленькій домикъ, всего три окна, совсѣмъ деревянный и такой-же старый, какъ бабушка; а на верху мезонинъ; вотъ и переѣхалъ къ намъ въ мезонинъ новый жилецъ ...

— Стало быть, былъ и старый жилецъ? замѣтилъ я мимоходомъ.

— Ужь конечно, былъ, отвѣчала Настенька:—и который умѣлъ молчать лучше васъ. Правда, ужь онъ едва языкомъ ворочалъ. Это былъ старичокъ, сухой, нѣмой, слѣпой, хромой, такъ что, наконецъ, ему стало нельзя жить на свѣтѣ, онъ и умеръ: а затѣмъ и понадобился новый жилецъ, потому что намъ безъ жильца жить нельзя: это съ бабушкинымъ пенсіономъ почти весь нашъ доходъ. Новый жилецъ какъ нарочно былъ молодой человѣкъ, не злѣющій, заѣзжій. Такъ какъ онъ не торговался, то бабушка и пустила его, а потомъ и спрашиваетъ: что, Настенька, нашъ жилецъ молодой или нѣтъ? Я солгать не хотѣла: такъ, говорю, бабушка, не то, чтобъ совсѣмъ молодой, а такъ, не старикъ.

«— Ну, и пріятной наружности? спрашиваетъ бабушка.

«Я опять лгать не хочу. Да, пріятной, говорю, наружности, бабушка! А бабушка говоритъ: «Ахъ! Наказанье, наказанье! Я это, внучка, тебѣ для того говорю, чтобъ ты на него не засматривалась. Экой вѣкъ какой! Поди, такой мелкій жилецъ, а вѣдь тоже пріятной наружности: не то въ старину!»

«А бабушкѣ все-бы въ старину! И моложе-то она была въ старину, и солнце-то было въ старину теплѣе, и сливки въ старину не такъ скоро кисли,—все въ старину! Вотъ я сижу и молчу, а про себя думаю: что-же это бабушка сама меня надоумливаетъ, спрашиваетъ, хорошъ-ли, молодъ-ли жилецъ? Да только такъ, только подумала, и тутъ-же стала опять петли считать, чулокъ вязать, а потомъ совсѣмъ забыла.

«Вотъ разъ, по утру, къ намъ и приходитъ жилецъ, спросить о томъ, что ему комнату обѣщали обоями оклеить. Слово за слово, бабушка-же болтлива, и говоритъ: «сходи, Настенька, ко мнѣ въ спальню, принеси счеты». Я тотчасъ-же вскочила, вся, не знаю отчего, покраснѣла, да и позабыла, что сижу пришпиленная; нѣтъ, чтобъ тихонько отшпилить, чтобъ жилецъ не видалъ,—рванулась такъ, что бабушкино кресло поѣхало. Какъ я увидѣла, что жилецъ все теперь узналъ про меня, покраснѣла, стала на мѣстѣ какъ вкопаная, да вдругъ и заплакала,—такъ стыдно и горько стало въ эту минуту, что хоть на свѣтъ не глядѣть! Бабушка кричитъ: что-жь ты стоишь? А я еще пуще... Жилецъ какъ увидѣлъ, что мнѣ его стыдно стало, откланялся и тотчасъ ушелъ!

Съ тѣхъ поръ я, чуть шумъ въ сѣняхъ, какъ мертвая. Вотъ, думаю, жилецъ идетъ, да потихоньку, на всякій случай, и отшпилю булавку. Только все былъ не онъ, не приходилъ. Прошло двѣ недѣли; жилецъ и присылаетъ сказать съ Ѳеклой, что у него книгъ много французскихъ, и что все хорошія книги, такъ что можно читать, такъ не хочетъ-ли бабушка, чтобъ я ихъ ей почитала, чтобъ не было скучно? Бабушка согласилась съ благодарностью, только все спрашивала, нравственныя книги или нѣтъ, потому что если книги безнравственныя, такъ тебѣ, говоритъ, Настенька, читать никакъ нельзя, ты дурному научишься.

«— А чему-жь научусь, бабушка? Что тамъ написано?

«— А, говоритъ, описано въ нихъ, какъ молодые люди соблазняютъ благонравныхъ дѣвицъ, какъ они, подъ предлогомъ того, что хотятъ ихъ взять за себя, увозятъ ихъ изъ дому родительскаго, какъ потомъ оставляютъ этихъ несчастныхъ дѣвицъ на волю судьбы и онѣ погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. «Я, говоритъ бабушка:—много такихъ книжекъ читала, и все, говоритъ,

такъ прекрасно описано, что ночь сидишь, тихонько читаешь. Такъ ты, говоритъ, Настенька, смотри, ихъ не прочти. Какихъ это, говоритъ, онъ книгъ прислалъ?»

«— А все Вальтера Скотта романы, бабушка.

«— Вальтера Скотта романы! А полно, нѣтъ-ли тутъ какихъ нибудь шашней? Посмотри-ка, не положилъ-ли онъ въ нихъ какой нибудь любовной записочки?

«— Нѣтъ, говорю, бабушка, нѣтъ записки.

«— Да ты подъ переплетомъ посмотри; они иногда въ переплетъ запихиваютъ, разбойники!..

«— Нѣтъ, бабушка, и подъ переплетомъ нѣтъ ничего.

«— Ну, то-то-же!

Вотъ мы и начали читать Вальтеръ Скотта и въ какой нибудь мѣсяцъ почти половину прочли. Потомъ онъ еще и еще присылалъ. Пушкина присылалъ, такъ что, наконецъ, я безъ книгъ и быть не могла и перестала думать, какъ-бы выйдти за китайскаго принца.

Такъ было дѣло, когда одинъ разъ мнѣ случилось повстрѣчаться съ нашимъ жильцомъ на лѣстницѣ. Бабушка зачѣмъ-то послала меня. Онъ остановился, я покраснѣла, и онъ покраснѣлъ: однако, засмѣялся, поздоровался, о бабушкиномъ здоровьѣ спросилъ и говоритъ: «что, вы книги прочли? Я отвѣчала: прочла. «Что-же, говоритъ, вамъ больше понравилось? Я и говорю: Ивангое да Пушкинъ больше всѣхъ понравились». На этотъ разъ тѣмъ и кончилось.

Черезъ недѣлю я ему попалась на лѣстницѣ. Въ этотъ разъ бабушка не посылала, а мнѣ самой надо было зачѣмъ-то. Былъ третій часъ, а жилецъ въ это время домой приходилъ. «Здравствуйте!» говоритъ. Я ему: «здравствуйте!»

«— А что, говоритъ,—вамъ не скучно цѣлый день сидѣть вмѣстѣ съ бабушкой?

Какъ онъ это у меня спросилъ, я, ужъ не знаю отчего, покраснѣла, застыдилась и опять мнѣ стало обидно, видно оттого, что ужъ другіе про это дѣло разспрашивать стали. Я ужъ было хотѣла не отвѣчать и уйдти, да силъ не было.

«— Послушайте, говоритъ, вы добрая дѣвушка! Извините, что я съ вами такъ говорю, но, увѣряю васъ, я вамъ лучше бабушки вашей желаю добра. У васъ подругъ никакихъ, къ которымъ-бы можно было въ гости пойдти?

Я говорю, что никакихъ, что была одна. Маненька, да и та въ Псковъ уѣхала.

«— Послушайте, говоритъ, хотите со мною въ театръ поѣхать?

— Въ театръ? Какъ-же бабушка-то?

«— Да вы, говоритъ, тихонько отъ бабушки...

— Нѣтъ, говорю, я бабушку обманывать не хочу. Прощайте-съ!

«— Ну, прощайте, говоритъ, а самъ ничего не сказалъ.

«Только послѣ обѣда и приходитъ онъ къ намъ: сѣлъ, долго говорилъ съ бабушкой, разспрашивалъ, что она выѣзжаетъ-ли куда нибудь, есть-ли знакомые—да вдругъ и говоритъ: «а сегодня я было ложу взялъ въ оперу: Севильскаго цирюльника даютъ: знакомые ѣхать хотѣли, да потомъ отказались, у меня и остался билетъ на рукахъ».

«— «Севильскаго цирюльника!» закричала бабушка: — да это тотъ самый цирюльникъ, котораго въ старину давали?

«— Да, говоритъ, это тотъ самый цирюльникъ, да и взглянулъ на меня. А я ужь все поняла, покраснѣла, и у меня сердце отъ ожиданія запрыгало!

«— Да какъ-же, говоритъ бабушка:—какъ не знать. Я сама въ старину на домашнемъ театрѣ Розину играла!

«— Такъ не хотите-ли ѣхать сегодня? сказалъ жилецъ. — У меня билетъ пропадаетъ-же даромъ.

«— Да, пожалуй, поѣдемъ, говоритъ бабушка: — отчего-жь не поѣхать? А вотъ у меня Настенька въ театрѣ никогда не была.

«Боже мой, какая радость! Тотчасъ-же мы собрались, снарядились и поѣхали. Бабушка хоть и слѣпа, а все-таки ей хотѣлось музыку слушать, да кромѣ того она старушка добрая: больше меня потѣшить хотѣла, сами-то мы никогда-бы не собрались. Ужь какое было впечатлѣніе отъ «Севильскаго цирюльника»—я вамъ не скажу, только во весь этотъ вечеръ жилецъ нашъ такъ хорошо смотрѣлъ на меня, такъ хорошо говорилъ, что я тотчасъ увидѣла, что онъ меня хотѣлъ испытать по утру, предложивъ, чтобъ я одна съ нимъ поѣхала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, такъ сердце билось, что сдѣлалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о «Севильскомъ цирюльникѣ».

«Я думала, что послѣ этого онъ все будетъ заходить чаще и чаще,—не тутъ-то было. Онъ почти совсѣмъ пересталъ. Такъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, бывало, зайдетъ, и то только съ тѣмъ, чтобы въ театръ пригласить. Раза два мы опять потомъ съѣздили. Только ужь этимъ я была совсѣмъ недовольна. Я видѣла, что ему просто жалко было меня за то, что я у бабушки въ такомъ загонѣ, а больше-то и ничего. Дальше и дальше, и нашло на меня: и сидѣть-то я не сижу, и читать-то я не читаю, и работать не работаю, иногда смѣюсь и бабушкѣ что нибудь на зло дѣлаю, другой

разъ просто плачу. Наконецъ, я похудѣла и чуть было не стала больна. Оперный сезонъ прошелъ, и жилецъ къ намъ совсѣмъ пересталъ заходить; когда-же мы встрѣчались—все на той-же лѣстницѣ, разумѣется—онъ такъ молча поклонится, такъ серіозно, какъ будто и говорить не хочетъ, и ужь сойдетъ совсѣмъ на крыльцо, а я все еще стою на половинѣ лѣстницы, красная, какъ вишня, потому что у меня вся кровь начала бросаться въ голову, когда я съ нимъ повстрѣчаюсь.

«Теперь сейчасъ и конецъ. Ровно годъ тому, въ маѣ мѣсяцѣ, жилецъ къ намъ приходитъ и говоритъ бабушкѣ, что онъ выхлопоталъ здѣсь совсѣмъ свое дѣло и что должно ему опять уѣхать на годъ въ Москву. Я какъ услышала, побѣднѣла и упала на стулъ, какъ мертвая. Бабушка ничего не замѣтила, а онъ, объявивъ, что уѣзжаетъ отъ насъ, откланялся намъ и ушелъ.

«Что мнѣ дѣлать? Я думала-думала, тосковала-тосковала, да, наконецъ, и рѣшилась. Завтра ему уѣзжать, а я порѣшила, что все кончу вечеромъ, когда бабушка уйдетъ спать. Такъ и случилось. Я навязала въ узелокъ все, что было платьевъ, сколько нужно бѣлья, и съ узелкомъ въ рукахъ, ни жива, ни мертва, пошла въ мезонинъ къ нашему жильцу. Думаю, я шла цѣлый часъ по лѣстницѣ. Когда-же отворила къ нему дверь, онъ такъ и вскрикнулъ, на меня глядя. Онъ думалъ, что я привидѣніе, и бросился мнѣ воды подать, потому что я едва стояла на ногахъ. Сердце такъ билось, что въ головѣ больно было, и разумъ мой помутился. Когда-же я очнулась, то начала прямо тѣмъ, что положила свой узелокъ къ нему на постель, сама сѣла подлѣ, закрылась руками и заплакала въ три ручья. Онъ, кажется, мигомъ все понялъ и сталъ передо мной блѣдный и такъ грустно глядѣть на меня, что во мнѣ сердце надорвало.

«— Послушайте, началъ онъ: — послушайте, Настенька, я ничего не могу: я человѣкъ бѣдный: у меня покамѣстъ нѣтъ ничего, даже мѣста порядочнаго: какъ-же мы будемъ жить, если бъ я и женился на васъ?

Мы долго говорили, но я, наконецъ, пришла въ изступленіе, сказала, что не могу жить у бабушки, что уѣду отъ нея, что не хочу, чтобъ меня булавкой пришпиливали, и что я, какъ онъ хочетъ, поѣду съ нимъ въ Москву, потому что безъ него жить не могу. И стыдъ, и любовь, и гордость все разомъ говорило во мнѣ, и я чуть не въ судорогахъ упала на постель. Я такъ боялась отказа!

«Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, потомъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! началъ онъ тоже сквозь слезы:—послушайте. Клянусь вамъ, что если когда нибудь я буду въ состояніи жениться, то непремѣнно вы составите мое счастіе: увѣряю, теперь только одинъ вы можете составить мое счастье. Слушайте: я ѣду въ Москву и пробуду тамъ ровно годъ. Я надѣюсь устроить дѣла свои. Когда ворочусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вамъ, мы будемъ счастливы. Теперь-же невозможно, я не могу, я не въ правѣ хоть что нибудь обѣщать. Но повторяю, если черезъ годъ это не сдѣлается, то хоть когда нибудь непремѣнно будетъ; разумѣется — въ томъ случаѣ, если вы не предпочтете мнѣ другаго, потому что связывать васъ какимъ нибудь словомъ я не могу и не смѣю.

Вотъ что онъ сказалъ мнѣ и на-завтра уѣхалъ. Положено было сообща бабушкѣ не говорить объ этомъ ни слова. Такъ онъ захотѣлъ. Ну, вотъ, теперь почти и кончена вся моя исторія. Прошелъ ровно годъ. Онъ пріѣхалъ, онъ ужь здѣсь цѣлые три дня и, и...

— И что-же? закричалъ я въ нетерпѣніи услышать конецъ.

— И до сихъ поръ не являлся! отвѣчала Настенька, какъ будто собираясь съ силами:—ни слуху, ни духу...

Тутъ она остановилась, помолчала немного, опустила голову и вдругъ, закрывшись руками, зарыдала такъ, что во мнѣ сердце перевернулось отъ этихъ рыданій.

Я никакъ не ожидалъ подобной развязки.

— Настенька! началъ я робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ!—Настенька! Ради Бога, не плачьте! Почему вы знаете? Можетъ быть, его еще нѣтъ...

— Здѣсь, здѣсь! подхватила Настенька. — Онъ здѣсь, я это знаю. У насъ было условіе, тогда еще, въ тотъ вечеръ, наканунѣ отъѣзда: когда уже мы сказали все, что я вамъ пересказала, и условились, мы вышли сюда гулять, именно на эту набережную. Было десять часовъ: мы сидѣли на этой скамейкѣ: я уже не плакала, мнѣ было сладко слушать то, что онъ говорилъ... Онъ сказалъ, что тотчасъ-же по пріѣздѣ придетъ къ намъ, и если я не откажусь отъ него, то мы скажемъ обо всемъ бабушкѣ. Теперь онъ пріѣхалъ, я это знаю, и его нѣтъ, нѣтъ!

И она снова ударилась въ слезы

— Боже мой! Да развѣ никакъ нельзя помочь горю? закричалъ я, вскочивъ со скамейки въ совершенномъ отчаяніи.—Скажите, Настенька, нельзя-ли будетъ хоть мнѣ сходить къ нему? .

— Развѣ это возможно? сказала она, вдругъ подпявъ голову.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! замѣтилъ я, спохватившись.—А вотъ что: напишите письмо.

— НѢТЪ, это невозможно, это нельзя! отвѣчала она рѣшительно, но уже потупивъ голову и не смотря на меня.

— Какъ нельзя? Отчего-жь нельзя? продолжалъ я, ухватившись за свою идею.—Но, знаете, Настенька, какое письмо! Письмо письму рознь и... Ахъ, Настенька, это такъ! ВѢрьтесь мнѣ, вѣрьтесь! Я вамъ не дамъ дурнаго совѣта. Все это можно устроить! Вы-же начали первый шагъ—отчего-же теперь...

— Нельзя, нельзя! Тогда я какъ будто навязываюсь...

— Ахъ, добренькая моя Настенька! перебилъ я, не скрывая улыбки:—нѢтъ-же, нѢтъ: вы, наконецъ, въ правѣ, потому что онъ вамъ обѣщалъ. Да и по всему я вижу, что онъ человѣкъ деликатный, что онъ поступилъ хорошо, продолжалъ я все болѣе и болѣе восторгаясь отъ логичности собственныхъ доводовъ и убѣжденія:— онъ какъ поступилъ? Онъ себя связалъ обѣщаніемъ. Онъ сказалъ, что ни на комъ не женится кромѣ васъ, если только женится: вамъ-же онъ оставилъ полную свободу хоть сейчасъ отъ него отказаться. . Въ такомъ случаѣ, вы можете сдѣлать первый шагъ; вы имѣете право, вы имѣете передъ нимъ преимущество, хоть-бы, напримѣръ, если-бъ захотѣли развязать его отъ даннаго слова...

— Послушайте, вы какъ-бы написали?

— Что?

— Да это письмо.

— Я-бы вотъ какъ написалъ:

«Милостивый Государь»...

— Это такъ непремѣнно нужно—милостивый государь?

— Непремѣнно! Впрочемъ отчего-жь? Я думаю...

— Ну, ну! Дальше!

«Милостивый Государь!

«Извините, что я...» Впрочемъ, нѢтъ, не нужно никакихъ извиненій! Тутъ самый фактъ все оправдываетъ: пишите просто:

«Я пишу къ вамъ. Простите мнѣ мое нетерпѣніе; но я цѣлый годъ была счастлива надеждой: виновата-ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнѣнія? Теперь, когда уже вы пріѣхали, можетъ быть, вы уже измѣнили свои намѣренія. Тогда это письмо скажетъ вамъ, что я не роптщу и не обвиняю васъ. Я не обвиняю васъ за то, что не властна надъ вашимъ сердцемъ: такова уже судьба моя!

«Вы благородный человѣкъ. Вы не улыбнетесь и не подосадуете на мои нетерпѣливыя строки. Вспомните, что ихъ пишетъ бѣдная дѣвушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посовѣтовать ей и что она никогда не умѣла сама совладать съ своимъ сердцемъ. Но простите меня, что въ мою душу хотя на

одинъ мигъ закралось сомнѣніе. Вы неспособны даже и мысленно обидѣть ту, которая васъ такъ любила и любитъ».

— Да, да! Это точно такъ, какъ я думала! закричала Настенька, и радость засіяла въ глазахъ ея. — О! вы разрѣшили мои сомнѣнія, васъ мнѣ самъ Богъ послалъ! Благодарю, благодарю васъ!

— За что? За то, что меня Богъ послалъ? отвѣчалъ я, глядя въ восторгѣ на ея радостное личико.

— Да, хоть за то.

— Ахъ, Настенька! Вѣдь благодаримъ-же мы иныхъ людей хоть за то, что они живутъ вмѣстѣ съ нами. Я благодарю васъ за то, что вы мнѣ встрѣтились, за то, что цѣлый вѣкъ мой буду васъ помнить!

— Ну, довольно, довольно! А теперь вотъ что, слушайте-ка: тогда было условіе, что какъ только пріѣдетъ онъ, такъ тотчасъ дастъ знать о себѣ тѣмъ, что оставитъ мнѣ письмо въ одномъ мѣстѣ у однихъ моихъ знакомыхъ, добрыхъ и простыхъ людей, которые ничего объ этомъ не знаютъ; или если нельзя будетъ написать ко мнѣ письма, затѣмъ, что въ письмѣ не всегда все разскажешь, то онъ, въ тотъ-же день, какъ пріѣдетъ, будетъ сюда ровно въ десять часовъ, гдѣ мы и положили съ нимъ встрѣтиться. О пріѣздѣ его я уже знаю; но вотъ уже третій день нѣтъ ни письма, ни его. Уйдти мнѣ отъ бабушки по утру никакъ нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тѣмъ добрымъ людямъ, о которыхъ я вамъ говорила: они уже переѣхали; а если будетъ отвѣтъ, то сами вы принесете его вечеромъ въ десять часовъ.

— Но письмо, письмо! Вѣдь прежде нужно письмо написать! Такъ развѣ послѣ завтра все это будетъ.

— Письмо... отвѣчала Настенька, немного смѣшавшись: — письмо... но...

Но она не договорила. Она сначала отвернула отъ меня свое личико, покраснѣла какъ роза, и вдругъ я почувствовалъ на моей рукѣ письмо, повидимому уже давно написанное, совсѣмъ приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, граціозное воспоминаніе пронеслось въ моей головѣ!

— R, o—Ro, s, i—si, n, a—na, началъ я.

— Rosina! закричали мы оба, я чуть не обнимая ее отъ восторга, она покраснѣвъ, какъ только могла покраснѣть, и смѣясь сквозь слезы, которыя какъ жемчужинки дрожали на ея черныхъ рѣсницахъ.

— Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! сказала она скороговоркой. — Вотъ вамъ письмо, вотъ и адресъ, куда снести его. Прощайте! До свиданія! До завтра!

Она крѣпко сжала мнѣ обѣ руки, кивнула головой и мелькнула какъ стрѣлка въ свой переулокъ. Я долго стоялъ на мѣстѣ, провожая ее глазами.

— До завтра! До завтра! пронеслось въ моей головѣ, когда она скрылась изъ глазъ моихъ.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Сегодня былъ день печальный, дождливый, безъ просвѣта, точно будущая старость моя. Меня тѣснятъ такія страшныя мысли, такія темныя ощущенія, такіе еще неясные для меня вопросы толпятся въ моей головѣ—а какъ-то нѣтъ ни силы, ни хотѣнія ихъ разрѣшить. Не мнѣ разрѣшить все это!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и поднимался туманъ. Я сказалъ, что завтра будетъ дурной день; она не отвѣчала, она не хотѣла противъ себя говорить: для нея этотъ день и свѣтелъ и ясенъ, и ни одна тучка не застелетъ ея счастія.

— Коли будетъ дождь, мы не увидимся! сказала она: —я не приду.

Я думалъ, что она и не замѣтила сегодняшняго дождя, а между тѣмъ не пришла.

Вчера было наше третье свиданіе, наша третья бѣлая ночь...

Однако, какъ радость и счастіе дѣлаютъ человѣка прекраснымъ! Какъ кипитъ сердце любовью! Кажется, хочешь излить все свое сердце въ другое сердце, хочешь чтобъ все было весело, все смѣялось. И какъ заразительна эта радость! Вчера въ ея словахъ было столько нѣги, столько доброты ко мнѣ въ сердцѣ... Какъ она ухаживала за мной, какъ ласкалась ко мнѣ, какъ ободрила и нѣжила мое сердце! О, сколько кокетства отъ счастія! А я... Я принималъ все за чистую монету, я думалъ, что она...

Но, Боже мой, какъ-же могъ я это думать? Какъ-же могъ я быть такъ слѣпъ, когда уже все взято другимъ, все не мое? когда, наконецъ, даже эта самая нѣжность ея, ея забота, ея любовь... да, любовь ко мнѣ была не что иное, какъ радость о своемъ свиданіи съ другимъ, желаніе навязать и мнѣ свое счастіе?.. Когда онъ не пришелъ, когда мы прождали напрасно, она-же нахмурилась, она-же заробѣла и струсила. Всѣ движенія ея, всѣ слова ея уже стали не такъ легки, игривы и веселы. И, странное дѣло, — она удвоила ко мнѣ свое вниманіе, какъ будто инстинктивно желая на

меня излить то, чего сама желала себѣ, за что сама боялась, если-бъ оно не сбылось. Моя Настенька такъ оробѣла, такъ перепугалась, что, кажется, поняла, наконецъ, что я люблю ее, и скалилась надъ моей бѣдной любовью. Такъ, когда мы несчастны, мы сильнѣе чувствуемъ несчастіе другихъ; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

Я пришелъ къ ней съ полнымъ сердцемъ и едва дождался свиданія. Я не предчувствовалъ того, что буду теперь ощущать, не предчувствовалъ, что все это не такъ кончится. Она сіяла радостью, она ожидала отвѣта. Отвѣтъ былъ онъ самъ. Онъ долженъ былъ придти, прибѣжать на ея зовъ. Она пришла раньше меня цѣлымъ часомъ. Сначала она всему хохотала, всякому слову моему смѣялась. Я началъ было говорить и умолкъ.

— Знаете-ли, отчего я такъ рада? сказала она:—такъ рада на васъ смотрѣть? Такъ люблю васъ сегодня?

— Ну? спросилъ я, и сердце мое задрожало.

— Я оттого люблю васъ, что вы не влюбились въ меня. Вѣдь вотъ иной, на вашемъ мѣстѣ, сталъ-бы безпокоить, приставать, разохался-бы, разболѣлся, а вы такой милый!

Тутъ она такъ сжала мою руку, что я чуть не закричалъ. Она засмѣялась.

— Боже! Какой вы другъ! начала она черезъ минуту очень серіозно.—Да васъ Богъ мнѣ послалъ! Ну, что-бы со мной было, если-бъ васъ со мной теперь не было? Какой вы безкорыстный! Какъ хорошо вы меня любите! Когда я выйду замужъ, мы будемъ очень дружны, больше чѣмъ какъ братья. Я буду васъ любить почти такъ, какъ его...

Мнѣ стало какъ-то ужасно грустно въ это мгновеніе; однако-жъ, что-то похожее на смѣхъ зашевелилось въ душѣ моей.

— Вы въ припадкѣ, сказалъ я:—вы трусите: вы думаете, что онъ не придетъ.

— Богъ съ вами! отвѣчала она: — если-бъ я была меньше счастлива, я-бы, кажется, заплакала отъ вашего невѣрія, отъ вашихъ упрековъ. Впрочемъ, вы меня навели на мысль и задали мнѣ долгую думу; но я подумаю послѣ, а теперь признаюсь вамъ, что правду вы говорите. Да! Я какъ-то сама не своя: я какъ-то вся въ ожиданіи и чувствую все какъ-то слишкомъ легко. Да полноте, оставимъ про чувства!..

Въ это время послышались шаги, и въ темнотѣ показался прохожій, который шелъ къ намъ на встрѣчу. Мы оба задрожали: она чуть не вскрикнула. Я опустилъ ея руку и сдѣлалъ жестъ, какъ будто хотѣлъ отойдти. Но мы обманулись: это былъ не онъ.

— Чего вы боитесь? Зачѣмъ вы бросили мою руку? сказала

она, подавая мнѣ ее опять.—Ну, что-же? Мы встрѣтимъ его вмѣстѣ. Я хочу, чтобъ онъ видѣлъ, какъ мы любимъ другъ друга.

— Какъ мы любимъ другъ друга! закричалъ я.

О, Настенька, Настенька! подумалъ я:—какъ этимъ словомъ ты много сказала! Отъ этакой любви, Настенька, въ *иной* часъ холодѣетъ на сердцѣ и становится тяжело на душѣ. Твоя рука холодная, моя горячая какъ огонь. Какая слѣпая ты, Настенька!.. О! какъ несносенъ счастливый человѣкъ въ иную минуту! Но я не могъ на тебя разсердиться!..»

Наконецъ, сердце мое переполнилось.

— Послушайте, Настенька! закричалъ я: — знаете-ли, что со мной было весь день?

— Ну, что, что такое? Разсказывайте скорѣе! Что-жь вы до сихъ поръ все молчали!

— Во первыхъ, Настенька, когда я исполнилъ всѣ ваши коммисіи, отдалъ письмо, былъ у вашихъ добрыхъ людей, потомъ... потомъ я пришелъ домой и легъ спать.

— Только-то? перебила она, засмѣявшись.

— Да, почти только-то, отвѣчалъ я скрѣпя сердце, потому что въ глазахъ моихъ уже накипали глупыя слезы.—Я проснулся за часъ до нашего свиданія, но какъ будто и не спалъ. Не знаю, что было со мною. Я шелъ, чтобъ вамъ все это разсказать, какъ будто время для меня остановилось, какъ будто одно ощущеніе, одно чувство должно было остаться съ этого времени во мнѣ на вѣчно, какъ будто одна минута должна была продолжаться цѣлую вѣчность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мнѣ казалось, что какой-то музыкальный мотивъ, давно знакомый, гдѣ-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мнѣ. Мнѣ казалось, что онъ всю жизнь просился изъ души моей, и только теперь...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! перебила Настенька: —какъ-же это все такъ? Я не понимаю ни слова.

— Ахъ, Настенька! Мнѣ хотѣлось какъ нибудь передать вамъ это странное впечатлѣніе... началъ я жалобнымъ голосомъ, въ которомъ скрывалась еще надежда, хотя весьма отдаленная.

— Полноте, перестаньте, полноте! заговорила она и въ одинъ мигъ она догадалась, плутовка!

Вдругъ она сдѣлалась какъ-то необыкновенно говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня подъ руку, смѣялась, хотѣла, чтобъ и я тоже смѣялся, и каждое смущенное слово мое отзывалось въ ней такимъ звонкимъ, такимъ долгимъ смѣхомъ... Я начиналъ сердиться, она вдругъ пустилась кокетничать.

— Послушайте, начала она: — а вѣдь мнѣ немножко досадно, что вы не влюбились въ меня. Разберите-ка послѣ этого человѣка! Но вотаки, господинъ непреклонный, вы не можете не похвалить меня за то, что я такая простая. Я вамъ все говорю, все говорю, какая-бы глупость ни промелькнула у меня въ головѣ.

— Слушайте! Это одиннадцать часовъ, кажется, сказалъ я, когда мѣрный звукъ колокола загудѣлъ съ отдаленной городской башни. Она вдругъ остановилась, перестала смѣяться и начала считать.

— Да, одиннадцать, сказала она, наконецъ, робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ.

Я тотчасъ-же раскаялся, что напугалъ ее, заставилъ считать часы и проклялъ себя за припадокъ злости. Мнѣ стало за нее грустно и я не зналъ, какъ искупить свое прегрѣшеніе. Я началъ ее утѣшать, выискивать причины его отсутствія, подводить разные доводы, доказательства. Никого нельзя было легче обмануть, какъ ее, въ эту минуту, да и всякій въ эту минуту какъ-то радостно выслушиваетъ хоть какое-бы то ни было утѣшеніе, и радъ-радъ, коли есть хоть тѣнь оправданія.

— Да и смѣшное дѣло, началъ я, все болѣе и болѣе горячась и любуясь на необыкновенную ясность своихъ доказательствъ: — да и не могъ онъ придти: вы и меня обманули и завлекли, Настенька, такъ что и я времени счетъ потерялъ... Вы только подумайте: онъ едва могъ получить письмо; положимъ, ему нельзя придти, положимъ, онъ будетъ отвѣчать, такъ письмо придетъ не раньше, какъ завтра. Я за нимъ завтра чѣмъ свѣтъ схожу и тотчасъ-же дамъ знать. Предположите, наконецъ, тысячу вѣроятностей: ну, его не было дома, когда принило письмо, и онъ, можетъ быть, его и до сихъ поръ не читалъ? Вѣдь все можетъ случиться.

— Да, да! отвѣчала Настенька: — я и не подумала; конечно, все можетъ случиться, продолжала она самымъ сговорчивымъ голосомъ, но въ которомъ, какъ досадный диссонансъ, слышалась какая-то другая, отдаленная мысль.—Вотъ что вы сдѣлайте, продолжала она: — вы идите завтра, какъ можно раньше, и если получите что нибудь, тотчасъ-же дайте мнѣ знать. Вы вѣдь знаете, гдѣ я живу? И она начала повторять мнѣ свой адресъ.

Потомъ она вдругъ стала такъ нѣжна, такъ робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что я ей говорилъ; но когда я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она смолчала, смѣшалась и отворотила отъ меня головку. Я заглянулъ ей въ глаза— такъ и есть: она плакала.

— Ну, можно-ли, можно-ли? Ахъ, какое вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородокъ ея дрожалъ и грудь все еще колыхалась.

— Я думаю объ васъ, сказала она мнѣ послѣ минутнаго молчанія: — вы такъ добры, что я была-бы каменная, если-бъ не чувствовала этого. Знаете, что̀ мнѣ пришло теперь въ голову? Я васъ обоихъ сравнивала. Зачѣмъ онъ — не вы? Зачѣмъ онъ не такой, какъ вы? Онъ хуже васъ, хоть я и люблю его больше васъ.

Я не отвѣчалъ ничего. Она, казалось, ждала, чтобъ я сказалъ что нибудь.

— Конечно, я, можетъ быть, не совсѣмъ еще его понимаю, не совсѣмъ его знаю. Знаете, я какъ будто всегда боялась его; онъ всегда былъ такой серіозный, такой какъ будто гордый. Конечно, я знаю, что это онъ только смотритъ такъ, что въ сердцѣ его больше, чѣмъ въ моемъ, нѣжности... Я помню, какъ онъ посмотрѣлъ на меня тогда, какъ я, —помните,— пришла къ нему съ узелкомъ: но все-таки я его какъ-то слишкомъ уважаю, а вѣдь это какъ будто-бы мы и неровня?

— Нѣтъ, Настенька, нѣтъ, отвѣчалъ я: —это значитъ, что вы его больше всего на свѣтѣ любите, и гораздо больше себя самой любите.

— Да, положимъ, что это такъ, отвѣчала наивная Настенька:— но знаете-ли, что̀ мнѣ пришло теперь въ голову? Только я теперь не про него буду говорить, а такъ вообще: мнѣ уже давно все это приходило въ голову. Послушайте, зачѣмъ мы всѣ не такъ, какъ-бы братья съ братьями? Зачѣмъ самый лучшій человѣкъ всегда какъ будто что-то таитъ отъ другаго и молчитъ отъ него? Зачѣмъ прямо, сейчасъ, не сказать, что̀ есть на сердцѣ. Коли знаешь, что не на вѣтеръ свое слово скажешь? А то всякій такъ смотритъ, какъ будто онъ суровѣе чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, какъ будто всѣ боятся оскорбить свои чувства, коли очень скоро выкажутъ ихъ...

— Ахъ, Настенька! Правду вы говорите: да вѣдь это происходитъ отъ многихъ причинъ, перебилъ я, самъ болѣе чѣмъ когда нибудь въ эту минуту стѣснявшій свои чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она съ глубокимъ чувствомъ.—Вотъ вы, напримѣръ, не таковъ, какъ другіе! Я, право, не знаю, какъ-бы вамъ это разсказать, что̀ я чувствую; но мнѣ кажется, вы вотъ, напримѣръ... хоть-бы теперь... мнѣ кажется, вы чѣмъ-то для меня жертвуете, прибавила она робко, мелькомъ взглянувъ на меня.— Вы меня простите, если я вамъ такъ говорю: я вѣдь простая дѣвушка: я вѣдь мало еще видѣла на свѣтѣ, и, право, не умѣю иногда говорить, прибавила она голосомъ, дрожащимъ отъ какого-

то затаеннаго чувства и стараясь, между тѣмъ, улыбнуться:—Но мнѣ только хотѣлось сказать вамъ, что я благодарна, что я тоже все это чувствую... О, дай вамъ Богъ за это счастія! Вотъ то, что вы мнѣ насказали тогда о вашемъ мечтателѣ, совершенно неправда, то есть, я хочу сказать, совсѣмъ до васъ не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ какъ сами себя описали. Если вы когда нибудь полюбите, то дай вамъ Богъ счастія съ нею! А ей я ничего не желаю, потому что она будетъ счастлива съ вами. Я знаю, я сама женщина, и вы должны мнѣ вѣрить, если я вамъ такъ говорю...

Она замолкла и крѣпко пожала руку мнѣ. Я тоже не могъ ничего говорить отъ волненія. Прошло нѣсколько минутъ.

— Да, видно, что онъ не придетъ сегодня! сказала она, наконецъ, поднявъ голову.—Поздно!..

— Онъ придетъ завтра, сказалъ я самымъ увѣрительнымъ и твердымъ голосомъ.

— Да, прибавила она, развеселившись:—я сама теперь вижу, что онъ придетъ только завтра. Ну, такъ до свиданья! До завтра! Если будетъ дождь, я, можетъ быть, не приду. Но послѣ завтра я приду, непремѣнно приду, что-бы со мной ни было; будьте здѣсь непремѣнно; я хочу васъ видѣть, я вамъ все разскажу.

И потомъ, когда мы прощались, она подала мнѣ руку и сказала, ясно взглянувъ на меня:

— Вѣдь мы теперь навсегда вмѣстѣ, не правда-ли?

О! Настенька, Настенька! Если-бъ ты знала, въ какомъ я теперь одиночествѣ!

Когда пробило девять часовъ, я не могъ усидѣть въ комнатѣ, одѣлся и вышелъ, не смотря на ненастное время. Я былъ тамъ, сидѣлъ на нашей скамейкѣ. Я было пошелъ въ ихъ переулокъ, но мнѣ стало стыдно, и я воротился, не взглянувъ на ихъ окна, не дойдя двухъ шаговъ до ихъ дома. Я пришелъ домой въ такой тоскѣ, въ какой никогда не бывалъ. Какое сырое, скучное время! Если-бъ была хорошая погода, я-бы прогулялъ тамъ всю ночь...

Но до завтра, до завтра! Завтра она мнѣ все разскажетъ.

Однако, письма сегодня не было. Но, впрочемъ, такъ и должно было быть. Они уже вмѣстѣ...

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Боже, какъ все это кончилось! Чѣмъ все это кончилось!

Я пришелъ въ девять часовъ. Она была уже тамъ. Я еще издали замѣтилъ ее; она стояла, какъ тогда, въ первый разъ, облокотясь на перила набережной и не слыхала, какъ я подошелъ къ ней.

— Настенька! окликнулъ я ее, черезъ силу подавляя свое волненіе.

Она быстро обернулась ко мнѣ.

— Ну! сказала онъ:—ну! Поскорѣе!

Я смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, гдѣ-же письмо! Вы принесли письмо? повторила она, схватившись рукой за перила.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ письма, сказалъ я, наконецъ: — развѣ онъ еще не былъ?

Она страшно побѣдѣла и долгое время смотрѣла на меня неподвижно. Я разбилъ послѣднюю ея надежду.

— Ну, Богъ съ нимъ! проговорила она, наконецъ, прерывающимся голосомъ: — Богъ съ нимъ, если онъ такъ оставляетъ меня.

Она опустила глаза, потомъ хотѣла взглянуть на меня, но не могла. Еще нѣсколько минутъ она переспливала свое волненіе, но вдругъ отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

— Полноте, полноте! заговорилъ было я, но у меня силъ недостало продолжать, на нее глядя, да и что-бы я сталъ говорить?

— Не утѣшайте меня, говорила она, плача: — не говорите про него, не говорите, что онъ придетъ, что онъ не броситъ меня такъ жестоко, такъ безчеловѣчно, какъ онъ это сдѣлалъ. За что, за что? Неужели что нибудь было въ моемъ письмѣ, въ этомъ несчастномъ письмѣ?..

Тутъ рыданія пресѣкли ея голосъ: у меня сердце разрывалось, на нее глядя.

— О, какъ это безчеловѣчно-жестоко! начала она снова.

— И ни строчки, ни строчки! Хоть-бы отвѣчалъ, что я ненужна ему, что онъ отвергаетъ меня: а то ни одной строчки въ цѣлые три дня! Какъ легко ему оскорбить, обидѣть бѣдную, беззащитную дѣвушку, которая тѣмъ и виновата, что любитъ его! О, сколько я выстрадала въ эти три дня! Боже мой! Боже мой! Какъ вспомню, что я пришла къ нему въ первый разъ сама, что я

передъ нимъ унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И послѣ этого!.. Послушайте, заговорила она, обращаясь ко мнѣ, и черные глазки ея засверкали:—да это не такъ! Это не можетъ быть такъ; это ненатурально! Или вы, или я обманулись: можетъ быть, онъ письма не получалъ? Можетъ быть, онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ? Какъ-же можно, судите сами, скажите мнѣ, ради Бога, объясните мнѣ—я этого не могу понять—какъ можно такъ варварски-грубо поступить, какъ онъ поступилъ со мною! Ни одного слова! Но къ послѣднему человѣку на свѣтѣ бываютъ сострадательнѣе. Можетъ быть, онъ что нибудь слышалъ, можетъ быть, кто нибудь ему насказалъ обо мнѣ? закричала она, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ.—Какъ, какъ вы думаете?

— Слушайте, Настенька, я пойду завтра къ нему отъ вашего имени.

— Ну!

— Я спрошу его обо всемъ, разскажу ему все.

— Ну, ну!

— Вы напишите письмо. Не говорите нѣтъ, Настенька, не говорите нѣтъ! Я заставлю его уважать вашъ поступокъ, онъ все узнаетъ, и если...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, перебила она.—Довольно! Больше ни слова, ни одного слова отъ меня, ни строчки—довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по...за...буду...

Она не договорила.

— Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здѣсь, Настенька, сказалъ я, усаживая ее на скамейку...

— Да я спокойна. Полноте! Это такъ! Это слезы, это просохнетъ! Что вы думаете, что я сгубила себя, что я утопилась?..

Сердце мое было полно: я хотѣлъ было заговорить, но не могъ.

— Слушайте! продолжала она, взявъ меня за руку: — скажите: вы-бы не такъ поступили? Вы-бы не бросили той, которая-бы сама къ вамъ пришла, вы-бы не бросили ей въ глаза безстыдной насмѣшки надъ ея слабымъ, глупымъ сердцемъ! Вы поберегли-бы ее? Вы-бы представили себѣ, что она была одна, что она не умѣла усмотрѣть за собой, что она не умѣла себя уберечь отъ любви къ вамъ, что она невинована, что она, наконецъ, невинована... что она ничего не сдѣлала... О, Боже мой, Боже мой...

— Настенька! закричалъ я, наконецъ, не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе.—Настенька! Вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я долженъ, наконецъ, говорить, высказать, что у меня накипѣло тутъ въ сердцѣ...

Говоря это, я привсталъ со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрѣла на меня въ удивленіи.

— Что̀ съ вами? проговорила она, наконецъ.

— Слушайте! сказалъ я рѣшительно. — Слушайте меня. Настенька! Что́ я буду теперь говорить, все вздоръ, все несбыточно, все глупо! Я знаю, что этого никогда не можетъ случиться, но не могу-же я молчать. Именемъ того, чѣмъ вы теперь страдаете, заранѣе молю васъ, простите меня!..

— Ну, что̀, что̀? говорила она, переставъ плакать и пристально смотря на меня, тогда какъ странное любопытство блистало въ ея удивленныхъ глазкахъ:—что̀ съ вами?

— Это несбыточно, но я васъ люблю, Настенька! Вотъ что! Ну, теперь все сказано! сказалъ я, махнувъ рукой. — Теперь вы увидите, можете-ли вы такъ говорить со мной, какъ сейчасъ говорили, можете-ли вы, наконецъ, слушать то, что я буду вамъ говорить...

— Ну, что-жъ, что-же? перебила Настенька: — что-жъ изъ этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мнѣ все казалось, что вы меня такъ, просто, какъ нибудь любите... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь!.. Я точно такъ же, какъ вы, когда вы пришли къ нему тогда съ вашимъ узелкомъ. Хуже, чѣмъ какъ вы, Настенька, потому что онъ тогда никого не любилъ, а вы любите.

— Что̀ это вы мнѣ говорите! Я, наконецъ, васъ совсѣмъ не понимаю. Но, послушайте, зачѣмъ-же это, то есть не зачѣмъ, а почему-же это вы такъ, и такъ вдругъ... Боже! Я говорю глупости! Но вы...

И Настенька совершенно смѣшалась. Щеки ея вспыхнули: она опустила глаза.

— Что-жъ дѣлать, Настенька, что-жъ мнѣ дѣлать? Я виноватъ, я употребилъ во зло... Но нѣтъ-же, нѣтъ, не виноватъ я, Настенька: я это слышу, чувствую, потому что мое сердце мнѣ говоритъ, что я правъ, потому что я васъ ничѣмъ не могу обидѣть, ничѣмъ оскорбить! Я былъ другъ вашъ: ну, вотъ я и теперь другъ: я ничему не измѣнялъ. Вотъ у меня теперь слезы текутъ, Настенька. Пусть ихъ текутъ, пусть текутъ—онѣ никому не мѣшаютъ. Онѣ высохнутъ, Настенька...

— Да сядьте-же, сядьте, сказала она, сажая меня на скамейку:—охъ, Боже мой!

— Нѣтъ! Настенька, я не сяду; я уже болѣе не могу быть здѣсь, вы уже меня болѣе не можете видѣть; я все скажу и уйду.

Я только хочу сказать, что вы-бы никогда не узнали, что я васъ люблю. Я-бы сохранилъ свою тайну. Я-бы не сталъ васъ терзать теперь, въ эту минуту, моимъ эгоизмомъ. Нѣтъ! Но я не могъ теперь вытерпѣть: вы сами заговорили объ этомъ, вы виноваты, вы во всемъ виноваты, а я не виноватъ. Вы не можете прогнать меня отъ себя...

— Да нѣтъ-же, нѣтъ, я не отгоняю васъ, нѣтъ! говорила Настенька, скрывая, какъ только могла, свое смущеніе, бѣдненькая.

— Вы меня не гоните? Нѣтъ! А я было самъ хотѣлъ бѣжать отъ васъ. Я и уйду, только я все скажу сначала, потому что, когда вы здѣсь говорили, я не могъ уснуть, когда вы здѣсь плакали, когда вы терзались оттого, ну оттого (ужь я назову это, Настенька), оттого, что васъ отвергаютъ, оттого, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовалъ, я услышалъ, что въ моемъ сердцѣ столько любви для васъ, Настенька, столько любви!.. И мнѣ стало такъ горько, что я не могу помочь вамъ этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я— не могъ молчать, я долженъ былъ говорить, Настенька, я долженъ былъ говорить!

— Да, да! Говорите мнѣ, говорите со мною такъ! сказала Настенька съ неизъяснимымъ движеніемъ. — Вамъ, можетъ быть, странно, что я съ вами такъ говорю, но... говорите! Я вамъ послѣ скажу! Я вамъ все разскажу!

— Вамъ жаль меня, Настенька; вамъ просто жаль меня, дружочекъ мой! Ужь что пропало, то пропало! Ужь что сказано, того не воротишь! Не такъ-ли? Ну, такъ вы теперь знаете все. Ну, вотъ это точка отправленія. Ну, хорошо! Теперь все это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидѣли и плакали, я про себя думалъ (охъ, дайте мнѣ сказать, что я думалъ!), я думалъ, что (ну, ужь, конечно, этого не можетъ быть, Настенька), я думалъ, что вы... я думалъ, что вы какъ нибудь тамъ... ну, совершенно постороннимъ какимъ нибудь образомъ, ужь больше его не любите. Тогда—я это и вчера, и третьяго дня уже думалъ, Настенька—тогда я-бы сдѣлалъ такъ, я-бы непремѣнно сдѣлалъ такъ, что вы-бы меня полюбили: вѣдь вы сказали, вѣдь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсѣмъ полюбили. Ну, что-жь дальше? Ну, вотъ почти и все, что я хотѣлъ сказать: остается только сказать, что-бы тогда было, если-бъ вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте-же, другъ мой — потому что вы все-таки мой другъ —я, конечно, человѣкъ простой, бѣдный, такой незначительный, только не въ томъ дѣло (я какъ-то все не про то говорю, это отъ смущенія, Настенька), а только я-бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ, что если-бъ вы еще и любили его, и продолжали

любить того, котораго я не знаю, то все-таки не замѣтили-бы, что моя любовь какъ нибудь тамъ для васъ тяжела. Вы-бы только слышали, вы-бы только чувствовали каждую минуту, что подлѣ васъ бьется благодарное, благодарное сердце, горячее сердце, которое за васъ... Охъ, Настенька, Настенька! Что вы со мной сдѣлали!..

— Не плачьте-же, я не хочу, чтобъ вы плакали, сказала Настенька, быстро вставая со скамейки. — Пойдемте, встаньте, пойдемте со мной, не плачьте-же, не плачьте, говорила она, утирая мои слезы своимъ платкомъ: — ну, пойдемте теперь; я вамъ, можетъ быть, скажу что нибудь... Да, ужь коли теперь онъ оставилъ меня, коль онъ позабылъ меня, хотя я еще люблю его (не хочу васъ обманывать)... но, послушайте, отвѣчайте мнѣ. Если-бъ я, напримѣръ, васъ полюбила, то есть если-бъ я только... Охъ, другъ мой, другъ мой! Какъ я подумаю, какъ подумаю, что я васъ оскорбляла тогда, что смѣялась надъ вашей любовью, когда васъ хвалила за то, что вы не влюбились!.. О, Боже! Да какъ-же я этого не предвидѣла, какъ я не предвидѣла, какъ я была такъ глупа, но... Ну, ну, я рѣшилась, я все скажу...

— Послушайте, Настенька, знаете что? Я уйду отъ васъ, вотъ что! Просто, я васъ только мучаю. Вотъ у васъ теперь угрызенія совѣсти за то, что вы насмѣхались, а я не хочу, да, не хочу, чтобъ вы, кромѣ вашего горя... Я, конечно, виноватъ, Настенька, но прощайте!

— Стойте, выслушайте меня: вы можете ждать?

— Чего ждать, какъ?

— Я его люблю; но это пройдетъ, это должно пройдти, это не можетъ не пройдти; ужь проходитъ, я слышу... Почемъ знать, можетъ быть, сегодня-же кончится, потому что я его ненавижу, потому что онъ надо мной насмѣялся, тогда какъ вы плакали здѣсь вмѣстѣ со мною, потому-то вы не отвергли-бы меня, какъ онъ, потому что вы любите, а онъ не любилъ меня, потому я васъ, наконецъ, люблю сама... Да, люблю! Люблю, какъ вы меня любите: я-же вѣдь сама еще прежде вамъ это сказала, вы сами слышали,— потому люблю, что вы лучше его, потому что вы благороднѣе его, потому, потому, что онъ...

Волненіе бѣдняжки было такъ сильно, что она не докончила. Положила свою голову мнѣ на плечо, потомъ на грудь, и горько заплакала. Я утѣшалъ, уговаривалъ ее, но она не могла перестать: она все жала мнѣ руку и говорила между рыданьями: — Подождите, подождите; вотъ, я сейчасъ перестану! Я вамъ хочу сказать... вы не думайте, чтобъ эти слезы — это такъ отъ слабости, подождите, пока пройдетъ... Наконецъ, она перестала, отерла слезы, и мы

снова поникъ. Я было хотѣлъ говорить, но она долго еще все просила меня подождать. Мы замолчали... Наконецъ, она собралась съ духомъ и начала говорить...

— Вотъ что, начала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ вдругъ зазвенѣло что-то такое, что̀ вонзилось мнѣ прямо въ сердце и сладко заныло въ немъ: — не думайте, что я такъ непостоянна и вѣтрена, не думайте, что я могу такъ легко и скоро позабыть и измѣнить... Я цѣлый годъ его любила, и Богомъ клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему невѣрна. Онъ презрѣлъ это: онъ насмѣялся надо мною — Богъ съ нимъ! Но онъ уязвилъ меня и оскорбилъ мое сердце. Я — я не люблю его, потому что я могу любить только то, что̀ великодушно, что понимаетъ меня, что благородно: потому что я сама такова, и онъ недостоинъ меня — ну, Богъ съ нимъ! Онъ лучше сдѣлаетъ, чѣмъ когда-бы я потомъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ и узнала, кто онъ таковъ... Ну, конечно! Но почемъ знать, добрый другъ мой, продолжала она, пожимая мнѣ руку: — почемъ знать, можетъ быть, и вся любовь моя была обманъ чувствъ, воображенія, можетъ быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была подъ надзоромъ у бабушки? Можетъ быть, я должна любить другаго, а не его, не такого человѣка, другаго, который поискалъ-бы меня и, и... Ну, оставимъ, оставимъ это, перебила Настенька, задыхаясь отъ волненія:—я вамъ только хотѣла сказать... я вамъ хотѣла сказать, что если, не смотря на то, что я люблю его (нѣтъ, любила его), если, не смотря на то, вы еще скажете... Если вы чувствуете, что ваша любовь такъ велика, что можетъ, наконецъ, вытѣснить изъ моего сердца прежнюю... Если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну въ моей судьбѣ, безъ утѣшенія, безъ надежды, если вы захотите любить меня всегда, какъ теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя будетъ, наконецъ, достойна вашей любви... Возьмете-ли вы теперь мою руку?

— Настенька, закричалъ я, задыхаясь отъ рыданій: — Настенька!.. О, Настенька!..

— Ну, довольно, довольно! Ну, теперь совершенно довольно! заговорила она, едва переводя себя:—ну, теперь уже все сказано; не правда-ли? Такъ? Ну, и вы счастливы, и я счастлива; ни слова-же объ этомъ больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чемъ нибудь другомъ, ради Бога!..

— Да, Настенька, да! Довольно объ этомъ, теперь я счастливъ, я... Ну, Настенька, ну, заговоримъ о другомъ, поскорѣе, поскорѣе заговоримъ; да! Я готовъ...

И мы не знали, что говорить, мы смѣялись, мы плакали: мы говорили тысячи словъ безъ связи и мысли: мы то ходили по тротуару, то вдругъ возвращались назадъ и пускались переходить черезъ улицу; потомъ останавливались и опять переходили на набережную; мы были какъ дѣти...

— Я теперь живу одинъ, Настенька, заговорилъ я:—а завтра... Ну, конечно, я, знаете,—Настенька, бѣдненъ, у меня всего тысяча двѣсти, но это ничего...

— Разумѣется, нѣтъ, а у бабушки пенсіонъ: такъ она насъ не стѣснитъ. Нужно взять бабушку.

— Конечно, нужно взять бабушку... Только, вотъ Матрена...

— Ахъ, да и у насъ тоже Ѳекла!

— Матрена добрая, только одинъ недостатокъ: у ней нѣтъ воображенія, Настенька, совершенно никакого воображенія: но это ничего!..

— Все равно; онѣ обѣ могутъ быть вмѣстѣ; только вы завтра къ намъ переѣзжайте.

— Какъ это? Къ вамъ? Хорошо, я готовъ...

— Да, вы наймите у насъ. У насъ, тамъ, на верху, мезонинъ; онъ пустой: жилица была, старушка, дворянка, она съѣхала. И бабушка, я знаю, хочетъ молодаго человѣка пустить: я говорю: зачѣмъ-же молодаго человѣка? А она говоритъ: да такъ, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замужъ сосватать. Я и догадалась, что это для того...

— Ахъ, Настенька!..

И оба мы засмѣялись.

— Ну, полноте-же, полноте. А гдѣ-же вы живете? Я и забыла.

— Тамъ у—ского моста, въ домѣ Баранникова.

— Это такой большой домъ?

— Да, такой большой домъ.

— Ахъ, знаю, хорошій домъ; только вы, знаете, бросьте его и переѣзжайте къ намъ поскорѣе...

— Завтра-же, Настенька, завтра-же: я тамъ немножко долженъ за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

— А знаете, я, можетъ быть, буду уроки давать: сама выучусь и буду давать уроки...

— Ну вотъ и прекрасно... а я скоро награжденіе получу, Настенька...

— Такъ вотъ вы завтра и будете мой жилецъ...

— Да, и мы поѣдемъ въ «Севильскаго цирюльника», потому что его теперь опять дадутъ скоро.

— Да, поѣдемъ, сказала, смѣясь, Настенька:—нѣтъ, лучше мы будемъ слушать не «Цирюльника», а что нибудь другое...

— Ну, хорошо, что нибудь другое: конечно, это будетъ лучше, а то я не подумалъ...

Говоря это, мы ходили оба какъ будто въ чаду, въ туманѣ, какъ будто сами не знали, что съ нами дѣлается. То останавливались и долго разговаривали на одномъ мѣстѣ, то опять пускались ходить и заходили Богъ знаетъ куда, и опять смѣхъ, опять слезы... То Настенька вдругъ захочетъ домой, я не смѣю удерживать и захочу проводить ее до самаго дома: мы пускаемся въ путь, и вдругъ, черезъ четверть часа, находимъ себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнетъ, и снова слезинка набѣжитъ на глаза; я оробѣю, похолодѣю... Но она тутъ-же жметъ мою руку и тащитъ меня снова ходить, болтать, говорить...

Пора теперь, пора мнѣ домой: я думаю, очень поздно, сказала, наконецъ, Настенька:—полно намъ такъ ребячиться!

— Да, Настенька, только ужь я теперь не засну: я домой не пойду.

— Я тоже, кажется, не засну; только вы проводите меня...

— Непремѣнно!

— Но ужь теперь мы непремѣнно дойдемъ до квартиры.

— Непремѣнно, непремѣнно...

— Честное слово?.. Потому что вѣдь нужно-же когда нибудь воротиться домой!

— Честное слово, отвѣчалъ я, смѣясь...

— Ну, пойдемте!

Пойдемте.

— Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будетъ чудесный день: какое голубое небо, какая луна! Посмотрите; вотъ это желтое облако теперь застилаетъ ее, смотрите, смотрите!.. Нѣтъ, оно прошло мимо. Смотрите-же, смотрите!..

Но Настенька не смотрѣла на облако, она стояла молча, какъ вконаная: черезъ минуту она стала какъ-то робко, тѣсно прижиматься ко мнѣ. Рука ея задрожала въ моей рукѣ: я поглядѣлъ на нее... Она оперлась на меня еще сильнѣе.

Въ эту минуту, мимо насъ, прошелъ молодой человѣкъ. Онъ вдругъ остановился, пристально посмотрѣлъ на насъ и потомъ опять сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Сердце во мнѣ задрожало...

— Настенька, сказалъ я въ полголоса: кто это, Настенька?

— Это онъ! отвѣчала она шепотомъ, еще ближе, еще тренетнѣе прижимаясь ко мнѣ... Я едва устоялъ на ногахъ.

— Настенька! Настенька! Это ты! послышался голосъ за нами, и въ ту-же минуту молодой человѣкъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько шаговъ...

Боже, какой крикъ! Какъ она вздрогнула! Какъ она вырвалась изъ рукъ моихъ и порхнула къ нему на встрѣчу!.. Я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ какъ убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась въ его объятія, какъ вдругъ снова обернулась ко мнѣ, очутилась подлѣ меня, какъ вѣтеръ, какъ молнія, и прежде, чѣмъ успѣлъ я опомниться, обхватила мою шею обѣими руками и крѣпко, горячо поцаловала меня. Потомъ, не сказавъ мнѣ ни слова, бросилась снова къ нему, взяла его за руки и повлекла его за собою.

Я долго стоялъ и глядѣлъ имъ въ слѣдъ... Наконецъ, оба они исчезли изъ глазъ моихъ.

У Т Р О.

Мои ночи кончились утромъ. День былъ нехорошій. Шелъ дождь и уныло стучалъ въ мои стекла; въ комнаткѣ было темно, на дворѣ пасмурно. Голова у меня болѣла и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моимъ членамъ.

— Письмо къ тебѣ, батюшка, по городской почтѣ, почтарь принесъ, проговорила надо мною Матрена.

Письмо! Отъ кого? закричалъ я, вскакивая со стула.

— А не вѣдаю, батюшка, посмотри, можетъ, тамъ и написано отъ кого.

Я сломалъ печать. Это отъ нея!

«О, простите, простите меня!» писала мнѣ Настенька, «на колѣняхъ умоляю васъ, простите меня! Я обманула и васъ, и себя. Это былъ сонъ, призракъ... Я взяла за васъ сегодня: простите, простите меня!..

Не обвиняйте меня, потому что я ни въ чемъ не измѣнилась предъ вами: я сказала, что буду любить васъ, я и теперь васъ люблю, больше чѣмъ люблю. О, Боже! Если-бъ я могла любить васъ обоихъ разомъ! О, если-бъ вы были онъ!»

— О, если-бъ онъ были вы! пролетѣло въ моей головѣ. Я вспомнилъ твои-же слова, Настенька!

«Богъ видитъ, что-бы я теперь для васъ сдѣлала! Я знаю, что вамъ тяжело и грустно. Я оскорбила васъ, но вы знаете — коли любишь, долго-ли помнишь обиду. А вы меня любите!

Благодарю! Да! Благодарю васъ за эту любовь. Потому что въ памяти моей она напечатлѣлась какъ сладкій сонъ, который долго помнишь послѣ пробужденія: потому что я вѣчно буду по-

мнить тотъ мигъ, когда вы такъ братски открыли мнѣ свое сердце и такъ великодушно приняли въ даръ мое, убогое, чтобъ его беречь, лелѣять, вылѣчить его... Если вы простите меня, то память объ васъ будетъ возвышена во мнѣ вѣчнымъ, благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, которое никогда не изгладится изъ души моей... Я буду хранить эту память, буду ей вѣрна, не измѣню ей, не измѣню своему сердцу: оно слишкомъ постоянно. Оно еще вчера такъ скоро воротилось къ тому, которому принадлежало на вѣки.

Мы встрѣтимся, вы придете къ намъ, вы насъ не оставите, вы будете вѣчно другомъ, братомъ моимъ... И когда вы увидите меня, вы подадите мнѣ руку... да? Вы подадите мнѣ ее, вы простили меня, не правда-ли? Вы меня любите *по прежнему*?

О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я васъ такъ люблю въ эту минуту, потому что я достойна любви вашей, потому что я заслужу ее... другъ мой милый! На будущей недѣлѣ я выхожу за него. Онъ воротился влюбленный, онъ никогда не забывалъ обо мнѣ.. Вы не разсердитесь за то, что я объ немъ написала. Но я хочу придти къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ: вы его полюбите, не правда-ли?..

«Простите-же, помните и любите вашу

«Настеньку».

Я долго перечитывалъ это письмо; слезы просились изъ глазъ моихъ. Наконецъ, оно выпало у меня изъ рукъ, и я закрылъ лицо.

— Касатикъ! А касатикъ! начала Матрена.

— Что, старуха?

— А паутину-то я всю съ потолка снила: теперь хоть женись, гостей созывай, такъ въ ту-жь пору...

Я посмотрѣлъ на Матрену. Это была еще бодрая, *молодая* старуха, но не знаю отчего, вдругъ она представилась мнѣ съ потухшимъ взглядомъ, съ морщинами на лицѣ, согбенная, дряхлая... Не знаю отчего, мнѣ вдругъ представилось, что комната моя постарѣла такъ-же, какъ и старуха. Стѣны и полы обмянли, все потускнѣло: паутины развелось еще больше. Не знаю отчего, когда я взглянулъ въ окно, мнѣ показалось, что домъ, стоявшій напротивъ, тоже одряхлѣлъ и потускнѣлъ въ свою очередь, что штукатурка на колоннахъ обвалилась и осыпалась, что карнизы почернѣли и растрескались, и стѣны ихъ темно-желтаго яркаго цвѣта стали пѣгія...

Или лучъ солнца, внезапно выглянувъ изъ-за тучи, опять спрятался подъ дождевое облако и все опять потускнѣло въ глазахъ моихъ; или, можетъ быть, передо мною мелькнула такъ непривѣтно

и грустно вся перспектива моего будущаго, и я увидѣть себя такимъ, какъ я теперь, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ, постарѣвшимъ, въ той-же комнатѣ, такъ-же одинокимъ, съ тою-же Матреной, которая нисколько не поумнѣла за всѣ эти годы.

Но чтобъ я помнилъ обиду мою, Настенька! Чтобъ я напалъ темное облако на твое ясное, безмятежное счастіе. чтобъ я, горько упрекнувъ, напалъ тоску на твое сердце, уязвилъ его тайнымъ угрызеніемъ и заставилъ его тоскливо биться въ минуту блаженства, чтобъ я измялъ хоть одинъ изъ этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ, которые ты вплела въ свои черныя кудри, когда пошла вмѣстѣ съ нимъ къ алтарю... О, никогда, никогда! Да будетъ ясно твое небо, да будетъ свѣтла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастія, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Цѣлая минута блаженства! Да развѣ этого мало хоть-бы и на всю жизнь человѣческую?..

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА

I.

тца моего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ разсказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все, что я теперь буду разсказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ товарищемъ и короткимъ пріятелемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима была Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ очень богатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Разсказывали про него, что онъ, никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на какія-то воды, и поѣхалъ не болѣе какъ на нѣсколько недѣль, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три концерта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ человѣкомъ. Въ этомъ-же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержаніе домашняго театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человѣкъ. Когда его выгнали, онъ со-

вершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человѣкомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и страшная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ хоть сколько нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу, и даже самъ помѣщикъ, который сначала запрещалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли по утру крестьяне во рву, у плотины. Наряжали слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ-же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наслѣдовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наслѣдникомъ въ случаѣ своей смерти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно сберегавшагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наслѣдства. Но только спустя нѣсколько времени къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ, графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, оставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ очень желалъ пріобрѣсть для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавлялъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобъ покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упоретвѣ Ефимова видитъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего-жъ ты не хочешь отдать скрипку? спросилъ онъ его:—она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь неразумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не пойдетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская; графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ коснулся самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостію говорилъ, что знаетъ какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные

артисты и что, благодаря имъ, его оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо!—отвѣчалъ помѣщикъ: —я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ кларнетъ, хоть ты и плохой кларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, отвѣчалъ онъ:—конечно, ваша воля...

— да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой сценѣ очень невыгодно объ участи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра.—Ступай-же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда-бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня-же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье: ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай-же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что-бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ артистомъ, какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяцъ, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виноватъ въ смерти итальянца и умертвилъ его съ корыстною цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Онъ доказывалъ, что завѣщаніе было вымашено насильно и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго капельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоцѣннымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ, божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго

взгляда доказательства его показались серіозными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справедливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, на равнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернскій городъ пріѣхалъ какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ-же началъ стараться какимъ нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ; французъ обѣщался пріѣхать. Уже все было готово къ его отъѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвѣстно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычайномъ положеніи: не доставало кларнета, какъ вдругъ, дня три спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно, обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично

видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ человѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипача, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпощадно, безсовѣстно оклеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И, наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомлялли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣли угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа, въ которой тотъ приглашалъ его немедленно къ себѣ и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжій виртуозъ теперь у него, вмѣстѣ съ Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветой послѣдняго, приказалъ задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа: дѣло это очень важно, и нужно его разъяснить какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ-же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ —скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человѣкъ вольный, пользовался полною свободою, и всегда, во всякое время, могъ-бы оставить его, если-бъ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ съ справедливости того, что̀ успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодяй, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, отвѣчалъ мой отчимъ: — по вашей милости я едва ушелъ отъ уголовнаго наказанія. Знаю, по чьему наущенью Алексѣй Никифорычъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою: но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость Ефимова заключаетъ въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше проситъ позволить арестовать его сейчасъ-же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что не понимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и — хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житье, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщичьемъ оркестрѣ и не имѣя средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную комнату дома, и пригрозили, что завтра-же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ, и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стулъ.

— Егоръ, сказалъ онъ ему:—за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ: какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучала въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! отвѣчалъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою:—знать, бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не житье мнѣ у васъ, не житье... Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ! началъ снова помѣщикъ:—воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ; я положу тебѣ не въ примѣръ другимъ жалованье...

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жилецъ я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь: на меня находитъ, и такая тоска подъ часъ, что лучше-бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужь вы лучше, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною...

— Кто? спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что издохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступился, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою погибель. Лучше-бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился; онъ только показывалъ,— и легче чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: «Егорка! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать»,— а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ, что самъ не знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужь вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужь я что нибудь такое надъ собой сдѣлаю, чтобъ меня куда нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія: — я тебя такъ не оставлю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты-же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь такъ не уйду отъ тебя. Сыграй мнѣ что нибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, сыграй! Ради Бога, сыграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: сыграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то, что ты французу игралъ! Отведи душу! Ты упрямъ и я упрямъ; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, почувствуй и ты, какъ я. Жить не могу быть, покамѣстъ ты мнѣ не сыграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что французу игралъ.

— Ну, быть такъ! сказалъ Ефимовъ. — Далъ я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, именно передъ вами, а теперь сердце мое разрѣшилось. Сыграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хоть-бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіяціи на русскія пѣсни.— Б. говорилъ, что эти варіяціи — его первая и лучшая пьеса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слышать музыку, плакалъ навзрыдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперь ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ: но слушай: больше ужь ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней, такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай!.. Подожди! Еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не зазнавайся! Говорю тебѣ, какъ-бы отецъ твой род-

ной сказалъ тебѣ. Смотри-же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!) — ниши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперь прощай!.. Постой, поцалуй меня!

Они поцаловались, и вслѣдъ за тѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ-же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ тоже время съ самой черной, грязной компаніей какихъ-то гулякъ, и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціальнаго театра, въ качествѣ первой, и, можетъ быть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполнѣ образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко язвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ, называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспомоществованіи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ-же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по расплатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи нельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя, такимъ образомъ, съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлыхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерпѣлъ его талантъ, безпрерывно стѣсняемый безпорядочною, нищенскою жизнію, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ поселился гдѣ-то на чер-

дакъ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружились, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою-же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стремился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаніемъ силъ своихъ и, почти разсчитавъ заранѣе, что̀ изъ него выйдетъ,—тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлыя семь лѣтъ изъ-за куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея, выбиться, наконецъ, изъ скверная положенія, сколотить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самого Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый, какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣриться черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ безпрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима, какъ будущаго великаго музыкальнаго генія. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе — ни что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о пропавшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и безпрерывной фантазіи, безпрерывной мечты о собственномъ геніи. Но,—разсказывалъ Б.,— я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась въ явь отчаянная, лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутренняго безсилія. Несчастный цѣлые семь лѣтъ до того удовлетворялся одними мечтами о будущей славѣ своей, что даже не

замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его безпорядочномъ воображеніи поминутно создавались самые колоссальные планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первокласснымъ геніемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ геніемъ, — онъ, сверхъ того, думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня,— прибавлялъ Б.,—то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникѣ искусства— было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принялъ себя, вмѣсто глубокаго, инстинктивнаго критика искусства, за жреца самаго искусства, за генія. Порой ему удавалось на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить мнѣ такія глубокія истины, что я становился въ тупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, никогда ничему не учившись, и я много обязанъ ему,—прибавлялъ Б.,—ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что-же касается до меня,—продолжалъ Б.,—то я былъ спокоенъ на счетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ; но за то я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напротивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ безпрерывному, неусыпному труду, ясному сознанію силъ своихъ, добровольному самоуничиженію и вѣчной враждѣ къ заносчивости, къ раннему самоудовлетворенію, и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія—.

Б., въ свою очередь, попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому такъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и

вскорѣ несчастный внялъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него: совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ боялся выговорить слово. Мало по малу, Ефимовъ дошелъ до самаго крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ средства къ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у купцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые, хотя понемногу, но что нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ кроткимъ образомъ, что не худо-бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображая, что кто нибудь будетъ упрашивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ и не будетъ такъ подлъ, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надумавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіе своего товарища, который умѣлъ играть, вообразилъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ зарабатывать деньги. Когда Б. воротился, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка и объявилъ, что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ дѣйствительно исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свычка и дружба, да еще состраданіе, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житье и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ пріобрѣлъ чье-то сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время, онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возрастающая извѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Разста-

ваясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь. — Б. и теперь не можетъ вспомнить объ немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Вмѣстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе.—Б. понималъ его; онъ видѣлъ его насквозь и предузнавалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаніи они обнялись и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчастнѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! заключилъ онъ, побѣдившись какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронутъ.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, говорилъ онъ ему: — что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ; у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ уныній, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею жизнію. Ты-же разсказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житьѣ. И тогда тебя посѣтило безсознательно тоже отчаяніе. Тогда твой первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много разсказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ-же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя-же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты сознавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое назначеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я; но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а, главное, —начинай сызнова, съ азбуки. Что тебя мучитъ? Бѣдность, нищета?

Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онѣ неразлучны съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобъ его понимали, а ты увидишь, какія лица обступятъ тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что и съ презрѣніемъ смотрѣть на то, что въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, безсонными ночами. Они не ободрятъ, не утѣшатъ тебя,—твои будущіе товарищи: они не укажутъ тебѣ на то, что въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ, будутъ какъ праздникъ праздновать каждую твою ошибку (будто кто нибудь былъ безъ ошибокъ!). Ты-же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую нетостость, и тогда бѣда,—ты будешь одинъ, а ихъ много: они тебя истерзаютъ булавками. Даже я начинаю это испытывать. Ободрись-же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай черной работой, рубя дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечеринкахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работы своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ, и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй-же, подожди, поучись, и если не надѣешься на силы свои, такъ иди на авось: въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, все-таки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что выиграешь слишкомъ велико. Тутъ, братъ, наше *авось*,—дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшаго товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, бѣдность сходила съ щекъ его: онъ оживился румянцемъ: глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Однако-жъ онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его, и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глубокаго самоуничтоженія и унынія до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не безпокоился объ его участи, что онъ знаетъ, какъ устроить свою

судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ зазоветъ себѣ и славу и деньги.— Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались. хотя, разумѣется, не надолго. Ефимовъ тотчасъ-же прожилъ данныя ему деньги и пришелъ за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на человѣка дурно одѣтаго, хмѣльнаго, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ: видно было, что безпутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимымъ образомъ.—Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, понесъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, маленькой, закопченной комнатѣ, онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ; растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и выпадать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ, Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактиръ ему уже давно не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ: но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбылось вполнѣ. Однако-жъ, онъ приказалъ подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности, и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цаловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда тутъ-же узналъ, что жена составила все его несчастіе и горе, и что женитьба убила вполнѣ весь талантъ его.

— Какъ такъ? спросилъ Б.

— Я. братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, отвѣчалъ Ефимовъ.—Баба, кухарка, необразованная, грубая женщина. Что-бъ ее!.. Только деремся, больше ничего не дѣлаемъ.

— Да зачѣмъ-же ты женился, коли такъ?

— Есть было нечего. Я познакомился съ ней: у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Она-же влюбилась въ меня. Сама ко мнѣ повисла на шею. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и—какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣлъ, что Ефимовъ какъ будто сѣѣнилъ въ чемъ-то передъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б. и изъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станетъ, если онъ захочетъ того.

— Такъ зачѣмъ-же дѣло стало? сказалъ удивленный Б.:—ты-бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоитъ! сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою.—Кто изъ васъ тамъ хоть что нибудь понимаетъ! Что вы знаете? Шишъ, ничего. вотъ что вы знаете! Плясовую какую нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣть —ваше дѣло. Скрипачей-то вы хорошихъ и не видали, и не слыхали. Чего васъ трогать: оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукой и покачнулся на стулъ, потому что порядочно охмѣлѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ звать къ себѣ Б.: но тотъ отказался, взялъ его адресъ и увѣрилъ, что завтра-же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшаго товарища и всячески старался чѣмъ нибудь уколоть его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу Б. и подалъ ее, какъ низшій высшему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ Б. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязенъ въ эту минуту.

Б., однако-жъ, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили тогда въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому, какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой. И, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда-же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наслѣдство было раздѣлено между его наслѣдниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантки опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ, и

дѣйствительно влюбилась въ него. Она была энтузіастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то генія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности: воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей геніальнаго человѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый-же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ быть, изъ-за того, что у матушки моей была какая нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глазъ на глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ нѣжныя да музыка, и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастіе. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадовался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который-бы можно свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться-же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолѣвала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойдти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьянству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ быть, самъ не зналъ, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая погубила его*, все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, бранчива, поминутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Но ослѣпленіе, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сдѣлали его почти безчеловѣчнымъ и безчувственнымъ. Онъ только смѣялся, и поклялся не брать въ руки скрипки до самой смерти жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей страстно любила его, не смотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-стра-

ждущею, жила въ безпрерывныхъ терзаніяхъ и, кромѣ всего этого горя, на нее одну пала вся забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье, и сначала открыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нее потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекраиваніемъ стараго платья. Такимъ образомъ, мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б.—Послушай, вздоръ ты все говоришь, сказалъ онъ отчиму: — гдѣ тутъ убитый талантъ? Она-же тебя кормитъ, а ты что̀ тутъ дѣлаешь?

— А ничего! отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища: наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ околичностей, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ, наконецъ, сыграть ему что нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотрѣть, что̀ можно будетъ для него сдѣлать. Когда-же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаяніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился. — Я сыграю тебѣ что нибудь изъ моего собственнаго, но дружокъ, сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, сказалъ онъ, указывая на тетрадь.—Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однако-жъ, боясь потерять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б. — Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно много занимался и пріобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надо было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый Б. рѣшился пристроить отчима. Онъ

уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительное слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покамѣстъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, кажется, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга.—Б. разсказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное поклоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ нибудь потерять его благорасположеніе. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему пріискали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяцъ прилежанія и труда воротилъ все, что потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщалъ и впредь заниматься и быть исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положеніе нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копѣйки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и проѣдалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ-же завелъ цѣлый кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями. хористами, фигурантами, однимъ словомъ, съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать и избѣгалъ людей, истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ какое-то особенное уваженіе, тотчасъ-же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслитъ въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставятъ на сцену и, наконецъ, надъ самыми авторами нравившихся оперъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, пріобрѣлъ репутацію самаго безпокойнаго, самаго вздорнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталъ для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, безполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ тоже время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б., выдумалъ самую скверную сплетню, самую гадкую клевету, и пустилъ ее въ ходъ

за очевидную истину. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ лохмотьяхъ, потому что порядочное платье все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить къ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они такому гостю, разносить сплетни, болтать вздоръ, плакался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ, глядѣть злодѣйку жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгнаннаго товарища, заставлять его болтать всякій вздоръ. Къ тому-же, онъ говорилъ всегда остро и умно, и пересыпалъ свою рѣчь ѣдкою желчью и разными цинническими выходками, которыя нравились извѣстнаго рода слушателямъ. Его принимали за какого-то сумасброднаго шута, котораго иногда пріятно заставить болтать отъ бездѣлья. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомъ нибудь новомъ заѣзжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, разузнавалъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ-же начиналъ ревновать къ его славѣ. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство,—его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ непонятъ и находится въ неизвѣстности. Послѣднее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслухъ, или утѣшать себя въ тихомолку, поклоняясь своему непризнанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ и, по своимъ понятіямъ, ни въ комъ изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатоки и дилетанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при немъ о какомъ нибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобъ заставить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдкія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто въ свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой карикатурѣ изобразить современныя музыкальныя знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознавались въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ коридорахъ театра и за кулисами. Служители пропускали его безпрепятственно, какъ необходимое лицо, и онъ

сдѣлался какимъ-то домашнимъ Оерситомъ. Такое житье продолжалось года два или три; но, наконецъ, онъ наскучилъ всѣмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду канулъ, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слыхалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу, и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили по утру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему. Ефимовъ стоялъ хмѣльной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ идти въ комнаты. Смыслъ его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталанным людямъ, водиться съ такою знатью, какъ вы: что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобъ съ праздникомъ поздравить: поклонимся и уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было сально, глупо и отвратительно гадко. Съ этихъ поръ, Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страшнымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Вотъ какимъ образомъ случилась она... Но прежде я должна объяснить, что такое было мое дѣтство и что такое былъ для меня этотъ человѣкъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ и который былъ причиною смерти моей бѣдной матушки.

II.

Я начала себя помнить очень поздно, только съ десятаго года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ-бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятаго года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у старинаго образа: потомъ, какъ меня однажды сшибла на улицѣ лошадь, отчего, какъ мнѣ послѣ разсказывали, я пролежала больная три мѣсяца; еще,

какъ во время этой болѣзни. ночью, проснулась я подлѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ болѣзненныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забиваясь подъ одѣяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего и заключаю, что я ее боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно недѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны. Все прояснилось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и странный колоритъ на все время житья моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или, лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома и были низенькія, широкія, словно щели. Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, скамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода: мы жили подъ самой кровлей, въ шести-этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеенчатаго дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простаго бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покачнувшись на бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка, и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отецъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала, и бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла батюшку, чтобъ заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынести за

него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ такъ-же боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась. Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и впередъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцаловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ быть, первая ласка родительская, можетъ быть, оттого-то и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что заслужила милость отца за то, что за него заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ, меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выноситъ горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возмущала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я-бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное, *материнское* чувство, если-бъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти. Отецъ казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, нестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться объ немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войдти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ я, ребенокъ, могла хоть что нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по своему; но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ быть, матушка была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу, какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, заодно.

Я уже разсказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротой началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣш-

ними впечатлѣніями. Я начала думать, разсуждать, наблюдать: но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по своему, и я вдругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто разсказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странныя понятія. Я очень хорошо узнала,—но не знаю, какъ это сдѣлалось,—что живу въ странномъ семействѣ и что родители мои какъ-то вовсе непохожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отчего, думала я:—отчего я вижу другихъ людей, какъ-то и съ виду не похожихъ на моихъ родителей? Отчего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отчего меня тутъ-же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, прикрывъ свои лохмотья старой матушкиной кацавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами, купить на нѣсколько грошей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужь не помню какъ, что въ нашемъ углу — какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать, почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по своему: я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И на сколько я привязалась къ отцу, на столько возненавидѣла мою бѣдную мать. До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему страшному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрожжами, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ, какъ разсердится матушка. Между тѣмъ я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня ключомъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черепки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатнымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки му-

зыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ Я какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ матушка? Отчего къ нему я подошла безъ страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку, и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу-ли я что нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему, и отвѣчала, что вижу красные занавѣсы. Когда-же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отчего, вдругъ начала я плакать, обнимать его и проситься скорѣе на верхъ къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить,—ласкаетъ и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась, и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, нагнала на меня лихорадку. Однако-жь, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первою мыслію, первою заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него въ вечеру, когда на улицѣ зажигались огни и когда начинали блестѣть какимъ-то кровавымъ, особеннымъ блескомъ красныя какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами ярко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, горделивыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя пріѣзжали въ нихъ. Все это въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь-же, послѣ встрѣчи съ отцемъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чуднѣе и любопытнѣе. Теперь въ моемъ пораженномъ воображеніи начали рождаться какіе-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивилось, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать,—я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня какъ-то

особенно поражалъ контрастъ ихъ характеровъ. Меня поражало, напримѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца, что она одна за всѣхъ трудится, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему-же батюшка совсѣмъ не помогаетъ ей, почему-же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дало мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что батюшка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что батюшка человѣкъ съ талантомъ; въ моемъ воображеніи тотчасъ-же слилось понятіе, что артистъ—какой-то особенный человѣкъ, непохожій на другихъ людей. Можетъ быть, самое поведеніе отца навело меня на эту мысль; можетъ быть, я слышала что нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятенъ былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ сказалъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человѣкъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка. Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я свыклась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца,—фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непремѣнно остановиться на какомъ нибудь предположеніи. И вотъ,—не знаю какъ началось это все сначала,—но подъ конецъ остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то вмѣстѣ со мною. Но куда?—я до самаго послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдемъ съ нимъ (а я непремѣнно рѣшила, что мы пойдемъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ моей фантазіи, все было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ-же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно, когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила, мечтая, что батюшка тотчасъ сошьетъ себѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь—этотъ богатый домъ съ красными занавѣсами, и встрѣча возлѣ него съ батюшкою, который хо-

тѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ, — пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ-же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздникѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала съѣздъ, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какихъ я никогда еще не видала: мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ; я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается,—и все казалось мнѣ, что тамъ рай и вѣчный праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ-же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобъ я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобъ я не думала объ немъ, что ей непріятно наше счастіе, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность къ такому вѣчному страдавшему существу, какъ матушка? Только теперь понимаю я ея страдальческую жизнь и безъ боли въ сердцѣ не могу вспомнить объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чуднаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей первой жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости, — и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали въ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ, и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобъ я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самые ничтожные воспоминанія язвятъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню (конечно, что я разскажу теперь,—ничтожно, мелочно, грубо, но именно такія воспоминанія какъ-то особенно терзаютъ меня и мучительнѣе всего напечатлѣлись въ моей памяти),—разъ, въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку купить ей чаю и сахару. Но она все раздумывала и все не рѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги, — жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить разсчетовъ. Къ тому-же, въ иныя минуты, вѣроятно отъ горя, она впадала въ какое-то безсмысліе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размѣренно, какъ будто роняя слова непарочно: губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ.—

«Нѣтъ, не нужно», сказала она, поглядѣвъ на меня: «я лучше спать лягу. А? Хочешь ты спать, Нѣточка?» Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою материнскою улыбкой, что все сердце заныло во мнѣ и крѣпко забилось. Къ тому-же, она меня назвала Нѣточкой, что̀ значило, что въ эту минуту она особенно любитъ меня. Это названіе она изобрѣла сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Нѣточка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ,—можетъ быть, уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: «дитя мое, Аннета, Нѣточка!» Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточеніемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! Меня искорежила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и мнѣ всегда становилось чего-то страшно. Въ просонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее, — и тотчасъ, бывало, засну. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку. Я замѣтила потомъ, что и многія дѣти часто бываютъ уродливо безчувственны, и если полюбятъ кого, то любятъ исключительно. Такъ было и со мною.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними по прежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все чего-то добиваясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обоимъ, я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ безпорядочной жизни, которая утвердилась въ нашемъ углу,— конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла на столько, на сколько понять могла. Бывало, въ длинные зимніе вечера, забившись куда нибудь въ уголъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, всматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что̀ такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила,

не уставая, взадъ и впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время безсонницы, которою мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то скрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, нестоющей тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытье. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь, которою она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостнѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучаясь потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зарождались въ мигъ. Я дичала, какъ будто въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что я ему отвѣчала: помню, что онъ объ чемъ-то задумался, и, наконецъ, сказалъ, поглядѣвъ на меня, что завтра-же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Поднявъ съ двухъ словъ чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цаловалъ, я тотчасъ-же начинала плакать отъ восторга. Мало по малу, отецъ полюбилъ меня: я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлые часы не уставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами старалась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ обратилось у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться, и онъ возвращался домой, я тотчасъ-же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно, я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это-же время, онъ однажды, послѣ урока, началъ мнѣ разсказывать сказку. Это была первая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣніи, слѣдя за разсказомъ, переносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу разсказа была въ пол-

номъ восторгъ. Не то чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка,—нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ-же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ-же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсами; тутъ-же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо и отецъ, который самъ-же мнѣ разсказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обоимъ идти неизвѣстно куда,—наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ составило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время я умирала отъ нетерпѣнія заговорить съ отцомъ о томъ, что̀ ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ, нашъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ, — не знала и только мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой - и случалось это особенно по вечерамъ—мнѣ казалось, что батюшка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу картину, какую-то дрянную литографію, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непремѣнно взять съ собою, и мы куда нибудь убѣжимъ потихоньку, такъ что̀ ужь никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ, — а это случалось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина, — подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою завѣтную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, разспрашивать его: куда мы пойдемъ, скоро-ли, что̀ возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить, и, наконецъ, пойдемъ-ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? Красные занавѣсы? Что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ бо-

гаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой говорилъ объ этомъ прежде, по крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмуря свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣнившись въ лицѣ. — Что ты это говоришь, бѣдная, глупая...

Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю... и не помню что еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушкѣ въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Каковъ онъ ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однако-жъ, хоть я совсѣмъ не понимала, за что онъ сердитъ, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глупый ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кромѣ того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако, почувствовала, хотя и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужасъ, и сомнѣнія закрались въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучаюсь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ не плакать. Однако, мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе,—все, что онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. Но нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упомнила, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ. Помню еще, что спросивъ, поняла-ли я, и, разумѣется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ-ли онъ? Я отвѣчала: съ талантомъ, — на что онъ слегка усмѣхнулся, потому что, можетъ быть, къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серіозномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копѣйку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разныя безмолвныя роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Вероны, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, поднимаютъ къ верху картонные кинжалы и кричатъ: «умремъ за короля!» Но ужь вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно преданнаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳедорычъ. Самымъ-же страннымъ несчастіемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ, и въ своемъ родѣ былъ столько-же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ. и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не узнаны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человѣкъ въ мірѣ и питалъ къ моему отчиму самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другаго. Сверхъ того, батюшка никакъ не могъ понять въ своей исключительности, что балетное искусство—тоже искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Ѳедоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Многое я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Ѳедоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюренбергскимъ щелкуномъ. Б. разсказалъ очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ, они не разъ сходились вмѣстѣ, и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они не узнаны. Я помню эти сходки, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхныкаюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покамѣстъ кто нибудь выйдетъ, а если узнаетъ, что матушка дома, тотчасъ-же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собой какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читая ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ декламировалъ ихъ, переводя ломанымъ

языкомъ по русски, для нашего уразумѣнія. Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню, что это была драма въ стихахъ, какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попалась мнѣ въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастіяхъ одного великаго художника, какого-то Джеваро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: «я не признанъ!», а на другой: «я признанъ!», или: «я безталантенъ!», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: «я съ талантомъ!» Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо, — она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карлъ Ѳедоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противоположный уголъ комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ «мадмуазель», неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ-же на мѣстѣ разсудить его съ судьбой и, съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разныя па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое—артистъ или нѣтъ, и что можно-ли сказать противное, то есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ-же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣмцемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣха. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Ѳедоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тоненькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ, и съ преуродливыми кривыми ногами; но, не смотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по окончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ-бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресеріозною миною взглядывалъ на меня, какъ-бы приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ

съ тѣмъ устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедорычъ, никакъ не потрафишь! говорилъ, наконецъ, батюшка, притворясь, что ему самому непріятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Ѳедоровича вырывалось настоящее стенаніе: но въ мигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами снова просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцовалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартанецъ, геройски выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкой простиралъ къ намъ дрожащія руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей. Но батюшка былъ неумолимъ и по прежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедорычъ, видно — судьба твоя: никакъ не потрафишь!

Тутъ ужь я болѣе не выдерживала и покатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карлъ Ѳедорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ, чувствомъ, но которое заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виролёмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и выбѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходить никогда. Но ссоры эти были непродолжительны; черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова наивный Карлъ Ѳедоровичъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умоляя на этотъ разъ уже судить серіозно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ, матушка послала меня въ лавочку, за какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую серебряную монету, которую мнѣ сдали. Входя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцаловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ пріучилась къ выраженію лица его, что тотчасъ-же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего-же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ, и когда онъ не могъ, по этому, выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту

минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ-же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти на верхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо кликнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ.—Послушай, Нѣточка, сказалъ онъ:—дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? Ты вѣдь добренькая, Нѣточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновеніе мысль о томъ, какъ разсердится матушка,—робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отдать деньги. Онъ мигомъ замѣтилъ это и посѣянно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь я зналъ, что ты умная дѣвочка, сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга, когда почувствовалъ деньги въ рукахъ.—Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ мой! Вотъ, дай тебѣ я ручку поцалую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцаловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною, и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала на верхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако, я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ снѣгъ и не могла ихъ сыскать. Я ожидала, по крайней мѣрѣ, побой, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала внѣ себя отъ огорченія, потому что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ-же какъ будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, нерадивая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда-бы я вынесла побои. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться батюшкѣ, я, по

обыкновенію,, дожидалась его въ сѣняхъ. Въ этотъ разъ я была въ большомъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзавшимъ совѣсть мою. Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ будто думала, что отъ этого мнѣ станетъ легче. Онъ былъ уже на-веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ-же принялъ таинственный, смущенный видъ и, отведя меня въ уголъ, робко взглядывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шепотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно, и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобились нанѣ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купитъ: наконецъ, онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не разсказывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ была я въ какомъ-то ужасѣ, и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ-бы въ забытьи, по своему обыкновенію. Въ этотъ день ей было хуже и съ ней сдѣлался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданія у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненныя сновидѣнія мучили меня. Наконецъ, я не могла вынести, и начала горько плакать. Рыданія мои разбудили матушку: она окликнула меня и спросила, что со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчку, подошла ко мнѣ и начала меня успокоивать, думая, что я испугалась чего нибудь во снѣ.—«Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! сказала она:—до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ что нибудь приснится. Ну, полно-же!» И тутъ она поцаловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все разсказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и о его запретѣ остановила меня. «Экая ты бѣдненькая, Нѣточка! сказала матушка, укладывая меня въ постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ: —

ты вѣрно будешь такая-же больная, какъ я!» Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще въ просонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда еще я не выносила болѣе тяжкой муки. Сердце у меня стѣснялось до боли. На другой день, по утру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не помнящая о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ-же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь-же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цаловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ, онъ сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что-то очень хорошее и что̀ я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ растегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него висѣлъ на шеѣ, на черномъ снуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочитать въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него странной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то торжественное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинственный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала,—вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ: но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе,—что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ,—что потомъ онъ когда нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какого-то большаго счастія. Слезы навернулись на глазахъ его и потекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцаловалъ скрипку и далъ ее поцаловать мнѣ. Видя, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня къ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожалъ отъ страха, чтобъ я какъ нибудь не разбила ея. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ.—«Это музыка! — сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— «Да, да, музыка», повторилъ онъ, радостно потирая руки: «ты умное дитя, ты доброе дитя!» Но, не смотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ,—я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми-же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка-же, погладивъ меня снова по головѣ, обѣщалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ, скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ, батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ, я росла въ нашемъ углу, и мало по малу любовь моя,—нѣтъ, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильнаго слова, которое-бы могло передать вполнѣ мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство къ отцу,—дошла даже до какой-то болѣзненной раздражительности. У меня было только одно наслажденіе—думать и мечтать о немъ; только одна воля—дѣлать все, что могло доставить ему хоть малѣйшее удовольствіе. Сколько разъ, бывало, я дожидалась его прихода на лѣстницѣ, часто дрожа и поспѣвъ отъ холода, только для того, чтобъ хоть однимъ мгновеніемъ раньше узнать о его прибытіи и поскорѣе взглянуть на него. Я была какъ безумная отъ радости, когда онъ, бывало, хоть немножко приласкаетъ меня. А между тѣмъ, часто, мнѣ было до боли мучительно, что я такъ упорно холодна съ бѣдной матушкой; были минуты, когда я надрывалась отъ тоски и жалости, глядя на нее. Въ ихъ вѣчной враждѣ я не могла быть равнодушной и должна была выбирать между ними, должна была взять чью нибудь сторону, и взяла сторону этого полусумасшедшаго человѣка, единственно оттого, что онъ былъ такъ жалокъ, униженъ въ глазахъ моихъ и въ самомъ началѣ такъ нечеловѣчески поразилъ мою фантазію. Но, кто разсудитъ?—Можетъ быть, я привязалась къ нему именно оттого, что онъ былъ очень страненъ, даже съ виду, и не такъ серіозенъ и угрюмъ, какъ матушка, что онъ былъ почти сумасшедшій, что часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки, и что, наконецъ, я меньше боялась его и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку. Онъ какъ-то былъ мнѣ болѣе ровня. Мало по малу, я чувствовала, что даже верхъ на моей сторонѣ, что я по-немногу подчинила его себѣ, что я уже была необходима ему. Я внутренно гордилась этимъ, внутренно торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда съ нимъ кокетничала. Дѣйствительно, эта чудная привязанность моя походила нѣсколько на романъ... Но этому роману суждено было продолжаться не долго: я вскорѣ ли-

пилась отца и матери. Ихъ жизнь разрѣшилась страшной катастрофой, которая тяжело и мучительно запечатлѣлась въ моемъ воспоминаніи. Вотъ какъ это случилось.

III.

Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о пріѣздѣ знаменитаго С—ца. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Нѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С—ца, его увѣнчанная лаврами старость, неувядаемая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычокъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что пріѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько нибудь прославленной знаменитости, производилъ на моего отчима самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ спѣшилъ услышать пріѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже боленъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокоивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣдкостью распространить свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣдный, помѣшанный человѣкъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о пріѣздѣ С—ца, генія музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ Петербургъ не слыхалъ ни одного знаменитаго дарованія, хотя-бы даже и неравносильнаго съ С—цомъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ первоклассныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ разсказывали, что при первыхъ слухахъ о пріѣздѣ С—ца, отца моего тотчасъ-же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный, и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С—цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго

уже не видали за кулисами, и появленіе его произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ подразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: «теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужъ вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!» Говорятъ, что онъ побѣдѣлъ, услышавъ эту насмѣшку, однако, отвѣчалъ, истерически улыбаясь: «посмотримъ; славны бубны за горами; вѣдь С — цъ только разъ въ Парижѣ былъ, такъ это французы про него накричали, а ужъ извѣстно, что такое французы!» и т. д. Кругомъ раздался хохотъ; бѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до поля завтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. разсказываетъ, что въ этотъ-же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ дилетантомъ, человѣкомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкуя о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С — ца и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите-ли вы этого человѣка? сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, это любопытно! сказалъ князь: —вы о немъ много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я-бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, отвѣчалъ Б.: — да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрываетъ сердце. Его жизнь — страшная, безобразная трагедія. Я его глубоко чувствую, и, какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ все-таки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во первыхъ, онъ сумасшедшій; во вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери. Я его знаю: онъ умеръ-бы на мѣстѣ, если-бъ увѣрился въ своемъ преступленіи. Но весь ужасъ въ томъ, что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ онъ *почти* въ немъ и восемь лѣтъ борется со своею совѣстью, чтобъ сознаться въ томъ не почти, а вполнѣ.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастіе, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрять всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было-бы время, не было-бы заботы, и тотчасъ увидѣли-бы, какой онъ артистъ. Онъ женился въ страшной надеждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете-ли, что онъ говоритъ цѣлыя восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій—жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену—и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не бралъ въ руки скрипки,—знаете-ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычокъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь-же, когда смычокъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Его девизъ: aut Cesar, aut nihil, какъ будто Цезаремъ можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда—слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужъ не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то есть любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С—цъ напротивъ: когда онъ беретъ смычокъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужъ третье, кажется, слава. Но онъ объ ней мало заботился... Знаете-ли, что теперь занимаетъ этого несчастнаго? прибавилъ Б., указывая на Ефимова.—Его занимаетъ самая глупая, самая ничтожнѣйшая, самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то есть: выше-ли онъ С—ца, или С—цъ выше его, — больше ничего, потому что онъ все-таки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и, я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ неподвижной идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе все-таки глубоко и серіозно, ибо призваніе его, въ началѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С—ца, замѣтилъ князь.

— Да, сказалъ Б. задумчиво. - Но нѣтъ: онъ очнется тот-

часъ-же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ-же выдумаетъ какую нибудь отговорку.

— Вы думаете? замѣтилъ князь.

Въ это время, они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройдти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ-ли онъ у С—ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотритъ, увидитъ, и если выдастся свободный часокъ—отчего-же нѣтъ? когда нибудь сходитъ. Тутъ онъ быстро и безпокойно посмотрѣлъ на Б. и на князя, и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что именно его мучитъ, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ: даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ поминутно то входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳедорыча, посторонихъ людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театръ. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳедорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокоило такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и я въ первый разъ услышала имя С—ца. Потомъ, я поняла, что нужно, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С—ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ эти чудо заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С—ца, что это все жиды, за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе спроста всякому вздору вѣрятъ, а ужь и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что значитъ слово: *пыль талантъ*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердитъ на этого С—ца и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С—ца. Потомъ, засмѣявшись и посмотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: «это вѣрно такой-же, какъ и Карлъ Ѳедорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафитъ». Батюшка вздрогнулъ, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и за-

топалъ ногами, схватилъ шляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ-же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцаловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то затаеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ ждетъ отъ меня какой-то большой услуги, но чего именно, онъ не сказалъ. Къ тому-же, мнѣ было тяжело его слушать; я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него безпокоиться.

На другой день, за обѣдомъ—что было уже наканунѣ концерта—батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно перемѣнился и безпрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой, — я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни, и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цаловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, что вѣрно я люблю своего папу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливымъ, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю-ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера по утру принесла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то зашумѣлъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со двора. Онъ воротился уже къ вечеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стулъ и началъ съ какою-то робостью на меня поглядывать. На меня напалъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ, матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку, купить ей чаю и сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка дозволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ-же пустилась бѣжать, какъ будто боясь, чтобъ меня не догнали Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Нѣточка! началъ онъ дрожащимъ голосомъ: — голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра-же...

— Наночка! Наночка! закричала я, бросаясь на колѣни и умо-

ляя его: — папочка! Не могу! Нельзя! Мамѣ нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Такъ ты не хочешь? Ты не хочешь? шепталъ онъ мнѣ въ какомъ-то изступленіи:—такъ ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо-же! Теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь-ли ты, злая дѣвчонка? Слышишь-ли ты?

— Папочка! закричала я въ полномъ ужасѣ: — возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь? говорила я, ломая руки и ухватившись за-полы его сюртука:—Мамочка опять браниться меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла на верхъ, но силы оставили меня у дверей нашей квартиры: я не смѣла войдти, не могла войдти; все, на сколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытьи, въ оцѣпенѣніи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ на верхъ. Это былъ онъ; я отличила его походку.

— Ты здѣсь? сказалъ онъ шепотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги: — на! Возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь-ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! Такъ и стунай къ мамѣ! А я тебя знать не хочу! Сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня и опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! Добренькій папочка! Я буду слушаться! кричала я:—я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня; онъ исчезъ Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слыхала и не видала. Наконецъ, все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала, что̀ дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ея шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла цѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ посторонній, и они оба о чемъ-то громко раз-

говаривали. Я насилу дождалась, пока уйдетъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу, и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь-ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! отвѣчала я.—Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Они у ней, въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ вчера лежали?

— Лежали? Гдѣ? закричалъ онъ, встрепенувшись, и всталъ со стула: —гдѣ они лежали?

— Они заперты, папаша! говорила я. — Подожди: вечеромъ, когда мама пойдетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Нѣточка! Слышишь-ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня: я тебѣ завтра-же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! Я не хочу гостинцевъ; я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назадъ отдамъ! закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгновеніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня и что онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ-же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и, Богъ видитъ, какъ много было это «все» для меня тогда. Я понимала, что̀ значили эти деньги для бѣдной матушки; знала, что она могла заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его не зналъ предѣловъ; онъ все цаловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня-же мы уйдемъ куда-то отъ матушки,—вѣроятно, льстя моей всегдашней фантазіи и, наконецъ, вынувъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человѣкъ, къ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговорившись со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ-же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ

со мной, и слушаю его молча, взявъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцаловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже сказала, что онъ былъ какъ помѣшанный; но еще и наканунѣ было это видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наканунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги, какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притрогивался ни къ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись: то хватался за шляпу, какъ будто сбираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно-разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, какъ будто въ нетерпѣніи поскорѣй добиться денегъ и какъ будто сердясь, что я до сихъ поръ не взяла ихъ у матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я-же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ: я забилась въ уголъ и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они на вѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не перечувствовала въ эти мгновенія! Есть минуты, въ которыя переживаешь сознаніемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы. Я чувствовала, что дѣлаю дурной поступокъ: онъ-же самъ помогъ моимъ добрымъ инстинктамъ, когда въ первый разъ малодушно натолкнулъ меня на зло и, испугавшись его, объяснилъ мнѣ, что я поступила очень дурно. Неужели-же онъ не могъ понять, какъ трудно обмануть натуру, жадную къ сознанію впечатлѣній и уже прочувствовавшую, осмыслившую много злаго и добраго? Я вѣдь понимала, что ужасная крайность, которая заставила его рѣшиться другой разъ натолкнуть меня на порокъ и пожертвовать такимъ образомъ моимъ бѣднымъ беззащитнымъ дѣтствомъ, рискнуть еще разъ поколебать мою неустоявшую совѣсть. И теперь, забившись въ уголъ, я раздумывала про себя: зачѣмъ-же онъ обѣщалъ награду за то, что̀ уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новые вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ:

я представляла себѣ горесть ея при потерѣ послѣдняго трудоваго. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и подозвала меня. Я задрожала и пошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: ступай, Нѣточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ намедни, да не потеряй какъ нибудь. Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ кивалъ головою, ободрительно улыбался мнѣ и потиралъ руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, подождая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что безъ всякой предосторожности тотчасъ-же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я отдала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ, принимая деньги. Я стояла, какъ будто остолбенѣвъ и не двигаясь съ мѣста: наконецъ, очнулась, когда онъ сталъ посылать меня на верхъ, вынести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Яша! Развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей, — его заступничествѣ.

— Нѣтъ... ты уже поди одна .. а? Подожди, подожди! закричалъ онъ схватившись:—подожди, вотъ я тебѣ гостинцу сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва, да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась на верхъ. Когда я вошла въ комнату, на мнѣ лица не было, и если-бъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила-бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія, бросилась я поперегъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту, дверь робко скрипнула, и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги? закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что нибудь необыкновенное; — гдѣ деньги? Говори! Говори! Тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустя глаза въ землю; я едва понимала, что со мною дѣлается и что со мной дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги? закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу. — Гдѣ деньги? повторила она. — А! Она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! Губитель мой! Злодѣй мой! Такъ ты ее тоже губишь! Ребенка! Ее, ее?! Нѣтъ-же! Ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! Признавайся! начала она мнѣ голосомъ, едва слышнымъ отъ волненія: — признавайся во всемъ! Говори-же, говори! Или... я не знаю, что я съ тобой сдѣлаю.

Она схватила мои руки и ломала ихъ, дорашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе, я поклялась молчать и не сказать ни слова про батюшку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ его взглядъ, одно его слово, что нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя, — и я была-бы счастлива, не смотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! Безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и я увидѣла человѣка въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвался. Тогда лакей подалъ записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б., который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С—цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшаго имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову, — все это произвело на мигъ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ разсказа о ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, не смотря на цѣлыя восемь лѣтъ безпрерывной тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать,—можетъ быть, она тоже была нѣсколько заражена неисколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобъ эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого нибудь вліянія, и на вниманіи князя она въ мигъ могла построить для него тысячу плановъ. Въ одинъ мигъ она готова была опять обратиться къ нему, она могла простить ему за всю жизнь свою, даже взвѣсивъ его послѣднее преступленіе — пожертвованіе ея единственнымъ дитятей, и въ порывѣ загнивовеныхнувшаго энтузіазма, въ порывѣ новой надежды, низвесть это преступленіе до простаго проступка, до малодушія, вынужденнаго

нищенствомъ, грязною жизнью, отчаяннымъ положеніемъ. Въ ней все было увлеченіе, и въ этотъ мигъ у нея уже были снова готовы прощеніе и состраданіе безъ конца, для своего погибшаго мужа.

Отецъ засуетился: его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась черезъ двѣ минуты, принеся размѣненныя деньги, и батюшка тотчасъ-же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ съ въжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходившая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстукъ, сохранявшійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фракомъ, который былъ сшитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стаканъ воды: онъ былъ блѣденъ, и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала уже я; можетъ быть, непріязненное чувство снова прокралось въ сердце матушки и охладило ея первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ: мы остались одни. Я забилась въ уголъ, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ея въ такомъ волненіи: губы ея дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ея начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Это я, это все я виновата, несчастная! говорила она сама съ собою.—Что-жь съ нею будетъ? Что-жь съ нею будетъ, когда я умру? продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли.—Нѣточка! Дитя мое! Бѣдная ты моя! Несчастная! сказала она, взявъ меня за руки и дрожно обнимая меня. — На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь-ли? Запомнишь-ли, что я теперь говорила, Нѣточка? Будешь-ли помнить впередъ?

— Буду, буду, маменька! говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто тревога одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мамочка! Мама! сказала я, всхлипывая:—за что ты... За что ты не любишь нашу? И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новой, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла: она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! Какое впечатлѣніе, какой примѣръ! И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цаловала меня, цаловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи... Я никогда не видывала такихъ страданій... Наконецъ, она какъ будто измучилась и впала въ забытье. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголъ, завернулась въ одѣяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучилъ и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣвалъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ, посмотрѣть, заснула-ли я. Чтобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкафу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою, какъ всегда дѣлалось на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытьи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я закрывала ихъ, какъ тотчасъ-же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрасталa все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сѣлъ на стулъ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Сальная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста: онъ сидѣлъ неподвижно, все въ томъ-же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Ощущеніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ: взглядъ его былъ мутный и бѣглый, — такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ-же оставивъ ее, в-

ротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ. Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что̀ будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно побѣдившемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ стало страшно за ея глубокій сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія, пробѣжала страшная мысль въ умѣ моемъ.

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя было, — такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, что̀ она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки или какъ-то прерывисто: онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то: наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычекъ и какъ-то страшно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками,—и опять та-же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего-же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего-же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найдти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой: она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его безпокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не поглядѣть на постель. Наконецъ, онъ

взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ затремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя,— но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческій, плачъ; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ и, наконецъ, когда затремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ,—все это какъ будто соединилось разомъ... Я не могла выдержать, — я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ, какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ-бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! закричала я ему:—папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! закричала я снова:—не пугай меня, ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы: онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! говорила я ему, трезвясь отъ страха:—не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! Пойдемъ, Нѣточка! Скорѣе, скорѣе! И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу

матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ. Потомъ увидѣлъ чепчикъ,—и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

Все-ли, все-ли? спрашивалъ отецъ: —все-ли готово? Скорѣй! Скорѣй!

Я на-скоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить. Когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка хотя-же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шепотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко. Мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли. Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго терь себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ будто нашелъ что ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо началъ искать чего-то въ комодѣ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми это, береги, прошепталъ онъ мнѣ: —не теряй-же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда къ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѣточка! сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиліемъ: —дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Что это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, молись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня.—Помолись, помолись! говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ, какъ бездыханная. Я напрягала всѣ

свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ. Но страхъ преслѣдовалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, сказала я, обливаясь слезами: —а мама?.. —Что съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать, и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную груду платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея грудь. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Поклонись ей, дитя! сказалъ онъ:—простись съ нею...

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною... Онъ былъ ужасно блѣденъ: губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я*, Нѣточка, *не я*, говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на грудь.—Слышишь, *не я: я не виноватъ въ этомъ*. Помни, Нѣточка!

— Папа, пойдемъ, прошептала я въ страхѣ.—Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и готовясь выйдти изъ комнаты.—Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы: полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ, и шелъ теперь мелкими хлопьями. Было холодно: я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно ухватившись за полы его фрака. Скрипка была у него подъ мышкой, и онъ поминутно останавливался, чтобъ придержать подъ мышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа: наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и съѣхалъ на послѣдней грудѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то страшное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже нѣсколько годъ. Мы ушли изъ нашего общаго жилища... Но того-ли я ожидала, о томъ-ли я мечтала, то-ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастіи того, которое я такъ по-дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе мачтуха. Зачѣмъ мы ее оставили, думала я:—одну? Покинули ея

тѣло, какъ ненужную вещь? Я помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка, начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей:—папочка!

— Что такое? сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? спросила я, заплакавъ.—Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней кого нибудь.

— Да, да! закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его.—Да, Нѣточка, такъ нельзя; нужно пойдти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду.

Я тотчасъ-же пошла, но едва только взошла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня въ сердце... Я обернулась и увидѣла, что онъ уже собѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась: онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ, безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти... Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцаловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не хочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя... Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ

поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя, я лишилась чувствъ. . . . . .

Очнулась я на теплой, мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостію встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и, наконецъ, съдаго старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась для живой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда, послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—на, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать со своими дѣтьми. Стали отыскивать, что̀ сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ кѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ изступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

Онъ умеръ, потому что такая смерть его была необходимостью, естественнымъ слѣдствіемъ всей его жизни. Онъ долженъ былъ такъ умереть, когда все, поддерживавшее его въ жизни, разомъ рухнуло, разсѣялось какъ призракъ, какъ безплотная, пустая мечта. Онъ умеръ, когда исчезла послѣдняя надежда его, когда въ одно мгновеніе разрѣшилось передъ нимъ самимъ и вошло въ ясное сознаніе все, чѣмъ обманывалъ онъ себя и поддерживалъ всю свою жизнь. Истина ослѣпила его своимъ нестерпимымъ блескомъ, и что̀ было ложь, стало ложью и для него самого. Въ послѣдній часъ свой, онъ услышалъ чуднаго генія, который разсказалъ ему его-же самого и осудилъ его навсегда. Съ послѣднимъ звукомъ, слетѣвшимъ со струнъ скрипки геніальнаго С—на, передъ нимъ разрѣшилась вся тайна искусства, и геній, вѣчно юный, могучій и истинный, раздавилъ его своею истинностью. Казалось, все, что только въ таинственныхъ, неосязаемыхъ мученіяхъ тяготило его во всю жизнь, все, что̀ до сихъ поръ только грезилось ему и мучило его только въ сновидѣніяхъ неощутительно, неуловимо, что̀ хотя сказывалось ему по временамъ, но отъ чего онъ съ ужасомъ бѣжалъ, заслонясь ложью всей своей жизни, все, что̀ предчувствовалъ онъ, но чего боялся досель,—все это вдругъ, разомъ засіяло передъ нимъ, открылось глазамъ его, которые упрямо не хотѣли признать до сихъ поръ свѣтъ за свѣтъ, тьму за тьму. Но истина была невыносима для глазъ его, презрѣвшихъ въ первый разъ во все, что̀ было, что̀ есть, и въ то, что̀ ожидаетъ его; она ослѣпила и сожгла его ра-

зумъ. Она ударила въ него вдругъ неизбѣжно, какъ молнія. Совершилось вдругъ то, что онъ ожидалъ всю жизнь съ замираніемъ и трепетомъ. Казалось, вся жизнь сѣкира висѣла надъ его головой. Всю жизнь онъ ждалъ каждое мгновеніе въ невыразимыхъ мученіяхъ, что она ударитъ въ него, и—наконецъ, сѣкира ударила! Ударъ былъ смертеленъ. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ суда надъ собою, но бѣжать было некуда: послѣдняя надежда исчезла, послѣдняя отговорка пропала. Та, которой жизнь тяготѣла надъ нимъ столько лѣтъ, которая не давала ему жить, та, со смертію которой, по своему ослѣпленному вѣрованію, онъ долженъ былъ вдругъ, разомъ воскреснуть,—умерла. Наконецъ, онъ былъ одинъ, его не стѣсняло ничто: онъ былъ, наконецъ, свободенъ! Въ послѣдній разъ, въ сумрачномъ отчаяніи, хотѣлъ онъ судить себя самъ, осудить неумолимо и строго, какъ безпристрастный, безкорыстный судья: но ослабѣвшій смычекъ его могъ только слабо повторить послѣднюю музыкальную фразу генія.. Въ это мгновеніе, безуміе, сторожившее его уже десять лѣтъ, неизбѣжно поразило его.

IV.

Я выздоравливала медленно: но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и вправду обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мной прояснилось мое положеніе, и я мало по малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома—какъ теперь вижу, большія, высокія, богатыя, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серіозно боялась пуститься черезъ какую нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Болѣзнь моя еще не прошла, и впечатлѣнія мои были мрачныя, тягостныя, совершенно подъ ладъ этого торжественно-угрюмаго жилища. И тому-же, какая-то, еще неясная мнѣ самой, тоска все болѣе и болѣе нарастала въ моемъ

маленькомъ сердцѣ. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣйливой работы, или статуей, которая какъ будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобъ оттуда лучше подсмотрѣть за мной и какъ нибудь испугать меня. останавливалась и потомъ вдругъ забывала, зачѣмъ я остановилась. чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и крѣпко билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилаго, такого серіознаго, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я полюбила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась: онъ былъ съ виду всегда очень уныль, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—ій, нанедавній меня и призрѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфектовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинами, поцаловалъ меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ, что скоро у меня будетъ подруга, такая-же дѣвочка какъ и я, его дочь Катя. Которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой француженкой, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за мной дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Большую половину дома занимала княгиня: она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили объ немъ. какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали, и даже видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него, какъ на какого-то чуднаго и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень страненъ. какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза... Въ свое время мнѣ придется очень много и гораздо подробнѣе говорить о немъ.

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье, надѣли на меня черное шерстяное платье. съ бѣлыми нарезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ вкопанная, когда меня привели къ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но

это впечатлѣніе было мгновенное, и я побѣднѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣваясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отчего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недовѣрчивостью ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мной очень привѣтлива и поцаловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда я очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цаловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе, какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня и вполнѣ замѣнить мнѣ мать. Но я никакъ не могла понять, что попала въ случай, и ничего не выиграла въ ея мнѣніи. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня писала къ кому-то письмо, изрѣдка оставляя перо и опять со мной заговаривала; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, непьяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгинѣ вовсе не нравилось, и я, кажется, довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ винюодну себя, разумѣется. Часу въ третьемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы пріѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потомъ начинала разсказывать по французски. Во время ея разсказовъ на меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человѣкъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ пахучій сѣдой старичокъ хотѣлъ было поцаловать меня, а я болѣдѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце ныло и болѣло во мнѣ. Я унеслась въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинные, молчаливые вечера, матушку, и когда вспомнила о матушкѣ—въ глазахъ моихъ накипали слезы, мнѣ сдавливало горло и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительные, чер-

ные глаза, иногда цѣлую четверть часа устремленные на меня, и крѣпко сжатыя тонкія губы. Вечеромъ меня отвели на верхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній; а на утро началась та-же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило разсказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ сообѣзновать обо мнѣ. Къ тому-же я была такой обыкновенный ребенокъ, «безъ всякой наивности», какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ на глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: «не-ужъ-ли ей не скучно со мной?..»—и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужь болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство: впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я-же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ глубокой, болѣзненной тоски своей и рада-рада была, когда уйду, наконецъ, отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было забиться куда нибудь въ уголъ, гдѣ непримѣтнѣе, стать за какую нибудь мебель, и тамъ тотчасъ-же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло! я какъ будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали одни картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила — и ночь, и скрипку, и батюшку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить себѣ всѣ эти происшествія какъ-то не могла... Только тяжеле мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ: я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неусыпно и усердно присматривали и съ точностію исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ, кто нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти безпокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась найдти

куда нибудь подальше, чтобъ въ случаѣ нужды знать куда спрятаться. Разъ я забрела на парадную лѣстницу. Она была вся изъ мрамора, широкая, устланная коврами, уставленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человѣка, чрезвычайно пестро одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому-же была другая причина, по которой я убѣгала сверху. На верху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась въ моемъ воспоминаніи. Она была чуть-ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была восходить на верхъ и дѣлать личный визитъ своей тетѣ. Она обыкновенно приходила утромъ: начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ того хотѣла сама тетушка, которая вставала съ мѣста, цаловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу: по впослѣдствіи, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ. Вообще, житье престарѣлой княжны было почти келейное. Она была дѣвушка, и когда ей минуло тридцать пять лѣтъ, заключилась въ монастырь, гдѣ и выжила лѣтъ семнадцать, но не постриглась, потомъ оставила монастырь и пріѣхала въ Москву, чтобъ жить съ сестрою, вдовой графинею Л., здоровье которой становилось съ каждымъ годомъ хуже, и примириться со второй сестрой, тоже княжной Х — ю, съ которой слишкомъ двадцать лѣтъ была въ ссорѣ. Но старушки, говорятъ, ни одного дня не провели въ согласіи, тысячу разъ хотѣли разъѣхаться и не могли этого сдѣлать, потому что, наконецъ, замѣтили, какъ каждая изъ нихъ необходима двумъ остальнымъ, для предохраненія отъ скуки и отъ припадковъ старости. Но, не смотря на непривлекательность ихъ житья-бытья и самую торжественную скуку, господствовавшую въ ихъ московскомъ теремѣ, весь городъ поставлялъ долгомъ не прерывать своихъ визитовъ тремъ затворницамъ. На нихъ смотрѣли какъ на храни-

тельницъ всѣхъ аристократическихъ завѣтовъ и преданій, какъ на живую лѣтопись коренаго боярства. Графиня оставила послѣ себя много прекрасныхъ воспоминаній и была превосходная женщина. Заѣзжіе изъ Петербурга дѣлали къ ней свои первые визиты. Кто принимался въ ихъ домѣ, того принимали вездѣ. Но графиня умерла, и сестры разъѣхались; старшая, княжна Х—я, осталась въ Москвѣ, наслѣдовать свою часть послѣ графини, умершей бездѣтною, а младшая, монастырка, переселилась къ племяннику, князю Х—му, въ Петербургъ. Зато двое дѣтей князя: княжна Катя и Александръ, остались гостить въ Москвѣ у бабушки, для развлеченія и утѣшенія ея въ одиночествѣ. Княгиня, страстно любившая своихъ дѣтей, не смѣла слова пикнуть, разставаясь на все время положеннаго траура. Я забыла сказать, что трауръ еще продолжался во всемъ домѣ князя, когда я поселилась въ немъ; но срокъ истекалъ въ короткомъ времени.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платье изъ простой шерстяной матеріи и носила накрахмаленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священныя книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина на верху была страшная; невозможно было скрипнуть дверью: старушка была чутка какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ-же посылала изслѣдовать причину стука или даже простаго скрипа. Всѣ говорили шепотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная француженка, тоже старушка, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ любимой своей обуви,—башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка-княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда былъ второй нарочный, къ француженкѣ, съ запросомъ: отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ-же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были чисты, учили меня подходить, кланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить,—однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ предложеніемъ: не позволитъ-ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь и разсказывала потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжнѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ, послѣдовало мое представленіе. Я

увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцаловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала; но когда дошло дѣло до отца и матушки, я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я разчувствовалась; впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога: потомъ спросила, когда я была въ послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень пренебрегали, то княжна пришла въ ужасъ. Послали за княгиней. Послѣдовалъ совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ первое-же воскресенье. До тѣхъ поръ княжна обѣщала молиться за меня, но приказала меня вывесть, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужь видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ-же день прислали сказать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако, и на завтра послѣдовало тоже замѣчаніе. Случись-же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Француженка и всѣ дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту-же минуту переселили въ самую отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной въ припадкѣ глубокаго ужаса.

Но я ужь не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужь тамъ никого не обезпокою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову и такъ просидѣла не помню сколько часовъ. Я все думала, думала: мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Что съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову; это былъ князь: его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе, но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ! проговорила я, и стонъ вырвался изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во

мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цалуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не спротка! Нѣтъ!

— Дитя мое,—что̀ съ тобой, моя милая, бѣдная Нѣточка? Что̀ съ тобой?

— Гдѣ моя мама? Гдѣ моя мама? закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе скрывать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на колѣни:—гдѣ моя мама? Голубчикъ мой, скажи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое!.. Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей... Что̀ я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѣточка, пойдемъ со мною.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Наконецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какой-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому-же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня...

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана: я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери и со мной сдѣлался первый припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро чье-то знакомое имя раздавалось въ ушахъ моихъ. Я услышала имя С—ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула: воспоминанія нахлынули на мнѣ, и, припоминая, мечтая и мучаясь, я пролежала ужь не помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно: кругомъ меня было темно; ночникъ погасъ и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сыскала я силъ, наскоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты.

Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ, я пробралась въ коридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На серединѣ коридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена: внизу ходили; я притаилась въ углу, чтобъ меня не видали, и, только что стало возможно, спустилась внизъ, во второй коридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ коридора была завѣшена огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоими занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько мгнутъ, осиливъ свое волненіе, я осмѣлилась, наконецъ, отвернуть немного съ края второй занавѣсъ... Боже мой! Эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячью огней. Какъ будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшіе къ темнотѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣтеръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ: всюду я встрѣчала сверкающій отъ удовольствія взглядъ. Я стояла какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ... Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила нашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, стоявшія у подъѣзда, топотъ и храпъ горячихъ коней, крики, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку... Такъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ отцомъ... Стало быть, это была не мечта!.. Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнію, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то необъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: «онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь», думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія... духъ во мнѣ занимался. Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шепотъ. Я жадно всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи высокаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны: въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затаили

духъ. Всѣ лица были устремлены на старика, все ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до струнъ. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ нестерпимой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ будто я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что̀ разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе: быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ послышался какъ будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачъ, какъ будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и заныла, замолкла въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я упѣлась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ открывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ-же звуки. Открывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу, — нѣтъ, это были другія люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской: казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стонамъ и воплямъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! Это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ такъ-же, какъ и тогда въ ту ночь пронзилъ мнѣ душу. «Отецъ! Отецъ!» пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: «онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это его скрипка!» Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя рукоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачъ вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! Это ты! Гдѣ ты? закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика: мнѣ давали дорогу, разступались передо мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ крикомъ; я думала, что обнимаю отца... Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и поднимаютъ на воздухъ. Чьи-то черные глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на старика: «нѣтъ! Это былъ не отецъ: это его убійца!» мелькнуло въ умѣ моемъ. Какое-то изступленіе овладѣло мной, и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ крикомъ; я лишилась чувствъ.

V.

То былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься какъ пронзенный въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и которой благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заныли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ, продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ.—А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь,—вотъ тебѣ и подруга. Выздоравливай скорѣе, Нѣточка. Злая этакая, какъ она меня напугала!..

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, которыя не сходили съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцаловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ; посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ — было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она-же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то за тѣмъ, что ей жалко меня, — такъ ужь нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ, когда я выздоровлю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна

тотчасъ-же хмурила брови, качала головой и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я-жь тебѣ сказала, вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да, мало, отвѣчала я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А на яву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, нянька, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что нибудь, однимъ словомъ, мечтала объ ней какъ влюбленная. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: Не выздоровѣла? Опять такая-же худая! то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серіознѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки, такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ, хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? сказала она мнѣ однажды.—Кушай, отъ этого скорѣе растолстѣешь.

— Принеси, отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна садилась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что-жь ты молчишь? начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлать нама? спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Нанѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— НѢтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобою говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе: ужь я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мнѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— НѢтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм! спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, отвѣчала я, помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу! Ну, прощай!

И княжна, поцаловавъ меня почти на лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Вишь больше, вишь хорошенько, это мой пирогъ, я сама пекла. Ну, прощай! И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значитъ, что она уже бѣгала и прыгала часъ или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? закричала она, запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— НѢтъ, отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай; меня ждутъ.

Наконецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя была ужь не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней

было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цаловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? Зачѣмъ ты меня цалуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстраго вопроса и не отвѣчала ни слова; княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнья (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресеріозно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголъ на диванъ, откуда разсматривала меня очень долго, и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь, я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ и крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все-таки я мучилась недоумѣніемъ: отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скораго слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усиливалось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не взлюбила меня и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко, — иной-бы сказалъ грубо, если-бъ въ этихъ быстрыхъ какъ молнія движеніяхъ характера прямаго, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я — совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива: игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно недоставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ нибудь недовольны: тотчасъ-же становилась грустна, унадала духомъ, такъ что ужь и силъ не доставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мнѣ впечатлѣніе, —однимъ словомъ, погибала вполнѣ. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась

меня, разематривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со мной, показывая, какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ-же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня, наконецъ, совершенно и начинала играть одна, ужь болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть-ли не тяжеле прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила, наконецъ, эту перемѣну въ нашихъ сношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все думаю и что лучше она подождетъ брата Сашу, который пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой-же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это, впрочемъ, и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть было бульдогъ не загрызъ, — однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила-же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серіозно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего-жь вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну, такъ я буду играть одна, тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ-бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходитъ, она не виновата.—Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцаловаться? спросила она, немного подумавъ, вѣроятно, припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и прессріозно, не улыбнувшись, поцаловала меня. Такимъ образомъ кончивъ все, что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ отдыхать и собраться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно, я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чемъ-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее на счетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему, она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она наконецъ согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ-же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями,—она какъ-то стыдилась этого. Разсказывали, что она по нѣкымъ днямъ иногда билась надъ какимъ нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи, и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. Тоже было въ каждомъ ея поступкѣ. Она умъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую нибудь совершенную глупость: другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за

немедленную и крайнюю необходимость учить меня по французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись-же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я-же почти въ одинъ сеансъ, знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, сказала она, указывая на меня: — большой ребенокъ, учится въ первый разъ и въ десятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? спросила въ изумленіи Катя: — да она еще азбуку учитъ!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонитъ. Такъ-ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полымя, увѣрясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда—было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ-ли, отъ гордости-ли, когда ее уличали за шалости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло. Бѣдняжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли къ мадамъ Леотаръ, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ француженки, но Катя промолчала, какъ будто не слыхала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня изъ-подлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванъ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепьяно играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться.

Я смолчала.

— Мадамъ Леотаръ говоритъ, что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи била по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого что лучше меня понимаете? спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ.— Стыдитесь! Вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепьяно. Стыдно; я все разскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей: она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы-бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она—сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще-бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, неправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Нѣточка, за что меня бранили за васъ, спросила она, наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего-жъ вы все плачете? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали?

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, отвѣтила я, наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили, отвѣчала я черезъ силу.

— Онѣ были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто-жь вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растравляли мнѣ сердце. И воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны,—все это поражало, обжигало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ-же вы меня спрашиваете? сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста.—Зачѣмъ-же вы меня спрашиваете? продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія.—Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда-ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? сказала я, заплакавъ отъ душевной боли. — Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Нѣточка? спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы:—что съ тобой? продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю, которая была красна какъ огонь:—о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Нѣточка, за что вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами цаловала ее.

— Катя, не лги. Что здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла какое у нея было дурное платье, когда еще она жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что-жь дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, знать, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго разу такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже согласилась въ проступкѣ.

— Сейчасъ-же подойди къ ней и проси у нея прощенія, сказалъ князь, указавъ на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну, сказалъ князь.

— Я не хочу, проговорила, наконецъ, Катя въ полголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я не буду съ нею вмѣстѣ жить... Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ.—Нѣточка, ступай на верхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла на верхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголъ. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхѣ и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ хотѣла я подойдти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другаго дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатамъ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась-было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? Не больна-ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за волянъ, но, только что отворотилась мадамъ Леотаръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою компату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенья просила, проговорила она:—вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки, и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцаловаться съ вами, — вы меня поцалуете?

Въ отвѣтъ я начала цаловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ,

глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцаловала и просила прощенія, сказала она потихоньку, какъ-бы размышляя сама съ собою. —Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ на верху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ,—однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюденія ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ, какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія даже до нравственной тираніи. Княгиня какъ-то страшно понимала что такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ... Но впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлить свои отношенія къ матери и отцу. Съ послѣднимъ она была, какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью, совершенно напротивъ,—замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимой системѣ. Я объяснюсь впослѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла, наконецъ, свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполнѣ осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія, — и княжна великодушно ввела въ

свой разсчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ разсчетъ мало помогъ потомъ ея горячей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче—и пусть простятъ мнѣ мое слово—я была влюблена въ мою Катю. Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня къ ней? Отчего родилась такая любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангелъ, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею,—всѣ были приняты и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ счастливому ребенку. Она родилась на счастіе, она должна была родиться для счастія,—вотъ было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и—вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи уклоненномъ, въ состояніи борьбы,— была гордость. Эта гордость доходила до пошлыхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что, напримѣръ, противорѣчіе, каково-бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что нибудь иначе, нежели какъ-бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ-же подчинялась приговору, безропотно и неколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣнила она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонію всего ея существа; такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опытъ выводилъ ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались безпрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ; мнѣ—ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто-бы я сама на то согласилась. Уроки или своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрезвычайно щекотливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золъ какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ, натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, старушка-княжна... Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ-же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серіозной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился-бы отгрызть у ней руку, или растерзать ее, если-бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойдти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечъ-

никъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе, тотчасъ-же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ,— однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда-же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки, и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись-же, что она взглянула на меня,—вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, и самою твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала: глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ-бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня непзъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна, какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако, смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойдти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокъ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ея, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь прострадала въ тихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться: моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужь въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало по малу замѣтила, по нѣкоторымъ неуловимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я украдкою взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цаловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати: но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало по малу вытѣснили старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ прошедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнію.

Помню, я иногда просыпалась ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ кнѣжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы: иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цаловала ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ подъ одѣяла. Мало по малу я замѣтила,—такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ,—что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шума, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, краснѣла и сердилась очень часто,

и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ быть, зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйдти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что княгиня была очень недовольна мною, и всю перемѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписывала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила-бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серіозный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямъ до непоколебимости. Она-же понимала князя вполнѣ.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучилась тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодованія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серіозно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія перемѣны происходили во мнѣ только порывами и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась на верхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Лотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то грусть отѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вѣдь за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была по-

ражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ разспросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ на верхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазками, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и послала отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, сказала она мнѣ:—давайте я завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ какъ вишня отъ того, что, наконецъ-то, Катя заговорила со мной.

— Давай! сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала что̀ дѣлать отъ какого-то сладкаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ.—Да ужь давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платокъ и повязала по своему.

— А то можно кашель нажить, сказала она, предукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными влажными глазками.

Я была внѣ себя; я не знала, что̀ со мной дѣлается и что̀ сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я-бы не выдержала и бросилась-бы цаловать ее на улицѣ. Входя на лѣстницу, мнѣ удалось, однако-жь, поцаловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не зналъ, что̀ сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая-же, какъ всегда, ру-

мяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ вдругъ ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее, — на этотъ разъ, какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость, за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалуньѣ вздумалось зайдти далеко. Ей пришло на умъ разсказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проэктахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполнѣ раскаявающейся: однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ и много льстила ея самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей,—сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку: потомъ засадить Фальстафа къ ней подъ кровать: потомъ сломать ея очки, унесть всѣ ея книги, и принесть вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ: потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости: наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра-же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложитъ наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворитъ справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однако-жь Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ

Но проказница вырвалась таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ сама, я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но ви-

димо требовать отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли,—именно: ему былъ формально запрещенъ входъ на верхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое-же воскресенье, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенья оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ на верхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться на верхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю анфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его. По счастію, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, а Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна-же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала какъ будто-бы ее ужъ съѣли, и серіозно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больнаго, самой жалкой наружности, но который,—однако-жъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было-бы чудомъ. Вдругъ огромный ньюфаундскій бульдогъ бросается въ

воду на перерѣзъ утопающему мальчику, схватывать его въ зубы и побѣдоносно выплывать съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цаловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще носилъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фрикесы, терпѣть не могъ ни чьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцалуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутреннія покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетѣ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скораго наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фрикой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Цербергъ и проч. были уже слишкомъ опошлены: требовалось названіе, вполнѣ приличное фавориту дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фрикесы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо: какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родимецъ, какъ будто силинъ одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестію припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей на верхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ нибудь неподалеку, прятался въ уголъ и коварно поджидалъ, когда кто нибудь оплошаетъ и оставитъ дверь на верхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія,—наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся на верхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почуявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка и, чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе, —

словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково-же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили передъ нимъ всю настежь. И мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить на верхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился на верхъ какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки. Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса. Но Фальстафъ уже домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однако-жъ, не отворилъ ее, и завылъ какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился на верхъ. И Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на аркапѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; ея глаза упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, бѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я пустила Фальстафа... нечаянно, прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно!—сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ опеломленная; руки ея повисли по бокамъ: побѣдительное личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два,—ничего. Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю или брата ея, на

два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа и, полагая, что меня приведетъ нянюшка. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ, я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучатъ и ломятся въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ-же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ, отворили дверь и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда-же проснулась, поднявъ шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что-же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ на верхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, началъ онъ къ мадамъ Леотаръ: — что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство, скотство! Больной, слабый ребенокъ, такая мечтательная, нугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не

знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само по себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня! Но Жанъ-Жакъ не могъ говорить этого: Жанъ-Жакъ не авторитетъ. Жанъ-Жакъ Руссо не смѣлъ говорить о воспитаніи, не имѣлъ права на то. Жанъ-Жакъ Руссо отказался отъ собственныхъ дѣтей, сударыня! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! Князь! Что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться: но затронуть кого нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человѣкомъ, назвать его варваромъ, — Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! проговорила она, наконецъ, внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ-же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцаловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— Pauvre prince! сказала мадамъ Леотаръ, расчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдясь:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? сказала она мнѣ:—становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойдти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйдти.

— Не ходи, Нѣточка, побудь со мной, сказала она:—это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ безпорядкѣ. Она цаловала меня, какъ безумная, цаловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ: я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, какъ любовники, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Нѣточка! Ну! До вечера, до ночи! Ступай теперь на верхъ, жди меня.

Она поцаловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, крѣпко, и бросилась отъ меня на зовъ Насти. Я прибѣжала на верхъ, какъ воскресная, бросилась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ, пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ: она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ такъ сердце колотится?.. спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! Какая скучная! Скорѣе, скорѣе! И княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! сказала Настя, поцаловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Въ мигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! заговорила она, поднявъ меня съ постели. Мгновенье спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацаловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цаловала! сказала она, покраснѣвъ какъ макъ.

Я рыдала.

— Нѣточка! прошептала Катя сквозь слезы:—ангелъ ты мой, я вѣдь тебя такъ давно, такъ давно ужь люблю! Знаешь, съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія просить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Нѣточка... Си-ро-точка ты моя!— протянула она, снова осыпая меня поцалуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго... такъ долго... и я не договорила. Мы обнялись, и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что̀ думала про меня? спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! Все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что-жь ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что̀?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ. А папа добрый человѣкъ, Нѣточка! Да?

— Ахъ, да! отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, серіозно сказала Катя:—да что мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ все такой... Ну, а потомъ стала у тебя прощенья просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! крикнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою.—Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу!..

— За что̀-же?

— Да ужь я сердита на тебя была. Не знаю за что̀! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужь замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! сказала Катя, цалуя мнѣ руку:—ну, а по-

томъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру...си...ла-то, протянула княжна.—Ты, знаешь-ли, почему я къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что смотришь... Ахъ! Будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Боялась ты за меня?

— Ужасть!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ онъ ушелъ, чу... до...вище этакое!

И княжна захохотала первическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Нишь, бѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе, сама глупенькая, платка такая, глаза голубенькіе, си...ро...точка ты моя!!!

И Катя нагнулась опять безъ счету цаловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю -нѣтъ, да нѣтъ! Не скажу ей! И вѣдь какъ упрямилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! сказала я, вся въ изступленіи отъ радости.—Душа ломитъ!

— Да, Нѣточка! Слушай дальше... Да слушай, кто тебя Нѣточкой прозвалъ?

— Мама.

— Ты мнѣ все про маму разскажешь!

— Все, все, отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? А ленту зачѣмъ унесла? Ахъ, ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучаю ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень умна? А!

— Ну, что ты, Катя! отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, сказала Катя рѣшительно и серіозно:—сю я знаю. Только я разъ утромъ встала и такъ тебя полюбила,

что ужасъ! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю, кабы она приняла, какъ и въ прошлую ночь, а ты и приняла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю... Ахъ, какія мы безстыдницы, Нѣточка!

— Да за что-жь ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... Да что я говорю! Вѣдь я тебя все любила! Все любила! Ужь потомъ и терпѣть не могла: думаю, зацалую я ее когда нибудь или исщипаю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты этакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя: экая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвязку, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцаловаться съ тобою... Да и не поцаловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась «темницей».

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю: плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цаловать, такъ цаловать! И вѣдь не жалко, ей Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была!

— Не плакала? Ахъ, ты злая! закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая!

— Не правда-ли? Ну, теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Поцалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка...

— А еще?

— А еще поцалуй меня.

И мы поцаловались, плакали, хохотали: у насъ губы распухли отъ поцалуевъ.

— Нѣточка! Во первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цаловаться любишь? И цаловаться будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ разскажешь, а?

— Все разскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужь будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣй пришло! Тебѣ хочется спать, Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что нашу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили объ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ-же выдумали, что̀ мы будемъ дѣлать завтра, послѣ завтра, и вообще разсчитали жизнь чуть-ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а я все исполнять, а другой день на оборотъ—я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы объ будемъ по ровну другъ другу приказывать; а тамъ кто нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастіе. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись разомъ, поцаловались наскоро, потому что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужаго глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ разсказомъ.

— Злая, злая ты этакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я-бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другаго на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму Фальстафкину плетку и ужь если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цалуемся. А цаловались мы въ этотъ день,

по крайней мѣрѣ, сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье ваше продолжалось недолго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего разсказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все что̀ подмѣтила, — что мы объ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цалуемся; плачемъ, хохочемъ какъ безумныя, — какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ чему приписать это все, но ей кажется, что княжна въ какомъ нибудь болѣзненномъ кризисѣ, и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться поръже.

— Я давно это думала, отвѣчала княгиня:—ужь я знала, что эта странная сиротка надѣлаетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ разсказали про нее, про прежнюю жизнь ея,—ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это неестественно, сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ-бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что̀ не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, правила. И не понимаю, что̀ находитъ въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ послали за Катей и ужь внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, то есть ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не переноситъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла: на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣнила намѣренія. Мало по малу я стала приходить въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ, Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашомъ, страшными каракулями, слѣдующее:

Я тебя очень люблю. Сижу съ маман и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу — я сказала, и потому не плачь. На-

нии мнѣ, какъ ты меня любишь? А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Нѣточка. Посылаю тебѣ конфектъ. Прощай .

Я отвѣчала въ этомъ-же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непремѣнно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я разспрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцаловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа, какой ты хорошій человѣкъ, папа!

— Шалуны вы! Что съ вами сдѣлалось? Что за дружба? Что за любовь?

— Молчи, папа, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ея личика, и бѣдность прокрадывалась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ, постучалась Настя. Знакъ, что хватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословитъ васъ Господь! сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но разсчиталъ очень худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра-же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала до самаго прощанія съ княжной. На прощаньи настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета уже ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цаловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ; — ты не смотри на меня: это такъ; я не больна, я пріѣду черезъ мѣсяцъ опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, сказала княгиня спокойно;—ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! успѣла она прошептать, обнимая меня. — До свиданья!

Мы поцаловались въ послѣдній разъ, и княжна исчезла — надолго, очень надолго. Прошло восемь лѣтъ до нашего свиданья!

. . . . . .

Я нарочно разсказала такъ подробно этотъ эпизодъ моего дѣтства, перваго появленія Кати въ моей жизни. Но наши исторіи нераздѣльны. Ея романъ—мой романъ. Какъ будто суждено мнѣ было встрѣтить ее; какъ будто суждено ей было найдти меня. Да и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи перенестись еще разъ воспоминаніемъ въ мое дѣтство... Теперь разсказъ мой пойдетъ быстрѣе. Жизнь моя вдругъ впала въ какое-то затишье, и я какъ будто очнулась вновь, когда мнѣ ужь минуло шестнадцать лѣтъ...

Но—нѣсколько словъ о томъ, что сталось со мною по отъѣздѣ княжескаго семейства въ Москву.

Мы остались съ мадамъ Леотаръ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ нарочный и объявилъ, что поѣздка въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время. Такъ какъ мадамъ Леотаръ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могла ѣхать въ Москву, то должность ея въ домѣ князя кончилась; но она осталась въ томъ-же семействѣ и перешла къ старшей дочери княгини, Александрѣ Михайловнѣ.

Я еще ничего не сказала про Александру Михайловну, да и видѣла я ее всего одинъ разъ. Она была дочь княгини еще отъ перваго мужа. Происхожденіе и родство княгини было какое-то темное: первый мужъ ея былъ откупщикъ. Когда княгиня вышла замужъ вторично, то рѣшительно не знала, что ей дѣлать со старшею дочерью. На блестящую партію она надѣяться не могла. Приданое-же давали за нею умѣренное: наконецъ, четыре года назадъ, съумѣли выдать ее за человѣка богатаго и въ значительныхъ чинахъ. Александра Михайловна поступила въ другое общество и увидѣла кругомъ себя другой свѣтъ. Княгиня посѣщала ее въ годъ по два раза: князь, отчимъ ея, посѣщалъ ее каждую недѣлю, вмѣстѣ съ Катей. Но въ послѣднее время княгиня не любила пускать Катю къ сестрѣ, и князь возилъ ее потихоньку. Катя обо-

жала сестру. Но онѣ составляли цѣлый контрастъ характеровъ. Александра Михайловна была женщина лѣтъ двадцати-двухъ, тихая, нѣжная, любящая; словно, какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая, сердечная боль сурово оттѣняли прекрасныя черты ея. Серіозность и суровость какая-то не шли къ ея ангельски-яснымъ чертамъ, словно трауръ къ ребенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовавъ къ ней глубокой симпатіи. Она была блѣдна, и, говорили, склонна къ чахоткѣ, когда я ее первый разъ видѣла. Жила она очень уединенно и не любила ни съѣздовъ у себя, ни выѣздовъ въ люди,—словно монастырка. Дѣтей у нея не было. Помню, она пріѣхала къ мадамъ Леотаръ, подошла ко мнѣ и съ глубокимъ чувствомъ поцаловала меня. Съ ней былъ одинъ худощавый, довольно пожилой мужчина. Онъ прослезился, на меня глядя. Это былъ скрипачъ В. Александра Михайловна обняла меня и спросила, хочу-ли я жить у нея и быть ея дочерью. Посмотрѣвъ ей въ лицо, я узнала сестру моей Кати и обняла ее съ глухою болью въ сердцѣ, отъ которой заныла вся грудь моя... какъ будто кто-то еще разъ произнесъ надо мною: сиротка!» Тогда Александра Михайловна показала мнѣ письмо отъ князя. Въ немъ было нѣсколько строкъ ко мнѣ, и я прочла ихъ съ глухими рыданіями. Князь благословлялъ меня на долгую жизнь и на счастье, и просилъ любить другую дочь его. Катя приписала мнѣ тоже нѣсколько строкъ. Она писала, что не разлучается теперь съ матерью.

И вотъ, вечеромъ я вошла въ другую семью, въ другой домъ, къ новымъ людямъ, въ другой разъ оторвавъ сердце отъ всего, что мнѣ стало такъ мило, что было уже для меня родное. Я пріѣхала вся измученная, истерзанная отъ душевной тоски... Теперь начинается новая исторія.

VI.

Новая жизнь моя пошла такъ безмятежно и тихо, какъ будто я поселилась среди затворниковъ... Я прожила у моихъ воспитателей слишкомъ восемь лѣтъ, и не помню, чтобъ во все это время, кромѣ какихъ нибудь нѣсколькихъ разъ, въ домѣ былъ званый вечеръ, обѣдъ, или какъ-бы нибудь собрались родные, друзья и знакомые. Исключая двухъ—трехъ лицъ, которыя ѣзжали изрѣдка, музыканта В., который былъ другомъ дома, да тѣхъ, которые бывали у мужа Александры Михайловны, почти всегда по дѣламъ, въ нашъ домъ болѣе никто не являлся. Мужъ Александры Михай-

ловны постоянно быль занять дѣлами и службою, и только изрѣдка могь выгадывать хоть сколько нибудь свободнаго времени, которое и дѣлилось по ровну между семействомъ и свѣтскою жизнью. Значительныя связи, которыми пренебрегать было невозможно, заставляли его довольно часто напоминать о себѣ въ обществѣ. Почти всюду носилась молва о его неограниченномъ честолюбіи; но такъ какъ онъ пользовался репутаціей человѣка дѣловаго, серіознаго, такъ какъ онъ занималъ весьма видное мѣсто, а счастье и удача какъ будто сами ловили его на дорогѣ, то общественное мнѣніе далеко не отнимало у него своей симпатіи. Даже было и болѣе. Къ нему всѣ постоянно чувствовали какое-то особенное участіе, въ которомъ, обратно, совершенно отказывали женѣ его. Александра Михайловна жила въ полномъ одиночествѣ; но она какъ будто и рада была тому. Ея тихій характеръ какъ будто созданъ былъ для затворничества.

Она привязана была ко мнѣ всей душой, полюбила меня какъ родное дитя свое, и я, еще съ неостывшими слезами отъ разлуки съ Катей, еще съ болѣзненнымъ сердцемъ, жадно бросилась въ материнскія объятія моей благодѣтельницы. Съ тѣхъ поръ горячая моя любовь къ ней не прерывалась. Она была мнѣ мать, сестра, другъ, замѣнила мнѣ все на свѣтѣ и взлелѣяла мою юность. Къ тому-же я скоро замѣтила инстинктомъ, предчувствіемъ, что судьба ея вовсе не такъ красна, какъ о томъ можно было судить съ перваго взгляда по ея тихой, казавшейся спокойною, жизни, по видимой свободѣ, по безмятежно-ясной улыбкѣ, которая такъ часто свѣтлѣла на лицѣ ея, и потому, каждый день моего развитія объяснялъ мнѣ что нибудь новое въ судьбѣ моей благодѣтельницы, что-то такое, что мучительно и медленно угадывалось сердцемъ моимъ, и вмѣстѣ съ грустнымъ сознаніемъ все болѣе и болѣе росла и крѣпла моя къ ней привязанность.

Характеръ ея былъ робокъ, слабъ. Смотря на ясныя, спокойныя черты лица ея, нельзя было предположить, съ перваго раза, чтобъ какая нибудь тревога могла смутить ея праведное сердце. Помыслить нельзя было, чтобъ она могла не любить хоть кого нибудь; состраданіе всегда брало въ ея душѣ верхъ даже надъ самимъ отвращеніемъ,—а между тѣмъ она привязана была къ немногимъ друзьямъ и жила въ полномъ уединеніи... Она была страстна и впечатлительна по натурѣ своей, но въ тоже время какъ будто сама боялась своихъ впечатлѣній, какъ будто каждую минуту стерегла свое сердце, не давая ему забыться, хотя-бы въ мечтаніи. Иногда вдругъ, среди самой свѣтлой минуты, я замѣчала слезы въ глазахъ ея: словно внезапное, тягостное воспоминаніе

чего-то мучительно-терзавшаго ея совѣсть вспыхивало въ ея душѣ; какъ будто что-то стерегло ея счастье и враждебно смущало его. И тѣмъ, казалось, счастливѣе была она, тѣмъ покойнѣе, яснѣе была минута ея жизни, тѣмъ ближе была тоска, тѣмъ вѣроятнѣе была внезапная грусть, слезы: какъ будто на нее находилъ припадокъ. Я не запомню ни одного спокойнаго мѣсяца въ цѣлыя восемь лѣтъ. Мужъ, повидимому, очень любилъ ее: она обожала его. Но съ перваго взгляда, казалось, какъ будто что-то было недосказано между ними. Какая-то тайна была въ судьбѣ ея: по крайней мѣрѣ, я начала подозрѣвать съ первой минуты...

Мужъ Александры Михайловны съ перваго раза произвелъ на меня угрюмое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зародилось въ дѣтствѣ и уже никогда не изглаживалось. Съ виду это былъ человѣкъ высокій, худой и какъ будто съ намѣреніемъ скрывавшій свой взглядъ подъ большими зелеными очками. Онъ былъ не сообщителенъ, сухъ и даже глазъ на глазъ съ женой какъ будто не находилъ темы для разговора. Онъ видимо тяготился людьми. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, а между тѣмъ я, каждый разъ, когда, бывало, вечеромъ всѣ трое сойдемся въ гостиной Александры Михайловны пить чай, была сама не своя во время его присутствія. Украдкой взглядывала я на Александру Михайловну и съ тоскою замѣчала, что и она вся какъ будто обдумываетъ каждое свое движеніе, блѣднѣетъ, если замѣчаетъ, что мужъ становится особенно суровъ и угрюмъ, или внезапно вся покраснѣетъ, какъ будто услышавъ или угадавъ какой нибудь намекъ въ какомъ нибудь словѣ мужа. Я чувствовала, что ей тяжело быть съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ она, повидимому, жить не могла безъ него ни минуты. Меня поражало ея необыкновенное вниманіе къ нему, къ каждому его слову, къ каждому движенію: какъ будто-бы ей хотѣлось всѣми силами въ чемъ-то угодить ему, какъ будто она чувствовала, что ей не удавалось исполнить своего желанія. Она какъ будто выманивала у него одобренія: малѣйшая улыбка на его лицѣ, ласковаго, и она была счастлива; точно какъ будто это были первыя минуты еще робкой, еще безнадежной любви. Она за мужемъ ухаживала какъ за труднымъ больнымъ. Когда-же онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, пожавъ руку Александры Михайловны, на которую, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ всегда съ какимъ-то тягостнымъ для нея состраданіемъ, она вся перемѣнялась. Движенія, разговоръ ея тотчасъ-же становились веселѣе, свободнѣе. Но какое-то смущеніе еще надолго оставалось въ ней послѣ каждаго свиданія съ мужемъ. Она тотчасъ-же начинала припоминать каждое слово, имъ сказанное, какъ будто взвѣшивая всѣ слова его. Нерѣдко, обраща-

лась она ко мнѣ съ вопросомъ: такъ-ли она слышала и такъ-ли именно выразился Петръ Александровичъ? — какъ будто ища какого-то другаго смысла въ томъ, что онъ говорилъ, и только, можетъ быть, цѣлый часъ спустя, совершенно ободрялась, какъ будто убѣдившись, что онъ совершенно доволенъ ею и что она напрасно тревожится. Тогда она вдругъ становилась добра, весела, радостна, цаловала меня, смѣялась со мною, или подходила къ фортепьяно и импровизировала на цихъ часа два. Но нерѣдко радость ея вдругъ прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрѣла на нее вся въ тревогѣ, въ смущеніи, въ испугѣ, она тотчасъ увѣряла меня шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ не услышали, что слезы ея такъ, ничего, что ей весело, и чтобъ я объ ней не мучилась. Случалось, что въ отсутствіе мужа она вдругъ начинала тревожиться, разспрашивать о немъ, безпокоиться: посылала узнать, что онъ дѣлаетъ, разузнавала отъ своей дѣвушки, зачѣмъ приказано подавать лошадей и куда онъ хочетъ ѣхать, не боленъ-ли онъ, веселъ или скученъ, что говорилъ и т. д. О дѣлахъ и занятіяхъ его она какъ будто не смѣла съ нимъ сама заговаривать. Когда онъ совѣтовалъ ей что нибудь или просилъ о чемъ, она выслушивала его такъ покорно, такъ робѣла за себя, какъ будто была его раба. Она очень любила, чтобъ онъ похвалилъ что нибудь у ней, какую нибудь вещь, книгу, какое нибудь ея рукодѣлье. Она какъ будто тщеславилась этимъ и тотчасъ дѣлалась счастлива. Но радостямъ ея не было конца, когда онъ, невзначай (что было очень рѣдко), вздумаетъ приласкать малютокъ дѣтей, которыхъ было двое. Лицо ея преображалось, сіяло счастіемъ, и въ эти минуты ей случалось даже *слишкомъ* увлечься своею радостью передъ мужемъ. Она, напримѣръ, даже до того простирала смѣлость, что вдругъ сама, безъ его вызова, предлагала ему, конечно, съ робостью и трепещущимъ голосомъ, чтобъ онъ или выслушалъ новую музыку, которую она получила, или сказалъ свое мнѣніе о какой нибудь книгѣ, или даже позволилъ ей прочесть себѣ страницу — другую какого нибудь автора, который въ тотъ день произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Иногда мужъ благосклонно исполнялъ всѣ желанія ея и даже снисходительно ей улыбался, какъ улыбаются баловнику-дитяти, которому не хотятъ отказать въ иной странной прихоти, боясь преждевременно и враждебно смутить его наивность. Но, не знаю почему — меня до глубины души возмущали эта улыбка, это высокомѣрное снисхожденіе, это неравенство между нимъ и мной. Я молчала, удерживалась и только прилежно слѣдила за нимъ съ ребяческимъ любопытствомъ, но съ преждевременно суровой думой. Въ другой разъ я замѣчала, что онъ вдругъ какъ будто невольно

спохватится, какъ будто опомнится; какъ будто онъ внезапно, черезъ силу и противъ воли, вспомнитъ о чемъ-то тяжеломъ, ужасномъ, неизбѣжномъ, мигомъ снисходительная улыбка исчезаетъ съ лица его, и глаза его вдругъ устремляются на оторопѣвшую жену съ такимъ состраданіемъ, отъ котораго я вздрагивала, которое, какъ теперь сознаю, если-бъ было ко мнѣ, то я-бы измучилась. Въ тяжкую минуту радость исчезала съ лица Александры Михайловны. Музыка или чтеніе прерывались. Она блѣднѣла, но крѣпилась и молчала. Наступала непріятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась. Наконецъ, мужъ прерывалъ ее. Онъ подымался съ мѣста, какъ будто черезъ силу подавляя въ себѣ досаду и волненіе, и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ въ угрюмомъ молчаніи, жалъ руку женѣ, глубоко вздыхалъ и, въ очевидномъ смущеніи, сказавъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, въ которыхъ какъ-бы проглядывало желаніе утѣшить жену, выходилъ изъ комнаты, а Александра Михайловна ударялась въ слезы, или впадала въ страшную, долгую грусть. Часто онъ благословлялъ и крестилъ ее, какъ ребенка, прощаясь съ ней съ вечера, и она принимала его благословеніе со слезами благодарности и съ благоговѣніемъ. Но не могу забыть нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ (въ цѣлые восемь лѣтъ, двухъ—трехъ, не болѣе), когда Александра Михайловна какъ будто вдругъ вся перемѣнялась. Какой-то гнѣвъ, какое-то негодованіе отражались на обыкновенно тихомъ лицѣ ея, вмѣсто всегданняго самоуниженія и благоговѣнія къ мужу. Иногда цѣлый часъ приготовлялась гроза; мужъ становился молчаливѣе, суровѣе и угрюмѣе обыкновеннаго. Наконецъ, больное сердце бѣдной женщины какъ будто не выносило. Она начинала прерывающимся отъ волненія голосомъ разговоръ, сначала отрывистый, безсвязный, полный какихъ-то намековъ и горькихъ недомолвокъ; потомъ, какъ будто не вынося тоски своей, вдругъ разрѣшалась слезами, рыданіями, а затѣмъ слѣдовалъ взрывъ негодованія, укоровъ, жалобъ, отчаянія, — словно она впадала въ болѣзненный кризисъ. И тогда нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ выносилъ это мужъ, съ какимъ участіемъ склонялъ ее успокоиться, цаловалъ ея руки и даже, наконецъ, начиналъ плакать вмѣстѣ съ нею: тогда вдругъ она какъ будто опомнится, какъ будто совѣсть крикнетъ на нее и уличитъ въ преступленіи. Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, въ отчаяніи, съ судорожными рыданіями, у ногъ его вымаливала о прощеніи, которое тотчасъ-же получала. Но еще надолго продолжались мученія ея совѣсти, слезы и моленія простить ее, и еще робче, еще трепетнѣе становилась она передъ нимъ на цѣлые мѣсяцы. Я ничего не могла понять въ этихъ укорахъ и упрекахъ;

меня-же и высылали въ это время изъ комнаты, и всегда очень неловко. Но скрыться совершенно отъ меня не могли. Я наблюдала, замѣчала, угадывала, и съ самаго начала вселилось въ меня темное подозрѣніе, что какая-то тайна лежитъ на всемъ этомъ, что эти внезапные взрывы уязвленнаго сердца не простой, нервный кризисъ; что не даромъ-же всегда хмуренъ мужъ, что не даромъ это какъ будто двусмысленное состраданіе его къ бѣдной, больной женѣ, что не даромъ всегдашняя робость и трепетъ ея передъ нимъ, и эта смиренная, странная любовь, которую она даже не смѣла проявить предъ мужемъ, что не даромъ это уединеніе, эта монастырская жизнь, эта краска и эта внезапная смертная блѣдность на лицѣ ея въ присутствіи мужа.

Но такъ какъ подобныя сцены съ мужемъ были очень рѣдки; такъ какъ жизнь наша была очень однообразна, и я уже слишкомъ близко къ ней присмотрѣлась; такъ какъ, наконецъ, я развивалась и росла очень быстро и много ужъ начало пробуждаться во мнѣ новаго, хотя безсознательнаго, отвлекавшаго меня отъ моихъ наблюденій, то я и привыкла, наконецъ, къ этой жизни, къ этимъ обычаямъ и къ характерамъ, которые меня окружали. Я, конечно, не могла не задуматься подчасъ, глядя на Александру Михайловну, но думы мои покамѣстъ не разрѣшались ничѣмъ. Я-же крѣпко любила ее, уважала ея тоску, и потому боялась смущать ея подымчивое сердце своимъ любопытствомъ. Она понимала меня, и сколько разъ готова была благодарить меня за мою къ ней привязанность! То, замѣтивъ заботу мою, улыбалась нерѣдко сквозь слезы и сама шутила надъ частыми слезами своими; то вдругъ начнетъ разсказывать мнѣ, что она очень довольна, очень счастлива, что къ ней всѣ такъ добры, что всѣ тѣ, которыхъ она знала, до сихъ поръ такъ любили ее, что ее очень мучаетъ то, что Петръ Александровичъ вѣчно тоскуетъ о ней, о ея душевномъ спокойствіи, тогда какъ она, напротивъ, такъ счастлива, такъ счастлива! . И тутъ она обнимала меня съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такою любовью свѣтилось лицо ея, что сердце мое, если можно сказать, какъ-то болѣло сочувствіемъ къ ней.

Черты лица ея никогда не изгладятся изъ моей памяти. Онѣ были правильны, а худоба и блѣдность, казалось, еще болѣе возвышали строгую прелесть ея красоты. Густыніе черные волосы, зачесанные гладко къ низу, бросали суровую, рѣзкую тѣнь на окраины щекъ; но, казалось, тѣмъ любовнѣе поражалъ васъ контрастъ ея нѣжнаго взгляда, большихъ дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазъ, на которомъ отражалось подчасъ такъ много наивнаго, несмѣлаго, какъ-бы незащищеннаго, какъ будто боявшагося за каж-

дое ощущеніе, за каждый порывъ сердца—и за мгновенную радость, и за частую тихую грусть. Но въ иную счастливую, нетревожную минуту, въ этомъ взглядѣ, проницавшемъ въ сердце, было столько яснаго, свѣтлаго какъ день, столько праведно-спокойнаго; эти глаза, голубые какъ небо, сіяли такою любовью, смотрѣли такъ сладко, въ нихъ отражалось всегда такое глубокое чувство симпатіи ко всему, что было благородно, ко всему, что просило любви, молило о состраданіи — что вся душа покорялась ей, невольно стремилась къ ней, и, казалось, отъ нея-же принимала и эту ясность, и это спокойствіе духа, и примиреніе и любовь. Такъ въ иной разъ засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готовъ пробыть цѣлые часы въ сладостномъ созерцаніи, и что свободнѣе, спокойнѣе становится въ эти минуты душа, точно въ ней, какъ будто въ тихой пелены воды, отразился величайшій кусокъ небесный. Когда-же—и это такъ часто случалось — одушевленіе нагоняло краску на ея лицо, и грудь ея колыхалась отъ волненія—тогда глаза ея блестѣли какъ молнія, какъ будто метали искры, какъ будто вся ея душа, цѣломудренно сохранившая чистый пламень прекраснаго, теперь ее воодушевившаго, переселялась въ нихъ. Въ эти минуты она была какъ вдохновенная. И въ такихъ внезапныхъ порывахъ увлеченія, въ такихъ переходахъ отъ тихаго, робкаго настроенія духа къ просвѣтленному, высокому одушевленію, къ чистому, строгому энтузіазму, вмѣстѣ съ тѣмъ было столько наивнаго, дѣтски-скораго, столько младенческаго вѣрованія, что художникъ, кажется, полжизни-бы отдалъ, чтобъ подмѣтить такую минуту свѣтлаго восторга и перенесть это вдохновенное лицо на полотно.

Съ первыхъ дней моихъ въ этомъ домѣ, я увидѣла, что она даже обрадовалась мнѣ въ своемъ уединеніи. Тогда еще у нея было только одно дитя, и только годъ какъ она была матерью. Но я вполнѣ была ея дочерью, и различій между мной и своими она дѣлать не могла. Съ какимъ жаромъ она принялась за мое воспитаніе! Она такъ заторопилась вначалѣ, что мадамъ Леотаръ невольно улыбалась, на нее глядя. Въ самомъ дѣлѣ, мы было взялись вдругъ за все, такъ что и не поняли было другъ друга. Напримѣръ, она взялась учить меня сама и вдругъ очень многому, но такъ многому, что выходило съ ея стороны больше горячки, больше жара, болѣе любовнаго нетерпѣнія, чѣмъ истинной пользы для меня. Сначала она была огорчена своимъ неумѣньемъ: но, разсмѣявшись, мы принялись съизнова, хотя Александра Михайловна, не смотря на первую неудачу, смѣло объявила себя противъ системы мадамъ Леотаръ. Онѣ спорили смѣясь, но новая воспитатель-

ница моя на отрѣзъ объявила себя противъ всякой системы, утверждая, что мы съ нею ощупью найдемъ настоящую дорогу, что нечего мнѣ набивать голову сухими познаніями, и что весь успѣхъ зависитъ отъ уразумѣнія моихъ инстинктовъ и отъ умѣнія возбудить во мнѣ добрую волю.—и она была права, потому что вполнѣ одерживала побѣду. Во первыхъ, съ самаго начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились какъ двѣ подруги, и иногда дѣлалось такъ, что какъ будто я учила Александру Михаиловну, не замѣчая хитрости. Такъ между нами часто рождались споры, и я изъ всѣхъ силъ горячилась, чтобъ доказать дѣло, какъ я его понимаю, и незамѣтно Александра Михаиловна выводила меня на настоящій путь. Но кончалось тѣмъ, что когда мы доберемся до истины, я тотчасъ догадывалась, изобличала уловку Александры Михаиловны и, взвѣсивъ всѣ ея старанія со мной, нерѣдко цѣлые часы, пожертвованные такимъ образомъ для моей пользы, я бросалась къ ней на шею и крѣпко обнимала ее послѣ каждаго урока. Моя чувствительность изумляла и трогала ее даже до недоумѣнія. Она съ любопытствомъ начинала разспрашивать о моемъ прошедшемъ, желая услышать его отъ меня, и каждый разъ послѣ моихъ разсказовъ становилась со мной нѣжнѣе и серіознѣе.—серіознѣе, потому что я, съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, внушала ей, вмѣстѣ съ состраданіемъ, какъ будто какое-то уваженіе. Послѣ моихъ признаній, мы пускались обыкновенно въ долгіе разговоры, которыми она мнѣ-же объясняла мое прошлое, такъ что я дѣйствительно какъ будто вновь переживала его и многому вновь научилась. Мадамъ Леотаръ часто находила эти разговоры слишкомъ серіозными и, видя мои невольныя слезы, считала ихъ совсѣмъ не у мѣста. Я-же думала совершенно напротивъ, потому что послѣ этихъ *прологовъ* мнѣ становилось такъ легко и сладко, какъ будто и не было въ моей судьбѣ ничего несчастнаго. Сверхъ того, я была слишкомъ благодарна Александрѣ Михаиловнѣ за то, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе заставляла такъ любить себя. Мадамъ Леотаръ и не въ домекъ было, что такимъ образомъ, мало по малу, уравнивалось и приходило въ стройную гармонію все, что прежде поднималось изъ души неправильно, преждевременно-бурно, и до чего доходило мое дѣтское сердце, все изъязвленное, съ мучительною болью, такъ что несправедливо ожесточалось оно и плакалось на эту боль, не понимая, откуда удары.

День начинался тѣмъ, что мы обѣ сходились въ дѣтской, у ея ребенка, будили его, одѣвали, убирали, кормили его, забавляли, учили его говорить. Наконецъ, мы оставляли ребенка и садились за дѣло. Учились мы многому, но Богъ знаетъ, какая это была

наука. Тутъ было все, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего опредѣленнаго. Мы читали, разсказывали другъ другу свои впечатлѣнія, бросали книгу для музыки, и цѣлые часы летѣли незамѣтно. По вечерамъ часто приходилъ Б., другъ Александры Михайловны, приходила мадамъ Леотаръ: нерѣдко начинался разговоръ самый жаркій, горячій, объ искусствѣ, о жизни (которую мы въ нашемъ кружкѣ знали только по наслышкѣ), о дѣйствительности, объ идеалахъ, о прошедшемъ и будущемъ, и мы засиживались за полночь. Я слушала изъ всѣхъ силъ, воспламенялась вмѣстѣ съ другими, смѣялась, или была растрогана, и тутъ-то узнала я въ подробности все то, что касалось до моего отца и до моего перваго дѣтства. Между тѣмъ я росла: мнѣ нанимали учителей, отъ которыхъ, безъ Александры Михайловны, я-бы ничему не научилась. Съ учителемъ географіи я-бы только ослѣпла, отыскивая на картѣ города и рѣки. Съ Александрой Михайловной мы пускались въ такія путешествія, перебывали въ такихъ странахъ, видѣли столько диковинъ, пережили столько восторженныхъ, столько фантастическихъ часовъ, и такъ сильно было обоюдное рвеніе, что книгъ, прочитанныхъ ею, наконецъ, рѣшительно не доставало: мы принуждены были приняться за новыя книги. Скоро я могла сама показывать моему учителю географіи, хотя все-таки, нужно отдать ему справедливость, онъ до конца сохранилъ передо мной превосходство въ полномъ и совершенно опредѣлительномъ познаніи градусовъ, подъ которыми лежалъ какой нибудь городокъ, и тысячъ, сотенъ и даже тѣхъ десятковъ жителей, которые въ немъ заключались. Учителю исторіи платились деньги тоже чрезвычайно исправно; но, по уходѣ его, мы съ Александрой Михайловной исторію учили по своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубокой ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она-же и держала цензуру. Никогда я не испытывала болѣе восторга, какъ послѣ этого чтенія. Мы одушевлялись объ, какъ будто сами были героями. Конечно, между строчками читалось больше, чѣмъ въ строчкахъ; Александра-же Михайловна, кромѣ того, прекрасно разсказывала, такъ, какъ будто при ней случилось все, о чемъ мы читали. Но пусть будетъ, пожалуй, смѣшно, что мы такъ воспламенялись и просиживали за полночь, я — ребенокъ, она — уязвленное сердце, такъ тяжело переносившее жизнь! Я знала, что она какъ будто отдыхала подлѣ меня. Припоминаю, что подчасъ я странно задумывалась, на нее глядя, я угадывала и прежде чѣмъ я начала жить, я уже угадала многое въ жизни.

Наконецъ, мнѣ минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ здоровье Александры Михайловны становилось все хуже и хуже. Она дѣла-

лась раздражительнѣе, припадки ея безвыходной грусти ожесточеннѣе, визиты мужа начались чаще, и проживалъ онъ съ нею, разумѣется какъ и прежде, почти молча, суровый и хмурый, все больше и больше времени. Ея судьба стала сильнѣе занимать меня. Я выходила изъ дѣтства, во мнѣ уже сформировалось много новыхъ впечатлѣній, наблюденій, увлеченій, догадокъ: ясно, что загадка, бывшая въ этомъ семействѣ, все болѣе и болѣе стала мучить меня. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что я что-то понимаю въ этой загадкѣ. Въ другое время я впадала въ равнодушіе, въ апатію, даже въ досаду, и забывала свое любопытство, не находя ни на одинъ вопросъ разрѣшенія. Порой—и это случалось все чаще и чаще —я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, все думать: моя настоящая минута похожа была на то время, когда еще я жила у родителей, и когда въ началѣ, прежде чѣмъ сошлась съ отцемъ, цѣлый годъ думала, соображала, приглядывалась изъ своего угла на свѣтъ Божій, такъ что, наконецъ, совсѣмъ очнулась среди фантастическихъ призраковъ, мною-же созданныхъ. Разница была въ томъ, что теперь было больше нетерпѣнія, больше тоски, болѣе новыхъ, безсознательныхъ порывовъ, болѣе жажды къ движенію, къ подымчивости, такъ что сосредоточиться на одномъ, какъ было прежде, я не могла. Съ своей стороны, Александра Михайловна какъ будто сама стала болѣе удаляться меня. Въ этомъ возрастѣ я уже почти не могла ей быть подругой. Я была не ребенокъ, я слишкомъ о многомъ спрашивала и подчасъ смотрѣла на нее такъ, что она должна была потуплять глаза предо мною. Были страшныя минуты. Я не могла видѣть ея слезъ, и часто слезы накипали въ моихъ глазахъ, глядя на нее. Я бросалась къ ней на шею и горячо обнимала ее. Что она могла отвѣчать мнѣ? Я чувствовала, что была ей въ тягость. Но въ другое время—и это было тяжелое, грустное время—она сама, какъ будто въ какомъ-то отчаяніи, судорожно обнимала меня, какъ будто искала моего участія, какъ будто не могла выносить своего одиночества, какъ будто я уже понимала ее, какъ будто мы страдали съ ней вмѣстѣ. Но между нами все-таки оставалась тайна, это было очевидно, и я уже сама начала удаляться отъ нея въ эти минуты. Мнѣ тяжело было съ ней. Кромѣ того, насъ уже мало что соединяло, одна музыка. Но музыку стали ей запрещать доктора. Книги? Но здѣсь было всего труднѣе. Она рѣшительно не знала, какъ читать со мною. Мы, конечно, остановились-бы на первой страницѣ: каждое слово могло быть намекомъ, каждая незначащая фраза — загадкой. Отъ разговора вдвоемъ, горячаго, задушевнаго, мы обѣ бѣжали.

И вотъ, въ это время судьба внезапно и неожиданно повернула мою жизнь чрезвычайно страннымъ образомъ. Мое вниманіе, мои чувства, сердце, голова.—все разомъ, съ напряженною силою, доходившею даже до энтузіазма, обратилось вдругъ къ другой, совсѣмъ неожиданной дѣятельности, и я сама, не замѣтивъ того, вся перенеслась въ новый міръ: мнѣ некогда было обернуться, осмотрѣться, одуматься; я могла погибнуть, даже чувствовала это: но соблазнъ былъ сильнѣе страха, и я пошла наудачу, закрывши глаза. И на долго отвлекалась я отъ той дѣйствительности, которая такъ начинала тяготить меня, и въ которой я такъ жадно и безполезно искала выхода. Вотъ что такое это было и вотъ какъ оно случилось.

Изъ столовой было три выхода: одинъ въ большія комнаты, другой въ мою и въ дѣтскія, а третій велъ въ библіотеку. Изъ библіотеки былъ еще другой ходъ, отдѣлявшійся отъ моей комнаты только однимъ рабочимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно помѣщался помощникъ Петра Александровича въ дѣлахъ, его переписчикъ, его сподручникъ, бывшій въ одно и тоже время его секретаремъ и факторомъ. Ключъ отъ шкафовъ и библіотеки хранился у него. Однажды, послѣ обѣда, когда его не было дома, я нашла этотъ ключъ на полу. Меня взяло любопытство и, вооружась своей находкой, я вошла въ библіотеку. Это была довольно большая комната, очень свѣтлая, установленная кругомъ восемью большими шкафами, полными книгъ. Книгъ было очень много, и изъ нихъ большая часть досталась Петру Александровичу какъ-то по наслѣдству. Другая часть книгъ собрана была Александрой Михайловной, которая покупала ихъ безпрестанно. До сихъ поръ мнѣ давали читать съ большою осмотрительностію, такъ что я безъ труда догадалась, что мнѣ многое запрещаютъ, и что многое для меня таина. Вотъ почему я съ неудержимымъ любопытствомъ, въ припадкѣ страха и радости и какого-то особеннаго, безотчетнаго чувства отворила первый шкафъ и вынула первую книгу. Въ этомъ шкафѣ были романы. Я взяла одинъ изъ нихъ, затворила шкафъ и унесла къ себѣ книгу съ такимъ страннымъ ощущеніемъ, съ такимъ біеніемъ и замираніемъ сердца, какъ будто я предчувствовала, что въ моей жизни совершается большой переворотъ. Войдя къ себѣ въ комнату, я заперлась и раскрыла романъ. Но читать я не могла: у меня была другая забота: мнѣ сначала нужно было уладить прочно и окончательно свое обладаніе библіотекой такъ, чтобъ никто того не зналъ, и чтобъ возможность имѣть всякую книгу во всякое время осталась при мнѣ. И потому я отложила свое наслажденіе до болѣе удобной минуты, книгу отнесла назадъ,

а ключъ утаила у себя. Я утаила его, и—это былъ первый дурной поступокъ въ моей жизни. Я ждала послѣдствій; онъ удались чрезвычайно благопріятно: секретарь и помощникъ Петра Александровича, проискавъ ключа цѣлый вечеръ и часть ночи со свѣчою на полу, рѣшился на утро призвать слесаря, который изъ связки принесенныхъ имъ ключей приборалъ новый. Тѣмъ дѣло и кончилось, а о пропажѣ ключа никто болѣе ничего не слыхалъ; я-же повела дѣло такъ осторожно и хитро, что пошла въ библіотеку только чрезъ недѣлю, совершенно увѣрившись въ полной безопасности на счетъ всѣхъ подозрѣній. Сначала я выбирала время, когда секретаря не было дома: потомъ-же стала заходить изъ столовой, потому что письмоводитель Петра Александровича имѣлъ у себя только ключъ въ карманѣ, а въ дальнѣйшія сношенія съ книгами никогда не вступалъ, и потому даже не входилъ въ комнату, въ которой они находились.

Я начала читать съ жадностью, и скоро чтеніе увлекло меня совершенно. Всѣ новыя потребности мои, всѣ недавнія стремленія, всѣ еще неясные порывы моего отроческаго возраста, такъ безпокойно и мятежно возставшіе было въ душѣ моей, нетерпѣливо вызванные моимъ слишкомъ раннимъ развитіемъ, — все это вдругъ укрощалось въ другой, неожиданно-представшій исходъ на-долго, какъ будто вполнѣ удовлетворившись новою пищею, какъ будто найдя себѣ правильный путь. Скоро сердце и голова моя были такъ очарованы, скоро фантазія моя развилась такъ широко, что я какъ будто забыла весь міръ, который доселѣ окружалъ меня. Казалось, сама судьба остановила меня на порогѣ въ новую жизнь, въ которую я такъ порывалась, о которой гадала день и ночь, и прежде чѣмъ пустить меня въ невѣдомый путь, взвела меня на высоту, показавъ мнѣ будущее въ волшебной панорамѣ, въ заманчивой, блестящей перспективѣ. Мнѣ суждено было пережить всю эту будущность, вычитавъ ее сначала изъ книгъ, пережить въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ страстныхъ порывахъ, въ сладостномъ волненіи юнаго духа. Я начала чтеніе безъ разбора, съ первой попавшейся мнѣ подъ руку книги, но судьба хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня не могла уже соблазнить какая нибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее. Теперь-же сознаніе какъ будто вдругъ освѣтило для меня всю прошлую жизнь мою. Дѣйствительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мнѣ уже какъ будто знакома, какъ будто уже давно прожита: какъ будто всѣ эти страсти, вся эта жизнь, представшая передо мною въ такихъ

неожиданныхъ формахъ, въ такихъ волшебныхъ картинахъ, уже была мною испытана. И какъ не завлечься было мнѣ до забвенія настоящаго, почти до отчужденія отъ дѣйствительности, когда передо мной, въ каждой книгѣ, прочитанной мною, воплощались законы той-же судьбы, тотъ-же духъ приключеній, который царилъ надъ жизнію человѣка, но истекая изъ какого-то главнаго закона жизни человѣческой, который былъ условіемъ спасенія, охраненія и счастія. Этотъ-то законъ, подозрѣваемый мною, я и старалась угадать всѣми силами, всѣми своими инстинктами, возбужденными во мнѣ почти какимъ-то чувствомъ самосохраненія. Меня какъ будто предувѣдомляли впередъ, какъ будто предостерегалъ кто нибудь. Какъ будто что-то пророчески тѣснилось мнѣ въ душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе крѣпла надежда въ душѣ моей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе были мои порывы въ эту будущность, въ эту жизнь, которая каждодневно поражала меня въ прочитанномъ мною со всей силой, свойственной искусству, со всѣми обольщеніями поэзіи. Но, какъ я уже сказала, фантазія моя слишкомъ владычествовала надъ моимъ нетерпѣніемъ, и я, по правдѣ, была смѣла лишь въ мечтахъ, а на дѣлѣ инстинктивно робѣла передъ будущимъ. И потому, будто предварительно согласясь съ собой, я безсознательно положила довольствоваться покуда міромъ фантазіи, міромъ мечтательности, въ которомъ уже я одна была владычицей, въ которомъ были только одни обольщенія, одна радости, и самое несчастье, если и было допускаемо, то играло роль пассивную, роль переходную, роль необходимую для сладкихъ контрастовъ и для внезапнаго поворота судьбы къ счастливой развязкѣ моихъ головныхъ, восторженныхъ романовъ. Такъ понимаю я теперь тогдашнее мое настроеніе.

И такая жизнь, жизнь фантазіи, жизнь рѣзкаго отчужденія отъ всего меня окружавшаго, могла продолжаться цѣлые три года!

Эта жизнь была моя тайна, и послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ я еще не знала, бояться-ли мнѣ ея внезапнаго объясненія, или нѣтъ. То, что я пережила въ эти три года, было слишкомъ мнѣ родное, близкое. Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ слишкомъ сильно отразилась я сама, до того, что, наконецъ, могла смутиться и испугаться чужаго взгляда, чей-бы онъ ни былъ, который-бы неосторожно заглянулъ въ мою душу. Къ тому-же мы всѣ, весь домъ нашъ, жили такъ уединенно, такъ внѣ общества, въ такой монастырской тиши, что невольно въ каждомъ изъ насъ должна была развиться сосредоточенность въ себѣ самомъ, какая-то потребность самозаключенія. Тоже и со мною случилось. Въ эти три года кругомъ меня ничего не преобразилось, все осталось по прежнему. Но прежнему

царило между нами унылое однообразіе, которое,—какъ теперь думаю, если-бъ я не была увлечена своей тайной, скрытной дѣятельностью,—истерзало-бы мою душу и бросило-бы меня въ неизвѣстный, мятежный исходъ изъ этого вялаго, тоскливаго круга, въ исходъ, можетъ быть, гибельный. Мадамъ Леотаръ постарѣла и почти совсѣмъ заключилась въ своей комнатѣ: дѣти были еще слишкомъ малы; Б. былъ слишкомъ однообразенъ, а мужъ Александры Михайловны—такой-же суровый, такой-же недоступный, такой-же заключенный въ себя, какъ и прежде. Между нимъ и женой по прежнему была та-же таинственность отношеній, которая мнѣ начала представляться все болѣе и болѣе въ грозномъ, суровомъ видѣ, я все болѣе и болѣе пугалась за Александру Михайловну. Жизнь ея, безотрадная, безцвѣтная, видимо гасла въ глазахъ моихъ. Здоровье ея становилось почти съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Какъ будто какое-то отчаяніе вступило, наконецъ, въ ея душу: она видимо была подъ гнетомъ чего-то невѣдомаго, неопредѣленнаго, въ чемъ и сама она не могла дать отчета, чего-то ужаснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой непонятнаго, но которое она приняла какъ неизбѣжный крестъ своей осужденной жизни. Сердце ея ожесточалось, наконецъ, въ этой глухой мукѣ: даже умъ ея принялъ другое направленіе, темное, грустное. Особенно поразило меня одно наблюденіе: мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе я входила въ лѣта, тѣмъ болѣе она какъ-бы удалялась отъ меня, такъ что скрытность ея со мной обращалась даже въ какую-то нетерпѣливую досаду. Казалось, она даже не любила меня въ иныя минуты: какъ будто я ей мѣшала. Я сказала, что стала нарочно удаляться ея и, удалившись разъ, какъ будто заразилась таинственностью ея-же характера. Вотъ почему все, что я прожила въ эти три года, все, что сформировалось въ душѣ моей, въ мечтахъ, въ познаніяхъ, въ надеждахъ и въ страстныхъ восторгахъ — все это упрямо осталось при мнѣ. Разъ затаившись другъ отъ друга, мы уже потомъ никогда не сошлись, хотя, кажется мнѣ, я любила ее съ каждымъ днемъ еще болѣе прежняго. Безъ слезъ не могу вспомнить теперь о томъ, до какой степени она была привязана ко мнѣ, до какой степени она обязалась въ своемъ сердцѣ расточать на меня все сокровище любви, которое въ немъ заключалось, и исполнить обѣтъ свой до конца — быть мнѣ матерью. Правда, собственное горе иногда на-долго отвлекало ее отъ меня, она какъ будто забывала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я старалась не напоминать ей о себѣ, такъ что мои шестнадцать лѣтъ подолгу, какъ будто никто того не замѣтилъ. Но въ минуты сознанія и болѣе яснаго взгляда кругомъ, Александра Михайловна какъ-бы вдругъ

начинала обо мнѣ тревожиться; она съ нетерпѣніемъ вызывала меня къ себѣ изъ моей комнаты, изъ-за моихъ уроковъ и занятій, закидывала меня вопросами, какъ будто испытывая, разузнавая меня, не разлучалась со мной по цѣлымъ днямъ, угадывала всѣ побужденія мои, всѣ желанія, очевидно, заботясь о моемъ возрастѣ, о моей настоящей минутѣ, о будущности, и съ неистощимою любовью, съ какимъ-то благоговѣніемъ готовила мнѣ свою помощь. Но она уже очень отвыкла отъ меня, и потому поступала иногда слишкомъ наивно, такъ что все это было мнѣ слишкомъ понятно и замѣтно. Напримѣръ, и это случилось, когда уже мнѣ былъ шестнадцатый годъ, она, перерывъ мои книги, разспросивъ о томъ, что я читаю, и, найдя, что я не вышла еще изъ дѣтскихъ сочиненій для двѣнадцати-лѣтняго возраста, какъ будто вдругъ испугалась. Я догадалась въ чемъ дѣло, и слѣдила за нею внимательно. Цѣлыя двѣ недѣли она какъ будто приготовляла меня, испытывала меня, разузнавала степень моего развитія и степень моихъ потребностей. Наконецъ, она рѣшилась начать, и на столѣ нашемъ явился «Иванго» Вальтеръ-Скотта, котораго я уже давно прочитала, и по крайней мѣрѣ раза три. Сначала она, съ робкимъ ожиданіемъ слѣдила за моими впечатлѣніями, какъ будто взвѣшивала ихъ, словно боялась за нихъ; наконецъ, эта натянутость между нами, которая была мнѣ слишкомъ примѣтна, исчезла; мы воспламенились объ, и я такъ рада, такъ рада была, что могла уже передъ ней не скрываться! Когда мы кончили романъ, она была отъ меня въ восторгѣ. Каждое замѣчаніе мое, во время нашего чтенія, было вѣрно, каждое впечатлѣніе правильно. Въ глазахъ ея я уже развилась слишкомъ далеко. Пораженная этимъ, въ восторгѣ отъ меня, она радостно принялась было опять слѣдить за моимъ воспитаніемъ, — она уже болѣе не хотѣла разлучаться со мной; но это было не въ ея волѣ. Судьба скоро опять разлучила насъ и помѣшала нашему сближенію. Для этого достаточно было перваго припадка болѣзни, припадка ея всегдашняго горя, а затѣмъ опять отчужденія, тайны, недовѣрчивости и, можетъ быть, даже ожесточенія.

Но и въ такое время иногда минута была вить нашей власти. Чтеніе, нѣсколько симпатичныхъ словъ, перемолвленныхъ между нами, музыка — и мы забывались, высказывались, высказывались иногда черезъ мѣру, и послѣ того намъ становилось тяжело другъ передъ другомъ. Одумавшись, мы смотрѣли другъ на друга, какъ испуганныя, съ подозрительнымъ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью. У каждой изъ насъ былъ свой предѣлъ, до котораго могло идти наше сближеніе; за него мы переступить не смѣли, хотя-бы и хотѣли.

Однажды вечеромъ, передъ сумерками, я разсѣянно читала книгу въ кабинетѣ Александры Михайловны. Она сидѣла за фортепьяно, импровизируя на тему одного любимѣйшаго ею мотива итальянской музыки. Когда она перешла, наконецъ, въ чистую мелодію аріи, я, увлекшись музыкою, которая проникла мнѣ въ сердце, начала робко, въ полголоса, напѣвать этотъ мотивъ про себя. Скоро увлекшись совсѣмъ, я встала съ мѣста и подошла къ фортепьяно: Александра Михайловна, какъ-бы угадавъ меня, перешла въ аккомпанименть и съ любовью слѣдила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатствомъ его. До сихъ поръ я никогда при ней не пѣла, да и сама едва знала, есть-ли у меня какія нибудь средства. Теперь мы вдругъ одушевились обѣ. Я все болѣе и болѣе возвышала голосъ; во мнѣ возбуждалась энергія, страсть, разжигаемая еще болѣе радостнымъ изумленіемъ Александры Михайловны, которое я угадывала въ каждомъ тактѣ ея аккомпанимента. Наконецъ, пѣніе кончилось такъ удачно, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою силою, что она въ восторгѣ схватила мои руки и радостно взглянула на меня.

— Анета! Да у тебя чудный голосъ, сказала она. —Боже мой! Какъ-же это я не замѣтила!

— Я сама только сейчасъ замѣтила, отвѣчала я вмѣ себя отъ радости.

— Да благословитъ-же тебя Богъ, мое милое, безцѣнное дитя! Благодари Его за этотъ даръ. Кто знаетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она была такъ растрогана неожиданностью, въ такомъ изступленіи отъ радости, что не знала, что мнѣ сказать, какъ приголубить меня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ откровенія, взаимной симпатіи, сближенія, которыхъ уже давно не было съ нами. Черезъ часъ какъ будто праздникъ насталъ въ домѣ. Немедленно послали за Б. Въ ожиданіи его, мы наудачу раскрыли другую музыку, которая мнѣ была знакомѣе, и начали новую арію. Въ этотъ разъ я дрожала отъ робости. Мнѣ не хотѣлось неудачей разрушить первое впечатлѣніе. Но скоро мой-же голосъ ободрилъ и поддержалъ меня. Я сама все болѣе и болѣе изумлялась его силѣ, и въ этотъ вторичный опытъ разсѣяно было всякое сомнѣніе. Въ припадкѣ своей нетерпѣливой радости, Александра Михайловна послала за дѣтьми, даже за няней дѣтей своихъ, и, наконецъ, увлекшись совсѣмъ, пошла къ мужу и вызвала его изъ кабинета, о чемъ въ другое время едва-бы помыслить осмѣлилась. Петръ Александровичъ выслушалъ новость благосклонно, поздравилъ меня и самъ первый объявилъ, что нужно меня учить. Александра Михайловна, счастли-

вая отъ благодарности, какъ будто Богъ знаетъ что для нея было сдѣлано, бросилась цаловать его руки. Наконецъ, явился Б. Старикъ былъ обрадованъ. Онъ меня очень любилъ, вспомнилъ о моемъ отцѣ, о прошедшемъ, и когда я спѣла передъ нимъ два—три раза, онъ съ серіознымъ, съ озабоченнымъ видомъ, даже съ какою-то таинственностью объявилъ, что средства есть несомнѣнныя, можетъ быть, даже и талантъ, и что не учить меня невозможно. Потомъ тутъ-же, какъ-бы одумавшись, они оба положили съ Александрой Михайловной, что опасно слишкомъ захваливать меня въ самомъ началѣ, и я замѣтила, какъ тутъ-же они перемигнулись и сговорились украдкой, такъ что весь ихъ заговоръ противъ меня вышелъ очень наивенъ и неловокъ. Я смѣялась про себя цѣлый вечеръ, видя, какъ потомъ, послѣ новаго, нѣкія, они старались удерживаться и даже нарочно замѣчать вслухъ мои недостатки. Но они крѣпились недолго, и первый-же измѣнилъ себѣ Б., снова расчувствовавшись отъ радости. Я никогда не подозрѣвала, чтобъ онъ такъ любилъ меня. Во весь вечеръ шелъ самый дружескій, самый теплый разговоръ. — Б. разсказалъ нѣсколько біографій извѣстныхъ нѣвцовъ и артистовъ, и разсказывалъ съ восторгомъ художника, съ благоговѣніемъ, растроганный. Затѣмъ, коснувшись отца моего, разговоръ перешелъ на меня, на мое дѣтство, на князя, на все семейство князя, о которомъ я такъ мало слышала съ самой разлуки. Но Александра Михайловна и сама немного знала о немъ. Всего болѣе зналъ Б., потому что не разъ ѣздилъ въ Москву. Но здѣсь разговоръ принялъ какое-то таинственное, загадочное для меня направленіе, и два—три обстоятельства, въ особенности касавшіяся князя, были для меня непонятны. Александра Михайловна заговорила о Катѣ, но Б. ничего не могъ сказать о ней особеннаго, и тоже какъ будто съ намѣреніемъ желалъ умолчать о ней. Это поразило меня. Я не только не позабыла Кати, не только не замолкла во мнѣ моя прежняя любовь къ ней, но даже напротивъ, я и не подумала ни разу, что въ Катѣ могла быть какая-нибудь перемѣна. Отъ вниманія моего ускользнули досель и разлука, и эти долгіе годы, прожитые розно, въ которые мы не подали другъ другу никакой вѣсти о себѣ, и разность воспитанія, и разность характеровъ нашихъ. Наконецъ, Катя мысленно никогда не покидала меня: она какъ будто все еще жила со мною; особенно во всѣхъ моихъ мечтахъ, во всѣхъ моихъ романахъ и фантастическихъ приключеніяхъ, мы всегда шли вмѣстѣ съ ней рука въ руку. Вообразивъ себя героиней каждаго прочитаннаго мною романа, я тотчасъ-же помѣщала возлѣ себя свою подругу-княжну и раздвоивала романъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, конечно, была создана мною, хотя

я обкрадывала безпощадно моихъ любимыхъ авторовъ. Наконецъ, въ нашемъ семейномъ совѣтѣ положено было пригласить мнѣ учителя нѣнія. — Б. рекомендовалъ извѣстнѣйшаго и наилучшаго. На другой-же день къ намъ пріѣхалъ итальянецъ Д., выслушалъ меня, повторилъ мнѣніе Б., своего пріятеля, но тутъ-же объявилъ, что мнѣ будетъ гораздо болѣе пользы ходить учиться къ нему, вмѣстѣ съ другими его ученицами, что тутъ помогутъ развитію моего голоса и соревнованіе, и переимчивость, и богатство всѣхъ средствъ, которыя будутъ у меня подъ руками. Александра Михайловна согласилась, и съ этихъ поръ я ровно по три раза въ недѣлю отправлялась по утрамъ, въ восемь часовъ, въ сопровожденіи служанки, въ консерваторію.

Теперь я разскажу одно странное приключеніе, имѣвшее на меня слишкомъ сильное вліяніе, и рѣзкимъ переломомъ начавшее во мнѣ новый возрастъ. Мнѣ минуло тогда шестнадцать лѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ моей вдругъ настала какая-то непонятная апатія; какое-то нестерпимое, тоскливое затишье, непонятное мнѣ самой, посѣтило меня. Всѣ мои грёзы, всѣ мои порывы вдругъ умолкли, даже самая мечтательность исчезла какъ-бы отъ безсилія. Холодное равнодушіе замѣнило мѣсто прежняго, неопытнаго душевнаго жара. Даже дарованіе мое, принятое всѣми, кого я любила съ такимъ восторгомъ, лишилось моей симпатіи, и я безчувственно пренебрегала имъ. Ничто не развлекало меня, до того, что даже къ Александрѣ Михайловнѣ я чувствовала какое-то холодное равнодушіе, въ которомъ сама себя обвиняла, потому что не могла не сознаться въ томъ. Моя апатія прерывалась безотчетною грустью, внезапными слезами. Я искала уединенія. Въ эту странную минуту, странный случай потрясъ до основанія всю мою душу и обратилъ это затишье въ настоящую бурю. Сердце мое было уязвлено. Вотъ какъ это случилось.

VII.

Я вошла въ библіотеку (это будетъ навсегда памятная для меня минута), и взяла романъ Вальтеръ-Скотта «Сен-Ронанскія воды», единственный, который еще не прочитала. Помню, что язвительная, безпредметная тоска терзала меня какъ будто какимъ-то предчувствіемъ. Мнѣ хотѣлось плакать. Въ комнатѣ было ярко свѣтло отъ послѣднихъ, косыхъ лучей заходящаго солнца, которые густо лились въ высокія окна, на сверкающій паркетъ пола: было тихо;

кругомъ, въ сосѣднихъ комнатахъ, тоже не было ни души. Петра Александровича не было дома, а Александра Михайловна была больна и лежала въ постели. Я, дѣйствительно, плакала и, раскрывъ вторую часть, безпредметно перелистывала ее, стараясь отыскать какой нибудь смыслъ въ отрывочныхъ фразахъ, мелькавшихъ у меня передъ глазами. Я какъ будто гадала, какъ гадаютъ, раскрывая книгу на удачу. Бываютъ такія минуты, когда всѣ умственныя и душевныя силы, болѣзненно напрягаясь, какъ-бы вдругъ вспыхнутъ яркимъ пламенемъ сознанія, и въ это мгновеніе что-то пророческое снится потрясенной душѣ, какъ-бы томящейся предчувствіемъ будущаго, предвкушающей его. И такъ хочется жить, такъ просится жить весь вашъ составъ, и, воспламеняясь самой горячей, самой сильной надеждой, сердце какъ будто вызываетъ будущее, со всей его тайной, со всей неизвѣстностью, хотя-бы съ бурями, съ грозами, но только-бы съ жизнію. Моя минута именно была такова.

Припоминаю, что я именно закрыла книгу, чтобъ потомъ раскрыть на удачу, и, загадавъ о моемъ будущемъ, прочесть выпавшую мнѣ страницу. Но, раскрывъ ее, я увидѣла исписанный листъ почтовой бумаги, сложенный въ четверо и такъ приплюснутый, такъ слежавшійся, какъ будто уже онъ нѣсколько лѣтъ былъ заложенъ въ книгу и забытъ въ ней. Съ крайнимъ любопытствомъ начала я осматривать свою находку. Это было письмо, безъ адреса, съ подписью двухъ начальныхъ буквъ С. О. Мое вниманіе удвоилось, я развернула чуть не слипшуюся бумагу, которая, отъ долгаго лежанія между страницами, оставила на нихъ во весь размѣръ свой свѣтлое мѣсто. Складки письма были истерты, вытоптаны: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли какъ драгоцѣнность. Чернила поистерлись, выцвѣли,—ужь слишкомъ давно какъ оно написано! Нѣсколько словъ бросилось мнѣ случайно въ глаза, и сердце мое забилось отъ ожиданія. Я въ смущеніи вертѣла письмо въ рукахъ, какъ-бы нарочно отдаляя отъ себя минуту чтенія. Случайно я поднесла его къ свѣту: да! капли слезъ засохли на этихъ строчкахъ; пятна оставались на бумагѣ: кое-гдѣ цѣлыя буквы были смыты слезами. Чьи это слезы? Наконецъ, замирая отъ ожиданія, я прочла половину первой страницы, и крикъ изумленія вырвался изъ груди моей. Я заперла шкафъ, поставила книгу на мѣсто и, спрятавъ письмо подъ косынку, побѣжала къ себѣ, заперлась и начала перечитывать опять сначала. Но сердце мое такъ колотилось, что слова и буквы мелькали и прыгали передъ глазами моими. Долгое время я ничего не понимала. Въ письмѣ было открытіе, начало тайны: оно поразило меня какъ молнія, потому что я узнала, къ кому оно было писано. Я знала, что я

почти преступленіе сдѣлаю, прочитавъ это письмо; но минута была сильнѣе меня! Письмо было къ Александрѣ Михайловнѣ.

Вотъ это письмо; я привожу его здѣсь. Смутно поняла я, что въ немъ было, и потомъ долго не оставляли меня разгадка и тяжелая дума. Съ этой минуты какъ будто переломилась моя жизнь. Сердце мое было потрясено и возмущено на-долго, почти навсегда, потому что многое вызвало это письмо за собою. Я вѣрно загадала о будущемъ.

Это письмо было прощальное, послѣднее, страшное: когда я прочла его, то почувствовала такое болѣзненное сжатіе сердца, какъ будто я сама все потеряла, какъ будто все навсегда отнялось отъ меня, даже мечты и надежды, какъ будто ничего болѣе не осталось при мнѣ, кромѣ ненужной болѣе жизни. Кто-же онъ, писавшій это письмо? Какова была потомъ ея жизнь? Въ письмѣ было такъ много намековъ, такъ много данныхъ, что нельзя было ошибиться, такъ много и загадокъ, что нельзя было не потеряться въ предположеніяхъ. Но я почти не ошиблась; къ тому-же, и слогъ письма, подсказывающій многое, подсказывалъ весь характеръ этой связи, отъ которой разбились два сердца. Мысли, чувства писавшаго были наружу. Онѣ были слишкомъ особенны и, какъ я уже сказала, слишкомъ много подсказывали догадокъ. Но вотъ это письмо; выписываю его отъ слова до слова:

«Ты не забудешь меня, ты сказала—я вѣрю, и вотъ отнынѣ вся жизнь моя въ этихъ словахъ твоихъ. Намъ нужно разстаться, пробилъ нашъ часъ! Я давно это зналъ, моя тихая, моя грустная красавица, но только теперь понялъ. Во все *долгое* время, во все время, какъ ты любила меня, у меня болѣло и ныло сердце за любовь нашу, и повѣришь-ли? теперь мнѣ легче! Я давно зналъ, что этому будетъ такой конецъ, и такъ было прежде насъ суждено! Это судьба! Выслушай меня, Александра: мы были *героями*: я всегда, *всегда* это чувствовалъ! Я былъ недостоинъ тебя, и я, одинъ я долженъ былъ нести наказаніе за прожитое счастье мое! Скажи: что я былъ передъ тобою, до той поры, какъ ты узнала меня? Боже! вотъ уже два года прошло, и я до сихъ поръ какъ будто безъ памяти: я до сихъ поръ не могу понять, что *ты меня* полюбила! Я не понимаю, какъ дошло у насъ до того, съ чего началось. Помнишь-ли, что я былъ въ сравненіи съ тобою? Достоинъ-ли я былъ тебя, чѣмъ я взялъ, чѣмъ я особенно былъ отличенъ! До тебя я былъ грубъ и простъ, видъ мой былъ унылъ и угрюмъ. Жизни другой я не желалъ, не помышлялъ о ней, не звалъ ее и призывать не хотѣлъ. Все во мнѣ было какъ-то придавлено, и я не зналъ ничего на свѣтѣ важнѣе моей обыденной, срочной

работы. Одна забота была у меня—завтрашній день; да и къ той я былъ равнодушенъ. Прежде, ужь давно это было, мнѣ снилось что-то такое, и я мечталъ какъ глупецъ. Но съ тѣхъ поръ ушло много-много времени, и я сталъ жить одиноко, сурово, спокойно, даже и не чувствуя холода, который леденилъ мое сердце. И оно заснуло. Я вѣдь зналъ и рѣшилъ, что для меня никогда не взойдетъ другаго солнца, и вѣрилъ тому, и не роптал ни на что, потому что зналъ, что такъ *должно было быть*. Когда ты проходила мимо меня, вѣдь я не понималъ, что мнѣ можно смѣть поднять на тебя глаза. Я былъ какъ рабъ передъ тобою. Мое сердце не дрожало возлѣ тебя, не ныло, не вѣщало мнѣ про тебя: оно было покойно. Моя душа не узнавала твоей, хотя и свѣтло ей было возлѣ своей прекрасной сестры. Я это знаю; я глухо чувствовалъ это. Это я могъ чувствовать, затѣмъ, что и на послѣднюю былинку проливается свѣтъ Божіей денницы и пригрѣваетъ и нѣжитъ ее такъ-же, какъ и роскошный цвѣтокъ, возлѣ котораго смиренно прозябаетъ она. Когда-же я узналъ все, помнишь, послѣ того вечера, послѣ тѣхъ словъ, которыя потрясли до основанія душу мою, – я былъ ослѣпленъ, пораженъ, все во мнѣ помутилось, и знаешь-ли? я такъ былъ пораженъ, такъ не повѣрилъ себѣ, что не понялъ тебя! Про это я тебѣ никогда не говорилъ. Ты ничего не знала; не таковъ я былъ прежде, какимъ ты застала меня. Если-бъ я могъ, если-бъ я смѣлъ говорить, я-бы давно во всемъ признался тебѣ. Но я молчалъ, а теперь все скажу, затѣмъ, чтобъ ты знала, кого теперь оставляешь, съ какимъ человѣкомъ разстаешься! Знаешь-ли, какъ я сначала понялъ тебя? Страсть, какъ огонь, охватила меня, какъ ядъ пролилась въ мою кровь; она смутила всѣ мои мысли и чувства, я былъ ослѣпленъ, я былъ какъ въ чаду и отвѣчалъ на чистую, *состадательную* любовь твою не какъ равный ровнѣ, не какъ достойный чистой любви твоей, а безъ сознанія, безъ сердца. Я не узналъ тебя. Я отвѣчалъ тебѣ какъ той, которая въ глазахъ моихъ *забылась до меня*, а не какъ той, которая хотѣла возвысить меня до себя. Знаешь-ли, въ чемъ я подозрѣвалъ тебя, что значило это: *забылась до меня*? Но нѣтъ, я не оскорблю тебя своимъ признаніемъ; одно скажу тебѣ: ты горько во мнѣ ошиблась! Никогда, никогда я не могъ до тебя возвыситься. Я могъ только недоступно созерцать тебя въ безпредѣльной любви своей, когда понялъ тебя, но тѣмъ я не загладилъ вины своей. Страсть моя. возвышенная тобою, была не любовь,— любви я боялся: я не смѣлъ тебя полюбить; въ любви — взаимность, равенство, а ихъ я былъ недостоинъ... Я и не знаю, что было со мною! О! какъ мнѣ разсказать тебѣ это, какъ быть но-

пятнымъ!.. Я не вѣрилъ сначала... О! помнишь-ли, когда утихло первое волненіе мое, когда прояснился мой взоръ, когда осталось одно чистѣйшее, непорочное чувство, — тогда первымъ движеніемъ моимъ было удивленье, смущенье, страхъ. и, помнишь, какъ я вдругъ, рыдая, бросился къ ногамъ твоимъ? Помнишь-ли, какъ ты, смущенная, испуганная, со слезами спрашивала: что со мною? Я молчалъ, я не могъ отвѣчать тебѣ: но душа моя разрывалась на части; мое счастье давило меня какъ невыносимое бремя, и рыданія мои говорили во мнѣ: за что мнѣ это? Чѣмъ я заслужилъ это? Чѣмъ я заслужилъ блаженство? Сестра моя, сестра моя! О! сколько разъ ты не знала того —сколько разъ, украдкой, я цаловалъ твое платье, украдкой, потому что я зналъ, что недостоинъ тебя,—и духъ во мнѣ занимался тогда, и сердце мое билось медленно и крѣпко, словно хотѣло остановиться и замереть навсегда. Когда я бралъ твою руку, я весь блѣднѣлъ и дрожалъ; ты смущала меня чистотою души твоей. О, я не умѣю высказать тебѣ всего, что накопилось въ душѣ моей, и что такъ хочетъ высказаться? Знаешь-ли, что мнѣ тяжела, мучительна была подчасъ твоя сострадательная, всегдашняя нѣжность со мною? Когда ты поцаловала меня (это случилось одинъ разъ, и я никогда того не забуду).—туманъ сталъ въ глазахъ моихъ, и весь духъ мой изнылъ во мгновеніе. Зачѣмъ я не умеръ въ эту минуту у ногъ твоихъ? Вотъ, я пишу тебѣ *ты* въ первый разъ. хотя ты давно мнѣ такъ приказала. Поймешь-ли ты, что я хочу сказать? Я хочу тебѣ сказать *все*, и скажу это: да, ты много любишь меня, ты любила, какъ сестра любитъ брата; ты любила меня, какъ свое созданіе, потому что воскресила мое сердце, разбудила мой умъ отъ усыпленія и влила мнѣ въ грудь сладкую надежду: я-же не могъ, не смѣлъ: я никогда доселѣ не называлъ тебя сестрою моею, затѣмъ, что не могъ быть братомъ твоимъ. затѣмъ. что мы были неровня, затѣмъ, что ты во мнѣ обманулась!

Но ты видишь, я все пишу о себѣ, даже теперь, въ эту минуту страшнаго бѣдствія, я только о себѣ думаю, хотя и знаю, что ты мучаешься за меня. О, не мучься за меня, другъ мой милый! Знаешь-ли, какъ я унижень теперь въ собственныхъ глазахъ своихъ! Все это открылось, столько шуму пошло! Тебя за меня отвергнутъ, въ тебя бросятъ презрѣньемъ, насмѣшкой, потому что я такъ низко стою въ ихъ глазахъ! О, какъ я виновенъ, что былъ недостоинъ тебя! Хотя-бы я имѣлъ важность, личную цѣнку въ ихъ мнѣніи. внушалъ больше уваженія на ихъ глаза, они-бы простили тебѣ! Но я низокъ, я ничтоженъ, я смѣшонъ, а ниже смѣшнаго ничего быть не можетъ. Вѣдь *кто* кричитъ? Вѣдь вѣтъ от-

того, что *они* уже стали кричать, я и упалъ духомъ; я всегда былъ слабъ. Знаешь-ли, въ какомъ я теперь положеніи: я самъ смѣюсь надъ собой и, мнѣ кажется, они правду говорятъ, потому что я даже и себѣ смѣшонъ и ненавистенъ. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, всѣ привычки, всѣ неблагородныя ухватки свои; я ихъ всегда ненавидѣлъ! О, прости мнѣ мое грубое отчаяніе! Ты сама пріучила меня говорить тебѣ все. Я погубилъ тебя, я навлекъ на тебя злобу и смѣхъ, потому что былъ тебя недостоинъ.

«И вотъ эта-то мысль меня мучаетъ; она стучитъ у меня въ головѣ безпрерывно, и терзаетъ и язвитъ мое сердце. И все кажется мнѣ, что ты любила не того человѣка, котораго думала во мнѣ найдти, что ты обманулась во мнѣ. Вотъ что мнѣ больно, вотъ что теперь меня мучаетъ, и замучаетъ до смерти, или я съ ума сойду!

«Прощай-же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались ихъ крики, ихъ пересуды (я слышалъ ихъ!), когда я умалился, унизился въ собственныхъ глазахъ своихъ, устыдясь за себя, устыдясь даже за тебя, за твой выборъ, когда я проклялъ себя, теперь мнѣ нужно бѣжать, исчезнуть для твоего покоя. Такъ требуютъ, и ты никогда, никогда меня не увидишь! Такъ нужно, такъ суждено! Мнѣ слишкомъ много было дано; судьба ошиблась; теперь она поправляетъ ошибку и все отнимаетъ назадъ. Мы сошлись, узнали другъ друга и вотъ расходимся до другаго свиданія! Гдѣ оно будетъ, когда оно будетъ? О, скажи мнѣ, родная моя, гдѣ мы встрѣтимся, гдѣ найдти мнѣ тебя, какъ узнать мнѣ тебя, узнаешь-ли ты меня тогда? Вся душа моя полна тобою. О, за что-же, за что это намъ? Зачѣмъ разстаемся мы? Научи—вѣдь я не понимаю, не пойму этого, никакъ не пойму—научи, какъ разорвать жизнь пополамъ, какъ вырвать сердце изъ груди и быть безъ него! О, какъ я вспомню, что болѣе никогда тебя не увижу, никогда, никогда!..

«Боже, какой они подняли крикъ! Какъ мнѣ страшно теперь за тебя! Я только-что встрѣтилъ твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрѣшны предъ нимъ. Ему все извѣстно; онъ насъ видитъ; онъ понимаетъ все, и прежде все ему было ясно какъ день. Онъ геройски сталъ за тебя; онъ спасетъ тебя; онъ защититъ тебя отъ этихъ пересудовъ и криковъ; онъ любитъ и уважаетъ тебя безпредѣльно; онъ твой спаситель, тогда какъ я бѣгу!.. Я бросился къ нему, я хотѣлъ цаловать его руку!.. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ немедленно. Рѣшено! Говорятъ, что онъ поссорился изъ-за тебя съ ними со всѣми: тамъ всѣ противъ тебя! Его упрекаютъ въ

потворствѣ и слабости. Боже мой! Что тамъ еще говорятъ о тебѣ! Они не знаютъ, они *не могутъ, не въ силахъ понять!* Прости, прости имъ, бѣдная моя, какъ я имъ прощаю; а они взяли у меня больше, чѣмъ у тебя!

Я не помню себя, я не знаю, что пишу тебѣ. О чемъ я говорилъ тебѣ вчера при прощаньи? Я вѣдь все позабылъ. Я былъ внѣ себя, ты плакала... Прости мнѣ эти слезы! Я такъ слабъ, такъ малодушенъ!

Мнѣ еще что-то хотѣлось сказать тебѣ... Охъ! Еще-бы только разъ облить твои руки слезами, какъ теперь я обливаю слезами письмо мое! Еще-бы разъ быть у ногъ твоихъ! Если-бъ *они* только знали, какъ прекрасно было твое чувство! Но они слѣпы: ихъ сердца горды и надменны: они не видятъ и во вѣкъ не увидятъ того. Имъ *нельзя* увидѣть! Они не повѣрятъ, что ты невинна, даже передъ ихъ судомъ, хотя-бы все на землѣ имъ въ томъ поклялось. Имъ-ли это понять! Какъ-же камень поднимутъ они на тебя? Чья первая рука подниметъ его? О, они не смутятся, они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поднять ихъ, затѣмъ, что знаютъ какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя! О, если-бъ знали они, что дѣлаютъ! Если-бъ только можно было разсказать имъ все, безъ утайки, чтобъ видѣли, слышали, поняли и увѣрились! Но нѣтъ, они не такъ злы... Я теперь въ отчаяніи, я, можетъ быть, клевещу на нихъ! Я, можетъ быть, пугаю тебя своимъ страхомъ! Не боися, не бойся ихъ, родная моя! Тебя поймутъ; наконецъ, тебя уже понялъ одинъ: надѣйся,—это мужъ твой!

Прощай, прощай! *Я не благодарю тебя!* Прощай навсегда!

«С. О».

Смущеніе мое было такъ велико, что я долгое время не могла понять, что со мной сдѣлалось. Я была потрясена и испугана. Дѣйствительность поразила меня врасплохъ, среди легкой жизни мечтаній, въ которыхъ я провела ужъ три года. Я со страхомъ чувствовала, что въ рукахъ моихъ большая тайна, и что эта тайна ужъ связываетъ все существованіе мое... Какъ? Я еще и сама не знала того. Я чувствовала, что только съ этой минуты для меня начинается новая будущность. Теперь я невольно стала слишкомъ близкой участницей въ жизни и въ отношеніяхъ тѣхъ людей, которые досель заключали весь міръ меня окружавшій, и я боялась за себя. Чѣмъ войду я въ ихъ жизнь, я, непрошенная, я, чужая имъ? Что принесу я имъ? Чѣмъ разрѣшатся эти нити, которыя такъ внезапно приковали меня къ чужой тайнѣ? Почемъ знать?

Можетъ быть, новая роль моя будетъ мучительна и для меня, и для нихъ. Я-же не могла молчать, не принять этой роли и безвыходно заключить то, что узнала въ сердцѣ моемъ. Но какъ и что будетъ со мною? Что сдѣлаю я? И что такое, наконецъ, я узнала? Тысячи вопросовъ, еще смутныхъ, еще неясныхъ, вставали предо мною и уже нестерпимо тѣснили мнѣ сердце. Я была какъ потерянная.

Потомъ, помню, приходили другія минуты, съ новыми, странными, досель неиспытанными мною впечатлѣніями. Я чувствовала, какъ будто что-то разрѣшилось въ груди моей, что прежняя тоска вдругъ разомъ отпала отъ сердца и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чемъ я не знала еще —горевать-ли о немъ или радоваться ему. Настоящее мгновеніе мое похоже было на то, когда человѣкъ покидаетъ навсегда свой домъ, жизнь досель покойную, безмятежную, для далекаго невѣдомаго пути и въ послѣдній разъ оглядывается кругомъ себя, мысленно прощаясь съ своимъ прошедшимъ, а между тѣмъ горько сердцу отъ тоскливаго предчувствія всего неизвѣстнаго будущаго, можетъ быть, суроваго, враждебнаго, которое ждетъ его на новой дорогѣ. Наконецъ, судорожныя рыданія вырвались изъ груди моей и болѣзненнымъ припадкомъ разрѣшили мое сердце. Мнѣ нужно было видѣть, слышать кого нибудь, обнять крѣпче-крѣпче. Я ужь не могла, не хотѣла теперь оставаться одна; я бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ и провела съ нею весь вечеръ. Мы были одни. Я просила ее не играть и отказалась пѣть, не смотря на просьбы ея. Все мнѣ стало вдругъ тяжело, и ни на чемъ я не могла остановиться. Кажется, мы съ нею плакали. Помню только, что я ее совѣмъ перепугала. Она уговаривала меня успокоиться, не тревожиться. Она со страхомъ слѣдила за мной, увѣряя меня, что я больна, и что я не берегу себя. Наконецъ, я ушла отъ нея, вся измученная, истерзанная; я была словно въ бреду, и легла въ постель въ лихорадкѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока я могла придти въ себя и яснѣе осмыслить свое положеніе. Въ это время мы обѣ, я и Александра Михайловна, жили въ полномъ уединеніи. Петра Александровича не было въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ за какими-то дѣлами въ Москву и пробылъ тамъ три недѣли. Не смотря на короткій срокъ разлуки, Александра Михайловна впала въ ужасную тоску. Порой она становилась покойнѣе, но затворялась одна, такъ что и я была ей въ тягость. Къ тому-же, я сама искала уединенія. Голова моя работала въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи: я была какъ въ чаду. Порой на меня находили часы долгой, мучительно-безотвязной думы: мнѣ снилось тогда, что кто-то словно смѣется надо мной

потихоньку, какъ будто что-то такое поселилось во мнѣ, что смущаетъ и отравляетъ каждую мысль мою. Я не могла отвязаться отъ мучительныхъ образовъ, являвшихся предо мной помимутно и недававшихъ мнѣ покоя. Мнѣ представлялось долгое, безвыходное страданіе, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мнѣ казалось, что тотъ, кому принесена эта жертва, презираетъ ее и смѣется надъ ней. Мнѣ казалось, что я видѣла преступника, который прощаетъ грѣхи праведнику, и мое сердце разрывалось на части! Въ тоже время мнѣ хотѣлось всѣми силами отвязаться отъ моего подозрѣнія: я проклинала его, я ненавидѣла себя за то, что всѣ мои убѣжденія были не убѣжденія, а только предчувствія, за то, что я не могла оправдать своихъ внечатлѣній сама предъ собою.

Потомъ перебирала я въ умѣ эти фразы, эти послѣдніе крики страннаго прощанія. Я представляла себѣ этого человѣка—*петровича*: я старалась угадать весь мучительный смыслъ этого слова: «петровия». Мучительно поражало меня это отчаянное прощанье: «я смѣюсь, и самъ стыжусь за твой выборъ». Что это было? Какіе это люди? О чемъ они тоскуютъ, о чемъ мучаются, что потеряли они? Преодолѣвъ себя, я напряженно перечитывала опять это письмо, въ которомъ было столько терзающаго душу отчаянія, но смыслъ котораго былъ такъ страненъ, такъ неразрѣшимъ для меня. Но письмо выпало изъ рукъ моихъ, и мятежное волненіе все болѣе и болѣе охватывало мое сердце... Наконецъ, все это должно-же было чѣмъ нибудь разрѣшиться, а я не видала выхода, или боялась его!

Я была почти совсѣмъ больна, когда въ одинъ день на нашемъ дворѣ загремѣлъ экипажъ Петра Александровича, возвратившагося изъ Москвы. Александра Михайловна съ радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу мужа, но я остановилась на мѣстѣ, какъ прикованная. Помню, что я сама была поражена до испуга внезапнымъ волненіемъ своимъ. Я не выдержала и бросилась къ себѣ въ комнату. Я не понимала, чего я такъ вдругъ испугалась. Не боялась за этотъ испугъ. Черезъ четверть часа меня позвали и передали мнѣ письмо отъ князя. Въ гостиной я встрѣтила какого-то незнакомаго, который пріѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ изъ Москвы и по нѣкоторымъ словамъ, услышаннымъ мною, я узнала, что онъ располагается у насъ на долгое житье. Это былъ уполномоченный князя, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какимъ-то важнымъ дѣламъ княжескаго семейства, уже давно находившимся въ завѣдываніи Петра Александровича. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ князя и прибавилъ, что княжна тоже хотѣла писать ко мнѣ, до послѣдней минуты увѣряла, что письмо будетъ непремѣнно на-

писано, но отпустила его съ пустыми руками и съ просьбою передать мнѣ, что писать ей ко мнѣ рѣшительно нечего, что въ письмѣ ничего не напишешь, что она испортила цѣлыхъ пять листовъ и потомъ изорвала все въ клочки, что, наконецъ, нужно вновь подружиться, чтобъ писать другъ къ другу. Затѣмъ она поручила увѣрить меня въ скоромъ свиданіи съ нею. Незнакомый господинъ отвѣчалъ на нетерпѣливый вопросъ мой, что вѣсть о скоромъ свиданіи дѣйствительно справедлива, и что все семейство очень скоро собирается прибыть въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи я не знала какъ быть отъ радости, поскорѣе ушла въ свою комнату, заперлась въ ней и, обливаясь слезами, раскрыла письмо князя. Князь обѣщалъ мнѣ скорое свиданіе съ нимъ и съ Катей, и съ глубокимъ чувствомъ поздравлялъ меня съ моимъ талантомъ; наконецъ, онъ благословлялъ меня на мое будущее и обѣщался устроить его. Я плакала, читая это письмо; но къ сладкимъ слезамъ моимъ примѣшивалась такая невыносимая грусть, что, помню, я за себя испугалась; я сама не знала, что со мной дѣлается.

Прошло нѣсколько дней. Въ комнатѣ, которая была рядомъ съ моею, гдѣ прежде помѣщался письмоводитель Петра Александровича, работалъ теперь каждое утро, и часто по вечерамъ за полночь, новый пріѣзжій. Часто они запирались въ кабинетъ Петра Александровича и работали вмѣстѣ. Однажды послѣ обѣда, Александра Михайловна попросила меня сходить въ кабинетъ мужа и спросить его, будетъ-ли онъ съ нами пить чай. Не найдя никого въ кабинетѣ и полагая, что Петръ Александровичъ скоро войдетъ, я остановилась ждать. На стѣнѣ висѣлъ его портретъ. Помню, что я вдругъ вздрогнула, увидѣвъ этотъ портретъ, и съ непонятнымъ мнѣ самой волненіемъ начала пристально его разсматривать. Онъ висѣлъ довольно высоко; къ тому-же было довольно темно, и я, чтобъ удобнѣе разсматривать, придвинула стулъ и стала на него. Мнѣ хотѣлось что-то сыскать, какъ будто я надѣялась найдти разрѣшеніе сомнѣній моихъ, и, помню, прежде всего меня поразили глаза портрета. Меня поразило тутъ-же, что я почти никогда не видала глазъ этого человѣка: онъ всегда пряталъ ихъ подъ очки.

Я еще въ дѣтствѣ не любила его взгляда, по непонятному, страшному предубѣжденію, но какъ будто это предубѣжденіе теперь оправдалось. Воображеніе мое было настроено. Мнѣ вдругъ показалось, что глаза портрета съ смущеніемъ отворачиваются отъ моего пронзительно-испытующаго взгляда, что они силятся избѣгнуть его, что ложь и обманъ въ этихъ глазахъ; мнѣ показалось, что я угадала. и, не понимаю, какая тайная радость откликнулась во мнѣ на мою догадку. Легкій крикъ вырвался изъ груди моей.

Въ это время я услышала сзади меня шорохъ. Я оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ покраснѣлъ. Я вспыхнула и соскочила со стула.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ строгимъ голосомъ.— Зачѣмъ вы здѣсь?

Я не знала, что отвѣчать. Немного оправившись, я передала ему кое-какъ приглашеніе Александры Михайловны. Не помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ, не помню, какъ я вышла изъ кабинета; но, придя къ Александрѣ Михайловнѣ, я совершенно забыла отвѣтъ, котораго она ожидала, и на угадъ сказала, что будетъ.

— Но что съ тобой, Нѣточка? спросила она: — ты вся раскраснѣлась; посмотри на себя. Что съ тобой?

— Я не знаю... я скоро шла... отвѣчала я.

— Тебѣ что-же сказалъ Петръ Александровичъ? перебила она съ смущеніемъ.

Я не отвѣчала. Въ это время послышались шаги Петра Александровича, и я тотчасъ-же вышла изъ комнаты. Я ждала цѣлые два часа въ большой тоскѣ. Наконецъ, пришли звать меня къ Александрѣ Михайловнѣ. Александра Михайловна была молчалива и озабочена. Когда я вошла, она быстро и пытливо посмотрѣла на меня, но тотчасъ-же опустила глаза. Мнѣ показалось, что какое-то смущеніе отразилось на лицѣ ея. Скоро я замѣтила, что она была въ дурномъ расположеніи духа, говорила мало, на меня не глядѣла совсѣмъ, и въ отвѣтъ на заботливые вопросы Б., жаловалась на головную боль. Петръ Александровичъ былъ разговорчивѣе всегдашняго, но говорилъ только съ Б.

Александра Михайловна разсѣянно подошла къ фортепьяно.

— Спойте намъ что нибудь, сказалъ Б., обращаясь ко мнѣ.

— Да, Анета, спой твою новую арію, подхватила Александра Михайловна, какъ будто обрадовавшись предлогу.

Я взглянула на нее; она смотрѣла на меня въ безпокойномъ ожиданіи.

Но я не умѣла преодолѣть себя. Вмѣсто того, чтобъ подойдти къ фортепьяно и пропѣть хоть какъ нибудь, я смутилась, запуталась, не знала какъ отговориться; наконецъ, досада одолѣла меня, и я отказалась не-отрѣзъ.

— Отчего-же ты не хочешь пѣть? сказала Александра Михайловна, значительно взглянувъ на меня и въ тоже время мимолетомъ на мужа.

Эти два взгляда вывели меня изъ терпѣнія. Я встала изъ-за стола въ крайнемъ замѣшательствѣ, но, уже не скрывая его и

дрожа отъ какого-то истерическаго и досаднаго ощущенія, повторила съ горячностью, что не хочу, не могу, нездорова. Говоря это, я глядѣла всѣмъ въ глаза, но Богъ знаетъ, какъ-бы желала быть въ своей комнатѣ въ ту минуту и затаиться отъ всѣхъ.

Б. былъ удивленъ, Александра Михайловна была въ примѣтной тоскѣ и не говорила ни слова. Но Петръ Александровичъ вдругъ всталъ со стула и сказалъ, что онъ забылъ одно дѣло, и, повидимому, въ досадѣ, что упустилъ нужное время, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предувѣдомивъ, что, можетъ быть, зайдетъ позже, а, впрочемъ, на всякій случай пожалъ руку Б., въ знакъ прощанія.

— Что съ вами, наконецъ, такое? спросилъ Б.:—по лицу вы въ самомъ дѣлѣ больны.

— Да, я нездорова, очень нездорова, отвѣчала я съ нетерпѣніемъ.

— Дѣйствительно, ты блѣдна, а давеча была такая красная, замѣтила Александра Михайловна и вдругъ остановилась.

— Полноте! сказала я, прямо подходя къ ней и пристально посмотрѣвъ ей въ глаза. Бѣдная не выдержала моего взгляда, опустила глаза, какъ виноватая и легкая краска облила ея блѣдныя щеки. Я взяла ея руку и поцаловала ее. Александра Михайловна посмотрѣла на меня съ непритворною, наивною радостію.—Простите меня, что я была такой злой, такой дурной ребенокъ сегодня, сказала я ей съ чувствомъ:—но, право, я больна. Не сердитесь-же и отпустите меня...

— Мы всѣ дѣти, сказала она съ робкой улыбкой:—да и я ребенокъ, хуже, гораздо хуже тебя, прибавила она мнѣ на ухо. — Прощай, будь здорова. Только, ради Бога, не сердись на меня.

— За что? спросила я, — такъ поразило меня такое наивное признаніе.

— За что?—повторила она въ ужасномъ смущеніи, даже какъ будто испугавшись за себя:—за что? Ну, видишь, какая я, Нѣточка. Что это я тебѣ сказала? Прощай! Ты умнѣе меня... А я хуже, чѣмъ ребенокъ.

— Ну, довольно, отвѣчала я, вся растроганная, не зная, что ей сказать. Поцаловавъ ее еще разъ, я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мнѣ было ужасно досадно и грустно. Къ тому-же я злилась на себя, чувствуя, что я неосторожна и не умѣю вести себя. Мнѣ было чего-то стыдно до слезъ, и я заснула въ глубокой тоскѣ. Когда-же я проснулась на утро, первою мыслью моею было, что весь вчерашній вечеръ—чистый призракъ, миражъ, что мы только мистифировали другъ друга, заторопились, дали видъ цѣлаго при-

ключенія пустякамъ, и что все произошло отъ неопытности, отъ непривычки нашей принимать внѣшнія впечатлѣнія. Я чувствовала, что всему виновато это письмо, что оно меня слишкомъ безпокоитъ, что воображеніе мое разстроено, и рѣшила, что лучше я впередъ не буду ни о чемъ думать. Разрѣшивъ такъ необыкновенно легко всю тоску свою и въ полномъ убѣжденіи, что я такъ-же легко и исполню что̀ порѣшила, я стала спокойнѣе и отправилась на урокъ нѣмія совсѣмъ развеселившись. Утренній воздухъ окончательно освѣжилъ мою голову. Я очень любила свои утреннія путешествія къ моему учителю. Такъ весело было проходить городъ, который къ девятому часу уже совсѣмъ оживлялся и заботливо начиналъ обыденную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самымъ живучимъ, по самымъ кропотливымъ улицамъ, и мнѣ такъ нравилась такая обстановка начала моей артистической жизни, контрастъ между этой повседневной мелочью, маленькой, но живой, заботой и искусствомъ, которое ожидало меня въ двухъ шагахъ отъ этой жизни, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома, набитаго сверху до низу жильцами, которымъ, какъ мнѣ казалось, ровно нѣтъ никакого дѣла ни до какого искусства. И между этими дѣловыми, сердитыми прохожими, съ тетрадью нотъ подъ мышкой; старуха Наталья, провожавшая меня и каждый разъ задававшая мнѣ, себѣ невѣдомо, разрѣшить задачу: о чемъ она всего болѣе думаетъ? — наконецъ, мой учитель, полу-итальянецъ, полу-французъ, чудакъ, минутами настоящій энтузіастъ, гораздо чаще педантъ и всего больше скряга,— все это развлекало меня, заставляло смѣяться или задумываться. Къ тому-же я хоть и робко, но со страстной надеждой любила свое искусство, строила воздушные зàмки, выкраивала себѣ самое чудесное будущее, и нерѣдко, возвращаясь, была будто въ огнѣ отъ своихъ фантазій. Однимъ словомъ, въ эти часы я была почти счастлива.

Именно такая минута посѣтила меня и въ этотъ разъ, когда я, въ десять часовъ, воротилась съ урока домой. Я забыла про все и, помню, такъ радостно размечталась о чемъ-то. Но вдругъ, всходя на лѣстницу, я вздрогнула, какъ будто меня обожгли. Надо мной раздался голосъ Петра Александровича, который въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы. Непріятное чувство, овладѣвшее мной, было такъ велико, воспоминаніе о вчерашнемъ такъ враждебно поразило меня, что я никакъ не могла скрыть своей тоски. Я слегка поклонилась ему, но, вѣроятно, лицо мое было такъ выразительно въ эту минуту, что онъ остановился передо мной въ удивленіи. Замѣтивъ движеніе его, я покраснѣла и быстро пошла на верхъ. Онъ пробормоталъ что-то мнѣ вслѣдъ и пошелъ своею дорогою.

Я готова была плакать съ досады и не могла понять, что̀ это такое дѣлалось. Все утро я была сама не своя и не знала на что̀ рѣшиться, чтобъ кончить и раздѣлаться со всѣмъ поскорѣе. Тысячу разъ я давала себѣ слово быть благоразумнѣе и тысячу разъ страхъ за себя овладѣвалъ мною. Я чувствовала, что ненавидѣла мужа Александры Михайловны, и въ тоже время была въ отчаяніи за себя. Въ этотъ разъ, отъ безпрерывнаго волненія, я сдѣлалась серіозно нездоровой и уже никакъ не могла совладать съ собою. Мнѣ стало досадно на всѣхъ: я все утро просидѣла у себя и даже не пошла къ Александрѣ Михайловнѣ. Она пришла сама. Взглянувъ на меня, она чуть не вскрикнула. Я была такъ блѣдна, что, посмотрѣвъ въ зеркало, сама себя испугалась. Александра Михайловна сидѣла со мною цѣлый часъ, ухаживала за мной какъ за ребенкомъ.

Но мнѣ стало грустно отъ ея вниманія, такъ тяжело отъ ея ласкъ, такъ мучительно было смотрѣть на нее, что я попросила, наконецъ, оставить меня одну. Она ушла въ большомъ безпокойствѣ за меня. Наконецъ, тоска моя разрѣшилась слезами и припадкомъ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось легче...

Легче, потому что я рѣшилась идти къ ней. Я рѣшилась броситься передъ ней на колѣни, отдать ей письмо, которое она потеряла, и признаться ей во всемъ: признаться во всѣхъ мученіяхъ, перенесенныхъ мною, во всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, обнять ее со всей безконечною любовью, которая пылала во мнѣ къ ней, къ моей страдалицѣ, сказать ей, что я дитя ея, другъ ея, что мое сердце передъ ней открыто, чтобъ она взглянула на него и увидѣла, сколько въ немъ самаго пламеннаго, самаго непоколебимаго чувства къ ней. Боже мой! Я знала, я чувствовала, что я послѣдняя, передъ которой она могла открыть свое сердце, но тѣмъ вѣрнѣе, казалось мнѣ, было спасеніе, тѣмъ могущественнѣе было-бы слово мое... Хотя темно, неясно, но я понимала тоску ея, и сердце мое кипѣло негодованіемъ при мысли, что она можетъ краснѣть передо мною, передъ моимъ судомъ... Бѣдная, бѣдная моя, ты-ли та грѣшница? Вотъ что̀ скажу я ей, заплакавъ у ногъ ея. Чувство справедливости возмутилось во мнѣ, я была въ изступленіи. Не знаю, что̀-бы я сдѣлала; но уже потомъ только я опомнилась, когда неожиданный случай спасъ меня и ее отъ погибели, остановивъ меня почти на первомъ шагу. Ужасъ нашелъ на меня. Ея-ли замученному сердцу воскреснуть для надежды? Я-бы однимъ ударомъ убила ее!

Вотъ что̀ случилось: я уже была за двѣ комнаты до ея кабинета, когда изъ боковыхъ дверей вышелъ Петръ Александровичъ,

и, не замѣтивъ меня, пошелъ передо мною. Онъ тоже шелъ къ ней. Я остановилась какъ вкопанная; онъ былъ послѣдній человѣкъ, котораго я-бы должна была встрѣтить въ такую минуту. Я было хотѣла уйдти, но любопытство внезапно приковало меня къ мѣсту.

Онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы и, къ величайшему изумленію, я вдругъ услышала, что онъ напѣваетъ какую-то нѣсню. Мигомъ одно темное, далекое воспоминаніе дѣтства моего воскресло въ моей памяти. Чтобъ понятно было то странное ощущеніе, которое я почувствовала въ эту минуту, я разскажу это воспоминаніе. Еще въ первый годъ моего въ этомъ домѣ пребыванія, меня глубоко поразилъ одинъ случай, только теперь озарившій мое сознаніе, потому что только теперь, только въ эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатіи къ этому человѣку! Я упоминала уже, что еще въ то время мнѣ всегда было при немъ тяжело. Я уже говорила, какое тоскливое впечатлѣніе производилъ на меня его нахмуренный, озабоченный видъ, выраженіе лица нерѣдко грустное и убитое: какъ тяжело было мнѣ послѣ тѣхъ часовъ, которые проводили мы вмѣстѣ за чайнымъ столикомъ Александры Михайловны, и, наконецъ, какая мучительная тоска надрывала сердце мое, когда мнѣ приходилось быть, раза два или три, чуть не свидѣтельницей тѣхъ угрюмыхъ, темныхъ сценъ, о которыхъ я уже упоминала въ началѣ. Случилось, что тогда я встрѣтилась съ нимъ такъ-же, какъ и теперь, въ этой-же комнатѣ, въ этотъ-же часъ, когда онъ, такъ-же, какъ и я, шелъ къ Александрѣ Михайловнѣ. Я чувствовала чисто дѣтскую робость, встрѣчаясь съ нимъ одна, и потому притаилась въ углу какъ виноватая, моля судьбу, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Точно такъ-же, какъ теперь, онъ остановился передъ зеркаломъ, и я вздрогнула отъ какого-то неопредѣленнаго, недѣтскаго чувства. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто передѣлываетъ свое лицо. По крайней мѣрѣ, я видѣла ясно улыбку на лицѣ его передъ тѣмъ, какъ онъ подходилъ къ зеркалу; я видѣла смѣхъ, чего прежде никогда отъ него не видала, потому что (помню, это всего болѣе поразило меня) онъ никогда не смѣялся передъ Александрой Михайловной. Вдругъ, едва только онъ успѣлъ взглянуть въ зеркало, лицо его совсѣмъ измѣнилось. Улыбка исчезла какъ по приказу, и на мѣсто ея какое-то горькое чувство, какъ будто невольно, черезъ силу пробивавшееся изъ сердца, чувство, котораго не въ человѣческихъ силахъ было скрыть, не смотря ни на какое великодушное усиліе, искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лобъ его и сдавила ему брови. Взглядъ мрачно спрятался подъ очки, — словомъ, онъ въ одинъ мигъ, какъ будто по командѣ, сталъ совсѣмъ

другимъ человѣкомъ. Помню, что я, ребенокъ, задрожала отъ страха, отъ боязни понять то, что̀ я видѣла, и съ тѣхъ поръ тяжелое, непріятное впечатлѣніе безвыходно заключилось въ сердцѣ моемъ. Посмотрѣвшись съ минуту въ зеркало, онъ понурилъ голову, сгорбился, какъ обыкновенно являлся передъ Александрой Михайловной, и на цыпочкахъ пошелъ въ ея кабинетъ. Вотъ это-то воспоминаніе поразило меня.

И тогда, какъ и теперь, онъ думалъ, что онъ одинъ и остановился передъ этимъ-же зеркаломъ. Какъ и тогда, я съ враждебнымъ, непріятнымъ чувствомъ очутилась съ нимъ вмѣстѣ. Но когда я услышала это нѣнье (нѣнье отъ него, отъ котораго такъ невозможно было ожидать чего нибудь подобнаго), которое поразило меня такой неожиданностью, что я осталась на мѣстѣ какъ прикованная, когда въ ту-же минуту сходство напомнило мнѣ почти такое-же мгновеніе моего дѣтства,—тогда, не могу передать, какое язвительное впечатлѣніе кольнуло мнѣ сердце. Всѣ нервы мои вздрогнули, и въ отвѣтъ на эту несчастную нѣсню я разразилась такимъ смѣхомъ, что бѣдный нѣвецъ вскрикнулъ, отскочилъ два шага отъ зеркала, и, блѣдный какъ смерть, какъ безславно пойманный съ поличнымъ, глядѣлъ на меня въ изступленіи отъ ужаса, отъ удивленія и бѣшенства. Его взглядъ болѣзненно подѣйствовалъ на меня. Я отвѣчала ему нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ прямо въ глаза, прошла смѣясь, мимо него и вошла, не переставая хохотать, къ Александрѣ Михайловнѣ. Я знала, что онъ стоитъ за портьерами, что, можетъ быть, онъ колеблется, не зная, войдти или нѣтъ, что бѣшенство и трусость приковали его къ мѣсту, — и съ какимъ-то раздраженнымъ, вызывающимъ истерпѣніемъ я ожидала, на что̀ онъ рѣшится: я готова была побиться объ закладъ, что онъ не войдетъ, и я выиграла. Онъ вошелъ только черезъ полчаса. Александра Михайловна долгое время смотрѣла на меня въ крайнемъ изумленіи. Но тщетно допрашивала она, что̀ со мною? Я не могла отвѣчать, я задыхалась. Наконецъ, она поняла, что я въ нервномъ припадкѣ, и съ безпокойствомъ смотрѣла за мною. Отдохнувъ, я взяла ея руки и начала цаловать ихъ. Только теперь я одумалась и только теперь пришло мнѣ въ голову, что я-бы убила ее, если-бъ не встрѣча съ ея мужемъ. Я смотрѣла на нее какъ на воскресную.

Вошелъ Петръ Александровичъ.

Я взглянула на него мелькомъ; онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто между нами ничего не случилось, то есть былъ суровъ и угрюмъ по всегдашнему. Но по блѣдному лицу и слегка вздрагивавшимъ краямъ губъ его, я догадалась, что онъ едва скрываетъ свое волненіе. Онъ поздоровался съ Александрой Михайловной холодно, и

молча сѣлъ на мѣсто. Рука его дрожала, когда онъ бралъ чашку чая. Я ожидала взрыва, и на меня напалъ какой-то безотчетный страхъ. Я уже хотѣла было уйдти, но не рѣшалась оставить Александру Михайловну, которая измѣнилась въ лицѣ, глядя на мужа. Она тоже предчувствовала что-то недоброе. Наконецъ, то, чего я ожидала съ такимъ страхомъ, случилось.

Среди глубокаго молчанія я подняла глаза и встрѣтила очки Петра Александровича, направленные прямо на меня. Это было такъ неожиданно, что я вздрогнула, чуть не вскрикнула, и потупилась. Александра Михайловна замѣтила мое движеніе.

— Что съ вами? Отчего вы покраснѣли? раздался рѣзкій и грубый голосъ Петра Александровича.

Я молчала; сердце мое колотилось такъ, что я не могла вымолвить слова.

— Отчего она покраснѣла? Отчего она все краснѣетъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, нагло указывая ей на меня.

Негодованіе захватывало мнѣ духъ. Я бросила умоляющій взглядъ на Александру Михайловну. Она поняла меня. Блѣдныя щеки ея вспыхнули.

— Анета, сказала она мнѣ твердымъ голосомъ, котораго я никакъ не ожидала отъ нея:—поди къ себѣ, я черезъ минуту къ тебѣ приду: мы проведемъ вечеръ вмѣстѣ...

— Я васъ спрашиваю, слышали-ли меня или нѣтъ? прервалъ Петръ Александровичъ, еще болѣе возвышая голосъ и какъ будто не слыхавъ, что сказала жена.—Отчего вы краснѣете, когда встрѣчаетесь со мной? Отвѣчайте!

— Оттого, что вы заставляете ее краснѣть, и меня такъ-же, отвѣчала Александра Михайловна прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Александру Михайловну. Дыкость ея возраженія съ перваго раза была мнѣ совсѣмъ непонятна.

— *Я* заставляю васъ краснѣть, *я?* отвѣчалъ ей Петръ Александровичъ, казалось, тоже внѣ себя отъ изумленія, и сильно ударяя на слово я.—За *меня вы* краснѣли? Да развѣ *я* могу *васъ* заставить краснѣть за *меня? Вамъ*, а не мнѣ краснѣть, какъ вы думаете?

Эта фраза была такъ понятна для меня, сказана съ такой ожесточенной, язвительной насмѣшкой, что я вскрикнула отъ ужаса и бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ. Изумленіе, боль, укоръ и ужасъ изображались на смертельно-побѣдненномъ лицѣ ея. Я взглянула на Петра Александровича, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки. Казалось, онъ самъ спохватился: но бѣшенство, выр-

вавшее у него эту фразу, еще не прошло. Однако-жъ, замѣтивъ безмолвную мольбу мою, онъ смутился. Мой жестъ говорилъ ясно, что я про многое знаю, изъ того, что̀ между ними до сихъ поръ было тайной, и что я хорошо поняла слова его.

— Анюта, идите къ себѣ, повторила Александра Михайловна, слабымъ, но твердымъ голосомъ, встав со стула: — мнѣ очень нужно говорить съ Петромъ Александровичемъ...

Она была, повидимому, спокойна; но за это спокойствіе я боялась больше чѣмъ за всякое волненіе. Я какъ будто не слыхала словъ ея и оставалась на мѣстѣ, какъ вкопаная. Всѣ силы мои напрягла я, чтобъ прочесть на ея лицѣ, что̀ происходило въ это̀ мгновеніе въ душѣ ея. Мнѣ показалось, что она не поняла ни моего жеста, ни моего восклицанія.

— Вотъ что вы надѣлали, сударыня! проговорилъ Петръ Александровичъ, взявъ меня за руки и указавъ на жену.

Боже мой! Я никогда не видала такого отчаянія, которое прочла теперь на этомъ убитомъ, помертвѣвшемъ лицѣ. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты. Я взглянула на нихъ въ послѣдній разъ. Александра Михайловна стояла, облокотясь на каминъ и крѣпко сжавъ обѣими руками голову. Все положеніе ея тѣла изображало нестерпимую муку. Я схватила руку Петра Александровича и горячо сжала ее.

— Ради Бога! Ради Бога! проговорила я прерывающимся голосомъ:—пощадите!

— Не бойтесь, не бойтесь! сказалъ онъ, какъ-то странно смотря на меня;—это ничего, это припадокъ. Ступайте-же, ступайте.

Войдя въ свою комнату, я бросилась на диванъ и закрыла руками лицо. Цѣлые три часа пробыла я въ такомъ положеніи, и въ это мгновеніе прожила цѣлый адъ. Наконецъ, я не выдержала и послала спросить, можно-ли мнѣ придти къ Александрѣ Михайловнѣ. Съ отвѣтомъ пришла мадамъ Леотаръ. Петръ Александровичъ прислалъ сказать, что припадокъ прошелъ, опасности нѣтъ, но что Александрѣ Михайловнѣ нуженъ покой. Я не ложилась спать до трехъ часовъ утра и все думала, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Положеніе мое было загадочнѣе, чѣмъ когда нибудь, но я чувствовала себя какъ-то покойнѣе, — можетъ быть, потому, что чувствовала себя всѣхъ виновнѣе. Я легла спать, съ нетерпѣніемъ ожидая завтрашняго утра.

Но на другой день я, къ горестному изумленію, замѣтила какую-то необъяснимую холодность въ Александрѣ Михайловнѣ. Сначала мнѣ показалось, что этому чистому, благородному сердцу тяжело быть со мною послѣ вчерашней сцены съ мужемъ, которой я

по неволѣ была свидѣтельницей. Я узнала, что это дитя способно покраснѣть передо мною и просить у меня-же прощенія за то, что несчастная сцена, можетъ быть, оскорбила вчера мое сердце. Но вскорѣ я замѣтила въ ней какую-то другую заботу и досаду, проявлявшуюся чрезвычайно неловко: то она отвѣтитъ мнѣ сухо и холодно, то слышится въ словахъ ея какой-то особенный смыслъ; то, наконецъ, она вдругъ сдѣлается со мной очень нѣжна, какъ будто раскаиваясь въ этой суровости, которой не могло быть въ ея сердцѣ, и ласковыя, тихія слова ея какъ будто звучатъ какимъ-то укоромъ. Наконецъ, я прямо спросила ее, что̀ съ ней и нѣтъ-ли у ней чего мнѣ сказать? На быстрый вопросъ мой она немного смутилась, но тотчасъ-же, поднявъ на меня свои большіе, тихіе глаза и смотря на меня съ нѣжной улыбкой, сказала:

— Ничего, Нѐточка: только знаешь-ли что: когда ты меня такъ быстро спросила, я немного смутилась Это оттого, что ты спросила такъ скоро... увѣряю тебя. Но, слушай,—отвѣчай мнѣ правду, дитя мое: есть что нибудь у тебя на сердцѣ такое, отъ чего-бы ты такъ-же смутилась, если-бъ тебя о томъ спросили такъ-же быстро и неожиданно?

— Нѣтъ, отвѣчала я, посмотрѣвъ на нее ясными глазами.

— Ну, вотъ и хорошо! Если-бъ ты знала, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна за этотъ прекрасный отвѣтъ. Не то, чтобъ я тебя могла подозрѣвать въ чемъ нибудь дурномъ,—никогда! Я не прощу себѣ и мысли объ этомъ. Но слушай: взяла я тебя дитятей, а теперь тебѣ семнадцать лѣтъ. Ты видѣла сама: я больная, я сама какъ ребенокъ, за мной еще нужно ухаживать. Я не могла замѣнить тебѣ вполнѣ родную мать, не смотря на то, что любви къ тебѣ слишкомъ достало-бы на то въ моемъ сердцѣ. Если-жь теперь меня такъ мучаетъ забота, то, разумѣется, не ты виновата, а я. Прости-жь мнѣ и за вопросъ, и за то, что я, можетъ быть, невольно не исполнила всѣхъ моихъ обѣщаній, которыя дала тебѣ и батюшкѣ, когда взяла тебя изъ его дома. Меня это очень безпокоитъ и часто безпокоило, другъ мой.

Я обняла ее и заплакала.

— О, благодарю, благодарю васъ за все! сказала я, обнимая ея руки слезами: — не говорите мнѣ такъ, не разрывайте моего сердца. Вы были мнѣ больше чѣмъ мать; да благословитъ васъ Богъ за все, что̀ вы сдѣлали оба, вы и князь, мнѣ, бѣдной, оставленной! Бѣдная моя, родная моя!

— Полно, Нѐточка, полно! Обними меня лучше: такъ, крѣпче, крѣпче! Знаешь что̀? Богъ знаетъ отчего, мнѣ кажется, что ты въ послѣдній разъ меня обнимаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила я, разрыдавшись какъ ребенокъ, — нѣтъ, этого не будетъ! Вы будете счастливы!.. Еще впереди много дней. Вѣрьте, мы будемъ счастливы.

— Спасибо тебѣ, спасибо, что ты такъ любишь меня. Теперь около меня мало людей; меня всѣ оставили!

— Кто-же оставили? Кто они?

— Прежде были и другія кругомъ меня; ты не знаешь, Нѣточка. Они всѣ оставили, всѣ ушли, точно призраки были. А я ихъ такъ ждала, всю жизнь ждала; Богъ съ ними! Смотри, Нѣточка: видишь, какая глубокая осень; скоро пойдетъ снѣгъ: съ первымъ снѣгомъ я и умру,—да; но я и не тужу. Прощайте!

Лицо ея было блѣдно и худо; на каждой щекѣ горѣло зловѣщее, кровавое пятно; губы ея дрожали и запеклись отъ внутренняго жара.

Она подошла къ фортепьяно и взяла нѣсколько аккордовъ; въ это мгновеніе съ трескомъ лопнула струна и заныла въ длинномъ, дребезжащемъ звукѣ...

— Слышишь, Нѣточка, слышишь? сказала она вдругъ какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ, указывая на фортепьяно. — Эту струну слишкомъ-слишкомъ натянули: она не вынесла и умерла. Слышишь, какъ жалобно умираетъ звукъ!

Она говорила съ трудомъ. Глухая, душевная боль отразилась на лицѣ ея, и глаза ея наполнились слезами.

— Ну, полно объ этомъ, Нѣточка, другъ мой, довольно; приведи дѣтей.

Я привела ихъ. Она какъ будто отдохнула, на нихъ глядя, и черезъ часъ отпустила ихъ.

— Когда я умру, ты не оставишь ихъ, Аннета? Да? сказала она мнѣ шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ кто нибудь не подслушалъ.

— Полноте, вы убьете меня! могла только я проговорить ей въ отвѣтъ.

— Я вѣдь шутила, сказала она, помолчавъ и улыбнувшись.— А ты и повѣрила? Я вѣдь иногда Богъ знаетъ что говорю. Я теперь какъ дитя; мнѣ нужно все прощать.

Тутъ она робко посмотрѣла на меня, какъ будто боясь что-то выговорить. Я ожидала.

— Смотри, не пугай его, проговорила она, наконецъ, потупивъ глаза, съ легкой краской въ лицѣ, и такъ тихо, что я едва разслышала.

— Кого? спросила я съ удивленіемъ.

— Мужа. Ты, пожалуй, разскажешь ему все потихоньку.

— Зачѣмъ-же, зачѣмъ? повторяла я, все болѣе и болѣе въ удивленіи.

— Ну, можетъ быть, и не разскажешь, какъ знать! отвѣчала она, стараясь какъ можно хитрѣе взглянуть на меня, хотя все также простодушная улыбка блестѣла на губахъ ея, и краска все болѣе и болѣе вступала ей въ лицо.—Полно объ этомъ; я вѣдь все шучу.

Сердце мое сжималось все больнѣе и больнѣе.

— Только послушай, ты ихъ будешь любить, когда я умру,—да? прибавила она серіозно и опять какъ будто съ таинственнымъ видомъ:—такъ, какъ-бы родныхъ дѣтей своихъ любила,—да? Припомни: я тебя всегда за родную считала и отъ своихъ не розняла.

— Да, да, отвѣчала я, не зная, что говорю и задыхаясь отъ слезъ и смущенія.

Горячій поцалуй зажегся на рукѣ моей, прежде чѣмъ я успѣла отнять ее. Изумленіе сковало мнѣ языкъ.

«Что съ ней? Что она думаетъ? Что вчера у нихъ было такое?» пронеслось въ моей головѣ.

Черезъ минуту она стала жаловаться на усталость.

— Я уже давно больна, только не хотѣла пугать васъ обоихъ, сказала она:—Вѣдь вы меня оба любите,—да?.. До свиданія, Нѣточка; оставь меня, а только вечеромъ приди ко мнѣ непремѣнно. Придешь?

Я дала слово: но рада была уйдти. Я не могла болѣе вынести.

Бѣдная бѣдная! Какое подозрѣніе провожаетъ тебя въ могилу? воскликала я, рыдая: какое новое горе язвитъ и точитъ твое сердце, и о которомъ ты едва смѣешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страданіе, которое я уже узнала теперь все наизусть, эта жизнь безъ просвѣта, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертномъ одрѣ своемъ, когда сердце рвется пополамъ отъ боли, она, какъ преступная, боится малѣйшаго ропота, жалобы, — и вообразивъ, выдумавъ новое горе, она уже покорилась ему, помирилась съ нимъ!..

Вечеромъ, въ сумерки, я, воспользовавшись отсутствіемъ Оврова (пріѣзжаго изъ Москвы), прошла въ библіотеку, отперла шкафъ и начала рыться въ книгахъ, чтобъ выбрать какую нибудь для чтенія вслухъ Александрѣ Михайловнѣ. Мнѣ хотѣлось отвлечь ее отъ черныхъ мыслей и выбрать что нибудь веселое, легкое... Я разбирала долго и разсѣянно. Сумерки сгущались: а вмѣстѣ съ ними росла и тоска моя. Въ рукахъ моихъ очутилась опять эта книга, развернутая на той-же страницѣ, на которой и теперь я увидала слѣды письма, съ тѣхъ поръ несходившаго съ груди моей,—тайны,

съ которой какъ будто переломилось и вновь началось мое существованіе, и повѣяло на меня такъ много холоднаго, неизвѣстнаго, таинственнаго, непривѣтливаго, уже и теперь издали такъ сурово грозившаго мнѣ... Что съ нами будетъ, думала я; уголъ, въ которомъ мнѣ было такъ тепло, такъ привольно, — пустѣетъ. Чистый, свѣтлый духъ, охранявшій юность мою, оставляетъ меня. Что впереди? Я стояла въ какомъ-то забытьи надъ своимъ прошедшимъ, такъ теперь милымъ сердцу, какъ будто силясь прозрѣть впередъ, въ неизвѣстное, грозившее мнѣ... Я припоминаю эту минуту, какъ будто теперь вновь переживаю ее: такъ сильно врѣзалась она въ моей памяти.

Я держала въ рукахъ письмо и развернутую книгу: лицо мое было омочено слезами. Вдругъ я вздрогнула отъ испуга: надо мной раздался знакомый мнѣ голосъ. Въ тоже время я почувствовала, что письмо вырвали изъ рукъ моихъ. Я вскрикнула и оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко удерживалъ на мѣстѣ; правой рукой подносилъ онъ къ свѣту письмо и силился разобрать первыя строки... Я закричала; я скорѣй готова была умереть, чѣмъ оставить это письмо въ рукахъ его. По торжествующей улыбкѣ я видѣла, что ему удалось разобрать первыя строки. Я теряла голову...

Мгновеніе спустя, я бросилась къ нему, почти не помня себя, и вырвала письмо изъ рукъ его. Все это случилось такъ скоро, что я еще сама не понимала, какимъ образомъ письмо очутилось у меня опять. Но, замѣтивъ, что онъ снова хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ, я поспѣшно спрятала письмо на груди и отступила на три шага.

Мы съ полминуты смотрѣли другъ на друга молча. Я еще содрогалась отъ испуга; онъ—блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми отъ гнѣва губами, первый прервалъ молчаніе.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ отъ волненія голосомъ:— вы вѣрно не хотите, чтобъ я употребилъ силу; отдайте-же мнѣ письмо добровольно.

Только теперь я одумалась, и оскорбленіе, стыдъ, негодованіе противъ грубаго насилія захватили мнѣ духъ. Горячія слезы потекли по разгорѣвшимся щекамъ моимъ. Я вся дрожала отъ волненія и нѣкоторое время была не въ силахъ вымолвить слова.

— Вы слышали? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ на два шага.

— Оставьте меня, оставьте! закричала я, отодвигаясь отъ него: — вы поступили низко, неблагородно. Вы забылись!.. Пропустите меня!..

— Какъ? Что это значитъ? И вы еще смѣете принимать такой тонъ... послѣ того, что вы... Отдайте, говорю вамъ!

Онъ еще разъ шагнулъ ко мнѣ, но, взглянувъ на меня, увидѣлъ въ глазахъ моихъ столько рѣшимости, что остановился, какъ будто въ раздумьѣ.

— Хорошо! сказалъ онъ, наконецъ, сухо, какъ будто остановившись на одномъ рѣшеніи, но все еще черезъ силу подавляя себя.—Это своимъ чередомъ, а сперва...

Тутъ онъ осмотрѣлся кругомъ.

— Вы... кто васъ пустилъ въ библіотеку? Почему этотъ шкафъ отворенъ? Гдѣ взяли ключъ?

— Я не буду вамъ отвѣчать, сказала я:—я не могу съ вами говорить. Пустите меня, пустите!

Я пошла къ дверямъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, остановивъ меня за руку: — вы такъ не уйдете!

Я молча вырвала у него свою руку и снова сдѣлала движеніе къ дверямъ.

— Хорошо-же. Но я не могу вамъ позволить, въ самомъ дѣлѣ, получать письма отъ вашихъ любовниковъ, въ моемъ домѣ...

Я вскрикнула отъ испуга и взглянула на него какъ потерянная...

— И потому...

— Остановитесь! закричала я. — Какъ вы можете? Какъ вы могли мнѣ сказать?.. Боже мой! Боже мой!..

— Что? Что! Вы еще угрожаете мнѣ?

Но я смотрѣла на него блѣдная, убитая отчаяніемъ. Сцена между нами дошла до послѣдней степени ожесточенія, котораго я не могла понять. Я молила его взглядомъ не продолжать далѣе. Я готова была простить за оскорбленіе, съ тѣмъ, чтобъ онъ остановился. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и видимо колебался.

— Не доводите меня до крайности, прошептала я въ ужасѣ.

— Нѣтъ-съ, это нужно кончить! сказалъ онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись.—Признаюсь вамъ, я было колебался отъ этого взгляда, прибавилъ онъ съ странной улыбкой.—Но, къ несчастію, дѣло само за себя говоритъ. Я успѣлъ прочитать начало письма. Это письмо любовное. Вы меня не разувѣрите! Нѣтъ, выкиньте это изъ головы! И если я усумнился на минуту, то это доказываетъ только, что ко всѣмъ вашимъ прекраснымъ качествамъ я долженъ присоединить способность отлично лгать, а потому повторяю...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его лицо все болѣе и болѣе искажалось отъ злобы. Онъ блѣдиѣлъ; губы его кривились и дрожали, такъ что онъ, наконецъ, съ трудомъ произнесъ послѣд-

нія слова. Становилось темно. Я стояла безъ защиты, одна, передъ человѣкомъ, который въ состояніи оскорблять женщину. Наконецъ, всѣ видимости были противъ меня; я терзалась отъ стыда, терялась, не могла понять злобы этого человѣка. Не отвѣчая ему, внѣ себя отъ ужаса, я бросилась вонъ изъ комнаты, и очнулась уже стоя при входѣ въ кабинетъ Александры Михайловны. Въ это мгновеніе послышались и его шаги; я уже хотѣла войдти въ комнату, какъ вдругъ остановилась, какъ-бы пораженная громомъ.

— Что съ нею будетъ? мелькнуло въ моей головѣ. — Это письмо!.. Нѣтъ, лучше все на свѣтѣ, чѣмъ этотъ послѣдній ударъ въ ея сердце, — и я бросилась назадъ. Но ужь было поздно: онъ стоялъ подлѣ меня.

— Куда хотите пойдемте, — только не здѣсь, не здѣсь! шепнула я, схвативъ его руку. — Пощадите ее! Я приду опять въ библіотеку, или... куда хотите! Вы убьете ее!

— Это вы убьете ее! отвѣчалъ онъ, отстраняя меня.

Всѣ надежды мои исчезли. Я чувствовала, что ему именно хотѣлось перенесть всю сцену къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Ради Бога! говорила я, удерживая его всѣми силами. Но въ это мгновеніе поднялась портьера, и Александра Михайловна очутилась передъ нами. Она смотрѣла на насъ въ удивленіи. Лицо ея было блѣднѣе всегдашняго. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Видно было, что ей большихъ усилій стоило дойдти до насъ, когда она заслышала наши голоса.

— Кто здѣсь? О чемъ вы здѣсь говорили? спросила она, смотря на насъ въ крайнемъ изумленіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и она побѣднѣла какъ полотно. Я бросилась къ ней, крѣпко обняла ее и увлекла назадъ въ кабинетъ. Петръ Александровичъ вошелъ вслѣдъ за мною. Я спрятала лицо свое на груди ея, и все крѣпче, крѣпче обнимала ее, замирая отъ ожиданія.

— Что съ тобою, что съ вами? спросила въ другой разъ Александра Михайловна.

— Спросите ее. Вы еще вчера такъ ее защищали, сказалъ Петръ Александровичъ, тяжело опускаясь въ кресла.

Я все крѣпче и крѣпче сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Но, Боже мой, что-жь это такое? проговорила Александра Михайловна въ страшномъ испугѣ. — Вы такъ раздражены, она испугана, въ слезахъ. Аннета, говори мнѣ все, что было между вами.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сперва, сказалъ Петръ Александровичъ, подходя къ намъ, взявъ меня за руку и оттащивъ отъ Але-

ксандры Михайловны. — Стойте тутъ, сказалъ онъ, указавъ на средину комнаты. — Я васъ хочу судить передъ той, которая замѣнила вамъ мать. А вы успокойтесь, сядьте, прибавилъ онъ, усаживая Александру Михайловну на кресла.—Мнѣ горько, что я не могъ васъ избавить отъ этого непріятнаго объясненія; но оно необходимо.

— Боже мой! Что-жь это будетъ? проговорила Александра Михайловна, въ глубокой тоскѣ перенося свой взглядъ поочередно на меня и на мужа. Я ломала руки, предчувствуя роковую минуту. Отъ него я ужь не ожидала пощады.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Петръ Александровичъ: — я хотѣлъ, чтобъ вы разсудили вмѣстѣ со мною. Вы всегда (я не понимаю отчего, это одна изъ вашихъ фантазій), вы всегда—еще вчера, напримѣръ, думали, говорили... но не знаю какъ сказать; я краснѣю отъ предположеній... Однимъ словомъ, вы защищали ее, вы нападали на меня, вы уличали меня въ *неумѣстной* строгости: вы намекали еще на какое-то *другое чувство*, будто-бы вызывающее меня на эту *неумѣстную* строгость; вы... но я не понимаю, отчего я не могу подавить своего смущенія, эту краску въ лицѣ при мысли о вашихъ предположеніяхъ; отчего я не могу сказать о нихъ гласно, открыто, при ней... Однимъ словомъ, вы...

— О, вы этого не сдѣлаете! Нѣтъ, вы не скажете этого! вскрикнула Александра Михайловна, вся въ волненіи, сгорѣвъ отъ стыда: — нѣтъ, вы пощадите ее. Это я, я все выдумала! Во мнѣ нѣтъ теперь никакихъ подозрѣній. Простите меня за нихъ, простите. Я больна, мнѣ нужно простить, но только не говорите ей, нѣтъ... Анета, сказала она подходя ко мнѣ: — Анета, уйди отсюда, скорѣе, скорѣе! Онъ шутилъ; это я всему виновата; это неумѣстная шутка ..

— Однимъ словомъ, вы ревновали меня къ ней, сказалъ Петръ Александровичъ, безъ жалости бросивъ эти слова въ отвѣтъ ея тоскливому ожиданію. Она вскрикнула, побѣднѣла и оперлась на кресло, едва удерживаясь на ногахъ.

— Богъ вамъ проститъ! проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ. — Прости меня за него, Нѣточка, прости: я была всему виновата. Я была больна, я...

— Но это тиранство, безстыдство, низость! закричала я въ изступленіи, понявъ, наконецъ, все, понявъ, зачѣмъ ему хотѣлось осудить меня въ глазахъ жены.—Это достойно презрѣнія; вы...

— Аннета! закричала Александра Михайловна, въ ужасѣ схвативъ меня за руки.

— Комедія! Комедія и больше ничего! проговорилъ Петръ Але-

кандровичъ, подступая къ намъ въ невозбразимомъ волненіи.— Комедія, говорю я вамъ, продолжалъ онъ, пристально и съ зловѣщей улыбкой смотря на жену:—и обманутая во всей этой комедіи одна—вы. Повѣрьте, что мы, произнесъ онъ, задыхаясь и указывая на меня: — не боимся такихъ объясненій; повѣрьте, что мы ужь не такъ цѣломудренны, чтобъ оскорбляться, краснѣть и затыкать уши, когда намъ заговорятъ о подобныхъ дѣлахъ. Извините, я выражаюсь просто, прямо, грубо, можетъ быть, но—такъ должно. Увѣрены-ли вы, сударыня, въ порядочномъ поведеніи этой... дѣвицы?

— Боже! Что съ вами? Вы забылись! проговорила Александра Михайловна, остолбенѣвъ, помертвѣвъ отъ испуга.

— Пожалуйста, безъ громкихъ словъ! презрительно перебилъ Петръ Александровичъ: — я не люблю этого. Здѣсь дѣло простое, прямое, пошлое до послѣдней пошлости. Я васъ спрашиваю о ея поведеніи; знаете-ли вы...

Но я не дала ему договорить и, схвативъ его за руки, съ силою оттащила въ сторону. Еще минута—и все могло быть потеряно.

— Не говорите о письмѣ! сказала я быстро, шепотомъ: — вы убьете ее на мѣстѣ. Упрекъ мнѣ будетъ упрекомъ ей въ тоже время. Она не можетъ судить меня, потому что я все знаю... понимаете, я *все* знаю!

Онъ пристально, съ дикимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня,—и смѣшался; кровь выступила ему на лицо.

— Я *все* знаю, *все*! повторяла я.

Онъ еще колебался. На губахъ его шевелился вопросъ. Я предупредила:

— Вотъ что было, сказала я вслухъ, наскоро, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, которая глядѣла на насъ въ робкомъ, тоскливомъ изумленіи. Я виновата во всемъ. Ужь четыре года тому, какъ я васъ обманывала. Я унесла ключъ отъ библіотеки и ужь четыре года потихоньку читаю книги. Петръ Александровичъ засталъ меня надъ такой книгой, которая... не могла, не должна была быть въ рукахъ моихъ. Испугавшись за меня, онъ преувеличилъ опасность въ глазахъ вашихъ!.. Но я не оправдываюсь (поспѣшила я, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на губахъ его): — я во всемъ виновата. Соблазнъ былъ сильнѣе меня, и, согрѣшивъ разъ, я ужь стыдилась признаться въ своемъ проступкѣ... Вотъ все, почти все, что было между нами.

— О-го, какъ бойко! прошепталъ подлѣ меня Петръ Александровичъ.

Александра Михайловна выслушала меня съ глубокимъ вниманіемъ; но въ лицѣ ея видимо отражалась недовѣрчивость. Она поперемѣнно взглядывала то на меня, то на мужа. Наступило молчаніе. Я едва переводила духъ. Она опустила голову на грудь и закрыла рукою глаза, соображая что-то и, очевидно, взвѣшивая каждое слово, которое я произнесла. Наконецъ, она подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Нѣточка, дитя мое, я знаю, ты не умѣешь лгать, проговорила она.—Это все, что случилось, рѣшительно все?

— Все, отвѣчала я.

— Все-ли? спросила она, обращаясь къ мужу.

— Да, все, отвѣчалъ онъ съ усиліемъ:—все!

Я отдохнула.

— Ты даешь мнѣ слово, Нѣточка?

— Да, отвѣчала я не запинаясь.

Но я не утерпѣла и взглянула на Петра Александровича. Онъ смѣялся, выслушавъ, какъ я дала слово. Я вспыхнула, и мое смущеніе не укрылось отъ бѣдной Александры Михайловны. Подавляющая, мучительная тоска отразилась на лицѣ ея.

— Довольно, сказала она грустно. Я вамъ вѣрю. Я не могу вамъ не вѣрить.

— Я думаю, что такого признанія достаточно, проговорилъ Петръ Александровичъ.—Вы слышали? Что прикажете думать?

Александра Михайловна не отвѣчала. Сцена становилась все тягостнѣе и тягостнѣе.

— Я завтра-же пересмотрю всѣ книги, продолжалъ Петръ Александровичъ.—Я не знаю, что тамъ еще было; но...

— А какую книгу читала она? спросила Александра Михайловна.

— Книгу? Отвѣчайте вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Вы умѣете лучше меня *объяснить дѣло*, прибавилъ онъ съ затаенной насмѣшкой.

Я смутилась и не могла выговорить ни слова. Александра Михайловна покраснѣла и опустила глаза. Наступила долгая пауза. Петръ Александровичъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не знаю, что между вами было, начала, наконецъ, Александра Михайловна, робко выговаривая каждое слово:—но, если *это только* было, продолжала она, силясь дать особенный смыслъ словамъ своимъ, уже смутившаяся отъ неподвижнаго взгляда своего мужа, хотя она и старалась не глядѣть на него:—если *только это* было, то я не знаю, изъ-за чего намъ всѣмъ горевать и такъ

отчаяваться. Виноватъе всѣхъ я, я одна, и это меня очень мучаетъ. Я пренебрегла ея воспитаніемъ, я и должна отвѣчать за все. Она должна простить мнѣ, и я ее осудить не могу и не смѣю. Но, опять, изъ-за чего-жъ намъ отчаяваться? Опасность прошла. Взгляните на нее, сказала она, одушевляясь все болѣе и болѣе и бросая пытливый взглядъ на своего мужа:—взгляните на нее: неужели ея неосторожный поступокъ оставилъ хоть какія нибудь послѣдствія? Неужели я не знаю ея, дитяти моего, моей дочери милой? Неужели я не знаю, что ея сердце чисто и благородно, что въ этой хорошенькой головкѣ, продолжала она, лаская меня и привлекая къ себѣ:—умъ ясенъ и свѣтелъ, а совѣсть боится обмана... Полноте, мои милые! Перестанемъ! Вѣрно другое что нибудь затаилось въ нашей тоскѣ: можетъ быть, на насъ только мимолетомъ легла враждебная тѣнь. Но мы разгонимъ ее любовью, добрымъ согласіемъ и разсѣемъ недоумѣнія наше. Можетъ быть, много недоговорено между нами, и я виноcь первая. Я первая гнѣвалась отъ васъ, у меня у первой родились Богъ знаетъ какія подозрѣнія, въ которыхъ виновата больная голова моя. Но... но, если ужъ мы отчасти и высказались, то вы должны оба простить меня, потому... потому, наконецъ, что нѣтъ большаго грѣха въ томъ, что я подозрѣвала...

Сказавъ это, она робко и краснѣя взглянула на мужа и съ тоскою ожидала словъ его. Но мѣрѣ того, какъ онъ ее слушалъ, насмѣшливая улыбка показывалась на его губахъ. Онъ пересталъ ходить и остановился прямо передъ нею, закинувъ назадъ руки. Онъ, казалось, разсматривалъ ея смущеніе, наблюдалъ его, любовался имъ; чувствуя надъ собой его пристальный взглядъ, она смѣшалась. Онъ переждалъ мгновеніе, какъ будто ожидая чего нибудь далѣе. Смущеніе ея удвоилось. Наконецъ, онъ прервалъ тягостную сцену тихимъ, долгимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ жаль васъ, бѣдная женщина! сказалъ онъ, наконецъ, горько и серіозно, переставъ смѣяться.—Вы взяли на себя роль, которая вамъ не по силамъ. Чего вамъ хотѣлось? Вамъ хотѣлось поднять меня на отвѣтъ, подкечь меня новыми подозрѣніями, или, лучше сказать, старымъ подозрѣніемъ, которое вы плохо скрыли въ словахъ вашихъ? Смыслъ вашихъ словъ, что сердиться на нее нечего, что она хороша и послѣ чтенія безнравственныхъ книгъ, мораль которыхъ—говорю отъ себя кажется, уже принесла кой-какіе успѣхи, что вы, наконецъ, за нее отвѣчаете сами: такъ-ли? Ну-съ, объяснивъ это, вы намекаете на что-то другое: вамъ кажется, что подозрительность и гоненія мои выходятъ изъ какого-то другаго чувства. Вы даже намекали мнѣ вчера—пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо—вы даже намекали

вчера, что у нѣкоторыхъ людей (помню, что, по вашему замѣчанію, эти люди всего чаще бываютъ степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и Богъ знаетъ какихъ вы еще не давали опредѣленій въ припадкѣ великодушія), что у нѣкоторыхъ людей, повторяю, любовь (и Богъ знаетъ почему вы это выдумали!) и проявляться не можетъ иначе, какъ сурово, горячо, круто, часто подозрѣніями, гоненіями. Я ужь не помню хорошо, такъ-ли именно вы говорили вчера... Пожалуйста, не останавливайте меня; я знаю хорошо вашу воспитанницу: ей все можно слышать, все, повторяю вамъ въ сотый разъ,—все. Вы обмануты. Но не знаю, отчего вамъ угодно такъ настаивать на томъ, что я-то именно и есть такой человѣкъ! Богъ знаетъ зачѣмъ вамъ хочется нарядить меня въ этотъ шутовской кафтанъ. Не въ лѣтахъ моихъ любовь къ этой дѣвицѣ: да, наконецъ, повѣрьте мнѣ, сударыня, я *знаю свои обязанности*, и какъ-бы великодушно вы ни извиняли меня, я буду говорить прежнее, что *преступленіе всегда останется преступленіемъ, что грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ, постыднымъ, гнуснымъ, неблагороднымъ, на какую-бы степень величія вы ни вознесли порочное чувство!* Но, довольно! Довольно! И чтобъ я не слыхалъ болѣе объ этихъ гадостяхъ.

Александра Михайловна плакала.

— Ну, пусть я несу это, пусть это мнѣ! проговорила она, наконецъ, рыдая и обнимая меня:—пусть постыдны были мои подозрѣнія, пусть вы насмѣялись такъ сурово надъ ними! Но ты, моя бѣдная, за что ты осуждена слушать такія оскорбленія? И я не могу защитить тебя! Я безгласна! Боже мой! Я не могу молчать, сударь! Я не вынесу... Ваше поведеніе безумно!..

— Полноте, полноте! шептала я, стараясь утишить ея волненіе, боясь, чтобъ жестокіе укоры не вывели его изъ терпѣнія. Я все еще трепетала отъ страха за нее.

— Но, слѣпая женщина! закричалъ онъ:—но вы не знаете, вы не видите...

Онъ остановился на минуту.

— Прочь отъ нее! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вырывая мою руку изъ рукъ Александры Михайловны.—Я вамъ не позволю прикасаться къ женѣ моей: вы мараете ее: вы оскорбляете ее своимъ присутствіемъ! Но... но, что-же заставляетъ меня молчать, когда нужно, когда необходимо говорить? закричалъ онъ, топнувъ ногою.—И я скажу, я все скажу. Я не знаю, что вы тамъ *знаете*, сударыня, и чѣмъ вы хотѣли пригрозить мнѣ, да и знать не хочу. Слушайте! продолжалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ:—слушайте-же.

— Молчите! закричала я, бросаясь впередъ: — молчите, ни слова!

— Слушайте...

— Молчите во имя...

— Во имя чего, сударыня? перебилъ онъ, быстро и пронзительно взглянувъ мнѣ въ глаза: —во имя чего? Знайте-же, я вырвалъ изъ рукъ ея письмо отъ любовника! Вотъ что дѣлается въ нашемъ домѣ! Вотъ что дѣлается подлѣ васъ! Вотъ чего вы не видали, не замѣтили!

Я едва устояла на мѣстѣ. Александра Михайловна побѣднѣла какъ смерть.

— Этого быть не можетъ, прошептала она едва слышнымъ голосомъ.

— Я видѣлъ это письмо, сударыня; оно было въ рукахъ моихъ; я прочелъ первыя строки и не ошибся: письмо было отъ любовника. Она вырвала его у меня изъ рукъ. Оно теперь у нея,— это ясно, это такъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; а если вы еще сомнѣваетесь, то взгляните на нее и попробуйте потомъ надѣяться хоть на тѣнь сомнѣнія.

— Нѣточка! закричала Александра Михайловна, бросаясь ко мнѣ:—но нѣтъ, не говори, не говори! Я не знаю, что это было... Боже мой, Боже мой!

И она зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Но нѣтъ! Этого быть не можетъ! закричала она опять.— Вы ошиблись. Это... это я знаю, что значитъ! проговорила она, пристально смотря на мужа:—вы... я... не могла, ты меня не обманешь, ты меня не можешь обманывать! Разскажи мнѣ все, все безъ утайки; онъ ошибся? Да, не правда-ли, онъ ошибся? Онъ видѣлъ другое, онъ ослѣпленъ? Да, не правда-ли? Не правда-ли? Послушай: отчего-же мнѣ не сказать всего, Аннета дитя мое, родное дитя мое?

— Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе! послышался надо мною голосъ Петра Александровича.—Отвѣчайте: видѣлъ, или нѣтъ я письмо въ рукахъ вашихъ?..

— Да! отвѣчала я, задыхаясь отъ волненія.

— Это письмо отъ вашего любовника?

— Да! отвѣчала я.

— Съ которымъ вы и теперь имѣете связь?

— Да, да, да! говорила я, уже не помня себя, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, чтобъ добиться конца нашей мукѣ.

— Вы слышали ее. Ну, что вы теперь скажете? Повѣрьте, добрее, слишкомъ довѣрчивое сердце, прибавилъ онъ, взявъ руку

жены: —повѣрьте мнѣ и разувѣрьтесь во всемъ, что̀ породило больное воображеніе ваше. Вы видите теперь, кто такая эта... дѣвица. Я хотѣлъ только поставить невозможность рядомъ съ подозрѣніями вашими. Я давно все это замѣтилъ и радъ, что, наконецъ, изобличилъ ее предъ вами. Мнѣ было тяжело видѣть ее подлѣ васъ, въ вашихъ объятіяхъ, за однимъ столомъ вмѣстѣ съ нами, въ домѣ моемъ, наконецъ. Меня возмущала слѣпота ваша. Вотъ почему, и только поэтому, я обращалъ на нее вниманіе, слѣдилъ за нею; это-то вниманіе бросилось вамъ въ глаза, и, взявъ Богъ знаетъ какое подозрѣніе за исходную точку, вы Богъ знаетъ что заплели по этой канвѣ. Но теперь положеніе разрѣшено, кончено всякое сомнѣніе, и завтра-же, сударыня, завтра-же вы не будете въ домѣ моемъ! кончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Остановитесь! сказала Александра Михайловна, приподымаясь со стула. — Я не вѣрю всей этой сценѣ. Не смотрите на меня такъ страшно, не смѣйтесь надо мной. Я васъ-же и призову на судъ моего мнѣнія. Аннета, дитя мое, подойди ко мнѣ, дай твою руку, такъ. Мы всѣ грѣшны! сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ и со смиреніемъ взглянула на мужа: — и кто изъ насъ можетъ отвергнуть хоть чью-либо руку? Дай-же мнѣ свою руку, Аннета, милое дитя мое; я не достойнѣе, не лучше тебя; ты не можешь оскорблять меня своимъ присутствіемъ, потому что я *тоже грѣшница*.

— Сударыня! закричалъ Петръ Александровичъ въ изумленіи:— сударыня! Удержитесь! Не забывайте!..

— Я ничего не забываю. Не прерывайте-же меня и дайте мнѣ досказать. Вы видѣли въ ея рукахъ письмо; вы даже читали его; вы говорите, и она... призналась, что это письмо отъ того, кого она любитъ. Но развѣ это доказываетъ, что она преступна? Развѣ это позволяетъ вамъ такъ обходиться съ нею, такъ обижать ее въ глазахъ жены вашей? Да, сударь, въ глазахъ жены вашей? Развѣ вы разсудили это дѣло? Развѣ вы знаете, какъ это было?

— Но мнѣ остается бѣжать, прощенія просить у нея. Этого-ли вы хотѣли? закричалъ Петръ Александровичъ:—я потерялъ терпѣніе, васъ слушая! Вы вспомните, о чемъ вы говорите! Знаете-ли вы, о чемъ вы говорите? Знаете-ли, что̀ и *кого* вы защищаете? Но вѣдь я все насквозь вижу...

— И самаго перваго дѣла не видите, потому что гнѣвъ и гордость мѣшаютъ вамъ видѣть. Вы не видите того, что̀ я защищаю и о чемъ хочу говорить. Я не порокъ защищаю. Но разсудили-ли вы,—а вы ясно увидите, коли разсудите—разсудили-ли вы, что, можетъ быть,—она какъ ребенокъ невинна! Да, я не защищаю по-

рока! Я сиѣшу оговориться, если это вамъ будетъ очень пріятно. Да; если-бъ она была супруга, мать и забыла свои обязанности, о, тогда-бы я согласилась съ вами... Видите, я оговорилась. Замѣтьте-же это и не корите меня! Но если она получила это письмо, не вѣдая зла? Если она увлекалась неопытнымъ чувствомъ, и некому было удержать ее? Если я первая виноватѣе всѣхъ, потому что не услѣдила за сердцемъ ея? Если это письмо первое? Если вы оскорбили вашими грубыми подозрѣніями ея дѣвственное, благоуханное чувство? Если вы загрязнили ея воображеніе своими цинническими толками объ этомъ письмѣ? Если вы не видали этого цѣломудреннаго, дѣвственнаго стыда, который сіяетъ на лицѣ ея, чистый, какъ невинность, который я вижу теперь, который я видѣла, когда она, потерянная, измученная, не зная, что говорить и разрываясь отъ тоски, отвѣчала признаніемъ на всѣ ваши безчеловѣчные вопросы? Да, да! Это безчеловѣчно, это жестоко; я не узнаю васъ; я вамъ не прощу этого никогда, никогда!

— Да пощадите, пощадите меня! закричала я, сжимая ее въ объятіяхъ.—Пощадите, вѣрьте, не отталкивайте меня...

Я упала передъ нею на колѣни.

— Если, наконецъ, продолжала она задыхающимся голосомъ:— если-бъ, наконецъ, не было меня подлѣ нея, и если-бъ вы запугали ее словами своими, и если-бъ бѣдная сама увѣрилась, что она виновата, если-бъ вы смутили ея совѣсть, душу и разбили покой ея сердца... Боже мой! Вы хотѣли выгнать ее изъ дома! Но знаете-ли, съ кѣмъ это дѣлаютъ? Вы знаете, что если ее выгоните, то выгоните насъ вмѣстѣ, насъ обѣихъ, — и меня тоже. Вы слышали меня, сударь?

Глаза ея сверкали: грудь волновалась: болѣзненное напряженіе ея дошло до послѣдняго кризиса...

— Такъ довольно-же я слушалъ, сударыня! закричалъ, наконецъ, Петръ Александровичъ: — довольно этого! Я знаю, что есть страсти платоническія—и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? На мою пагубу. Но не ужиться мнѣ, сударыня, съ озолоченнымъ порокомъ! Я не понимаю его. Прочь мишуру! И если вы чувствуете себя виноватою, если знаете за собой что нибудь (не мнѣ напоминать вамъ, сударыня), если вамъ нравится, наконецъ, мысль оставить мой домъ... то мнѣ остается только сказать, напомнить вамъ, что напрасно вы позабыли исполнить ваше намѣреніе, когда была настоящая пора, настоящее время, тѣмъ назадъ тому... если вы позабыли, то я вамъ напомню...

Я взглянула на Александру Михайловну. Она судорожно опиралась на меня, изнемогая отъ душевной скорби, полу-закрывъ,

глаза, въ неистощимой мукѣ. Еще минута, и она готова была упасть.

— О, ради Бога, хоть въ этотъ разъ, пощадите ее! Не выговаривайте послѣдняго слова, закричала я, бросаясь на колѣни передъ Петромъ Александровичемъ и забывъ, что измѣнила себѣ. Но было поздно. Слабый крикъ раздался въ отвѣтъ словамъ моимъ, и бѣдная упала безъ чувствъ на полъ.

— Кончено! Вы убили ее! сказала я:—Зовите людей, спасайте ее! Я васъ жду, у васъ въ кабинетѣ. Мнѣ нужно съ вами говорить; я вамъ все разскажу...

— Но что? Но что?

— Послѣ!

Обморокъ и припадки продолжались два часа. Весь домъ былъ въ страхѣ. Докторъ сомнительно качалъ головою. Черезъ два часа я вошла въ кабинетъ Петра Александровича. Онъ только что воротился отъ жены и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая ногти въ кровь, блѣдный, разстроенный. Я никогда не видала его въ такомъ видѣ.

— Что-же вамъ угодно сказать мнѣ? проговорилъ онъ суровымъ, грубымъ голосомъ.—Вы что-то хотѣли сказать?

— Вотъ письмо, которое вы перехватили у меня. Вы его узнаете?

— Да.

— Возьмите его.

Онъ взялъ письмо и поднесъ къ свѣту. Я внимательно слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро обернулъ на четвертую страницу и прочелъ подпись. Я видѣла, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Что это? спросилъ онъ у меня, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Три года тому, какъ я нашла это письмо въ одной книгѣ. Я догадалась, что оно было забыто, прочла его и—узнала все. Съ тѣхъ поръ оно оставалось при мнѣ, потому что мнѣ некому было отдать его. Ей я отдать его не могла. Вамъ? Но вы не могли не знать содержанія этого письма, а въ немъ вся эта грустная повѣсть.. Для чего ваше притвореніе, — не знаю. Это, пожалуй, темно для меня. Я еще не могу ясно вникнуть въ вашу темную душу. Вы хотѣли удержать надъ ней первенство и удержали. Но для чего? Для того, чтобъ восторжествовать надъ призракомъ, надъ разстроеннымъ воображеніемъ больной. Для того, чтобъ доказать ей, что она заблуждалась, и что вы *безгрѣшнее* ея! И вы достигли цѣли, потому что это подозрѣніе ея — неподвижная идея угасающаго ума, можетъ быть, послѣдняя жалоба разбитаго сердца на не-

справедливость приговора людскаго, съ которымъ вы были за-одно. «Что-жь за бѣда, что вы меня полюбили?» Вотъ что она говорила, вотъ что хотѣлось ей доказать вамъ. Ваше тщеславіе, вашъ ревнивый эгоизмъ были безжалостны. Прощайте! Объясненій не нужно! Но смотрите, я васъ знаю всего, вижу насквозь, не забывайте-же этого!

Я вошла въ свою комнату, едва помня, что со мной сдѣлалось. У дверей меня остановилъ Овровъ, помощникъ въ дѣлахъ Петра Александровича.

— Мнѣ-бы хотѣлось поговорить съ вами, сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, отвѣчала я, наконецъ, проходя мимо него.

— Итакъ, завтра, сказалъ онъ откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Все это — какъ будто мелькнуло у меня передъ глазами.

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ

ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.

Было мнѣ тогда безъ малаго одиннадцать лѣтъ. Въ іюлѣ отпустили меня гостить въ подмосковную деревню, къ моему родственнику, Т—ву, къ которому въ то время съѣхалось человѣкъ пятьдесятъ, а, можетъ быть, и больше, гостей.. не помню, не сосчиталъ. Было шумно и весело. Казалось, это былъ праздникъ, который съ тѣмъ и начался, чтобъ никогда не кончиться. Казалось, нашъ хозяинъ далъ себѣ слово какъ можно скорѣе промотать все свое огромное состояніе и ему удалось таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать все до тла, до чиста, до послѣдней щепки. Поминутно наѣзжали новые гости, Москва-же была въ двухъ шагахъ, на виду, такъ что уѣзжавшіе уступали мѣсто другимъ, а праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Увеселенія смѣнялись одни другими, и затѣямъ конца не предвидѣлось. То верховая ѣзда по окрестностямъ, цѣлыми партіями, то прогулки въ боръ или по рѣкѣ: пикники, обѣды въ полѣ: ужины на большой террасѣ дома, обставленной тремя рядами драгоцѣнныхъ цвѣтовъ, заливавшихъ ароматами свѣжій ночной воздухъ, при блестящемъ освѣщеніи, отъ котораго наши дамы, и безъ того почти всѣ хорошенькія, казались еще прелестнѣе съ ихъ одушевленными отъ дневныхъ впечатлѣній лицами, съ ихъ сверкавшими глазками, съ ихъ прекрасною рѣзвою рѣчью, переливавшеюся звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ: танцы, музыка, пѣніе; если хмурилось небо, сочинялись живыя картины, шарады, пословицы: устраивался домашній театръ. Явились краснобаи, разскащики, бонмотисты.

Нѣсколько лицъ обрисовывлаось на первомъ планѣ. Разумѣется, злословіе, сплетни шли своимъ чередомъ, такъ какъ безъ нихъ и свѣтъ не стоитъ, и милліоны особъ перемерли-бы отъ тоски, какъ мухи. Но такъ какъ мнѣ было одиннадцать лѣтъ, то я и не замѣчалъ тогда этихъ особъ, отвлеченный совсѣмъ другимъ, а если и замѣтилъ что̀, такъ не все. Послѣ уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая сторона картины могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ,—все это доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я

въ первые дни совсѣмъ растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я все говорю про свои одиннадцать лѣтъ и, конечно, я былъ ребенокъ, не болѣе какъ ребенокъ. Многія изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, лаская меня, еще не думали справляться съ моими годами. Но,—странное дѣло! Какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣло мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему, но отчего оно, подчасъ, горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ облпвалось лицо мое. Порой мнѣ какъ-то стыдно и даже обидно было за разныя дѣтскія мои привиллегіи. Другой разъ какъ будто удивленіе одолѣвало меня, и я уходилъ куда нибудь, гдѣ-бы не могли меня видѣть, какъ будто для того, чтобъ перевести духъ и что-то припомнить, что-то такое, что̀ до сихъ поръ, казалось мнѣ, я очень хорошо помнилъ и про что̀ теперь вдругъ позабылъ, но безъ чего, однако-жь, мнѣ никуда нельзя показаться и никакъ нельзя быть.

То, наконецъ, казалось мнѣ, что я что-то затаилъ отъ всѣхъ, но ни за что и никому не сказывалъ объ этомъ, затѣмъ, что стыдно мнѣ, маленькому человѣку, до слезъ. Скоро среди вихря, меня окружавшаго, почувствовалъ я какое-то одиночество. Тутъ были и другія дѣти, но всѣ — или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ничего-бъ и не случилось со мною, если-бъ я не былъ въ исключительномъ положеніи. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ тоже маленькое, неопредѣленное существо, которое онѣ подъ часъ любили ласкать и съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой. Особенно одна изъ нихъ, очаровательная блондинка, съ пышными, густѣйшими волосами, какихъ я никогда потомъ не видѣлъ и вѣрно никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мнѣ покоя. Меня смущалъ, а ее веселилъ смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, который она поминутно вызывала своими, взбалмошными выходками со мною, что̀, видно, доставляло ей огромное наслажденіе. Въ пансіонахъ, между подругами, ее навѣрное прозвали-бы школьницей. Она была чудно хороша, и что-то было въ ея красотѣ, что̀ такъ и металось въ глаза съ перваго взгляда. И, ужь конечно, она непохожа была на тѣхъ маленькихъ стыдливенькихъ блондиночекъ, бѣленькихъ какъ пушокъ и нѣжныхъ, какъ бѣлыя мышки или пасторскія дочки. Ростомъ она была не высока и немного полна, но съ нѣжными, тонкими линіями лица, очаровательно нарисованными. Что-то какъ молнія сверкающее было въ этомъ лицѣ, да и вся она—какъ огонь, живая, быстрая, легкая. Изъ ея большихъ открытыхъ глазъ будто

искры сыпались; они сверкали какъ алмазы, и никогда я не промѣняю такихъ голубыхъ, искрометныхъ глазъ ни на какіе черные, будь они чернѣе самаго чернаго андалузскаго взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспѣлъ одинъ извѣстный и прекрасный поэтъ, и который еще въ такихъ превосходныхъ стихахъ поклялся всей Кастиліей, что готовъ переломать себѣ кости, если позволятъ ему только кончикомъ пальца прикоснуться къ мантильѣ его красавицы. Прибавьте къ тому, что *моя* красавица была самая веселая изъ всѣхъ красавицъ въ мірѣ, самая взбалмошная хохотунья, рѣзвая, какъ ребенокъ, не смотря на то, что лѣтъ пять какъ была уже замужемъ. Смѣхъ не сходилъ съ ея губъ, свѣжихъ, какъ свѣжа утренняя роза, только что успѣвшая раскрыть, съ первымъ лучомъ солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодныя, крупныя капли росы.

Помню, что на второй день моего пріѣзда былъ устроенъ домашній театръ. Зала была, какъ говорится, набита биткомъ; не было ни одного мѣста свободнаго; а такъ какъ мнѣ привелось почему-то опоздать, то я и принужденъ былъ наслаждаться спектаклемъ стоя. Но веселая игра все болѣе и болѣе тянула меня впередъ и я незамѣтно пробрался до самыхъ первыхъ рядовъ, гдѣ и сталъ, наконецъ, облокотясь на спинку кресель, въ которыхъ сидѣла одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вотъ, какъ-то невзначай, засмотрѣлся я на ея чудно-округленныя, соблазнительныя плечи, полныя, бѣлыя, какъ молочный кипень, хотя мнѣ рѣшительно все равно было смотрѣть: на чудесныя женскія плечи, или на чепецъ съ огненными лентами, скрывавшій сѣдины одной почтенной дамы въ первомъ ряду. Возлѣ блондинки сидѣла перезрѣлая дѣва, одна изъ тѣхъ, которыя, какъ случалось мнѣ потомъ замѣчать, вѣчно ютятся гдѣ нибудь, какъ можно поближе къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, выбирая такихъ, которыя не любятъ гонять отъ себя молодежь. Но не въ томъ дѣло; только эта дѣва подмѣтила мои наблюденія, нагнулась къ сосѣдкѣ и, хихикая, шептала ей что-то на ухо. Сосѣдка вдругъ обернулась и, помню, что огневые глаза ея такъ сверкнули на меня въ полусумракѣ, что я, неприготовленный къ встрѣчѣ, вздрогнулъ, какъ будто обжегшись. Красавица улыбнулась.

— Нравится вамъ, что̀ играютъ? спросила она, лукаво и насмѣшливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да, отвѣчалъ я, все еще смотря на нее въ какомъ-то удивленіи, которое ей, въ свою очередь, видимо нравилось.

— А зачѣмъ-же вы стоите? Такъ—устанете, развѣ вамъ мѣста нѣтъ?

— То-то и есть, что нѣтъ, отвѣчалъ я, на этотъ разъ болѣе занятый заботой, чѣмъ искрометными глазами красавицы, и пресеріозно обрадовавшись, что нашлось, наконецъ, доброе сердце, которому можно открыть свое горе.—Я ужъ искалъ, но всѣ стулья заняты, прибавилъ я, какъ будто жалуясь ей на то, что всѣ стулья заняты.

— Ступай сюда, живо заговорила она, скорая на всѣ рѣшенія такъ-же, какъ и на всякую сумасбродную идею, какая-бы ни мелькнула въ взбалмошной ея головѣ: —ступай сюда, ко мнѣ, и садись мнѣ на колѣни.

— На колѣни?.. повторилъ я, озадаченный.

Я уже сказалъ, что мои привилегіи серіозно начали меня обижать и совѣстить. Эта, будто на смѣхъ, не въ примѣръ другимъ далеко заходила. Къ тому-же я, и безъ того всегда робкій и стыдливый мальчикъ, теперь какъ-то особенно началъ робѣть передъ женщинами, и потому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колѣни! Отчего-же ты не хочешь сѣсть ко мнѣ на колѣни? настаивала она, начиная смѣяться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, просто принялась хохотать. Богъ знаетъ чему, можетъ быть, своей-же выдумкѣ, или обрадовавшись, что я такъ сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснѣлъ и, въ смущеніи, осматривался кругомъ, ріискивая —куда-бы уйдти; но она уже предупредила меня, какъ-то успѣвъ поймать мою руку, именно для того, чтобъ я не ушелъ, и, притянувъ ее къ себѣ, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, къ величайшему моему удивленію, пребольно сжала ее въ своихъ шаловливыхъ, горячихъ пальчикахъ и начала ломать мои пальцы, но такъ больно, что я напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не закричать, и при этомъ дѣлалъ пресмѣшныя гримасы Кромѣ того, я былъ въ ужаснѣйшемъ удивленіи, недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчиками про такіе пустяки, да еще больно такъ щиплются, Богъ знаетъ за что и при всѣхъ. Вѣроятно, мое несчастное лицо отражало всѣ мои недоумѣнія, потому что шалунья хохотала мнѣ въ глаза, какъ безумная, а между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе щипала и ломала мои бѣдные пальцы. Она была внѣ себя отъ восторга, что удалось-таки напокольничать, сконфузить бѣднаго мальчика и замистифировать его въ прахъ. Положеніе мое было отчаянное. Во первыхъ, я горѣлъ отъ стыда, потому что почти всѣ кругомъ насъ оборотились къ намъ, одни въ недоумѣніи, другіе со смѣхомъ, сразу поняв, что красавица что нибудь напроказила. Кромѣ того, мнѣ страхъ какъ хотѣлось кричать, потому что она ломала мои пальцы съ какимъ-то ожесточеніемъ, именно за то, что я не кричу: а я, какъ

спартанецъ, рѣшился выдерживать боль, боясь надѣлать крикомъ суматоху, послѣ которой, ужь не знаю, что-бы сталось со мною. Въ припадкѣ совершеннаго отчаянія, началъ я, наконецъ, борьбу и принялся изъ всѣхъ силъ тянуть къ себѣ свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо сильнѣе. Наконецъ, я не выдержалъ, вскрикнулъ, — того только и ждала! Мигомъ она бросила меня и отвернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто и не она напроказила, а кто другой, ну точь въ точь какой нибудь школьникъ, который, чуть отвернулся учитель, уже успѣлъ напроказить гдѣ нибудь по сосѣдству, щипнуть какого-нибудь кроткаго слабосильнаго мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигомъ опять повернуться, понравиться, уткнувшись въ книгу, начать долбить свой урокъ и, такимъ образомъ, оставить разгнѣваннаго господина учителя, бросившагося, подобно ястребу, на шумъ,—съ предлиннымъ и неожиданнымъ носомъ.

Но, къ моему счастью, общее вниманіе увлечено было въ эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который исполнялъ въ нравившейся пьескѣ, какой-то скрибовской комедіи, главную роль. Всѣ заинтриговали: я, подъ шумокъ, скользнулъ изъ ряда и забѣжалъ на самый конецъ залы, въ противоположный уголъ, откуда, притаясь за колонной, съ ужасомъ смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣла коварная красавица. Она все еще хохотала, закрывъ платкомъ свои губки. И долго еще она оборачивалась назадъ, выглядывая меня по всѣмъ угламъ, вѣроятно, очень жалѣя, что такъ скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, какъ-бы еще что нибудь напроказить.

Этимъ началось наше знакомство и съ этого вечера она уже не отставала отъ меня ни на шагъ. Она преслѣдовала меня безъ мѣры и совѣсти, сдѣлалась гонительницей, тираншой моей. Весь комизмъ ея продѣлокъ со мной заключался въ томъ, что она сказалась влюбленною въ меня по уши и рѣзала меня при всѣхъ. Разумѣется, мнѣ, прямому дикарю, все это до слезъ было тяжело и досадно, такъ что я уже нѣсколько разъ былъ въ такомъ серіозномъ и критическомъ положеніи, что готовъ былъ подраться съ моей коварной обожательницей. Мое наивное смущеніе, моя отчаянная тоска, какъ будто окрыляли ее преслѣдовать меня до конца Она не знала жалости, а я не зналъ — куда отъ нея дѣваться. Смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, и который она умѣла такъ вызвать, только подзадоривалъ ее на новыя шалости. Но сталъ, наконецъ, находить ея шутки немного слишкомъ далекими. Да и въ правду, какъ пришлось теперь вспомнить, она уже черезчуръ позволяла себѣ съ такимъ ребенкомъ, какъ я.

Но ужь такой былъ характеръ; была она, по всей формѣ, баловница. Я слышалъ потомъ, что избаловалъ ее всего болѣе ея-же собственный мужъ, очень толстенькій, очень невысокій и очень красный человѣкъ, очень богатый и очень дѣловой, по крайней мѣрѣ, съ виду; вертлявый, хлопотливый, онъ двухъ часовъ не могъ прожить на одномъ мѣстѣ. Каждый день ѣздилъ онъ отъ насъ въ Москву, иногда по два раза и все, какъ самъ увѣрялъ, по дѣламъ. Веселѣе и добродушнѣе этой комической и, между тѣмъ, всегда порядочной физіономіи, трудно было сыскать. Онъ мало того что любилъ жену до слабости, до жалости, — онъ просто поклонялся ей, какъ идолу.

Онъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Друзей и подругъ у ней было множество. Во первыхъ, ее мало кто не любилъ, а во вторыхъ— вѣтреница и сама была не слишкомъ разборчива въ выборѣ друзей своихъ, хотя въ основѣ ея характера было гораздо болѣе серіознаго, чѣмъ сколько можно предположить, судя по тому, что̀ я теперь разсказалъ. Но изъ всѣхъ подругъ своихъ, она всѣхъ больше любила и отличала одну молодую даму, свою дальнюю родственницу, которая теперь тоже была въ нашемъ обществѣ. Между ними была какая-то нѣжная, утонченная связь, одна изъ тѣхъ связей, которыя зарождаются иногда при встрѣчѣ двухъ характеровъ, часто совершенно противоположныхъ другъ другу, но изъ которыхъ одинъ и строже, и глубже, и чище другаго, тогда какъ другой, съ высокимъ смиреніемъ и съ благороднымъ чувствомъ самооцѣнки, любовно подчиняется ему, почувствовавъ все превосходство его надъ собою, и, какъ счастье, заключаетъ въ сердцѣ своемъ его дружбу. Тогда-то начинается эта нѣжная и благородная утонченность въ отношеніяхъ такихъ характеровъ: любовь и снисхожденіе до конца съ одной стороны, любовь и уваженіе съ другой, — уваженіе, доходящее до какого-то страха, до боязни за себя въ глазахъ того, кѣмъ такъ высоко дорожишь, и до ревниваго, жаднаго желанія съ каждымъ шагомъ въ жизни все ближе и ближе подходить къ его сердцу. Обѣ подруги были однихъ лѣтъ, но между ними была неизмѣримая разница во всемъ, начиная съ красоты. M-me M* была тоже очень хороша собой, но въ красотѣ ея было что-то особенное, рѣзко отдѣлявшее ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ; было что-то въ лицѣ ея, что̀ тотчасъ-же неотразимо влекло къ себѣ всѣ симпатіи, или, лучше сказать, что̀ пробуждало благородную, возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее. Есть такія счастливыя лица. Возлѣ нея всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однако-жь, ея грустные, большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминут-

нымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго, и эта странная робость такимъ унынiемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты, напоминавшія свѣтлыя лица итальянскихъ мадоннъ, что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ-же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль. Это блѣдное, похудѣвшее лицо, въ которомъ, сквозь безукоризненную красоту чистыхъ, правильныхъ линій и унылую суровость глухой, затаенной тоски, еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски-ясный обликъ,—образъ еще недавнихъ довѣрчивыхъ лѣтъ и, можетъ быть, найднаго счастья: эта тихая, но несмѣлая, колебавшаяся улыбка,—все это поражало такимъ безотчетнымъ участiемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждаго невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали, и еще вчужѣ родила съ нею. Но красавица казалась какъ-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа болѣе внимательнаго и любящаго, когда кому нибудь надобилось сочувствiе. Есть женщины, которыя точно сестры милосердiя въ жизни. Передъ ними можно ничего не скрывать, по крайней мѣрѣ ничего, что есть больнаго и уязвленнаго въ душѣ. Кто страждетъ, тотъ смѣло и съ надеждой иди къ нимъ и не боiся быть въ тягость, затѣмъ, что рѣдкій изъ насъ знаетъ, на сколько можетъ быть безконечно-терпѣливой любви, состраданiя и всепрощенiя въ иномъ женскомъ сердцѣ. Цѣлыя сокровища симпатiи, утѣшенiя, надежды хранятся въ этихъ чистыхъ сердцахъ, такъ часто тоже уязвленныхъ, потому что сердце, которое много любитъ, много груститъ, но гдѣ рана бережливо закрыта отъ любопытнаго взгляда, затѣмъ, что глубокое горе всего чаще молчитъ и таится. Ихъ-же не испугаетъ ни глубина раны, ни гной ея, ни смрадъ ея: кто къ нимъ подходитъ, тотъ ужъ ихъ достоинъ; да онѣ, впрочемъ, какъ будто и родятся на подвигъ... М-ше М** была высока ростомъ, гибка и стройна, но нѣсколько тонка. Всѣ движенiя ея были какъ-то неровны, то медленны, плавны и даже какъ-то важны, то дѣтски скоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то робкое смиренiе проглядывало въ ея жестъ, что-то какъ будто трепещущее и незащищенное, но никого не просившее и не молившее о защитѣ.

Я уже сказалъ, что непохвальныя притязанiя коварной блондинки стыдили меня, рѣзали меня, язвили меня до крови. Но этому была еще причина тайная, странная, глупая, которую я таилъ, за которую дрожалъ, какъ канцел, и даже при одной мысли о ней, одинъ на одинъ съ опрокинутой моей головою, гдѣ нибудь въ таинственномъ, темномъ углу, куда не досягалъ инквизиторскiй, насмѣшливый взглядъ никакой голубоокой плутовки. При одной мысли объ этомъ

предметѣ я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни,— словомъ, я былъ влюбленъ, то есть, положимъ, что я сказалъ вздоръ: этого быть не могло; но отчего-же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ, только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ? Отчего только за нею я любилъ слѣдить взглядомъ, хотя мнѣ рѣшительно не до того было тогда, чтобъ выглядывать дамъ и знакомиться съ ними? Случалось это всего чаще по вечерамъ, когда ненастье запирало всѣхъ въ комнаты и когда я, одиноко притаясь гдѣ нибудь въ углу залы, безпредметно глазѣлъ по сторонамъ, рѣшительно не находя никакого другаго занятія, потому что со мной, исключая моихъ гонительницъ, рѣдко кто говорилъ, и было мнѣ въ такіе вечера нестерпимо скучно. Тогда вематривался я въ окружавшія меня лица, вслушивался въ разговоръ, въ которомъ часто не понималъ ни слова, и вотъ въ это-то время тихіе взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо m-me M* (потому что это была она), Богъ знаетъ почему уловлялись моимъ зачарованнымъ вниманіемъ, и ужь не изглаживалось это странное, неопредѣленное, но непостижимо-сладкое впечатлѣніе мое. Часто по цѣлымъ часамъ я какъ будто ужь и не могъ отъ нея оторваться; я заучилъ каждый жестъ, каждое движеніе ея, вслушался въ каждую вибрацію густаго, серебристаго, но нѣсколько заглушеннаго голоса,—и, странное дѣло! Изъ всѣхъ наблюденій своихъ вынесъ, вмѣстѣ съ робкимъ и сладкимъ впечатлѣніемъ, какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, какъ будто я допытывался какой нибудь тайны...

Всего мучительнѣе для меня были насмѣшки въ присутствіи m-me M*. Эти насмѣшки и комическія гоненія, по моимъ понятіямъ, даже унижали меня. И когда, случалось, раздавался общій смѣхъ на мой счетъ, въ которомъ даже m-me M* иногда невольно принимала участіе, тогда я, въ отчаяніи, внѣ себя отъ горя, вырывался отъ своихъ тиранокъ и убѣгалъ на верхъ, гдѣ и дичалъ остальную часть дня, не смѣя показать своего лица въ залѣ. Впрочемъ, я и самъ еще не понималъ ни своего стыда, ни волненія; весь процессъ переживался во мнѣ безсознательно. Съ m-me M* я почти не сказалъ еще и двухъ словъ, да, и, конечно, не рѣшился-бы на это. Но вотъ, однажды вечеромъ, послѣ несноснѣйшаго для меня дня, отсталъ я отъ другихъ на прогулкѣ, ужасно усталъ и пробирался домой черезъ садъ. На одной скамьѣ, въ уединенной аллеѣ, увидѣлъ я m-me M*. Она сидѣла одна одинехонька, какъ будто нарочно выбравъ такое уединенное мѣсто, склонивъ голову на грудь и машинально перебирая въ рукахъ платокъ. Она была въ такой задумчивости, что и не слыхала, какъ я съ ней поровнялся.

Замѣтивъ меня, она быстро поднялась со скамьи, отвернулась и, я увидѣлъ, на скоро отерла глаза платкомъ. Она плакала. Осушивъ глаза, она улыбнулась мнѣ и пошла вмѣстѣ со мной домой. Ужь не помню, о чемъ мы съ ней говорили; но она помнутно отсылала меня, подъ разными предлогами: то просила сорвать ей цвѣтокъ, то посмотрѣть, кто ѣдетъ верхомъ по сосѣдней аллеѣ. И когда я отходилъ отъ нея, она тотчасъ-же опять подносила платокъ къ глазамъ своимъ и утирала непослушныя слезы, которыя никакъ не хотѣли покинуть ее, все вновь и вновь накипали въ сердцѣ и все лились изъ ея бѣдныхъ глазъ. Я понималъ, что, видно, я ей очень въ тягость, когда она такъ часто меня отсылаетъ, да и сама она уже видѣла, что я все замѣтилъ, но только не могла удержаться, и это меня еще болѣе за нее надрывало. Я злился на себя въ эту минуту почти до отчаянія, проклиналъ себя за неловкость и ненаходчивость, и все-таки не зналъ, какъ ловче отстать отъ нея, не выказавъ, что замѣтилъ ея горе, но шелъ рядомъ съ нею, въ грустномъ изумленіи, даже въ испугѣ, совсѣмъ растерявшись и рѣшительно не находя ни одного слова для поддержки оскудѣвшаго нашего разговора.

Эта встрѣча такъ поразила меня, что я весь вечеръ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ потихоньку за m-me M* и не спускалъ съ нея глазъ. Но случилось такъ, что она два раза застала меня врасплохъ, среди моихъ наблюденій, и во второй разъ, замѣтивъ меня, улыбнулась. Это была ея единственная улыбка за весь вечеръ. Грусть еще не сходила съ лица ея, которое было теперь очень блѣдно. Все время она тихо разговаривала съ одной пожилой дамой, злой и сварливой старухой, которой никто не любилъ за шпіонство и сплетни, но которой всѣ боялись, а потому и принуждены были всячески угождать ей, волей-неволей...

Часовъ въ десять пріѣхалъ мужъ m-me M*. До сихъ поръ я наблюдалъ за ней очень пристально, не отрывая глазъ отъ ея грустнаго лица; теперь-же, при неожиданномъ входѣ мужа, я видѣлъ, какъ она вся вздрогнула, и лицо ея, и безъ того уже блѣдное, сдѣлалось вдругъ бѣлѣе платка. Это было такъ примѣтно, что и другіе замѣтили: я разслышалъ въ сторонѣ отрывочный разговоръ, изъ котораго кое-какъ догадался, что бѣдной m-me M* не совсѣмъ хорошо. Говорили, что мужъ ея ревнивъ какъ аранъ, не изъ любви, а изъ самолюбія. Прежде всего это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ образцами новыхъ идей и тщеславящійся своими идеями. Съ виду это былъ черноволосый, высокій и особенно плотный господинъ, съ европейскими бакенбардами, съ самодовольнымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми какъ сахаръ зубами и съ безуко-

ризненной джентльменской осанкой. Называли его *умнымъ человѣкомъ*. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать и у которой, отъ вѣчной лѣности и ничего-недѣланія, вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ-же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя «утомляютъ ихъ геній» и что на нихъ, поэтому, «грустно смотрѣть». Это ужь у нихъ такая пышная фраза, ихъ mot d'ordre, ихъ паролъ и лозунгъ, фраза, которую мои сытые толстяки расточаютъ вездѣ поминутно, что̀ уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никакъ не могущихъ найдти что имъ дѣлать,—чего, впрочемъ, никогда и не искали они,—именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ думали, что у нихъ вмѣсто сердца не жиръ, а, напротивъ, говоря вообще, что-то *очень глубокое*, но что̀ именно — объ этомъ не сказалъ-бы ничего самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтѣ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близорукое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и затверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровненько на столько, сколько дано его въ удѣлъ устрицѣ, то имъ и не трудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно. Этимъ они чрезмѣрно тщеславятся. Они, напримѣръ, почти увѣрены, что у нихъ чуть-ли не весь міръ на оброкѣ: что онъ у нихъ, какъ устрица, которую они берутъ про запасъ; что всѣ, кромѣ ихъ, дураки; что всякъ похожъ на апельсинъ или на губку, которую они, нѣтъ—нѣтъ, да и выжмутъ, пока сокъ надобится; что они всему хозяева и что весь этотъ похвальный порядокъ вещей происходитъ именно оттого, что они такіе умные и характерные люди. Въ своей безмѣрной гордости, они не допускаютъ въ себѣ недостатковъ. Они похожи на ту породу житейскихъ плутовъ, прирожденныхъ Тартюфовъ и Фальстафовъ, которые до того заплутовались, что, наконецъ, и сами увѣрились, что такъ и должно тому быть, то есть, чтобъ жить имъ да плутовать; до чего часто увѣряли всѣхъ, что они честные люди, что, наконецъ, и сами увѣрились, будто они дѣйствительно честные люди, и что ихъ плутовство-то и есть честное дѣло. Для совѣстнаго внутренняго суда, для благородной самооцѣнки ихъ никогда не хватитъ: для иныхъ вещей они слишкомъ толсты. На первомъ планѣ у нихъ всегда и во всемъ ихъ собственная золотая особа, ихъ,

Молохъ и Ваалъ, ихъ великолѣпное *я*. Вся природа, весь міръ для нихъ не болѣе, какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ безпрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и не мудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ такомъ безобразномъ видѣ. На все у него припасена готовая фраза и—что. однако-жь, верхъ ловкости съ ихъ стороны—самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой ночуютъ успѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ, что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно-же запасаются они своими фразами на изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ человѣчеству, на опредѣленіе, что такое самая правильная и оправданная разсудкомъ филантропія, и наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то есть зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы. Но грубо не узнаютъ они истины въ уклоненной, переходной и неготовой формѣ, и отталкиваютъ все, что еще не поспѣло, не устоялось и бродитъ. Упитанный человѣкъ всю жизнь прожилъ навеселѣ, на всемъ готовомъ, самъ ничего не сдѣлалъ и не знаетъ, какъ трудно всякое дѣло дѣлается, а потому бѣда какой нибудь шероховатостью задѣть его жирныя чувства: за это онъ никогда не проститъ, всегда припомнитъ и отомститъ съ наслажденіемъ. Итогъ всему выйдетъ, что мой герой есть, не болѣе — не менѣе, какъ исполинскій, до нельзя раздутый мѣшокъ, полный сентенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всѣхъ родовъ и сортовъ.

Но, впрочемъ, т-г М* имѣлъ и особенность, былъ человѣкъ примѣчательный: это былъ острякъ, говорунъ и разсказчикъ, и въ гостиныхъ кругомъ него всегда собирался кружокъ. Въ тотъ вечеръ особенно ему удалось произвесть впечатлѣніе. Онъ овладѣлъ разговоромъ; онъ былъ въ ударѣ, веселъ, чему-то радъ и заставилъ таки всѣхъ глядѣть на себя. Но т-ше М* все время была какъ больная; лицо ея было такое грустное, что мнѣ поминутно казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ задрожатъ на ея длинныхъ рѣсницахъ давешнія слезы. Все это, какъ я сказалъ. поразило и удивило меня чрезвычайно. Я ушелъ съ чувствомъ какого-то страннаго любопытства, и всю ночь снился мнѣ т-г М*, тогда какъ до тѣхъ поръ я рѣдко видывалъ безобразные сны.

На другой день. рано по утру. позвали меня на репетицію живыхъ картинъ, въ которыхъ и у меня была роль. Живыя картины, театръ и потомъ балъ,—все въ одинъ вечеръ, назначались не да-

лѣе, какъ дней черезъ пять, по случаю домашняго праздника, — дня рожденія младшей дочери нашего хозяина. На праздникъ этотъ, почти импровизированный, приглашены были изъ Москвы и изъ окрестныхъ дачъ, еще человѣкъ сто гостей, такъ что много было и возни, и хлопотъ, и суматохи. Репетиціи, или, лучше сказать, смотръ костюмовъ, назначены были не во-время, по утру, потому что нашъ режиссеръ, извѣстный художникъ P*, пріятель и гость нашего хозяина, по дружбѣ къ нему согласившійся взять на себя сочиненіе и постановку картинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу выучку, сѣздилъ теперь въ городъ для закупокъ по бутафорской части и для окончательныхъ заготовленій къ празднику, такъ что времени терять было некогда. Я участвовалъ въ одной картинѣ, вдвоемъ съ m-me M*. Картина выражала сцену изъ средневѣковой жизни и называлась: «Госпожа замка и ея пажъ».

Я почувствовалъ неизъяснимое смущеніе, сойдясь съ m-me M* на репетиціи. Мнѣ такъ и казалось, что она тотчасъ-же вычитаетъ изъ глазъ моихъ всѣ думы, сомнѣнія, догадки, зародившіяся со вчерашняго дня въ головѣ моей. Къ тому-же мнѣ все казалось, что я какъ будто-бы виноватъ предъ нею, заставъ вчера ея слезы и помѣшавъ ея горю, такъ что она по неволѣ должна будетъ коситься на меня, какъ на непріятнаго свидѣтеля и непрошеннаго участника ея тайны. Но, слава Богу, дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ: меня просто не замѣтили. Ей, кажется, было вовсе не до меня и не до репетиціи: она была разсѣяна, грустна и мрачно-задумчива; видно было, что ее мучила какая-то большая забота. Покончивъ съ моею ролью, я побѣжалъ переодѣться и черезъ десять минутъ вышелъ на террасу въ садъ. Почти въ тоже время изъ другихъ дверей вышла и m-me M*, и, какъ разъ намъ напротивъ, появился самодовольный супругъ ея, который возвращался изъ сада, только что проводивъ туда цѣлую группу дамъ, и тамъ успѣвъ сдать ихъ, съ рукъ на руки, какому-то досужему cavalier servant. Встрѣча мужа и жены, очевидно, была неожиданна. M-me M*, неизвѣстно почему-то, вдругъ смутилась и легкая досада промелькнула въ ея нетерпѣливомъ движеніи. Супругъ, безпечно насвистывавшій арію и во всю дорогу глубокомысленно охорашивавшій свои бакенбарды, теперь, при встрѣчѣ съ женою, нахмурился и оглядѣлъ ее, какъ припоминаю теперь, рѣшительно инквизиторскимъ взглядомъ.

— Вы въ садъ? спросилъ онъ, замѣтивъ омбрелькy и книгу въ рукахъ жены.

— Нѣтъ, въ рощу, отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

— Одна?

— Съ нимъ... проговорила m-me M*, указавъ на меня. — Я гуляю по утру одна, прибавила она какимъ-то неровнымъ, неопредѣленнымъ голосомъ, точно такимъ, когда лгутъ первый разъ въ жизни.

— Гм... А я только что проводилъ туда цѣлую компанію. Тамъ всѣ собираются у цвѣточной бесѣдки, провожать H—го. Онъ ѣдетъ, вы знаете... У него какая-то бѣда случилась тамъ, въ Одессѣ... Ваша кузина (онъ говорилъ о блондинкѣ) и смѣется, и чуть не плачетъ, все разомъ, не разберешь ее. Она мнѣ, впрочемъ, сказала, что вы за что-то сердиты на H—го и потому не пошли его провожать. Конечно, вздоръ?

— Она смѣется, отвѣчала m-me M*, сходя со ступенекъ террасы.

— Такъ это вашъ каждодневный cavalier servant? прибавилъ m-r M*, скрививъ ротъ и наведя на меня свой лорнетъ.

— Пажъ! закричалъ я, разсердившись за лорнетъ и насмѣшку и, захохотавъ ему прямо въ лицо, разомъ перепрыгнулъ три ступеньки террасы...

— Счастливый путь! пробормоталъ m-r M* и пошелъ своею дорогой.

Конечно, я тотчасъ-же подошелъ къ m-me M*, какъ только она указала на меня мужу, и глядѣлъ такъ, какъ будто она меня уже цѣлый часъ назадъ пригласила и какъ будто я уже цѣлый мѣсяцъ ходилъ съ ней гулять по утрамъ. Но я никакъ не могъ разобрать: зачѣмъ она такъ смутилась, сконфузилась и что такое было у ней на умѣ, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ своей маленькой лжи? Зачѣмъ она просто не сказала, что идетъ одна? Теперь я не зналъ какъ и глядѣть на нее: но, пораженный удивленіемъ, я однако-жъ, пренаивно началъ по маленьку заглядывать ей въ лицо; но такъ-же, какъ и часъ назадъ, на репетиціи, она не примѣчала ни подглядываній, ни нѣмыхъ вопросовъ моихъ. Все та-же мучительная забота, но еще явственѣе, еще глубже, чѣмъ тогда, отражалась въ ея лицѣ, въ ея волненіи, въ походкѣ. Она спѣшила куда-то, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ, и съ безпокойствомъ заглядывала въ каждую аллею, въ каждую просѣку рощи, оборачиваясь къ сторонѣ сада. И я тоже ожидалъ чего-то. Вдругъ за нами раздался лошадиный топотъ. Это была цѣлая кавалькада наѣздницъ и всадниковъ, провожавшихъ того H-го, который такъ внезапно покидалъ наше общество.

Между дамами была и моя блондинка, про которую говорилъ m-r M*, разсказывая о слезахъ ея. Но, по своему обыкновенію, она хохотала какъ ребенокъ, и рѣзво скакала на прекрасномъ гнѣ-

домъ конѣ. Поровнявшись съ нами, Н—й снялъ шляпу, но не остановился и не сказалъ съ m-me M* ни слова. Скоро вся ватага исчезла изъ глазъ. Я взглянулъ на m-me M* и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: она стояла блѣдная, какъ платокъ, и крупныя слезы пробивались изъ глазъ ея. Случайно наши взгляды встрѣтились: m-me M* вдругъ покраснѣла, на мигъ отвернулась, и безпокойство и досада ясно замелькали на лицѣ ея. Я былъ лишній, хуже чѣмъ вчера,—это яснѣе дня, но куда мнѣ дѣваться?

Вдругъ m-me M*, какъ будто догадавшись, развернула книгу, которая была у нея въ рукахъ, и, закрасившись, очевидно, стараясь не смотрѣть на меня, сказала какъ будто сейчасъ только спохватилась:

— Ахъ! Это вторая часть, я ошиблась; пожалуйста принеси мнѣ первую.

Какъ не понять! Моя роль кончилась и нельзя было прогнать меня по болѣе прямой дорогѣ.

Я убѣжалъ съ ея книгой, и не возвращался. Первая часть преспокойно пролежала на столѣ это утро...

Но я былъ самъ не свой: у меня билось сердце, какъ будто въ безпрерывномъ испугѣ. Всѣми силами старался я какъ нибудь не повстрѣчать m-me M*. За то я съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ глядѣлъ на самодовольную особу m-r M*, какъ будто въ немъ теперь непремѣнно должно было быть что-то особенное. Рѣшительно не понимаю, что̀ было въ этомъ комическомъ любопытствѣ моемъ; помню только, что я былъ въ какомъ-то страномъ удивленіи отъ всего, что привелось мнѣ увидѣть въ это утро. Но мой день только что начинался и для меня онъ былъ обиленъ происшествіями.

Обѣдали на этотъ разъ очень рано. Къ вечеру назначена была общая увеселительная поѣздка въ сосѣднее село, на случившійся тамъ деревенскій праздникъ, и потому нужно было время, чтобъ приготовиться. Я ужь за три дня мечталъ объ этой поѣздкѣ, ожидая бездну веселья. Нить кофе почти всѣ собрались на террасѣ. Я осторожно пробрался за другими и спрятался за тройнымъ рядомъ креселъ. Меня влекло любопытство, и между тѣмъ я ни за что не хотѣлъ показаться на глаза m-me M*. Но случаю угодно было помѣстить меня недалеко отъ моей гонительницы-блондинки. На этотъ разъ съ ней приключилось чудо, невозможное дѣло: она вдвое похорошѣла. Ужь не знаю, какъ и отчего это дѣлается, но съ женщинами такія чудеса бываютъ даже нерѣдко. Межъ нами въ эту минуту былъ новый гость, высокій, блѣдноличный молодой человѣкъ, записной поклонникъ нашей блондинки, только пріѣхав-

ній къ намъ изъ Москвы, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ замѣнить собой отбывшаго Н—го, про котораго шла молва, что онъ отчаянно влюбленъ въ нашу красавицу. Что-жь касается пріѣзжаго, то онъ ужь издавна былъ съ нею въ такихъ-же точно отношеніяхъ, какъ Бенедиктъ къ Беатриче въ Шекспировскомъ: «Много шума изъ пустяковъ». Короче, наша красавица въ этотъ день была въ чрезвычайномъ успѣхѣ. Ея шутки и болтовня были такъ граціозны, такъ довѣрчиво-наивны, такъ простительно-неосторожны; она съ такою граціозною самонадѣянностію была увѣрена во всеобщемъ восторгѣ, что дѣйствительно все время была въ какомъ-то особенномъ поклоненіи. Вокругъ нея не разрывался тѣсный кружокъ удивленныхъ, залюбовавшихся на нее слушателей, и никогда еще не была она такъ обольстительна. Всякое слово ея было въ соблазнъ и въ диковинку, ловилось, передавалось въ круговую, и ни одна шутка ея, ни одна выходка не пропала даромъ. Отъ нея, кажется, и не ожидалъ никто столько вкуса, блеска, ума. Всѣ лучшія качества ея повседневно были погребены въ самомъ своевольномъ сумасбродствѣ, въ самомъ упрямомъ школьничествѣ, доходившемъ чуть-ли не до шутовства; ихъ рѣдко кто замѣчалъ; а если замѣчалъ, такъ не вѣрилъ имъ, такъ, что теперь необыкновенный успѣхъ ея встрѣченъ былъ всеобщимъ страстнымъ шепотомъ изумленія.

Впрочемъ, этому успѣху содѣйствовало одно особенное, довольно щекотливое обстоятельство, по крайней мѣрѣ, судя по той роли, которую игралъ въ тоже время мужъ m-me M*. Проказница рѣшилась,—и, нужно прибавить: почти ко всеобщему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, къ удовольствію всей молодежи,—ожесточенно атаковать его, вслѣдствіе многихъ причинъ, вѣроятно, очень важныхъ на ея глаза. Она завела съ нимъ цѣлую перестрѣлку острот, насмѣшекъ, сарказмовъ самыхъ неотразимыхъ и скользкихъ, самыхъ коварныхъ, замкнутыхъ и гладкихъ со всѣхъ сторонъ, такихъ, которые бьютъ прямо въ цѣль, но къ которымъ ни съ одной стороны нельзя прицѣпиться для отпора и которые только истощаютъ въ безплодныхъ усиліяхъ жертву, доводя ее до бѣшенства и до самаго комическаго отчаянія.

Навѣрно не знаю, но, кажется, вся эта выходка была предпамѣренная, а не импровизированная. Еще за обѣдомъ началея этотъ отчаянный поединокъ. Я говорю «отчаянный», потому что m-r M не скоро положилъ оружіе. Ему нужно было собрать все присутствіе духа, все остроуміе, всю рѣдкую находчивость, чтобъ не быть разбитымъ въ прахъ, на-голову и не покрыться рѣшительнымъ безславіемъ. Дѣло шло при непрерывномъ и неудержимомъ

смѣхъ свидѣтелей и участниковъ боя. По крайней мѣрѣ, сегодня непохоже было для него на вчера. Примѣтно было, что m-me M нѣсколько разъ порывалась остановить своего неосторожнаго друга, которому, въ свою очередь, непремѣнно хотѣлось нарядить ревниваго мужа въ самый шутовской и смѣшной костюмъ, и, должно полагать, въ костюмъ «Синей Бороды», судя по всѣмъ вѣроятностямъ, судя по тому, что̀ у меня осталось въ памяти и, наконецъ, по той роли, которую мнѣ самому привелось играть въ этой сшибкѣ.

Это случилось вдругъ, самымъ смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданно и, какъ нарочно, въ эту минуту я стоялъ на виду, не подозрѣвая зла и даже забывъ о недавнихъ моихъ предосторожностяхъ. Вдругъ я былъ выдвинутъ на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ m-r M*, какъ отчаянно, до послѣдней степени влюбленный въ жену его, въ чемъ тиранка моя тутъ-же поклялась, дала слово, сказала, что у ней есть доказательства и что не далѣе, какъ, напримѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла...

Но она не успѣла договорить, я прервалъ ее въ самую отчаянную для меня минуту. Эта минута была такъ безбожно разсчитана, такъ изувѣрски подготовлена къ самому концу, къ шутовской развязкѣ, и такъ уморительно смѣшно обстановлена, что цѣлый взрывъ ничѣмъ неудержимаго, всеобщаго смѣха отсалютовалъ эту послѣднюю выходку. И хотя тогда-же я догадался, что не на мою долю выпадала самая досадная роль,—однако-жь былъ до того смущенъ, раздраженъ и испуганъ, что, полный слезъ, тоски и отчаянія, задыхаясь отъ стыда, прорвался чрезъ два ряда креселъ, ступилъ впередъ и, обращаясь къ моей тиранкѣ, закричалъ прерывающимся отъ слезъ и негодованія голосомъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую неправду?!. Вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы—такая большая...—замужняя!..

Но я не докончилъ,—раздался оглушительный аплодисментъ. Моя выходка произвела настоящій furore. Мой наивный жестъ, мои слезы, а, главное, то, что я какъ будто выступилъ защищать m-r M*, все это произвело такой адскій смѣхъ, что даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, мнѣ самому становится ужасно смѣшно... Я оторопѣлъ, почти обезумѣлъ отъ ужаса и, сгорѣвъ, какъ порохъ, закрывъ лицо руками, бросился вонъ, выбилъ въ дверяхъ подносъ изъ рукъ входившаго лакея и полетѣлъ на верхъ, въ свою комнату. Я вырвалъ изъ дверей ключъ, торчавшій наружу, и запершя изнутри. Сдѣлалъ я хорошо, потому что за мною была погоня. Не прошло минуты, какъ мои двери осадила цѣлая ватага самыхъ хо-

рошенькихъ изъ всѣхъ нашихъ дамъ. Я слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, частый говоръ, ихъ заливавшіеся голоса; онѣ щебетали всѣ разомъ, какъ ласточки. Всѣ онѣ, всѣ до одной, просили, умоляли меня отворить хоть на одну минуту; клялись, что не будетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, а только зацалуютъ онѣ меня всего въ прахъ. Но... что-жъ могло быть ужаснѣе еще этой новой угрозы? Я только горѣлъ отъ стыда за моею дверью, спрятавъ въ подушки лицо, и не отперъ, даже не отозвался. Онѣ еще долго стучались и молили меня, но я былъ безчувственъ и глухъ, какъ одиннадцатилѣтній.

Ну, что-жъ теперь дѣлать? Все открыто, все обнаружилось, все, что я такъ ревниво сберегалъ и таилъ... На меня падаетъ вѣчный стыдъ и позоръ!.. По правдѣ, я и самъ не умѣлъ назвать того, за что такъ стрaшился и что хотѣлъ-бы я скрыть; но вѣдь, однако-жъ, я стрaшился чего-то, за обнаруженіе этого *чего-то* я трепеталъ до сихъ поръ, какъ листочекъ. Одного только я не зналъ до этой минуты, что оно такое: годится оно, или не годится, славно или позорно, похвально или не похвально? Теперь-же, въ мученіяхъ и насильной тоскѣ, узналъ, что оно *стыдно* и *стыдно*! Инстинктомъ чувствовалъ я въ тоже время, что такой приговоръ и ложенъ, и безчеловѣченъ, и грубъ; но я былъ разбитъ, уничтоженъ; процессъ сознанія какъ-бы остановился и запутался во мнѣ; я не могъ ни противостать этому приговору, ни даже обсудить его хорошенько: я былъ отуманенъ; слышалъ только, что мое сердце безчеловѣчно, безстыдно уязвлено, и заливался безсильными слезами. Я былъ раздраженъ; во мнѣ кипѣли негодованіе и ненависть, которой досель не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испыталъ серьезное горе, оскорбленіе, обиду; и все это было дѣйствительно такъ, безъ всякихъ преувеличеній. Во мнѣ, въ ребенкѣ, было грубо затронуто первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, былъ такъ рано обнаженъ и поруганъ первый благоуханный дѣвственный стыдъ и осмѣяно первое и, можетъ быть, очень серіозное эстетическое впечатлѣніе. Конечно, насмѣшники мои многаго не знали и не предчувствовали въ моихъ мученіяхъ. На половину входило сюда одно сокровенное обстоятельство, котораго самъ я и не успѣлъ, и какъ-то пугался до сихъ поръ разбирать. Въ тоскѣ и въ отчаяніи продолжалъ я лежать на своей постели, укрывъ въ подушки лицо; и жаръ, и дрожь обливали меня попеременно. Меня мучили два вопроса: что такое видѣла и что именно могла увидать негодная блондинка сегодня въ рощѣ, между мною и m-lle M ? И, наконецъ, второй вопросъ: какъ, какими глазами, какимъ средствомъ могу я взглянуть теперь въ лицо m-lle M и не погибнуть въ ту-же минуту, на томъ-же мѣстѣ, отъ стыда и отчаянія.

Необыкновенный шумъ на дворѣ вызвалъ, наконецъ, меня изъ полубезпамятства, въ которомъ я находился. Я всталъ и подошелъ къ окну. Весь дворъ былъ загроможденъ экипажами, верховыми лошадьми и суетившимися слугами. Казалось, всѣ уѣзжали; нѣсколько всадниковъ уже сидѣли на коняхъ; другіе гости размѣщались по экипажамъ... Тутъ вспомнилъ я о предстоявшей поѣздкѣ, и вотъ, мало по малу, безпокойство начало пропикать въ мое сердце; я пристально началъ выглядывать на дворѣ своего клепера; но клепера не было, стало быть, обо мнѣ позабыли. Я не выдержалъ и опрометью побѣжалъ внизъ, ужь не думая ни о непріятныхъ встрѣчахъ, ни о недавнемъ позорѣ своемъ...

Грозная новость ожидала меня. Для меня на этотъ разъ не было ни верховой лошади, ни мѣста въ экипажѣ: все было разобрано, занято, и я принужденъ уступить другимъ.

Пораженный новымъ горемъ, остановился я на крыльцѣ и печально смотрѣлъ на длинный рядъ каретъ, кабріолетовъ, колясокъ, въ которыхъ не было для меня и самаго маленькаго уголка, и на нарядныхъ наѣздницъ, подъ которыми гарцовали нетерпѣливые кони.

Одинъ изъ всадниковъ почему-то замѣшкался. Ждали только его, чтобъ отправиться. У подъѣзда стоялъ конь его, грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбясь отъ испуга. Два конюха осторожно держали его подъ уздцы и всѣ опасливо стояли отъ него въ почтительномъ отдаленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, случилось предосадное обстоятельство, по которому мнѣ нельзя было ѣхать. Кромѣ того, что наѣхали новые гости и разобрали всѣ мѣста и всѣхъ лошадей, заболѣли двѣ верховыя лошади, изъ которыхъ одна была мой клеперъ. Но не мнѣ одному пришлось пострадать отъ этого обстоятельства: открылось, что для новаго нашего гостя, того блѣдполицаго молодаго человѣка, о которомъ я уже говорилъ, тоже нѣтъ верховаго коня. Чтобъ отвратить непріятность, хозяинъ нашъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: рекомендовать своего бѣшенаго, невыѣзженаго жеребца, прибавивъ, для очистки совѣсти, что на немъ никакъ нельзя ѣздить и что его давно ужь положили продать за дикость характера, если, впрочемъ, найдется на него покупщикъ. Но предупрежденный гость объявилъ, что ѣздитъ порядочно, да и во всякомъ случаѣ готовъ сѣсть на что̀ угодно, только-бы ѣхать. Хозяинъ тогда промолчалъ, но теперь, показалось мнѣ, что какая-то двусмысленная и лукавая улыбка бродила на губахъ его. Въ ожиданіи наѣздника, похвалившагося своимъ искусствомъ, онъ самъ еще не садился на свою лошадь, съ нетерпѣніемъ потиралъ руки и поминутно взглядывалъ на дверь. Даже что-то подобное сообщилось и двумъ конюхамъ,

удерживавшимъ жеребца и чуть не задыхавшимся отъ гордости, видя себя передъ всей публикой при такомъ конѣ, который, нѣтъ-нѣтъ, да и убьетъ человѣка ни за̀-что, ни про̀-что. Что-то похожее на лукавую усмѣшку ихъ барина отсвѣчивалось и въ ихъ глазахъ, вынученныхъ отъ ожиданія и тоже устремленныхъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться пріѣзжій смѣльчакъ. Наконецъ, и самъ конь держалъ себя такъ, какъ будто тоже сговорился съ хозяиномъ и вожатыми: онъ велъ себя гордо и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдаютъ нѣсколько десятковъ любопытныхъ глазъ и словно гордясь передъ всѣми зазорной своей репутаціей, точь въ точь, какъ иной неисправимый повѣса гордится своими висѣльными продѣлками. Казалось, онъ вызывалъ смѣльчака, который-бы рѣшился посягнуть на его независимость.

Этотъ смѣльчакъ, наконецъ, показался. Совѣстясь, что заставилъ ждать себя, и торопливо натягивая перчатки, онъ шелъ впередъ не глядя, спустился по ступенькамъ крыльца и поднялъ глаза только тогда, когда протянулъ было руку, чтобъ схватить за холку заждавшагося коня, но вдругъ былъ озадаченъ бѣшенымъ вскокомъ его на дыбы и предупредительнымъ крикомъ всей испуганной публики. Молодой человѣкъ отступилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дикую лошадь, которая вся дрожала, какъ листъ, хрипѣла отъ злости и дико поводила наливнимися кровью глазами, поминутно осядая на заднія ноги и приподымая переднія, словно собираясь рвануться на воздухъ и унесть вмѣстѣ съ собою обоихъ вожатыхъ своихъ. Съ минуту онъ стоялъ совсѣмъ озадаченный: потомъ, слегка покраснѣвъ отъ маленькаго замѣшательства, поднялъ глаза, обвелъ ихъ кругомъ и поглядѣлъ на перепугавшихся дамъ.

— Конь очень хорошій! проговорилъ онъ какъ-бы про себя:— и, судя по всему, на немъ должно быть очень пріятно ѣздить, но... но, знаете что̀? Вѣдь я-то не поѣду, заключилъ онъ, обращаясь къ нашему хозяину съ своей широкой, простодушной улыбкой, которая такъ шла къ доброму и умному лицу его.

— И всетаки я васъ считаю превосходнымъ ѣздокомъ,—клянусь вамъ, отвѣчалъ обрадованный владѣтель недоступнаго коня, горячо и даже съ благодарностью пожимая руку своего гостя: — именно за то, что вы съ перваго раза догадались, съ какимъ звѣремъ имѣете дѣло, прибавилъ онъ съ достоинствомъ.—Повѣрите-ли мнѣ, я, двадцать три года прослужившій въ гусарахъ, уже три раза имѣлъ наслажденіе лежать на землѣ по его милости, то есть ровно столько разъ, сколько садился на этого... дармоѣда. — Танкредъ, другъ мой, здѣсь не по тебѣ народъ: видно, твой сѣдокъ ка-

кой нибудь Илья Муромецъ, и сидитъ теперь сиднемъ въ селѣ Карачаровѣ, да ждетъ, чтобъ у тебя вынали зубы. Ну, уведите его! Полно ему людей пугать! Напрасно только выводили, заключилъ онъ, самодовольно потирая руки.

Нужно замѣтить, что Танкредъ не приносилъ ему ни малѣйшей пользы, только даромъ хлѣбъ ѣлъ: кромѣ того, старый гусаръ погубилъ на немъ всю свою бывалую ремонтерскую славу, заплативъ баснословную цѣну за негоднаго дармоѣда, который выѣзжалъ развѣ только на своей красотѣ... Все-таки теперь былъ онъ въ восторгѣ, что его Танкредъ не уронилъ своего достоинства, сѣвши еще одного наѣздника и тѣмъ стяжалъ себѣ новые, безтолковые лавры.

— Какъ, вы не ѣдете? закричала блондинка, которой непремѣнно нужно было, чтобъ ея cavalier servant на этотъ разъ былъ при ней:—неужели вы трусите?

— Ей Богу-же такъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И вы говорите серіозно?

— Послушайте, неужели-жъ вамъ хочется, чтобъ я сломалъ себѣ шею?

— Такъ садитесь-же скорѣй на мою лошадь: не бойтесь, она пресмирная. Мы не задержимъ: въ мигъ переѣдлаютъ! Я попробую взять вашу; не можетъ быть, чтобъ Танкредъ всегда былъ такой неучтивый.

Сказано—сдѣлано! Шалунья выпрыгнула изъ сѣдла и договорила послѣднюю фразу уже остановясь передъ нами.

— Плохо-жъ вы знаете Танкреда, коли думаете, что онъ позволитъ осѣдлать себя вашимъ негоднымъ сѣдломъ! Да и васъ я не пущу сломать себѣ шею; это, право, было-бы жалко! проговорилъ нашъ хозяинъ, аффектируя, въ эту минуту внутренняго довольства, по своей всегдашней привычкѣ, и безъ того уже аффектированную и изученную рѣзкость и даже грубость своей рѣчи, что̀, по его мнѣнію, рекомендовало добряка, стараго служаку и особенно должно было нравиться дамамъ. Это была одна изъ его фантазій, его любимый, всѣмъ намъ знакомый конекъ.

— Ну-тка ты, плакса, не хочешь-ли попробовать? Тебѣ-же такъ хотѣлось ѣхать, сказала храбрая наѣздница, замѣтивъ меня и, поддразнивая, кивнула на Танкреда, — собственно для того, чтобъ не уходить ни съ чѣмъ, коли ужь даромъ пришлось встать съ коня, и не оставить меня безъ ключаго словца, коли ужь я самъ оплошалъ, на глаза подвернулся.

— Ты вѣрно не таковъ, какъ... ну, да что говорить, извѣстный герой и постыдишься струсить; особенно, когда на васъ бу-

дуть смотрѣть, прекрасный пажъ, прибавила она, бѣгло взглянувъ на m-me M*, экипажъ которой былъ всѣхъ ближе отъ крыльца.

Ненависть и чувство мщенія заливали мое сердце, когда прекрасная амазонка подошла къ намъ, въ намѣреніи сѣсть на Танкреда... Но не могу разсказать, что ощутилъ я при этомъ неожиданномъ вызовѣ школьницы. Я какъ будто свѣта не взвидѣлъ, когда поймалъ ея взглядъ на m-me M*. Въ мигъ въ головѣ у меня загорѣлась идея... да, впрочемъ, это былъ только мигъ, менѣе чѣмъ мигъ, какъ вспышка пороха, или ужъ переполнилась мѣра и я вдругъ теперь возмутился всѣмъ воскреснимъ духомъ моимъ, да такъ, что мнѣ вдругъ захотѣлось срѣзать на поваль всѣхъ враговъ моихъ и отмстить имъ за все и при всѣхъ, показавъ теперь, каковъ я человѣкъ; или, наконецъ, какимъ нибудь дивомъ научилъ меня кто нибудь въ это мгновеніе средней исторіи, въ которой я до сихъ поръ еще не зналъ ни аза, и въ закружившейся головѣ моей замелькали турниры, паладины, герои, прекрасныя дамы, звуки шпагъ, крики и плески толпы, и между всѣми этими криками одинъ робкій крикъ одного испуганнаго сердца, который нѣжитъ гордую душу слаще побѣды и славы, — ужъ не знаю, случился-ли тогда весь этотъ вздоръ въ головѣ моей, или, толковѣе, предчувствіе этого, еще грядущаго и неизбѣжнаго вздора, но только я услышалъ, что бьетъ мой часъ. Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло и самъ ужъ не помню, какъ въ одинъ прыжокъ соскочилъ я съ крыльца и очутился подлѣ Танкреда.

— А вы думаете, что я испугаюсь? вскрикнулъ я дерзко и гордо, не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, задыхаясь отъ волненія и закрасивѣвшись такъ, что слезы обожгли мнѣ щеки. — А вотъ, увидите! И, схватившись за холку Танкреда, я сталъ ногой въ стремя, прежде, чѣмъ успѣли сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ удержать меня; но въ этотъ мигъ Танкредъ взвился на дыбы, взметнулъ головой, однимъ могучимъ скачкомъ вырвался изъ рукъ остолбенѣвшихъ конюховъ и полетѣлъ, какъ вихрь, только всѣ ахнули, да вскрикнули.

Ужъ Богъ знаетъ, какъ удалось мнѣ занесть другую ногу на всемъ лету; не постигаю также, какимъ образомъ случилось, что я не потерялъ поводовъ. Танкредъ вынесъ меня за рѣшетчатыя ворота, круто повернулъ направо и пустился мимо рѣшетки зря, не разбирая дороги. Только въ это мгновеніе разслышалъ я за собою крикъ пятидесяти голосовъ, и этотъ крикъ отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни. Вся кровь мнѣ хлынула въ голову, оглушила меня и за-

лила, задавила мой страхъ. Я себя не помнилъ. Дѣйствительно, какъ пришлось теперь вспомнить, во всемъ этомъ было какъ будто и вирямь что-то рыцарское.

Впрочемъ, все мое рыцарство началось и кончилось менѣе чѣмъ въ мигъ, не то рыцарю было-бы худо. Да и тутъ я не знаю, какъ спасся Ѣздить-то верхомъ я умѣлъ: меня учили. Но мой клеперъ походилъ скорѣе на овцу, чѣмъ на верхового коня. Разумѣется, я-бы слетѣлъ съ Танкреда, если-бъ ему было только время сбросить меня; но, проскакавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ вдругъ испугался огромнаго камня, который лежалъ у дороги, и шарахнулся назадъ. Онъ повернулся на лету, но такъ круто, какъ говорится, очертя голову, что мнѣ и теперь задача: какимъ образомъ я не вынырнулъ изъ сѣдла, какъ мячикъ, сажени на три, и не разбился въ дребезги, а Танкредъ отъ такого крутаго поворота не сплечилъ себѣ ногъ. Онъ бросился назадъ къ воротамъ, яростно мотая головой, прядая изъ стороны въ сторону, будто охмѣлѣвшій отъ бѣшенства, взметывая ноги какъ поналo на воздухъ и съ каждымъ прыжкомъ стрясая меня со спины, точно какъ будто на него вспрыгнулъ тигръ и вился въ его мясо зубами и когтями. Еще мгновеніе—и я-бы слетѣлъ; я уже падалъ; но уже нѣсколько всадниковъ летѣло спасать меня. Двое изъ нихъ перехватили дорогу въ полѣ; двое другихъ подскакали такъ близко, что чуть не раздавили мнѣ ногъ, стиснувъ съ обѣихъ сторонъ Танкреда боками своихъ лошадей и оба уже держали его за поводья. Черезъ нѣсколько секундъ мы были у крыльца

Меня сняли съ коня, блѣднаго, чуть дышавшаго. Я весь дрожалъ, какъ былинка подъ вѣтромъ, такъ-же, какъ и Танкредъ, который стоялъ, упираясь всѣмъ тѣломъ назадъ, неподвижно, какъ будто врывшись копытами въ землю, тяжело выпуская пламенное дыханіе изъ красныхъ, дымящихся ноздрей, весь дрожа, какъ листъ, мелкой дрожью и словно остолбенѣвъ отъ оскорбленія и злости за ненаказанную дерзость ребенка. Кругомъ меня раздавались крики смятенія, удивленія, испуга.

Въ эту минуту блуждавшій взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ m-me M*, встревоженной, побѣдившей и - я не могу забыть этого мгновенія—въ мигъ все лицо мое облилось румянцемъ, зардѣлось, загорѣлось, какъ огонь: я ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но, смущенный и испуганный собственнымъ своимъ ощущеніемъ, я робко опустилъ глаза въ землю. Но мой взглядъ былъ замѣченъ, пойманъ, украденъ у меня. Всѣ глаза обратились къ m-me M* и, застигнутая всеобщимъ вниманіемъ въ расплохъ, она вдругъ сама, какъ дитя, закраснѣлась отъ какого-то противоволь-

наго и наивнаго чувства и черезъ силу, хотя весьма неудачно, старалась подавить свою краску смѣхомъ...

Все это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смѣшно; но въ это мгновеніе одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня отъ всеобщаго смѣха, придавъ особый колоритъ всему приключенію. Виновница всей суматохи, та, которая до сихъ поръ была непримиримымъ врагомъ моимъ, прекрасная тиранка моя, вдругъ бросилась ко мнѣ обнимать и цаловать меня. Она смотрѣла, не вѣря глазамъ своимъ, когда я осмѣлился принять ея вызовъ и поднять перчатку, которую она бросила мнѣ, взглянувъ на m-me M*. Она чуть не умерла за меня отъ страха и укоровъ совѣсти, когда я летать на Танкредѣ; теперь-же, когда все было кончено, и особенно, когда она поймала, вмѣстѣ съ другими, мой взглядъ, брошенный на m-me M*, мое смущеніе, мою внезапную краску, когда, наконецъ, удалось ей придать этому мгновенію, по романтическому настроенію своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль,—теперь, послѣ всего этого, она пришла въ такой восторгъ отъ моего «рыцарства», что бросилась ко мнѣ и прижала меня къ груди своей, растроганная, гордая за меня, радостная. Черезъ минуту она подняла на всѣхъ толпившихся около насъ обоихъ самое наивное, самое строгое личико, на которомъ дрожали и свѣтились двѣ маленькія, хрустальныя слезинки и серіознымъ, важнымъ голоскомъ, какого отъ нея никогда не слыхали, сказала, указавъ на меня! «Mais c'est très sérieux, messieurs, ne riez pas!» не замѣчая того, что всѣ стоятъ передъ нею, какъ заворожженные, залюбовавшись на ея свѣтлый восторгъ. Все это неожиданное, быстрое движеніе ея, это серіозное личико, эта простодушная наивность, эти неподозрѣваемыя до сихъ поръ сердечныя слезы, накипѣвшія въ ея вѣчно-смѣющихся глазкахъ, были въ ней такимъ неожиданнымъ дивомъ, что всѣ стояли передъ нею какъ будто наэлектризированные ея взглядомъ, скорымъ, огневымъ словомъ и жестомъ. Казалось, никто не могъ свести съ нея глазъ, боясь опустить эту рѣдкую минуту въ ея вдохновенномъ лицѣ. Даже самъ хозяинъ нашъ покраснѣлъ, какъ тюльпанъ, и увѣряютъ, будто-бы слышали, какъ онъ потомъ признавался, что, къ стыду своему, чуть-ли не цѣлую минуту былъ влюбленъ въ свою прекрасную гостью. Ну, ужъ разумѣется, что послѣ этого я былъ рыцарь, герой.

— Делоржъ! Тогенбургъ! раздавалось кругомъ.

Послышались рукоплесканія.

— Ай да грядущее поколѣніе! прибавилъ хозяинъ.

— Но онъ поѣдетъ, онъ непремѣнно поѣдетъ съ нами! закричала красавица; — мы найдемъ и должны найдти ему мѣсто. Онъ

сядетъ рядомъ со мною, ко мнѣ на колѣни... или нѣтъ, нѣтъ! Я ошиблась!.. поправилась она, захохотавъ и будучи не въ силахъ удержать своего смѣха при воспоминаніи о нашемъ первомъ знакомствѣ. Но, хохоча, она нѣжно гладила мою руку, всѣми силами старалась меня заласкать, чтобъ я не обидѣлся.

— Непремѣнно! Непремѣнно! подхватили нѣсколько голосовъ:— онъ долженъ ѣхать, онъ завоевалъ себѣ мѣсто.

И мигомъ разрѣшилось дѣло. Та самая старая дѣва, которая познакомила меня съ блондинкой, тотчасъ-же была засыпана просьбами всей молодежи остаться дома и уступить мнѣ свое мѣсто, на что и принуждена была согласиться, къ своей величайшей досадѣ, улыбаясь и въ тихомолку шипя отъ злости. Ея протектриса, около которой витала она, мой бывшій врагъ и недавній другъ, кричала ей, уже галопируя на своемъ рѣзвомъ конѣ и хохоча, какъ ребенокъ, что завидуетъ ей и сама-бы рада была съ ней остаться, потому что сейчасъ будетъ дождь и насъ всѣхъ перемочитъ.

И она точно напророчила дождь. Черезъ часъ поднялся цѣлый ливень и прогулка наша пропала. Пришлось переждать нѣсколько часовъ сряду въ деревенскихъ избахъ и возвращаться домой уже въ десятомъ часу, въ сырое, послѣ-дождевое время. У меня началась маленькая лихорадка. Въ ту самую минуту, какъ надо было садиться и ѣхать, m-lle M* подошла ко мнѣ и удивилась, что я въ одной курточкѣ и съ открытой шеей. Я отвѣчалъ, что не успѣлъ захватить съ собою плаща. Она взяла булавку и, зашпиливъ новыше сборчатый воротничекъ моей рубашки, сняла съ своей шеи газовый, пунцовый платочекъ и обвязала мнѣ шею, чтобъ я не простудилъ горла. Она такъ торопилась, что я даже не успѣлъ поблагодарить ее.

Но когда пріѣхали домой, я отыскалъ ее въ маленькой гостиной, вмѣстѣ съ блондинкой и съ блѣднолицымъ молодымъ человѣкомъ, который стяжалъ сегодня славу наѣздника тѣмъ, что побоялся сѣсть на Танкреда. Я подошелъ благодарить и отдать платокъ. Но теперь, послѣ всѣхъ моихъ приключеній, мнѣ было какъ будто чего-то совѣстно; мнѣ скорѣе хотѣлось уйдти на верхъ, и тамъ, на досугѣ, что-то обдумать и разсудить. Я былъ переполненъ впечатлѣніями. Отдавая платокъ, я, какъ водится, покраснѣлъ до ушей.

— Бьюсь объ закладъ, что ему хотѣлось удержать платокъ у себя, сказалъ молодой человѣкъ, засмѣявшись:—по глазамъ видно, что ему жаль разстаться съ вашимъ платкомъ.

— Именно, именно такъ! подхватила блондинка.—Экой! Ахъ!.. проговорила она съ примѣтной досадой и покачавъ головой, но

остановилась во-время передъ серіознымъ взглядомъ m-me M*, которой не хотѣлось заводить далеко шутки.

Я поскорѣе отошелъ.

— Ну, какой-же ты! заговорила школьница, нагнавъ меня въ другой комнатѣ и дружески взявъ за обѣ руки:—да ты-бы просто не отдавалъ косынки, если тебѣ такъ хотѣлось имѣть ее. Сказалъ, что гдѣ нибудь положилъ, и дѣло съ концомъ. Какой-же ты! Этого не умѣлъ сдѣлать! Экой смѣшной!

И тутъ она слегка ударила меня пальцемъ по подбородку, засмѣявшись тому, что я покраснѣлъ, какъ макъ.

— Вѣдь я твой другъ теперь, — такъ-ли? Кончена-ли наша вражда, а? Да, или нѣтъ?

Я засмѣялся и, молча, пожалъ ея пальчики.

— Ну, то-то-же!.. Отчего ты такъ теперь блѣденъ и дрожишь? У тебя ознобъ?

— Да, я нездоровъ.

— Ахъ, бѣдняжка! Это у него отъ сильныхъ впечатлѣній! Знаешь что? Иди-ка лучше спать, не дожидаясь ужина, и за ночь пройдетъ. Пойдемъ.

Она отвела меня на верхъ и, казалось, уходамъ за мною не будетъ конца. Оставивъ меня раздѣваться, она сбѣжала внизъ, достала мнѣ чаю и принесла его сама, когда уже я улегся. Она принесла мнѣ тоже теплое одѣяло. Меня очень поразили и растрогали всѣ эти уходы и заботы обо мнѣ, или ужь я былъ такъ настроенъ цѣлымъ днемъ, поѣздкой, лихорадкой; но, прощаясь съ нею, я крѣпко и горячо ее обнялъ, какъ самаго нѣжнаго, какъ самаго близкаго друга, и ужь тутъ всѣ впечатлѣнія разомъ прихлынули къ моему ослабѣвшему сердцу; я чуть не плакалъ, прижавшись къ груди ея. Она замѣтила мою впечатлительность и, кажется, моя шалунья сама была немного тронута.

— Ты предобрый мальчикъ, прошептала она, смотря на меня тихими глазками:—пожалуйста-же не сердись на меня, а? Не будешь?

Словомъ, мы стали самыми нѣжными, самыми вѣрными друзьями.

Было довольно рано, когда я проснулся, но солнце заливало уже яркимъ свѣтомъ всю комнату. Я вскочилъ съ постели, совершенно здоровый и бодрый, какъ будто и не бывало вчерашней лихорадки, вмѣсто которой теперь ощущалъ я въ себѣ неизъяснимую радость. Я вспомнилъ вчерашнее и почувствовалъ, что отдалъ-бы цѣлое счастье, если-бъ могъ въ эту минуту обняться какъ вчера, съ моимъ новымъ другомъ, съ бѣлокурой нашей красавицей, но еще было очень рано и всѣ спали. Наскоро одѣвшись, сошелъ я въ

садъ, а оттуда въ рощу. Я пробирался туда, гдѣ гуще зелень, гдѣ смолистѣе запахъ деревьевъ и куда веселѣе заглядывалъ солнечный лучь, радуясь, что удалось тамъ и сямъ пронизать мглистую густоту листьевъ. Было прекрасное утро.

Незамѣтно пробираясь все далѣе и далѣе, я вышелъ, наконецъ, на другой край рощи, къ Москвѣ-рѣкѣ. Она текла шаговъ двѣсти впереди, подъ горою. На противоположномъ берегу косили сѣно. Я засмотрѣлся, какъ цѣлые ряды острыхъ косъ, съ каждымъ взмахомъ косца, дружно обливались свѣтомъ, и потомъ вдругъ опять исчезали, какъ огненныя змѣйки, словно куда прятались: какъ срѣзанная съ корня трава, густыми, жирными грудками отлетала въ стороны и укладывалась въ прямыя, длинныя борозды. Ужь не помню, сколько времени провелъ я въ созерцаніи, какъ вдругъ очнулся, разслышавъ въ рощѣ, шагахъ отъ меня въ двадцати, въ просѣкѣ, которая пролегала отъ большой дороги къ господскому дому, хрящъ и нетерпѣливый топотъ коня, рывшаго копытомъ землю. Не знаю, заслышалъ-ли я этого коня тотчасъ-же, какъ подъѣхалъ и остановился всадникъ, или ужь долго мнѣ слышался шумъ, но только напрасно щекоталъ мнѣ ухо, безсильный оторвать меня отъ моихъ мечтаній. Съ любопытствомъ вошелъ я въ рощу и, пройдя нѣсколько шаговъ, услышалъ голоса, говорившіе скоро, но тихо. Я подошелъ еще ближе, бережно раздвинулъ послѣднія вѣтви послѣднихъ кустовъ, окаймлявшихъ просѣку, и тотчасъ-же отпрянулъ назадъ въ изумленіи: въ глазахъ моихъ мелькнуло бѣлое знакомое платье и тихій женскій голосъ отдался въ моемъ сердцѣ, какъ музыка. Это была m-me M*. Она стояла возлѣ всадника, который торопливо говорилъ ей съ лошади и, къ моему удивленію, я узналъ въ немъ H—го, того молодого человѣка, который уѣхалъ отъ насъ еще вчера по утру и о которомъ такъ хлопоталъ m-r M*. Но тогда говорили, что онъ уѣзжаетъ куда-то очень далеко, на югъ Россіи, а потому я очень удивился, увидѣвъ его опять у насъ такъ рано и одного съ m-me M*.

Она была одушевлена и взволнована, какъ никогда еще я не видалъ ее, и на щекахъ ея свѣтились слезы. Молодой человѣкъ держалъ ее за руку, которую цаловалъ, нагибаясь съ сѣдла. Я засталъ уже минуту прощанья. Кажется, они торопились. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, отдалъ его m-me M*, обнялъ ее одною рукою, какъ и прежде, не сходя съ лошади, и поцаловалъ крѣпко и долго. Мгновеніе спустя, онъ ударилъ коня и промчался мимо меня, какъ стрѣла. M-me M* нѣсколько секундъ провожала его глазами, потомъ задумчиво и уныло направилась къ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по просѣкѣ, вдругъ

какъ будто очнулась, торопливо раздвинула кусты и пошла черезъ рощу.

Я пошелъ вслѣдъ за нею, смятенный и удивленный всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ. Сердце мое билось крѣпко, какъ отъ испуга. Я былъ какъ оцѣпенѣлый, какъ отуманенный; мысли мои были разбиты и разсѣяны; но помню, что было мнѣ отчего-то ужасно грустно. Изрѣдка мелькало передо мною сквозь зелень ея бѣлое платье. Машинально слѣдовалъ я за нею, не упуская ея изъ вида, но трепеща, чтобъ она меня не замѣтила. Наконецъ, она вышла на дорожку, которая вела въ садъ. Переждавъ съ полминуты, вышелъ и я; но каково-же было мое изумленіе, когда вдругъ замѣтилъ я на красномъ пескѣ дорожки запечатанный пакетъ, который узналъ съ перваго взгляда,—тотъ самый, который, десять минутъ назадъ, былъ вручепъ m-me M*.

Я поднялъ его: со всѣхъ сторонъ бѣлая бумага, никакой подписи; на взглядъ—небольшой, но тугой и тяжелый, какъ будто въ немъ было листа три и болѣе почтовой бумаги.

Что̀ значитъ этотъ пакетъ? Безъ сомнѣнія, имъ объяснилась-бы вся эта тайна. Можетъ быть, въ немъ досказано было то, чего не надѣялся высказать Н—ой за короткостью торопливаго свиданія. Онъ даже не сходилъ съ лошади .. Торопился-ли онъ, или, можетъ быть, боялся измѣнить себѣ въ часъ прощанія,—Богъ знаетъ ..

Я остановился, не выходя на дорожку, бросилъ на нее пакетъ на самое видное мѣсто и не спускалъ съ него глазъ, полагая, что m-me M* замѣтитъ потерю, воротится, будетъ искать. Но, прождавъ минуты четыре, я не выдержалъ, поднялъ опять свою находку, положилъ въ карманъ и пустился догонять m-me M*. Я настигъ ее уже въ саду, въ большой аллеѣ; она шла прямо домой, скорой и торопливой походкой, но задумавшись и потупивъ глаза въ землю. Я не зналъ, что̀ дѣлать. Подойдти, отдать? Это значило сказать, что я знаю все, видѣлъ все. Я измѣнилъ-бы себѣ съ перваго слова. И какъ я буду смотрѣть на нее? Какъ она будетъ смотрѣть на меня?.. Я все ожидалъ, что она опомнится, хватится потеряннаго, воротится по слѣдамъ своимъ. Тогда-бы я могъ, незамѣченный, бросить пакетъ на дорогу и она-бы нашла его. Но нѣтъ! Мы уже подходили къ дому; ее уже замѣтили...

Въ это утро, какъ нарочно, почти всѣ поднялись очень рано, потому что̀ вчера, вслѣдствіе неудавшейся поѣздки, задумали новую, о которой я и не зналъ. Всѣ готовились къ отъѣзду и завтракали на террасѣ. Я прождалъ минутъ десять, чтобъ не видѣли меня съ m-me M., и, обойдя садъ, вышелъ къ дому съ другой стороны, гораздо ниже нея. Она ходила взадъ и впередъ

по террасѣ, блѣдная и встревоженная, скрестивъ на груди руки и, по всему было видно, крѣпясь и усиливаясь подавить въ себѣ мучительную, отчаянную тоску, которая такъ и вычитывалась въ ея глазахъ, въ ея ходьбѣ, во всякомъ движеніи. Иногда сходила она со ступенекъ и проходила нѣсколько шаговъ между клумбами по направленію къ саду; глаза ея нетерпѣливо, жадно, даже неосторожно искали чего-то на пескѣ дорожекъ и на полу террасы. Не было сомнѣнія: она хватилась потери и, кажется, думаетъ, что обронила пакетъ гдѣ нибудь здѣсь, около дома,—да, это такъ, и она въ этомъ увѣрена!

Кто-то, а затѣмъ и другіе, замѣтили, что она блѣдна и встревожена. Посыпались вопросы о здоровьѣ, досадныя сѣтованія: она должна была отшучиваться, смѣяться, казаться веселою. Изрѣдка взглядывала она на мужа, который стоялъ въ концѣ террасы, разговаривая съ двумя дамами, и та-же дрожь, то-же смущеніе, какъ и тогда, въ первый вечеръ пріѣзда его, охватывали бѣдную. Засунувъ руку въ карманъ и крѣпко держа въ ней пакетъ, я стоялъ поодаль отъ всѣхъ, моля судьбу, чтобъ m-me M[*] меня замѣтила. Мнѣ хотѣлось ободрить, успокоить ее, хоть-бы только взглядомъ; сказать ей что нибудь мелькомъ, украдкой. Но когда она случайно взглянула на меня, я вздрогнулъ и потупилъ глаза.

Я видѣлъ ея мученія и не ошибся. Я до сихъ поръ не знаю тайны, ничего не знаю, кромѣ того, что̀ самъ видѣлъ и что̀ сейчасъ разсказалъ. Эта связь, можетъ быть, не такова, какъ о ней предположить можно съ перваго взгляда. Можетъ быть, этотъ поцалуй былъ прощальный, можетъ быть, онъ былъ послѣдней, слабой наградой за жертву, которая была принесена ея спокойствію и чести. И—ой ужъжалъ: онъ оставлялъ ее, можетъ быть, навсегда. Наконецъ, даже письмо это, которое я держалъ въ рукахъ,—кто знаетъ, что̀ оно заключало? Какъ судить и кому осуждать? А между тѣмъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, внезапное обнаруженіе тайны было-бы ужасомъ, громовымъ ударомъ въ ея жизни. Я еще помню лицо ея въ ту минуту: нельзя было больше страдать. Чувствовать, знать, быть увѣренной, ждать какъ казни, что черезъ четверть часа, черезъ минуту могло быть обнаружено все, пакетъ кѣмъ нибудь найденъ, поднятъ: онъ безъ надписи, его могутъ вскрыть, а тогда... что̀ тогда? Какая казнь ужаснѣе той, которая ее ожидаетъ? Она ходила между будущихъ судей своихъ. Черезъ минуту ихъ улыбающіяся, льстивыя лица будутъ грозны и неумолимы. Она прочтетъ насмѣшку, злость и ледяное презрѣніе на этихъ лицахъ, а потомъ настанетъ вѣчная, безразсвѣтная ночь въ ея жизни... Да, я тогда не понималъ всего этого такъ, какъ теперь объ этомъ думаю. Могъ

я только подозрѣвать и предчувствовать, да болѣть сердцемъ за ея опасность, которую даже не совсѣмъ сознавалъ. Но что-бы ни заключалось въ ея тайнѣ, — тѣми скорбными минутами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыхъ никогда не забуду, было искуплено многое, если только нужно было что нибудь искупить.

Но вотъ раздался веселый призывъ къ отъѣзду; всѣ радостно засуетились; со всѣхъ сторонъ раздался рѣзвый говоръ и смѣхъ. Черезъ двѣ минуты терраса опустѣла. М-me М* отказалась отъ поѣздки, сознавшись, наконецъ, что она нездорова. Но, слава Богу, всѣ отправились, всѣ торопились, и докучать сѣтованіями, разспросами и совѣтами было некогда. Немногіе оставались дома. Мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала, что сегодня-же будетъ здорова, чтобъ онъ не безпокоился, что ложиться ей не для чего, что она пойдетъ въ садъ, одна... со мною... Тутъ она взглянула на меня. Ничего не могло быть счастливѣе! Я покраснѣлъ отъ радости; черезъ минуту мы были въ дорогѣ.

Она пошла по тѣмъ самымъ аллеямъ, дорожкамъ и тропинкамъ, по которымъ недавно возвращалась изъ рощи, инстинктивно припоминая свой прежній путь, неподвижно смотря передъ собою, не отрывая глазъ отъ земли, ища на ней, не отвѣчая мнѣ, можетъ быть, забывъ, что я иду вмѣстѣ съ нею.

Но когда мы дошли почти до того мѣста, гдѣ я поднялъ письмо и гдѣ кончалась дорожка, m-me M* вдругъ остановилась, и слабымъ, замиравшимъ отъ тоски голосомъ сказала, что ей хуже, что она пойдетъ домой. Но, дойдя до рѣшетки сада, она остановилась опять, подумала съ минуту; улыбка отчаянія показалась на губахъ ея и, вся обезсиленная, измученная, рѣшившись на все, покорившись всему, она, молча, воротилась на первый путь, въ этотъ разъ позабывъ даже предупредить меня...

Я разрывался отъ тоски и не зналъ, что дѣлать.

Мы пошли или, лучше сказать, я привелъ ее къ тому мѣсту, съ котораго услышалъ, часъ назадъ, топотъ коня и ихъ разговоръ. Тутъ, вблизи густаго вяза, была скамья, изсѣченная въ огромномъ цѣльномъ камнѣ, вокругъ котораго обвивался плющъ и росли полевой жасминъ и шиповникъ. (Вся эта рощица была усѣяна мостиками, бесѣдками, гротами и тому подобными сюрпризами). М-me M* сѣла на скамейку, безсознательно взглянувъ на дивный пейзажъ, разстилавшійся передъ нами. Черезъ минуту она развернула книгу и неподвижно приковалась къ ней, не перелистывая страницъ, не читая, почти не сознавая, что дѣлаетъ. Было уже половина десятаго. Солнце взошло высоко, и пышно плыло надъ нами, по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь въ соб-

ственномъ огнѣ своемъ. Косари уныли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы, и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовонной испариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые не жнутъ и не сѣютъ, а своевольны, какъ воздухъ, разсѣкаемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось, что въ это мгновеніе каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, курясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: «Отецъ! Я блаженна и счастлива!..»

Я взглянулъ на бѣдную женщину, которая одна была, какъ мертвецъ, среди всей этой радостной жизни: на рѣсницахъ ея неподвижно остановились двѣ крупныя слезы, вытравленныя острою болью изъ сердца. Въ моей власти было оживить и осчастливить это бѣдное, замправшее сердце и я только не зналъ, какъ приступить къ тому, какъ сдѣлать первый шагъ. Я мучился. Сто разъ порывался я подойдти къ ней, и каждый разъ, какъ огонь, горѣло лицо мое.

Вдругъ одна свѣтлая мысль озарила меня. Средство было найдено; я воскресъ.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву! сказалъ я такимъ радостнымъ голосомъ, что m-me M вдругъ подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Принеси, проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ, чуть-чуть улыбнувшись и тотчасъ-же опять опустивъ глаза въ книгу.

— А то и здѣсь, пожалуй, скосятъ траву и не будетъ цвѣтовъ! закричалъ я, весело пускаясь въ походъ.

Скоро я набралъ мой букетъ, простой, бѣдный. Его-бы стыдно было внести въ комнату; но какъ весело билось мое сердце, когда я собиралъ и вязалъ его! Шиповнику и полеваго жасмина взялъ я еще на мѣстѣ. Я зналъ, что недалеко есть нива съ дозрѣвшею рожью. Туда я сбѣгалъ за васильками. Я перемѣшалъ ихъ съ длинными колосьями ржи, выбравъ самые золотые и тучные. Тутъ-же, недалеко, попалось мнѣ цѣлое гнѣздо незабудокъ, и букетъ мой уже начиналъ наполняться. Далѣе, въ лощ, нашлись синіе колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лиліями сбѣгалъ я на самое прибрежье рѣки. Наконецъ, уже возвращаясь на мѣсто и зайдя на минуту въ рощу, чтобъ промыслить нѣсколько ярко-зеленыхъ, ланчатыхъ листьевъ клена и обернуть ими букетъ, я случайно набрелъ на цѣлое семейство анютиныхъ глазокъ, близъ которыхъ, на мое счастье, ароматный фіалковый запахъ обличалъ, въ сочной, густой травѣ, притаившійся цвѣтокъ, еще весь обсы-

панный блестящими каплями росы. Букетъ былъ готовъ. Я перевязалъ его длинной, тонкой травой, которую свилъ въ бичеву, и во внутрь, осторожно, вложилъ письмо, прикрывъ его цвѣтами,— но такъ, что его очень можно было замѣтить, если хоть маленькимъ вниманіемъ подарятъ мой букетъ.

Я понесъ его къ m-me M*.

Дорогой показалось мнѣ, что письмо лежитъ слишкомъ на виду: я побольше прикрылъ его. Подойдя еще ближе, я вдвинулъ его еще плотнѣе въ цвѣты и, наконецъ, уже почти дойдя до мѣста, вдругъ сунулъ его такъ глубоко во внутрь букета, что уже ничего не было примѣтно снаружи. На щекахъ моихъ горѣло цѣлое пламя. Мнѣ хотѣлось закрыть руками лицо и тотчасъ бѣжать, но она взглянула на мои цвѣты такъ, какъ будто совсѣмъ позабыла, что я пошелъ набирать ихъ. Машинально, почти не глядя, протянула она руку и взяла мой подарокъ, но тотчасъ-же положила его на скамью, какъ будто я затѣмъ и передавалъ ей его, и снова опустила глаза въ книгу, точно была въ забытьи. Я готовъ былъ плакать отъ неудачи. «Но только-бъ мой букетъ былъ возлѣ нея», думалъ я, «только-бы она о немъ не забыла!» Я легъ неподалеку на траву, положилъ подъ голову правую руку и закрылъ глаза, будто меня одолѣвалъ сонъ. Но я не спускалъ съ нея глазъ и ждалъ.

Прошло минутъ десять: мнѣ показалось, что она все больше и больше блѣднѣла... Вдругъ благословенный случай пришелъ мнѣ на помощь.

Это была большая, золотая пчела, которую принесъ добрый вѣтерокъ, мнѣ на счастье. Она покружилась сперва надъ моей головою и потомъ подлетѣла къ m-me M*. Та отмахнулась было рукою одинъ и другой разъ, но пчела, будто нарочно, становилась все неотвязчивѣе. Наконецъ, m-me M* схватила мой букетъ и махнула имъ передъ собою. Въ этотъ мигъ пакетъ вырвался изъ подъ цвѣтовъ и упалъ прямо въ раскрытую книгу. Я вздрогнулъ. Нѣкоторое время m-me M* смотрѣла, нѣмая отъ изумленія, то на пакетъ, то на цвѣты, которые держала въ рукахъ и, казалось, не вѣрила глазамъ своимъ. Вдругъ она покраснѣла, вспыхнула и взглянула на меня. Но я уже перехватилъ ея взглядъ и крѣпко закрылъ глаза, притворяясь спящимъ: ни за что въ мірѣ я-бы не взглянулъ теперь ей прямо въ лицо. Сердце мое замирало и билось, словно птичка, попавшая въ лапки кудрявого деревенскаго мальчугана. Не помню, сколько времени пролежалъ я, закрывъ глаза: минуты двѣ—три. Наконецъ, я осмѣлился ихъ открыть. M-me M* жадно читала письмо и, по разгорѣвшимся ея щекамъ, по свер-

кавшему, слезящемуся взгляду, по свѣтлому лицу, въ которомъ каждая черточка трепетала отъ радостнаго ощущенія, я догадался что счастье было въ этомъ письмѣ и что развѣяна, какъ дымъ, вся тоска ея. Мучительно-сладкое чувство присосалось къ моему сердцу, тяжело было мнѣ притворяться...

Никогда не забуду я этой минуты!

Вдругъ, еще далеко отъ насъ, послышались голоса:

— M-me M*. Natalie! Natalie!

M-me M* не отвѣчала, но быстро поднялась со скамьи, подошла ко мнѣ и наклонилась надо мною. Я чувствовалъ, что она смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Рѣсницы мои задрожали, но я удержался и не открылъ глазъ. Я старался дышать ровнѣе и спокойнѣе, но сердце задушало меня своими смятенными ударами. Горячее дыханіе ея палило мои щеки; она близко-близко нагнулась къ лицу моему, словно испытывая его. Наконецъ, поцалуй и слезы упали на мою руку, на ту, которая лежала у меня на груди. И два раза она поцаловала ее.

— Natalie! Natalie! Гдѣ ты? послышалось снова, уже очень близко отъ насъ.

— Сей-часъ! проговорила m-me M* своимъ густымъ, серебристымъ голосомъ, но заглушеннымъ и дрожавшимъ отъ слезъ, и такъ тихо, что только я одинъ могъ слышать ея «сей-часъ!»

Но въ этотъ мигъ сердце, наконецъ, измѣнило мнѣ и, казалось, выслало всю свою кровь мнѣ въ лицо. Въ тотъ-же мигъ, скорый, горячій поцалуй обжогъ губы. Я слабо вскрикнулъ, открылъ глаза, но тотчасъ-же на нихъ упалъ вчерашній газовый платочекъ ея,— какъ будто она хотѣла закрыть меня имъ отъ солнца. Мгновеніе спустя, ея уже не было. Я разслышалъ только шелестъ торопливо удалявшихся шаговъ. Я былъ одинъ...

Я сорвалъ съ себя ея косынку и цаловалъ ее, не помня себя отъ восторга: нѣсколько минутъ я былъ какъ безумный!.. Едва переводя духъ, облокотясь на траву, глядѣлъ я, безсознательно и неподвижно, передъ собою, на окрестные холмы, пестрѣвшіе нивами, на рѣку, извилисто обтекавшую ихъ, и далеко, какъ только могъ слѣдить глазъ, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, какъ точки, по всей, залитой свѣтомъ, дали,—на синіе, чуть виднѣвшіеся лѣса, какъ будто курившіеся на краю раскаленнаго неба, и какое-то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало по малу смирило мое возмущенное сердце. Мнѣ стало легче и я вздохнулъ свободнѣе... Но вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгады-

валось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія... И вдругъ грудь моя заколебалась, заныла, словно отъ чего-то произившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и весь трепеща, какъ былинка, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще не ясному, прозрѣнію природы моей. Первое дѣтство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ. . . . . .

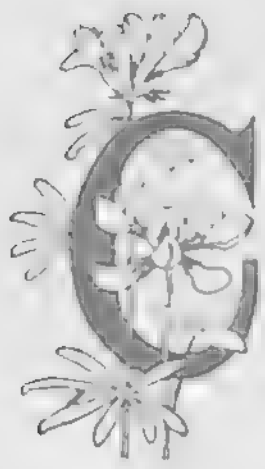
. . . . . .

Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже m-me M*: она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

НА ЕВРОПЕЙСКІЯ СОБЫТІЯ

ВЪ 1854 ГОДУ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.



Съ чего взялась всесвѣтная бѣда?
Кто виноватъ, кто первый начинаетъ?
Народъ вы умный, всякій это знаетъ,
Да славушка пошла объ васъ худа!
Ужъ лучше-бы въ покоѣ дома жить,
Да справиться съ домашними дѣлами!
Вѣдь, кажется, намъ нечего дѣлить,
И мѣста много всѣмъ подъ небесами.
Къ тому-жь и то, коль все ужь поминать:
Смѣшно Французомъ Русскаго пугать!

Знакома Русь со всякою бѣдой!
Случалось съ ней, что̀ не бывало съ вами,
Давилъ ее татаринъ подъ пятой,
А очутился онъ-же подъ ногами.
Но далеко она съ тѣхъ поръ ушла!
Не въ мѣрку ей стать вровень даже съ вами;
Заморскій ростъ она переросла,
Тянуться-ль вамъ въ одно съ богатырями!
Попробуйте на насъ теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!

Страдала Русь въ бояхъ междоусобныхъ,
По каплѣ кровью чуть не изошла,
Томясь въ борьбѣ своихъ единокровныхъ;
Но живуча святая Русь была!
Умнѣе вы,—зато вамъ книги въ руки!
Правѣе вы,—то знаетъ ваша честь!
Но знайте-же, что и въ послѣдней мукѣ
Намъ будетъ чѣмъ страданье перенесть!
Прошедшее стоитъ отвѣтомъ вамъ,
И вашъ союзъ давно не страшенъ намъ.

Спасемся мы въ годину навожденій,
Спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ!
У насъ въ душѣ сложился сей законъ,
Какъ знаменье побѣдъ и избавленій!
Мы вѣры нашей спро̀ста не теряли
(Какъ былъ какой-то западный народъ);

Мы вѣрою изъ мертвыхъ воскресали,
И вѣрою живетъ Славянскій родъ.
Мы вѣруемъ, что Богъ надъ нами можетъ,
Что Русь жива и умереть не можетъ!

Писали вы, что началъ ссору Русскій,
Что какъ-то мы ведемъ себя не такъ,
Что честью мы не дорожимъ французской,
Что стыдно вамъ за вашъ союзный флагъ,
Что жаль вамъ очень Порты златорогой,
Что хочется завоеваній намъ,
Что то, да се... Отвѣтъ вамъ дали строгой,
Какъ школьникамъ, крикливымъ шалунамъ.
Не нравится,— на то пеняйте сами,
Не шапку-же ломать намъ передъ вами!

Не вамъ судьбы Россіи разбирать!
Не ясны вамъ ея предназначенья!
Востокъ—ея! Къ ней руки простирать
Не устаютъ мильоны поколѣній.
И властвуя надъ Азіей глубокой,
Она всему младую жизнь даетъ,
И возрожденье древняго Востока
(Такъ Богъ велѣлъ!) Россіей настаетъ.
То вновѣ Русь, то подданство Царя,
Грядущаго роскошная заря!

Не опіумъ, растлившій поколѣнья,
(Что̀ варварствомъ зовемъ мы безъ прикрасъ)
Народы ваши двинетъ къ возрожденью
И вознесетъ униженныхъ до васъ!
То Альбіонъ съ насиліемъ безумнымъ,—
(Миссіонеръ Христовыхъ кроткихъ братствъ!)
Разлилъ недугъ въ народѣ полоумномъ,
Въ мерзительномъ алканіи богатствъ!
Иль не для васъ всходилъ на крестъ Господь,
И далъ на смерть Свою святую плоть?

Смотрите всѣ, Онъ распятъ и понынѣ,
И вновь течетъ Его святая кровь!
Но гдѣ-же жидъ, Христа распявшій нынѣ,
Продавшій вновь Предвѣчную Любовь?
Вновь язвенъ Онъ, вновь принялъ скорбь и муки,
Вновь плачутъ очи тяжкою слезой;
Вновь распростерты Божескія руки
И тмится небо страшною грозой!
То муки братій намъ единовѣрныхъ,
И стонъ церквей въ гоненьяхъ безпримѣрныхъ!

Онъ тѣломъ Божьимъ ихъ велѣлъ назвать,
Онъ самъ—Глава всей вѣры православной!

Съ невѣрными на Церковь воевать—
То подвигъ темный, грѣшный и безславный!
Христіанинъ за турка на Христа!
Христіанинъ – защитникъ Магомета!
Позоръ на васъ, отступники Креста,
Гасители Божественнаго Свѣта!
Но съ нами Богъ! Ура! Нашъ подвигъ святъ,
И за Христа кто жизнь отдать не радъ!

Мечъ Гедеоновъ въ помощь угнетеннымъ,
И во Израиль сильный Судія!
То Царь, Тобой, Всевышній, сохраненный,
Помазанникъ десницы Твоея!
Гдѣ два иль три для Господа готовы,
Господь межъ нихъ, какъ Самъ намъ обѣщалъ.
Насъ милліоны ждутъ Царева слова,
И, наконецъ, Твой часъ, Господь, насталъ!
Звучитъ труба, шумитъ орелъ двуглавый,
И на Царьградъ несется величаво!

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ

ИЗЪ МОРДАСОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

ГЛАВА I.

Марья Александровна Москалева,—конечно, первая дама въ Мордасовѣ, и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а, напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любитъ и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но за то ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признакъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любитъ сплетни и не заснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чего нибудь новенькаго; — отчего она, при всемъ этомъ, умѣетъ себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не придетъ, чтобъ эта сановитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется: сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники— краснѣть и дрожать, какъ школьники передъ господиномъ учителемъ, и разговоръ долженъ пойдти не иначе, какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про кой-кого изъ мордасовцевъ такія капитальныя и скандалезныя вещи, что разскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она ихъ умѣетъ доказывать, то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ, она очень молчалива на эти секреты, и разскажетъ ихъ развѣ ужь въ крайнемъ случаѣ, и то не иначе, какъ самымъ короткимъ пріятельницамъ. Она только пугнетъ, намекнетъ—что знаетъ, и лучше любитъ держать человѣка или даму въ безпрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика!—Марья Александровна всегда отличалась между нами своимъ безукоризненнымъ comme il faut, съ котораго всѣ берутъ образецъ. На счетъ comme il faut она не имѣетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ нибудь однимъ словомъ соперницу, чему мы свидѣтели; а между тѣмъ, покажетъ видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая черта есть уже принадлеж-

ность самаго высшаго общества. Вообще, во всѣхъ такихъ фокусахъ, она перещеголяетъ самого Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посѣщавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема, и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостію ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжій литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вечерѣ, что̀ произвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одинъ нѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карлсруэ, изслѣдовать особенный родъ червячка съ рожками, который водится въ нашей губерніи, и написавшій объ этомъ червячкѣ четыре тома in-quarto, такъ былъ обворожень пріемомъ и любезностію Марьи Александровны, что до сихъ поръ ведетъ съ ней почтительную и нравственную переписку изъ самаго Карлсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку, ея враги, болѣе для карикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполнѣ всю странность такого сравненія, я осмѣлюсь, однако-же, сдѣлать одинъ невинный вопросъ: отчего, скажите, у Наполеона закружилась, наконецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники стараго дома приписывали это тому, что Наполеонъ не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не gentilhomme хорошей породы; а потому, естественно, испугался, наконецъ, своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Не смотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя блестящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь прибавить въ свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывали, напримѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: «Ну, какъ-то теперь поступитъ Марья Александровна въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?» Но наступали эти затруднительныя обстоятельства, проходили, и — ничего! Все оставалось благополучно, по прежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, напримѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Аоанасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за несносностію и слабоуміемъ, возбудивъ гнѣвъ пріѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Марья Александровна падетъ духомъ, унизится, будетъ просить, умолять, однимъ словомъ, опуститъ свои крылышки. Ничуть не бывало: Марья Александровна поняла, что уже ничего больше не выросишь и обдѣлала свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего вліянія на общество, и домъ ея все еще продолжаетъ считаться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша, Анна Николаевна Антипова, заклятый врагъ Марьи Александровны, хотя и

другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфузить, то догадались, что она гораздо глубже пустила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ ужь объ немъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и объ Аѳанасіѣ Матвѣичѣ, супругѣ Марьи Александровны. Во первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности, и даже очень порядочныхъ правилъ; но въ критическихъ случаяхъ онъ какъ-то теряется и смотритъ, какъ баранъ, который увидалъ новыя ворота. Онъ необыкновенно сановитъ, особенно на имянинныхъ обѣдахъ, въ своемъ бѣломъ галстукѣ. Но вся эта сановитость и представительность—единственно до той минуты, когда онъ заговоритъ. Тутъ ужь, извините, хоть уши заткнуть. Онъ рѣшительно не достоинъ принадлежать Марьѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣніе. Онъ и на мѣстѣ сидѣлъ единственно только черезъ геніальность своей супруги. По моему крайнему разумѣнію, ему-бы давно пора въ огородъ, пугать воробьевъ. Тамъ, и единственно только тамъ, онъ-бы могъ приносить настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна превосходно поступила, сославъ Аѳанасія Матвѣича въ подгородную деревню въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у нея сто двадцать душъ, — мимоходомъ сказать, все состояніе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Аѳанасія Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ служилъ и получалъ жалованье и... другіе доходы. Когда-же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ-же и удалили, за негодностію и совершенною безполезностію. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Аѳанасій Матвѣичъ живетъ припѣвая. Я заѣзжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому что любитъ чтобъ сапоги у него блестѣли: три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любитъ ходить въ баню и—доволенъ. Помните-ли, какая гнусная исторія заварилась у насъ, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Аѳанасьевны, единственной дочери Марьи Александровны и Аѳанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ, почему до сихъ поръ Зина не замужемъ, одною изъ главныхъ считаютъ эти темные слухи о какихъ-то странныхъ ея связяхъ, полтора года назадъ, съ уѣзднымъ учителишкой,— слухи, не умолкнувшіе и по нынѣ. До сихъ поръ говорятъ о ка-

кой-то любовной запискѣ, написанной Зиной, и которая будто-бы ходила по рукамъ въ Мордасовѣ; но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда-жь она дѣлась? Всѣ объ ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто-бы своими глазами видѣлъ эту записку. Если вы намекнете объ этомъ Маріѣ Александровнѣ, она васъ просто не пойметъ. Теперь предположите, что дѣйствительно что нибудь было и Зина написала записочку (я даже думаю, что это было непремѣнно такъ): какова-же ловкость со стороны Маріи Александровны! Каково замято, затушено неловкое, скандалезное дѣло! Ни слѣда, ни намека! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобъ спасти неприкосновенною честь своей единственной дочери. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали-ль вы гдѣ такую красавицу изъ красавицъ? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорятъ, что сватается Мозгляковъ, но врядъ-ли быть свадьбѣ. Что-же такое Мозгляковъ? Правда—молодъ, недуренъ собою, франтъ, полтораста незаложенныхъ душъ, петербургскій. Но вѣдь, во первыхъ, въ головѣ не всѣ дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораста душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ! Не бывать этой свадьбѣ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умиленія. Признаюсь заранѣе, я нѣсколько пристрастенъ къ Маріѣ Александровнѣ. Мнѣ хотѣлось написать что нибудь въ родѣ похвальнаго слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Но такъ какъ у меня нѣтъ никакого пріятеля, и, кромѣ того, есть нѣкоторая врожденная, литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ,—и вдругъ въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Маріи Александровны. Послѣдствія этого пріѣзда были неисчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и неизгладимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переворотъ въ нашемъ городѣ. Разсказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, со-

ставляетъ одну изъ многознаменательнѣйшихъ страницъ въ мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшился, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, обработать литературнымъ образомъ и представить на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ полную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марьи Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего нужно объяснить: что́ удивительнаго въ томъ, что въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился у Марьи Александровны,—а для этого, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ и о самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому-же біографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. Итакъ, приступаю.

ГЛАВА II.

Начну съ того, что князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, невольно приходила мысль, что онъ сію минуту развалится: до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князѣ всегда разсказывались чрезвычайно странныя вещи, самаго фантастическаго содержанія. Говорили даже, что старичокъ помѣшался. Всѣмъ казалось особенно страннымъ, что помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ извѣстнымъ родствомъ, который-бы могъ имѣть, если-бъ захотѣлъ, значительное вліяніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, совершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя назадъ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и увѣряли, что онъ тогда терпѣть не могъ уединенія и отнюдь не былъ похожъ на затворника.

Вотъ, однако-же, все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что̀, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь, жуировалъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, игралъ романсы, каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ разстроилъ все свое состояніе и, въ старости, увидѣлъ себя вдругъ почти безъ копѣйки. Кто-то посовѣтовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали продавать съ публичнаго торга. Онъ отправился и пріѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно понравилась и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухло-

палъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребковъ, продолжая жуировать и заводя разныя интимности съ губернскими барынями. Человѣкъ онъ былъ къ тому-же добрѣйшій, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ особенныхъ княжескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностію самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постоянномъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Сохранилось много любопытныхъ воспоминаній. Разсказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта: бѣлился и румянился ежедневно. Увѣряли, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ и что эти пружины были, какимъ-то особеннымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣряли еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похожденія, въ Италіи. Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломалъ ему при какомъ-то другомъ похожденіи, въ Парижѣ, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ, мало-ли чего не разскажутъ? Но вѣрно было, однако-же, то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланный. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, душился и помадился. Помнятъ, однако-же, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыносимо болтливъ. Казалось, что карьера его окончивалась. Всѣ знали, что у него уже не было ни копѣйки. И вдругъ въ это время, совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ образомъ не могъ ожидать наслѣдства,—умерла, похоронивъ, ровно за мѣсяцъ до своей смерти, своего законнаго наслѣдника. Князь, совершенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ наслѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣнія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, достались ему одному, безраздѣльно. Онъ немедленно собрался, для окончанія своихъ дѣлъ, въ Петербургъ. Провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ, по подпискѣ. Помнятъ, что князь былъ очаровательно веселъ на этомъ послѣднемъ обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, разсказывалъ самые необыкновенные анекдоты, обѣщался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Духаново (свое

новоприобрѣтенное имѣніе) и давалъ слово, что по возвращеніи у него будутъ безпрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки. Цѣлый годъ послѣ его отъѣзда, дамы толковали объ этихъ обѣщанныхъ праздникахъ, ожидая своего милаго старичка съ ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи-же, составлялись даже поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и садъ, съ выстриженными изъ акацій львами, съ насыпными курганами, съ прудами, по которымъ ходили лодки съ деревянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдками, съ павильонами, съ монплезирами и другими затѣями.

Наконецъ, князь воротился, но, къ всеобщему удивленію и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а поселился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ. Распространились страшные слухи и, вообще, съ этой эпохи исторія князя становится туманною и фантастическою. Во первыхъ, разсказывали, что въ Петербургѣ ему не совсѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ, будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхлопотать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно, изъ боязни, что онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто-бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполовину умершій и подслѣпый, вѣроятно, скоро и весь умретъ, и тогда имѣніе достанется имъ и безъ съумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало-ли чего не наскажутъ, особенно у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ разсказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали нему съ поздравленіями, но—или не были приняты, или приняты чрезвычайно странымъ образомъ. Князь даже не узнавалъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждали, что онъ не хотѣлъ узнавать. Досталъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь дѣйствительно немного помѣшанъ и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину, при воспоминаніи о своей поѣздкѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали, наконецъ, одну капитальную вещь, именно: что княземъ овладѣла какая-то неизвѣстная Степанида Матвѣевна. Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ нимъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ; что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ, и не смѣетъ ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками, балуетъ его, поитъ и кормитъ, какъ ребенка; что.

наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали было по немногу заѣзжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали объ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшаетъ управителей, приказчиковъ, прислугу, собираетъ доходы; но что управляетъ она хорошо, такъ что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что-же касается до самого князя, то узнали, что дни его проходятъ почти сплошь за туалетомъ, въ примѣриваніи париковъ и фраковъ; что остальное время онъ проводитъ съ Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылѣ, при чемъ Степанида Матвѣевна непремѣнно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на всякій случай, — потому что князь ѣздитъ верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдлѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, широкополой шляпѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышкомъ въ глазу и съ соломенной корзинкой на лѣвой рукѣ, для собиранія грибковъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида-же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея, и ѣдетъ, на всякій случай, коляска. Когда-же встрѣчается съ нимъ мужикъ, и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сіятельство, наше красное солнышко!» — то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: «Bonjour, mon ami, bonjour!», и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ: князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ! Каково-же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марьи Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значитъ? Иные собирались уже ѣхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣздъ князя казался диковинкой. Дамы пересылались записками, собирались съ визитами, посылали своихъ горничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ казалось, отчего именно князь остановился у Марьи Александровны, а не у кого другаго? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антинова, потому что князь приходился ей какъ-то очень дальней родней. Но, чтобъ разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно непремѣнно зайдти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожало-

вать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Насъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она непремѣнно.

ГЛАВА III.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Марьи Александровны, на большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которую хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Марьи Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. Въ мебели, довольно немногосложной, преобладаетъ красный цвѣтъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дурнаго вкуса. Между окнами, въ простѣнкахъ, два зеркала, съ которыхъ успѣли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на столикахъ, опять часы. У задней стѣны—превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина—музыкантша. Около затопленнаго камина разставлены кресла, по возможности въ живописномъ безпорядкѣ; между ними маленькій столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью ослѣпительной бѣлизны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенькій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Марьи Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна Зяблова. Два слова объ этой дамѣ. Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ живыми темно-карими глазами. Вообще недурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки. У ней двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей-бы очень хотѣлось выйдти еще разъ замужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ.— Сама Марья Александровна сидитъ у камина, въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа и въ свѣтло-зеленомъ платьѣ, которое къ ней идетъ. Она ужасно обрадована пріѣздомъ князя, который въ эту минуту сидитъ на верху, за своимъ туалетомъ. Она такъ рада, что даже не старается скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется молодой человѣкъ и что-то съ одушевленіемъ разсказываетъ. По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слушательницамъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Манеры его были-бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ того, съ большой

претензіей на юморъ и остроту. Одѣтъ отлично, бѣлокуръ, недуренъ собою. Но мы уже говорили объ немъ: это господинъ Мозгляковъ, подающій большія надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у него немного пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрасно. Онъ искатель руки ея дочери, Зины, въ которую, по его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обращается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку своимъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо холодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ, у рояля, и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя производятъ всеобщее восторженное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша до невозможности: росту высокаго, брюнетка, съ чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею, дивною грудью. Ея плечи и руки — античныя, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного блѣдна: но зато ея пухленькія, алыя губки, удивительно обрисованныя, между которыми свѣтятся, какъ нанизанный жемчугъ, ровные маленькіе зубы, будутъ вамъ три дня сниться во снѣ, если хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе ея серіозно и строго. Мсье Мозгляковъ какъ будто боится ея пристальнаго взгляда; по крайней мѣрѣ, его какъ-то коробитъ, когда онъ осмѣливается взглянуть на нее. Движенія ея свысока небрежны. Она одѣта въ простое, бѣлое, кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ; впрочемъ, къ ней все идетъ. На ея пальчикѣ кольцо, сплетенное изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту—не изъ маменькиныхъ; Мозгляковъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молчалива и даже грустна, какъ будто чѣмъ-то озабочена. Зато Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хоть изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь какимъ-то особеннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, но, впрочемъ, дѣлаетъ это украдкой, какъ будто и она тоже боится ея.

— Я такъ рада, такъ рада, Павелъ Александровичъ, щебечетъ она,—что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю уже о томъ миломъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщаннаго; это ужъ само собой! Я ужасно рада тому, что вы привезли сюда этого милаго князя. Знаете-ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! Вы не поймете меня! Вы, молодежь, не поймете моего восторга, какъ-бы я ни увѣряла васъ! Знаете-ли, чѣмъ онъ былъ для меня въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ, помнишь, Зина? Впрочемъ, я и забыла: ты тогда гостила у тетки... Вы не повѣрите, Павелъ Александровичъ: я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ре-

бенокъ! Было что-то наивное, нѣжное и облагороженное въ нашей связи; что-то даже какъ будто пастушеское... Я ужъ и не знаю, какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнитъ теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностію, ce pauvre prince! Знаете-ли, Павелъ Александровичъ, что вы, можетъ быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушеніемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ, эта чудовищная женщина околдовала, погубила его. Но, наконецъ-то, вы его вырвали изъ этихъ клещей! Нѣтъ, надобно воспользоваться случаемъ и спасти его совершенно! Но разскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давеча я, въ попыхахъ, обратила только вниманіе на главное дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи, мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящій сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ прежде обращаю вниманіе на мелочи... и... покамѣстъ онъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ...

— Да все тоже, что уже разсказывалъ, Марья Александровна! съ готовностью подхватываетъ Мозгляковъ, готовый разсказывать хоть въ десятый разъ,—это составляетъ для него наслажденіе.— Ѣхалъ я всю ночь, разумѣется, всю ночь не спалъ, — можете себѣ представить, какъ я спѣшилъ! прибавляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ,—однимъ словомъ, бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже буянилъ изъ-за лошадей на станціяхъ; если-бъ напечатать, вышла-бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ вкусѣ! Впрочемъ, это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, пріѣзжаю на послѣднюю станцію, въ Игишево. Издрогъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ грудянымъ ребенкомъ: теперь, кажется, у ней пропало молоко... Восходъ солнца очаровательный. Знаете, эта морозная пыль алѣетъ, серебрится! Не обращаю ни на что вниманія; однимъ словомъ, спѣшу на пропалую! Лошадей взялъ съ боя: отнялъ у какого-то колежскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, съѣхалъ со станціи какой-то князь, ѣдетъ на своихъ, ночевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегіи. Ровно въ девяти верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынь, вижу произошло удивительное событіе. Огромная дорожная карета лежитъ на боку, кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ, проѣхать мимо: лежи себѣ на боку: не здѣшняго прихода! Но превозмогло человѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне,

вездѣ суется съ своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ—тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ образомъ, въ шестеромъ, подымаемъ, наконецъ, экипажъ, ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нѣтъ, потому что онъ на полозьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ѣхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! Онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! Кричу ему: князь! Дядюшка! Онъ конечно, почти не узналъ меня съ перваго взгляда; впрочемъ, тотчасъ-же почти узналъ... со втораго взгляда. Признаюсь вамъ однако-же, что едва-ли онъ и теперь понимаетъ—кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другаго, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разумѣется, я тогда былъ мальчишка. Я-то его запомнилъ; онъ меня поразилъ, — ну, а ему-то гдѣ-жь меня помнить! Рекомендуюсь; онъ въ восхищеніи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей Богу, плачетъ: я видѣлъ это собственными глазами! То, да сё, — уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хоть на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободриться и отдохнуть. Онъ соглашается безпрекословно... Объявляетъ мнѣ, что ѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонахуМисаилу, котораго чтитъ и уважаетъ; что Степанида Матвѣевна, а ужь изъ насъ, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣевну?—она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала: что эта Степанида Матвѣевна получила письмо, такого содержанія, что у ней, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не интересуюсь знать; можетъ быть, и отецъ и дочь вмѣстѣ; можетъ быть, еще съ прибавкою какого нибудь племянника, служащаго по питейной части... Однимъ словомъ, она до того была оконфужена, что дней на десять рѣшилась распроститься съ своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутствіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ было на картахъ (можетъ быть, даже и на бобахъ): но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣевны! Приказалъ лошадей и покатилъ въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ, боясь невидимой Степаниды Матвѣевны, осмѣлился было возразить: но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игишевѣ, со станціи съѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Маріѣ Александровнѣ: онъ говоритъ про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама изъ всѣхъ, которыхъ онъ когда нибудь зналъ, и

вотъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь на верху свои туалеты, съ помощью своего камердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, или, лучше сказать— исправленій... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ—какъ онъ это мило разсказываетъ! — Но послушайте, Поль, — одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство съ княземъ! Вы называете его дядей?

— Ей Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется, седьмая вода, можетъ быть, даже и не на киселѣ, а на чемъ нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ нисколько; а виновата во всемъ этомъ тетушка Аглая Михайловна. Впрочемъ, тетушкѣ Аглаѣ Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и протурила меня ѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила-бы сама! Просто за просто, я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшній день, по крайней мѣрѣ...

— Но я все-таки повторю, что только одинъ Богъ могъ васъ надоумить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что-бы съ нимъ было, бѣдняжкой, если-бъ онъ попалъ къ кому нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его-бы здѣсь расхватали, разобрали по косточкамъ, съѣли! Бросились-бы на него, какъ на рудникъ, какъ на розсыпь,—пожалуй, обокрали-бъ его? Вы не можете представить себѣ, какіе здѣсь жадные, низкіе и коварные людишки, Павелъ Александровичъ!..

— Ахъ, Боже мой, да къ кому-жъ его и привезти, какъ не къ вамъ; — какія вы, Марья Александровна! подхватываетъ Настасья Петровна, вдова, разливающая чай.—Вѣдь не къ Аннѣ-же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Однако-жъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно, — говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣніи вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да, я думаю, онъ еще пять часовъ будетъ тамъ одѣваться! Къ тому-же, такъ какъ у него совершенно нѣтъ памяти, то онъ, можетъ быть, и забылъ, что пріѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что̀ вы!

— Вовсе не что̀ вы, Марья Александровна, а сущая правда! Вѣдь это полукомпозиція, а не человѣкъ. Вы его видѣли шесть

лѣтъ назадъ, а я часъ тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полупокойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забыли похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, и говоритъ на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы, однако-же, вѣтренникъ, какъ я васъ послушаю! восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ.—И какъ не стыдно вамъ—молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже о его безпримѣрной добротѣ, — и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное выраженіе, — вспомните, что это остатокъ, такъ сказать, обломокъ нашей аристократіи. Другъ мой, mon ami! Я понимаю, что вы вѣтреничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы безпрерывно толкуете. Но, Боже мой! Я и сама— вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе вашего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды! Онъ старичокъ, и потому на ваши глаза смѣшонъ! Мало того: вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно-же что нибудь сдѣлать для вѣка, и все это оттого, что вы начитались тамъ какого нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шекспиръ давнымъ давно уже отжилъ свой вѣкъ, и если-бъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ-бы въ нашей жизни ни строчки! Если есть что нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кулькѣ князь, князь и въ лачугѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитріевны чуть-ли не дворецъ себѣ выстроилъ,—и все-таки онъ только мужъ Натальи Дмитріевны, и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитріевна, хоть пятьдесятъ кринолиновъ на себя налѣнь, — все-таки останется прежней Натальей Дмитріевной, и нисколько не прибавитъ себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю не чужою ему,—а дурное то дитя, которое марастъ свое гнѣздо! Но, впрочемъ, вы сами дойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искренни, а такъ только, модничаете. Впрочемъ, я заболталась. Побудьте здѣсь, mon cher Paul, я сама схожу на верхъ и узнаю о князѣ. Можетъ быть, ему надо чего нибудь, а вѣдь съ моими людишками...

И Марья Александровна поспѣшно вышла изъ комнаты, вспомня о своихъ людишкахъ.

— Марья Александровна, кажется, очень рады, что князь не достался этой француженкѣ, Аннѣ Николаевнѣ. А вѣдь увѣряла все, что родня ему. То-то разрывается, должно быть, теперь отъ досады!—замѣтила Настасья Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяблова тотчасъ догадалась и вышла, какъ будто за дѣломъ, изъ комнаты. Она, впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала подслушивать.

Павелъ Александровичъ тотчасъ-же обратился къ Зинѣ. Онъ былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинаида Аѳанасьевна, вы не сердитесь на меня? проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ.

— На васъ? За что-же? сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній пріѣздъ, Зинаида Аѳанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли .. Вы мнѣ снились даже во снѣ. Я прилетѣлъ узнать мою участь... Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужели и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинаида дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ,—отвѣчала она, снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада.—И такъ какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то тѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, то есть просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ-же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ,—я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать обѣщаніе быть вашею женою. Этого не требуютъ насильно, Павелъ Александровичъ. Но, чтобы успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣтьте еще: обнадеживая васъ теперь на благопріятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что снисходительна къ вашему нетерпѣнію и безпокойству. Повторяю, что хочу остаться совершенно свободною въ своемъ рѣшеніи, и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны обвинять меня, что я васъ обнадеживала. Итакъ, знайте это.

— Итакъ, что-же, что-же это! вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ. — Неужели это надежда! Могу-ли я извлечь хоть какую нибудь надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Аѳанасьевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала, и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля! Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, а говорю только: ждите. Но повторяю вамъ, я

оставляю за собой полное право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александровичъ: если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобъ дѣйствовать окольными путями, надѣясь на посторонюю протекцію, напримѣръ, хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ разсчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите-ли это? А теперь—довольно и, пожалуйста, до извѣстнаго времени не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ будто заранѣе заученая. Мсье Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею, почти тотчасъ-же, госпожа Зяблова.

— Онъ, кажется, сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю! — Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже прислала навѣдаться. Ея Анютка прибѣгала на кухню и разспрашивала. То-то злится теперь!—возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой.—Точно я интересуюсь знать, что думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте, не буду никого подсылать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николаевны, да и не вы одна, а всѣ въ городѣ? Я на васъ пошлюсь, Павелъ Александровичъ! Вы знаете насъ обѣихъ,—ну изъ чего я буду врагомъ ея? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней, поздравить ее съ ея первенствомъ. И, наконецъ,—все это несправедливо. Я заступилось за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клевещутъ. За что вы всѣ на нее нападаете? Она молода и любитъ наряды, за это что-ли? Но, по моему, ужь лучше наряды, чѣмъ что нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитріевна, которая—такое любитъ, что и сказать нельзя. За то-ли, что Анна Николаевна ѣздитъ по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія и ей, конечно, тяжело раскрыть, напримѣръ, книгу или заняться чѣмъ нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ-же увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? Она смѣшитъ въ танцахъ,—соглашаюсь! Но зачѣмъ-же увѣряютъ ее, что она прекрасно полькируетъ? На ней невозможныя наколки и лиляки, — но чѣмъ-же виновата она, что ей Богъ не далъ вкуса, а, напротивъ, далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо при-

колоть къ волосамъ конфектную бумажку, она и приколетъ. Она сплетница,—но это здѣшняя привычка: кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ѣздитъ Сушиловъ съ своими бакенбардами и утромъ, и вечеромъ и чуть-ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще-бы мужъ козырялъ въ карты до пяти часовъ утра! Къ тому-же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ, это еще, *можетъ быть*, и клевета. Словомъ, я всегда, всегда заступилось за нее!.. Но, Боже мой! Вотъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вижу, mon prince! — вскричала Марья Александровна, и бросилась на встрѣчу вошедшему князю.

ГЛАВА IV.

Съ перваго, бѣглаго взгляда вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и только взглянувъ поближе и пристальнѣе, увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобъ закостюмировать эту мумію въ юношу. Удивительные парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣленое и нарумяненое необыкновенно искусно, и на немъ почти нѣтъ морщинъ. Куда онъ дѣлись?—Неизвѣстно. Одѣтъ онъ совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей Богу не знаю, что̀ именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстухъ, жилетъ, бѣлье и все прочее,—все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь немного прихрамываетъ, но прихрамываетъ такъ ловко, какъ будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стекляшко, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный. — Князь пропитанъ духами. Разговаривая, онъ какъ-то особенно протягиваетъ иныя слова,—можетъ быть, отъ старческой немощи, можетъ быть, оттого, что всѣ зубы вставные, можетъ быть, и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произноситъ необыкновенно сладко, особенно напирая на букву *э*. *Да* у него какъ-то выходитъ *дэ*, но только еще немного поспѣше. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученое въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что нибудь отъ этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого-то не яснаго воспоминанія, въ видѣ какой-то пережитой, отжитой старины, которую, увы! не воскресятъ никакіе косметики, корсеты,

парфюмеры и парикмахеры. И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣе признаемся, что старичокъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ завирается. Нужно даже умѣнье, чтобъ съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и при видѣ князя, приходитъ въ непзреченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло.— Садитесь, садитесь, князь! Шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, mon cher prince! Но,—чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, бла-го-дарю, вин-новатъ! шепелявитъ князь (мы забыли сказать, что онъ немного шепелявитъ, но и это дѣлаетъ какъ будто по модѣ).—Ви-но-ватъ! и представьте себѣ еще прошлаго года не-пре-мѣнно хотѣлъ сюда ѣхать,—прибавляетъ онъ, лорнируя комнату:—Да напугали: тутъ, говорятъ, хо-ле-ра была...

— Нѣтъ, князь, у насъ не было холеры, говоритъ Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій падежъ, дядюшка! вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмѣриваетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну да, скотскій падежъ, или что-то въ этомъ родѣ... Я и остался. Ну, какъ вашъ мужъ, моя милая Анна Николаевна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-нѣтъ, князь, говоритъ Марья Александровна, немного запикаясь.—Мой мужъ не про-ку-воръ...

— Бьюсь объ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николаевну Антипову;—вскрикиваетъ догадливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну какъ будто всю покоробило.

— Ну да, да, Анну Николаевну, и... и... (я все забываю!) Ну да, Антиновну, именно Анти-новну,—подтверждаетъ князь.

— Н-нѣтъ, князь, вы очень ошиблись, говоритъ Марья Александровна съ горькой улыбкой.—Я вовсе не Анна Николаевна и, признаюсь, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывшій другъ, Марья Александровна Москалева. Помните, князь, Марью Александровну?..

— Марью А-лекс-анд-ровну! Представьте себѣ! А я именно по-да-галъ, что вы-то и есть (какъ ее)—ну, да! Анна Васильевна... C'est délicieux! Значитъ, я не туда заѣхалъ. А я думалъ, мой

другъ, что ты именно ве-зешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. C'est charmant! Впрочемъ, это со мной часто случается... Я часто не туда заѣзжаю. Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, что-бъ ни случилось. Такъ вы не Настасья Васильевна? Это интересно...

— Марья Александровна, князь, Марья Александровна! О, какъ вы виноваты передо мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну да, луч-шаго друга... pardon, pardon! шепелявитъ князь, заглядываясь на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще незнакомы, князь. Ея не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните, въ — мъ году?

— Это ваша дочь! Charmante, Charmante! бормочетъ князь, съ жадностью лорнируя Зину.—Mais quelle beauté! шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чаю, князь, говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчика, у котораго пухленькія и розовыя щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ?—говоритъ онъ. Какой хо-ро-шень-кій мальчикъ!... И-и-и вѣрно хо-ро-шо... ведетъ себя?

— Но, князь,—посѣщаетъ перебиваетъ Марья Александровна,—я слышала объ ужасѣйшемъ происшествіи! Признаюсь, я была внѣ себя отъ испуга... Не ушиблись-ли вы? Смотрите! Этимъ пренебрегать невозможно...

— Вывалилъ! Вывалилъ! Кучеръ вывалилъ! восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Я уже думалъ, что наступаетъ свѣто-преставленіе, или что нибудь въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что, — прости меня, угодникъ! — Небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не ожидалъ! Совсѣмъ не о-жидалъ! И во всемъ этомъ мой кучеръ Ѳе-о-филъ виноватъ! Я ужь на тебя во всемъ надѣюсь, мой другъ: распорядись и розыщи хорошенько. Я у-вѣ-ренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-нался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ,—все розыщу! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка, его, для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прощу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою поку-нался! Онъ и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ Вообразите: нахватался, знаете, какихъ-то новыхъ идей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось... Однимъ словомъ: коммунистъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужь и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ, какую вы правду сказали, князь,—восклицаетъ Марья Александровна.—Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людишекъ! Вообразите: я теперь перемѣнила двухъ изъ

моихъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто бьюсь съ ними съ утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ они глупы, князь!

— Ну да, ну да! Но, признаюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ, замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ.— Къ лакею это какъ-то идетъ, — и даже составляетъ его достоинство, если онъ чистосердеченъ и глупъ. Разумѣется, въ иныхъ только слу-ча-яхъ. Са-но-ви-тости въ немъ отчего какъ-то больше, тор-же-ствености какая-то въ лицѣ у него является; однимъ словомъ, благовоспитанности больше, а я прежде всего требую отъ *человѣка* бла-го-вос-питанности. Вотъ, у меня Те-рен-тій есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тія? Я, какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему съ перваго раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! Смотритъ какъ баранъ на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадыкъ такой свѣтло-розовый! Ну, а — вѣдь это въ бѣломъ галстукѣ, и во всемъ нарядѣ, составляетъ эффектъ. Я душевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засматриваюсь: рѣшительно диссертацію сочиняетъ,—такой важный видъ! Однимъ словомъ, настоящій нѣмецкій философъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный comme il faut для служащаго человѣка!..

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлеченіемъ и даже хлопаетъ въ ладошки. Павелъ Александровичъ вторитъ ей отъ всего сердца: его чрезвычайно занимаетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь! восклицаетъ Марья Александровна.—Какая драгоцѣнная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!.. И исчезнуть изъ общества, запереться на цѣлыхъ пять лѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы-бы могли писать, князь! Вы-бы могли повторить фон-Визина, Грибоѣдова, Гоголя!..

— Ну да, ну да! говоритъ вседовольный князь,—я могу повто-рить... и, знаете, я былъ необыкновенно остроуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-виль написалъ. Тамъ было нѣсколько вос-хи-тительныхъ куплетовъ! Впрочемъ, его никогда не играли...

— Ахъ, какъ-бы это мило было прочесть! И, знаешь, Зина, вотъ теперь-бы. кстати! У насъ-же собираются составить театръ,— для патріотическаго пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ. . вотъ-бы вашъ водевиль!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать... впрочемъ, я его

совершенно забылъ. Но, помню, тамъ было два — три каламбура такихъ, что.. (и князь поцаловалъ свою ручку). И вообще, когда я былъ за гра-ни-цей, я производилъ нас-то-ящій fu-rore. Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-гѣ. Восхитительно танцовалъ краковякъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! Помилуйте, дядюшка, что вы?

— Ну да, лордъ Байронъ. Впрочемъ, можетъ быть, это былъ и не лордъ Байронъ, а кто нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно припоминаю. И преори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ какой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельно танцовалъ краковякъ и, наконецъ, сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ случай, стихи сочинилъ:

Нашъ по-лякъ
Танцовалъ краковякъ...

А тамъ... а тамъ, вотъ ужь дальше и не припомню...

— А какъ ногу сломалъ,
Танцовать пересталъ.

— Ну, ужь вѣрно такъ, дядюшка! восклицаетъ Мозгляковъ. все болѣе и болѣе приходя въ вдохновенье.

— Кажется, что такъ, другъ мой, отвѣчаетъ дядюшка, — или что нибудь по-добное. Впрочемъ, можетъ быть, и не такъ, но только преудачные вышли стишки... Вообще, я теперь забылъ нѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ-же вы все это время занимались въ вашемъ уединеніи, — интересуется Марья Александровна. — Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince, что, признаюсь, на этотъ разъ сгораю нетерпѣніемъ узнать объ этомъ подробнѣе...

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много за-ня-тій. Когда — отдыхаешь: а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи...

— У васъ, должно быть, чревычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я иногда такое воображу, что даже самъ себѣ потомъ у-див-ляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ... A propos! Вѣдь ты, кажется, кадуевскимъ вице-губернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка? Помилуйте, что вы! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! А я тебя все принималъ за вице-губернатора, да и думаю: что-жь это у него какъ будто-бы

вдругъ стало совѣмъ другое ли-цо?.. У того, знаешь, было лицо такое о-ca-нистое, умное. Не-о-бык-новенно умный былъ человѣкъ, и все стихи со-чи-нялъ, на разные случаи. Немного, этакъ съ боку, па бубноваго короля былъ похожъ...

— Нѣтъ, князь,—перебиваетъ Марья Александровна,—клянусь, вы погубите себя такой жизнію! Затвориться на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слыхать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите спросите изъ тѣхъ, кто вамъ преданъ, и вамъ всякій скажетъ, что вы—погибшій человѣкъ!

— Неужели? восклицаетъ князь.

— Увѣряю васъ; я говорю вамъ какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что намять о прошломъ для меня священна! Какая выгода была-бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь,—иначе вы заболѣете, вы истощите себя, вы умрете ..

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро умру! восклицаетъ испуганный князь, — и представьте себѣ, вы угадали: меня чрезвычайно мучитъ геммороя, особенно съ нѣкотораго времени... И когда у меня бываютъ припадки, то вообще у-ди-ви-тельные при этомъ симптомы (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу)... Во первыхъ...

— Дядюшка, это вы въ другой разъ разскажете,—подхватываетъ Павелъ Александровичъ,—а теперь... не пора-ли намъ ѣхать?

— Ну, да! Пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю... Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды... Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ ужо вечеромъ разскажу одинъ случай въ под-роб-ности...

— Но послушайте, князь, вамъ-бы попробовать лечиться за границей,—перебиваетъ еще разъ Марья Александровна.

— За границей! Ну да, ну да! Я непремѣнно поѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, француженкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю жизнь. Но, впрочемъ, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ нѣмецкій баронъ: онъ еще потомъ, нѣкоторое время, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

— Но, cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серіозно подумать о своемъ здоровьѣ. За границей такіе медики... и, сверхъ того, чего стоитъ уже одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить, хоть на время, ваше Духаново.

— Нет-ре-мѣнно! Я уже давно рѣшился, и, знаете, намѣренъ лѣчиться гид-ро-па-тіей.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лѣчился разъ гид-ро-па-тіей. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барыня, я ужъ фамилію забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь, лѣтъ пятидесяти, вдова, съ бѣльмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вы-шелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила, и за то подъ судомъ была. Вотъ и вздумали онѣ меня водой лѣчить. Я, признаюсь, ничѣмъ не былъ болѣнъ; ну, пристали ко мнѣ: «лѣчись, да лѣчись!» Я, изъ деликатности, и началъ пить воду; думаю: и въ самомъ дѣлѣ легче сдѣлается. Пилъ-пилъ, пилъ-пилъ, выпилъ цѣлый водопадъ, и, знаете, эта гидропатія полезная вещь и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что, если-бъ я, наконецъ, не забо-лѣлъ, то, увѣряю васъ, что былъ-бы совершенно здоровъ...

— Вотъ это совершенно справедливое заключенье, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! Какіе вы вопросы задаете! — строго замѣчаетъ скандализированная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я и философіи обучался въ Германіи, весь курсъ прошелъ, но только тогда-же все совершенно забылъ. Но... признаюсь вамъ... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я... весь разстроенъ. Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь...

— Но куда-же вы, князь?—вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Я только записать одну новую мысль... au revoir...

— Каковъ? — вскрикиваетъ Павелъ Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣнье.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, чему вы смѣетесь! начинаетъ она съ горячностію.—Смѣяться надъ почтеннымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать на смѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою!—Я краснѣла за васъ, Павелъ Александровичъ! Но, скажите, чѣмъ онъ смѣшонъ по вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшнаго.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговаривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой адской женщины. Его надо

жалѣть, а не смѣяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узналъ; вы были сами свидѣтелемъ. Это уже, такъ сказать, — воніетъ! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю ему ѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, броситъ эту... торговку!

— Знаете-ли что? Его надо женить, Марья Александровна! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Опять! Но вы неисправимы послѣ этого, мсье Мозгляковъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серіозно! Почему-жъ не женить? Это тоже идея! C'est une idée comme une autre! Чѣмъ можетъ это повредить ему, скажите пожалуйста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону, онъ еще можетъ жениться. Во первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохи (извините за выраженіе). Во вторыхъ, и, главное — представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку, или, еще лучше, вдову, милую, добрую, умную, нѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ, какъ дочь, и пойметъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своею женою. А что-же ему лучше, какъ не родное, какъ не искреннее и благородное существо, которое безпрерывно будетъ подлѣ него, вмѣсто этой... бабы. Разумѣется, она должна быть хорошенькая, потому что дядюшка до сихъ поръ еще любитъ хорошенькихъ. Вы замѣтили, какъ онъ заглядывался на Зинаиду Аѳанасьевну?

— Да гдѣ-же вы найдете такую невѣсту?—спрашиваетъ Настасья Петровна, прилежно слушавшая.

— Вотъ такъ сказали: да хоть-бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во первыхъ — вы хорошенькая, во вторыхъ вдова, въ третьихъ—благородная, въ четвертыхъ — бѣдная (потому что вы дѣйствительно небогатая), въ пятыхъ—вы очень благоразумная дама, слѣдственно будете любить его, держать его въ хлопочахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфектами, все это ровно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бренный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а, можетъ быть, и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы княгиня, вдова, богачка и, въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза, или за генералъ-интенданта! C'est joli, не правда-ли?

— Фу ты, Боже мой! Да я-бы, мнѣ кажется, влюбилась въ него, голубчика, изъ одной благодарности, если-бъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе! восклицаетъ госпожа Зяблова, и томные, выразительные глаза ея засверкали:—только все это—вздоръ!

— Вздоръ? Хотите, это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенько и потомъ палецъ мнѣ отрѣжьте, если сегодня-же не будете его невѣстою! Да нѣтъ ничего легче уговорить или сманить на что нибудь дядюшку! Онъ все говоритъ: «Ну да, ну да!» —Сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй, обманемъ и женимъ; да вѣдь для его-же пользы, помилосердуйте!.. Хоть-бы вы приняряднлись на всякій случай, Настасья Петровна!

Восторгъ мсье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У госпожи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли, однако-же, слюнки.

— Да ужь я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка,— отвѣчаетъ она. Совсѣмъ опустилась, давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ Грибусье... А что, въ самомъ дѣлѣ, я кухаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миной въ лицѣ. Я не ошибусь, если скажу, что она слушала странное предложеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ, она опомнилась.

— Все это, положимъ, очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а главное— совершенно некстати,—рѣзко перерываетъ она Мозглякова.

— Но, почему-же, добрѣйшая Марья Александровна, почему-же это вздоръ и некстати?

— Но многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь—мой гость, и что я никому не позволю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе, какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! Вотъ и князь!

— Вотъ и я!—кричитъ князь, входя въ комнату.—Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ идей. А другой разъ, можетъ быть, ты и не повѣришь тому, какъ будто ихъ совсѣмъ не бываетъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это дядюшка, вѣроятно, отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы, и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому-же приписываю и нахожу этотъ случай даже полезнымъ; такъ что я рѣшился простить моего Өео-фи-ла. Знаешь что? Мнѣ кажется, что онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? Притомъ-же онъ и безъ того былъ недавно наказанъ, когда ему бороду сбрили.

— Бороду сбрили, дядюшка! Но у него борода съ нѣмецкое государство?

— Ну да, съ нѣмецкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ за-клю-че-ніяхъ. Но это искус-

ственная. И, представьте себѣ, какой случай; вдругъ присылаютъ мнѣ прейсъ-курантъ Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйшія кучерскія и господскія бо-ро-ды, равномѣрно бакенбарды, эспаньолки, усы и проч., и все это лучшаго ка-че-ства, и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, выпишу бо-ро-ду, хоть поглядѣть—что такое? Вотъ и выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно борода заглядѣнье! Но оказывается, что у Ѳеофила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется, возникло недоумѣніе: сбрить-ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшилъ, что ужь лучше носить искусственную.

— Вѣроятно потому, что искусство выше натуры, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили! Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора-ли ѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору!— въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна.—Вы теперь *мой*, князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я, конечно, ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ быть, вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ разочаровывать: къ тому-же я вполнѣ увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, нянька на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣтъ, вы не знаете вполнѣ этихъ людей, по крайней мѣрѣ, до времени!..

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все какъ я вамъ обѣщалъ, такъ будетъ,—говоритъ Мозгляковъ.

— Ужь вы, вѣтренникъ! Положись на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ деревнѣ! Какъ-бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любитъ!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? спрашиваетъ князь.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы забывчивы, князь! Но вы совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Аѳанасій Матвѣичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните, князь: Аѳанасій Матвѣичъ?..

— Аѳанасій Матвѣичъ! Въ деревнѣ, представьте себѣ, mais c'est délicieux! Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный, однако-же, случай! Это точь въ точь какъ есть одинъ водевиль: мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! Только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется, въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ, выходитъ какъ-то очень смѣшно.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка, — подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну-ну! Да-да! Благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь, charmant, charmant! Такъ что оно и складно выходитъ. Ты всегда въ рифму попадаешь, мой милый! То-то, я помню: въ Ярославль или Кострому, но только куда-то и жена тоже поѣхала! Charmant, charmant! Впрочемъ, я немного забылъ, о чемъ началъ говорить... Да! И такъ мы ѣдемъ, другъ мой. Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle,—прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цалуя кончики своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе!— кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

ГЛАВА V.

— Вы-бы, Настасья Петровна, взглянули на кухнѣ, говоритъ она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ извергъ Никитка непремѣнно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ...

Настасья Петровна повинуется. Уходя, она подозрительно взглядываетъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней какое-то необыкновенное волненіе. Вмѣсто того, чтобъ идти присмотрѣть за звѣремъ Никиткой, — Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда, корридоромъ, въ свою комнату, оттуда въ темную комнатку, въ родѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшана кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважину и подслушиваетъ. Эта дверь — одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ остались теперь Зина и ея маменька,—всегда наглухо заперта и заколочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не церемонится и подслушиваетъ. Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресла и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и какая-то непріятная тоска начинаетъ щемить ея сердце.

— Зина!

Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маменькѣ, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что̀, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ, сегодня, *этотъ* Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете, какъ я о немъ думаю, — не-хотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, mon enfant: но, мнѣ кажется, онъ становится какъ-то ужь слишкомъ навязчивымъ съ своими... исканіями.

— Онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня и навязчивость его извинительна.

— Странно! Ты прежде не извиняла его такъ... охотно. Напротивъ, всегда на него нападала, когда я заговорю объ немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и непремѣнно хотѣли, чтобъ я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина: я желала тебя видѣть за Мозляковымъ. Мнѣ тяжело было видѣть твою безпрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (что̀-бы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по ночамъ. Я увѣрилась, наконецъ, что одна только значительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна эта должна быть—замужество. Мы небогаты и не можемъ ѣхать, напримѣръ, за границу.— Здѣшніе ослы удивляются, что тебѣ двадцать три года и ты не замужемъ, и сочиняютъ объ этомъ исторіи. Но неужели-жь я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника, или за Ивана Ивановича, нашего стряпчаго? Есть-ли для тебя здѣсь мужья? Мозгляковъ, конечно, пусть, но онъ всѐтаки лучше всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтораста душъ; это всѐтаки лучше, чѣмъ жить крючками да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него мои взгляды. Но, клянусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему симпатіи. Я увѣрена, что самъ Всевышній предупреждалъ меня. И если-бы Богъ послалъ, хоть теперь, что нибудь лучше,—о! Какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! Ты вѣдь сегодня не сказала ему навѣрно, Зина?

— Къ чему такъ кривляться, маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! И ты могла сказать такое слово матери? Но, что я! Ты давно уже не вѣришь своей матери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью.

— Э, полноте, маменька! Намъ-ли съ вами за слово спорить! Развѣ мы не понимаемъ другъ друга? Было, кажется, время понять!

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобъ устроить судьбу твою!

Зина взглянула на мать насмѣшливо и съ досадою.

— Ужь не хотите-ли вы меня выдать за этого князя, чтобъ *устроить* судьбу мою? спросила она съ странной улыбкой.

— Я ни слова не говорила объ этомъ, но къ слову скажу, что если-бъ случилось тебѣ выйдти за князя, то это было-бы счастьемъ твоимъ, а не безуміемъ...

— А я нахожу, что это просто вздоръ! запальчиво воскликнула Зина.—Вздоръ! Вздоръ! Я нахожу еще, маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическихъ вдохновеній, вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ безпрерывно проэкты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаютъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо женить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что вы объ этомъ думаете, и теперь съ этимъ-же ко мнѣ подъѣзжаете. Но, такъ какъ ваши безпрерывные проэкты на счетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоѣдать, начинаютъ мучить меня, то прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ ни слова, слышите-ли, маменька,—ни слова, и я-бы желала, чтобъ вы это запомнили! —она задыхалась отъ гнѣва.

— Ты дитя, Зина, — раздраженное, больное дитя! отвѣчала Марья Александровна, растроганнымъ, слезящимся голосомъ. — Ты говоришь со мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла-бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь, а я мать и, прежде всего, христіанка. Я должна терпѣть и прощать Но одно слово, Зина: если-бъ я и дѣйствительно мечтала объ этомъ союзѣ, — почему именно ты считаешь все это вздоромъ? По моему, Мозгляковъ никогда не говорилъ умнѣе давешняго, когда доказывалъ, что князю необходима женитьба, — конечно, не на этой чумичкѣ Настасьѣ. Тутъ ужь онъ заврался.

— Послушайте, маменька! Скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебѣ такимъ вздоромъ?

— Ахъ, досада! Вѣдь достается-же такая судьба! — восклицаетъ Зина, топнувъ ногою отъ нетерпѣнія. — Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ нелѣпостяхъ, — воспользоваться тѣмъ, что стариканка выжилъ изъ ума, обмануть его, выйдти за него. за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги, и потомъ каждый день, каждый часъ желать его смерти, по моему, это не только вздоръ, но, сверхъ того, такъ низко, такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! А помнишь-ли, что было два года назадъ? спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька! сказала она строгимъ голосомъ, —вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не напоминать объ этомъ!

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это обѣщаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушала. Зина! Пришло время полнаго объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.. Я готова на колѣняхъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь, Зина: родная мать умоляетъ тебя на колѣняхъ! Вмѣстѣ съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое—слово несчастной матери, обожающей свою дочь, что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже если-бъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь—это необходимо!

Марья Александровна разсчитывала на полный эффектъ.

— Говорите,—сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему маленькому брату, ходилъ учитель...

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно не нужны, которыя тяжелы, и которыя намъ обѣимъ слишкомъ извѣстны? съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это-же все дѣло совершенно съ другой точки зрѣнія, а не съ той ошибочной точки, съ которой ты привыкла смотрѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывесть. — Не думай, дитя мое, что я

хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ. Зина, ты найдешь во мнѣ настоящую мать, и, можетъ быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, у ногъ *низкой женщины*, какъ ты сейчасъ назвала меня, сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно до сихъ поръ отвергала. Вотъ почему я хочу высказать все, Зина, все съ самаго начала; иначе я молчу!

— Говорите, — повторила Зина, отъ всего сердца проклиная потребность краснорѣчія своей маменьки.

— Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣзднаго училища, почти еще мальчикъ, производитъ на тебя совершенно непонятное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твое благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество (потому что надо-же все говорить), чтобы хоть что нибудь подозрѣвать между вами. И вдругъ ты приходишь ко мнѣ и рѣшительно объявляешь, что намѣрена выйдти за него замужъ! Зина! Это былъ кинжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но... ты все это помнишь! Разумѣется, я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Подумай: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, кропатель дрянныхъ стишковъ, которые, изъ жалости, печатаютъ въ Библіотекѣ для Чтенія, и умѣющій только толковать объ этомъ проклятомъ Шекспирѣ, — этотъ мальчикъ — твой мужъ, мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его наступниковъ! Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводитъ меня изъ себя! Я отказала ему, но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопалъ глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія. Но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками: уже обрадовались, уже затрубили во всѣ рога и вдругъ всѣ мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то ссоритесь: онъ оказывается самымъ недостойнымъ тебя... мальчишкой (я никакъ не могу назвать его человѣкомъ!) и грозитъ тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ извѣстно и это обстоятельство! Мнѣ все, все извѣстно! Несчастный, въ тотъ-же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодяю Заушину и, черезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельнаго врага моего. Въ тотъ-же вечеръ этотъ сумасшедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ нелѣпую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ

выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибѣгаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ у Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ знать о твоемъ позорѣ! Я пересилила себя, я не упала въ обморокъ,—но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина. Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья требуетъ двѣсти рублей серебромъ и за это клянется достать обратно письмо. Я сама, въ легкихъ башмакахъ, по снѣгу, бѣгу къ жиду Бумштейну и закладываю мой фермуаръ — память праведницы, моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и—честь твоя спасена,—доказательствъ нѣтъ! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить ужасный день! На другой-же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ на головѣ моей. Зина! Ты сама разсудила теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь согласишься и, можетъ быть, съ горькою улыбкою, что было-бы вѣрхомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучаешься, дитя мое; ты не можешь забыть его, или, лучше сказать, не его,—онъ всегда былъ недостоинъ тебя, а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ: говорятъ, онъ въ чахоткѣ, а ты,—ангелъ доброты!—Ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобъ не растерзать его сердца, потому что онъ до сихъ поръ еще мучится ревностію, хотя я увѣрена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглякова, онъ нашёптывалъ, подсылалъ, выспрашивалъ. Ты щадишь его, дитя мое, я угадала тебя, и, Богъ видитъ, какими горькими слезами обливала я подушку мою!..

— Да оставьте все это, маменька! —прерываетъ Зина, въ невыразимой тоскѣ.—Очень понадобилась тутъ ваша подушка,—прибавляетъ она съ колкостію. — Нельзя безъ декламацій, да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, каюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно-ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность, какъ на романтизмъ, навѣянный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который, какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудитъ меня за мои тогдашній испугъ, за принятыя мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, видя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю

и цѣню твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣрена, что ты любишь не его, этого неестественнаго мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои возвышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь-ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ, въ твоемъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ слушала всю эту длинную декламацію, отлично зная, что маменька никогда не впадетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серіозно положили выдать меня за этого князя? — вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою. — Стало быть, это уже не одинъ мечты, не проэкты, а твердое ваше намѣреніе? Стало быть, я угадала? И... и... какимъ образомъ это замужество спасетъ меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И... и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили,—со всей этой исторіей?.. Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, mon ange, какъ можно не понимать всего этого! — восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь.—Во первыхъ—ужь одно то, что ты переходишь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставляешь навсегда этотъ отвратительный городишко, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ нѣтъ у тебя ни привѣта, ни друга, гдѣ оклеветали тебя, гдѣ всѣ эти сороки ненавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь даже ѣхать этой-же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамбра, гдѣ Гвадалквивиръ, а не здѣшняя сѣверная рѣчонка, съ непріличнымъ названіемъ...

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не безпокойся объ этомъ, мой ангелъ, я знаю, что я говорю. Но,—позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое*, теперь *второе*: я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала-бы руку этому Мозглякову...

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою!—отвѣчала съ горячностію Зина, и глаза ея засверкали.

— И если-бъ ты знала, какъ я понимаю твое отвращеніе,

другъ мой! Ужасно поклясться передъ алтаремъ Божіимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ потребуетъ твоей любви: онъ для того и женится, я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каково-же притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отецъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость, и сколько разъ ты видѣла слезы мои!

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста,—отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашняя его заступница. Ахъ, Зина! У меня все сердце замирало, когда я, изъ разсчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его любить .. любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви...

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ, что вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать, неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого, и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года бли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну, что-жъ? Придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будетъ!

— Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога. не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право! Позволь мнѣ посмотрѣть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ-же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два, и, по моему, лучше ужъ быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужъ о томъ, что ты, по смерти его, — княгиня, свободна, богата. независима! Другъ мой, ты, можетъ быть, съ презрѣніемъ смотришь на всѣ эти разсчеты, — разсчеты на смерть его! Но—я мать. а какая мать осудитъ меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до сихъ поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйдти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ, конечно, пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по разсчету, по необходимости. Наконецъ, онъ пойметъ... то есть я просто хочу сказать, что, по смерти князя, ты можешь опять выйдти замужъ, за кого хочешь...

— Но просту выходитъ: выйдти замужъ за князя, обобрать его и разсчитывать потомъ на его смерть, чтобъ выйдти потомъ за любовника. Хитро вы подводите ваши итоги! Вы хотите собла-

нить меня, предлагая мнѣ... Я понимаю васъ, маменька, вполнѣ понимаю! Вы никакъ не можете воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ дѣлѣ. Сказали-бы лучше прямо и просто: Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласись на нее!» Это, по крайней мѣрѣ, было-бы откровенно.

— Но зачѣмъ-же, дитя мое, смотрѣть непремѣнно съ этой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія. Ты считаешь мои разсчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святаго, гдѣ-же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты, — ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшіе годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крашва, эта гнусная женщина, которая околдовала его и съ жадностію сосетъ его соки! Неужели-жъ его деньги, его княжество стоятъ дороже тебя? Гдѣ-же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь, что говоришь, Зина!

— Вѣрно стоятъ, коли надо выходить за калѣку! Обманъ — всегда обманъ, маменька, какія-бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! На это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрою милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что оно уже не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой, болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святостію—и Богъ благословитъ тебя. Этотъ старикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонятъ; я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь-же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его,—если ужъ все говорить! — Но согрѣй его сердце, и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣшонъ,—не смотри на это. Онъ получеловѣкъ,— пожалѣй его: ты христіанка! Принудь себя; такіе подвиги трудятся. На нашъ взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отвратительно дышать зараженнымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лѣкарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ—и ты залѣчишь раны свои. Гдѣ-же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты, можетъ быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долгѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять, какъ я, женщина свѣтская, суетная, могу имѣть сердце, чувства, правила? Что-жъ?

Не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласись, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголъ, представь, что тебѣ говоритъ какой нибудь невидимый голосъ... Тебя, главное, смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помоги хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онъ не приметъ никакой помощи, — проговорила Зина тихо, какъ-бы про себя.

— Онъ не приметъ, но мать его приметъ.—отвѣчала торжествующая Марья Александровна: — она приметъ тихонько отъ него. Ты продала свои серьги, тетушкинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ: я это знаю. Я знаю, что старуха стираетъ бѣлье на людей, чтобъ кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не нужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь, — подхватила Марья Александровна, и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе осѣнило ее:— знаю про что ты говоришь. Говорятъ, онъ въ чахоткѣ и скоро умретъ. Но кто-же это говоритъ? Я, на дняхъ, нарочно спрашивала о немъ Калиста Станиславича: я интересовалась о немъ, потому что у меня есть сердце, Зина. Калистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь, конечно, опасна, но что онъ до сихъ поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чахоткѣ, а такъ только, довольно сильное грудное разстройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ-бы выздоровѣть. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Испаніи, — и это я еще прежде слышала, даже читала, —что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, Кадикетя, Малага,—однимъ словомъ, похоже на какое-то вино, — гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совсѣмъ выздоравливали отъ одного климата, и что туда нарочно ѣздятъ лѣчиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но ужь одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти испанцы на своихъ мулахъ! — Одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на натуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ, для этого путешествія? Такъ обмани его, если тебѣ жаль! Обманъ простителенъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою: скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагород-

ному, Зина: ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его и потому — все позволительно! Ты воскресишь его надеждою: онъ самъ начнетъ обращать вниманіе на свое здоровье, лѣчиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣетъ, то ты, хоть и не выйдешь за него,—все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ, можно и на него взглянуть съ состраданіемъ! Можетъ быть, судьба научила и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достоинъ тебя,— пожалуй, и выйди за него, когда овдовѣешь. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылѣчивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, если-бъ вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, пищета, дранье за уши мальчишекъ, потому что это сопряжено съ его должностью, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ, воскресивъ его, — ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели: Простивъ ему — ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты, открывъ ему новую жизнь, Простивъ ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войдти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣетъ, то умретъ счастливый, примиренный съ собою, на рукахъ твоихъ, потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты, увѣренный въ любви твоей, прощенный тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О, Зина! Все это въ рукахъ твоихъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ—и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувства Зины: мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная, въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери, она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ она могла находиться и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотронулась до самыхъ больныхъ мѣстъ сердца Зины, и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойдтись безъ выставки благородныхъ чувствъ, которыя, конечно, не ослѣпили Зину. «Но что за нужда, она мнѣ не вѣритъ», думала Марья Александровна,— «только-бы ее заставить задуматься! Только-бы довѣрчиво намекнуть, о чемъ мнѣ прямо нельзя говорить!» —Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь волновалась.

— Послушайте, маменька,—сказала она, наконецъ, рѣшительно хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость.—Послушайте, маменька...

Но въ это мгновеніе внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней и рѣзкій, крикливый голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставилъ Зину вдругъ остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ, Боже мой!—вскричала она,—чортъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я-жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ!—прибавила она, чуть не въ отчаяніи.—Но... но невозможно теперь не принять ее! Невозможно! Она, навѣрно, съ вѣстями, иначе не посмѣла-бы и явиться. Это важно, Зина! Мнѣ надо знать... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать!—Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! закричала она, бросаясь на встрѣчу вошедшей гостьѣ!—Какъ это вамъ вздумалось вспомнить обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-ро-ва-тельный сюрпризъ!

Зина убѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Полковница, Софья Петровна Фарфухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесятилѣтняя дама, съ остренькими глазками, въ веснушкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣльцѣ ея, помѣщеномъ на тоненькихъ, крѣпкихъ воробьиныхъ ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была злобѣлая и мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ отставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того выпивала по четыре рюмки водки утромъ и столько-же вечеромъ, и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Антипову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитріевну Паскудину, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, mon ange, — защебетала она.—Я вѣдь напрасно и сѣла. Я заѣхала только разсказать, какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съума сошелъ отъ этого князя! Наши пройдохи — vous comprenez! — его ловятъ, ищутъ, танцуютъ его на расхватъ, шампанскимъ поятъ,—вы не по-

вѣрите! Не повѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете-ли, что онъ теперь у Натальи Дмитріевны?

— У Натальи Дмитріевны!—вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ:—Да вѣдь онъ къ губернатору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ быть, къ Аннѣ Николаевнѣ, и то не надолго!

— Ну да, не надолго; вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аннѣ Николаевнѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у ней, а Наташка, которая теперь отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь!

— А что-жь... Мозгляковъ? Вѣдь онъ обѣщался...

— Дался вамъ этотъ Мозгляковъ! Хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда-же! Посмотрите, если его въ картишки тамъ не засадятъ, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ: обдуютъ, какъ липку. А какія она вещи распускаетъ, Наташка-то! Ведухъ кричитъ, что вы завлекаете князя, ну тамъ... для извѣстныхъ цѣлей,—vous comprenez? Сама ему толкуетъ объ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидитъ какъ мокрый котъ, да на всякое слово: «ну да! ну да!» А сама-то, сама-то! вывела свою Соньку—вообразите: пятнадцать лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водитъ! все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить... Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ коротенькомъ платьѣ, только еще выше колѣнъ, — я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя наночки съ перьями,—ужь не знаю, что это изображаетъ!—И подъ фортепьяно заставила обѣихъ пигалицъ передъ княземъ плясать казачка! Ну, вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: «формы», говоритъ, «формы»! Въ лорнетку на нихъ смотритъ, а онъ-то отличаются, двѣ сороки! Раскраснѣлись, ноги выворачиваютъ, такой монплезиръ поднялъ, что люли, да и только! Тьфу! Это — танецъ! Я сама танцовала съ шалью, при выпускѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарни, — такъ я благородный эффектъ произвела! Мнѣ сенаторы апплодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда, сгорѣла, сгорѣла! Я просто не высидѣла!..

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитріевны? Вѣдь вы...

— Ну да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, ma chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жь-бы я его увидала? Поѣхала-бы я къ ней, ка-бы не этотъ сквернын князинка! Представьте себѣ: всѣмъ показалъ подошвы, а мнѣ нѣтъ,

и все время со мной хоть-бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая! Вотъ я-жь ей, теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Мнѣ надо непремѣнно застать Акулину Панфиловну и ей разсказать... Только вы теперь такъ и проститесь съ княземъ! Онъ ужь у васъ больше не будетъ. Знаете — памяти-то у него нѣтъ, такъ Анна Николаевна непремѣнно къ себѣ его перетащитъ! Онѣ всѣ боятся, чтобъ вы не того... Понимаете? На счетъ Зины...

— Quelle horreur!

— Ужь это я вамъ говорю! Весь городъ объ этомъ кричитъ. Анна Николаевна непремѣнно хочетъ оставить его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, mon ange. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня: обѣдъ готовятъ, ножами стучатъ... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней поѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первой обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ея! Чтобъ надъ вами смѣялась эта пройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моей не стоитъ, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансіонѣ мадамъ Жарни воспитывалась... тьфу! Mais adieu, mon ange! У меня свои сани, а то-бы я съ вами вмѣстѣ поѣхала...

Ходячая газета исчезла, Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совѣтъ полковницы былъ чрезвычайно ясенъ и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда. Но оставалось еще самое главное затрудненіе. Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, сложивъ на крестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы; но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремила на мать. Она поспѣшно скрыла слезы и саркастическая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, сказала она, предупреждая Марью Александровну: — сейчасъ вы истратили со мною много вашего краснорѣчія, слишкомъ много. Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, не имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправдывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными цѣлями, — все это такое іезуитство, которое не могло обмануть меня. Слышите: это не могло меня обмануть, и я хочу, чтобъ вы это непремѣнно знали!

— Но, mon ange!.. вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать меня до

конца. Не смотря на полное сознаніе того, что все это только одно іезуитство; не смотря на полное мое убѣжденіе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка, — я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: *вполнѣ*, и объявляю вамъ, что готова выдти за князя и даже готова помогать всѣмъ вашимъ усиліямъ, чтобъ заставить его на мнѣ жениться. Для чего я это дѣлаю? — вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствія, чтобъ заглодить передъ нимъ мою низость: я употреблю все на свѣтѣ, чтобъ онъ не раскаявался въ томъ, что женился на мнѣ! Но, взамѣнъ моего рѣшенія, я требую, чтобъ вы откровенно сказали мнѣ: какимъ образомъ вы все это устроите? Если вы начали такъ настойчиво говорить объ этомъ, то—я васъ знаю—вы не могли начать, не имѣя въ головѣ какого нибудь опредѣленнаго плана. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни: откровенность—непремѣнное условіе! Я не могу рѣшиться, не зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожиданнымъ заключеніемъ Зины, что нѣкоторое время стояла передъ ней, нѣмая и неподвижная отъ изумленія, и глядѣла на нее во всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ романтизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь совершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопреки своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно, дѣло принимало необыкновенную прочность,—и радость засверкала въ глазахъ ея.

— Зиночка! воскликнула она въ увлеченіи,—Зиночка! Ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ, Боже мой! Я не прошу вашихъ объятій, маменька, вскричала Зина съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ: — мнѣ не надо вашихъ восторговъ! Я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь... вѣдь я для твоего-же счастья стараюсь...

И непритворныя слезы заблистали въ глазахъ ея. Марья Александровна дѣйствительно любила Зину, *по своему*, а въ этотъ разъ, отъ удачи и отъ волненія, чрезвычайно разчувствовалась. Зина, не смотря на нѣкоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи, понимала, что мать ее любитъ и — тяготилась этой любовью. Ей даже было-бы легче, если-бъ мать ее ненавидѣла...

— Ну, не сердитесь, маменька, я въ такомъ волненіи,—сказала она, чтобъ успокоить ее.

— Не сержусь, не сержусь, мой ангельчикъ! — защебетала Марья Александровна, мигомъ оживляясь.—вѣдь я и сама понимаю, что ты въ волненіи. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности... Извольте, я буду откровенна, вполнѣ откровенна, увѣряю тебя! Только-бы ты-то мнѣ вѣрила! И, во первыхъ, скажу тебѣ, что вполнѣ опредѣленнаго плана, то есть—во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нѣтъ, Зиночка, да и не можетъ быть; ты какъ умная головка, поймешь—почему. Я даже предвижу нѣкоторыя затрудненія... Вотъ и сейчасъ эта сорока натрещала мнѣ всякой всячины... (Ахъ, Боже мой! Сгубить-бы надо!) Видишь, я вполнѣ откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достигну цѣли!—прибавила она въ восторгѣ.— Увѣренность моя вовсе не поэзія, какъ ты давеча говорила, мой ангелъ: она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя. – а вѣдь это такая канва, по которой вышивай что угодно. Главное — чтобъ не помѣшали! Да этимъ-ли дурамъ перехитрить меня, вскричала она, стукнувъ рукой по столу и сверкая глазами:—ужь это мое дѣло! А для этого—всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже, чтобъ сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только выслушайте еще одну... *откровенность*: знаете-ли, почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и не довѣряю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость; но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непремѣнно такъ будетъ!..

— Но, Зиночка, какая-же тутъ особенная подлость, mon ange— робко возразила было Марья Александровна.—Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть и все очень благородно покажется...

— Ахъ, маменька, ради Бога не хитрите со мной! Вы видите, я на все, на все согласна! — ну чего-жь вамъ еще? Пожалуйста не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ быть, это теперь—единственное мое утѣшеніе.

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть несогласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только, если ты безпокоишься о подробностяхъ и боишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ: клянусь, что на тебя

не брызнетъ ни капельки грязи. Я-ли захочу тебя компрометтировать передъ всѣми? Положись только на меня и все превосходно, преблагородно уладится, главное —преблагородно! Скандалу не будетъ никакого, а если и будетъ какой нибудь маленькій, необходименькій скандальчикъ,—такъ... какъ нибудь!—Такъ вѣдь мы ужь будемъ тогда далеко! Вѣдь ужь здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами-же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобъ о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка, но ты не сердись на меня,—какъ это ты, съ твоей гордостью, ихъ боишься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! Вы совершенно меня не понимаете!—отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну, ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-то какой нибудь одинъ разочекъ въ жизни... да и что я, дура! Вовсе не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ, это даже преблагородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это, Зиночка. Во первыхъ, повторяю, все оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть...

— Да полноте, маменька, съ вашими доказательствами! — съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! Я опять завралась...

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна смиренно ходила за Зиной и съ безпокойствомъ смотрѣла ей въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотритъ въ глаза своей барынѣ.

— Я даже не понимаю, какъ вы возьметесь за дѣло, — съ отвращеніемъ продолжала Зина. — Я увѣрена, что вы натолкнетесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но для васъ это будетъ позоромъ.

— О, если только это тебя безпокоитъ, мой ангелъ, — пожалуйста не безпокойся! Прошу тебя, умоляю тебя! Только-бы мы согласились, а объ мнѣ не безпокойся. Охъ, если-бъ ты только знала, изъ какихъ я передрягъ суха выходила? Такія-ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! Ну, да позволь хоть только попробовать!— Во всякомъ случаѣ, прежде всего, нужно какъ можно скорѣе быть наединѣ съ княземъ. Это самое первое! А все остальное будетъ зависѣть отъ этого! Но ужь я предчувствую и остальное. Они всѣ возстанутъ, но... это ничего! Я ихъ сама отдѣлаю! Пугать меня еще Мозгляковъ...

— Мозгляковъ?—съ презрѣніемъ проговорила Зина.

— Ну да, Мозгляковъ: только ты не бойся, Зиночка! Клянусь тебѣ, я его до того доведу, что онъ-же будетъ намъ помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! Ты еще не знаешь, какая я въ

лѣлъ! Ахъ, Зиночка, душенька! Давеча, какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужъ и загорѣлась мысль въ головѣ! Меня какъ будто разомъ всю освѣтило. И кто-жъ, и кто-жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ пріѣдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой оказіи! Зиночка! Ангельчикъ! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и калѣку, а въ томъ, если выйдешь за такого, котораго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *дѣйствительно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему-жъ, дураку, будетъ выгода,—ему-же, дураку, даютъ такое неоцѣненное счастье! Ахъ, какая ты сегодня красавица, Зиночка! Раскрасавица, а не красавица! Да я-бы, если-бъ была мужчиной, я-бы тебѣ полцарства достала, если-бъ ты захотѣла! Осы они всѣ! Ну, какъ не поцаловать эту ручку? —И Марья Александровна горячо поцаловала руку у дочери.—Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! Да хоть насильно женить его, дурака! А какъ заживемъ-то мы съ тобой, Зиночка! Вѣдь ты не разлучишься со мной, Зиночка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть и ссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки...

— Маменька! Если ужъ вы рѣшились, то, можетъ быть, вамъ пора... что нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете!—въ нетерпѣніи сказала Зина.

— Пора, пора, Зиночка, пора! Ахъ! Я заболталась!—схватилась Марья Александровна.—Онъ тамъ хотятъ совсѣмъ сманить князя. Сейчасъ-же сажусь и ѣду! Поѣду, вызову Мозглякова, а тамъ.. Да я его силой увезу, если надо! Прощай, Зиночка, прощай, голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное—не грусти! Все прекрасно, прекблагородно обдѣлается! Главное, съ какой точки смотрѣть... ну, прощай, прощай!..

Марья Александровна перекрестила Зиночку, выскочила изъ комнаты, съ минутку повертѣлась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ въ своей каретѣ на полозьяхъ, которая ежедневно запрягалась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила en grand.

«Нѣтъ, не вамъ перехитрить меня! думала она сидя въ своей каретѣ. Зина согласна, значитъ половина дѣла сдѣлана, и тутъ—оборваться! Вздоръ! Ай-да Зина! Согласилась таки, наконецъ! Значитъ и на твою головку дѣйствуютъ иные разсчеты! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но только ужасъ, такъ она хороша сегодня! Да я-бы, съ ея красотой, пол-Европы перевернула по своему! Ну, да подождемъ... Шекспиръ-то слетитъ,

когда княгиней сдѣлается, да кой съ чѣмъ познакомится. Что она знаетъ? Мордасовъ, да своего учителя! Гм... Только какая-же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! Взглянетъ—королева взглянетъ. Ну, какъ, ну какъ не понимать своей выгоды? Поняла-жь, наконецъ! Пойметъ и остальное... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится-же, наконецъ, со мной во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня; меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай, городишко! Умретъ этотъ князь, умретъ этотъ мальчишка, и тогда я ее за владѣтельнаго принца выдамъ! Одного боюсь: не слишкомъ-ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ-ли откровенничала: не слишкомъ-ли я разчувствовалась? Пугаетъ она меня, охъ, пугаетъ!

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать: они были хлопотливы. Но вѣдь говорится-же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ руки, задумавшись. О многомъ она передумала. Часто и почти безсознательно повторяла она: «пора, пора, давно пора!» Что значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блистали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ. Она не думала отирать ихъ,—останавливать. Но напрасно безпокоилась ея маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ...

«Постой-же!» думала Настасья Петровна, выбираясь изъ своего чуланчика, по отъѣздѣ полковницы.—«А я было и бантикъ розовый хотѣла приколоть для этого князинки! И повѣрила-же, дура, что онъ на мнѣ женится! Вотъ тебѣ и бантикъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я пищая, я взятки по двѣсти цѣлковыхъ беру. Еще-бы съ тебя упустить, не взять, франтиха ты этакая! Я взяла благороднымъ образомъ: я взяла на сопряженные съ дѣломъ расходы... Можетъ, мнѣ самой пришлось-бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя-же работала, бѣлоручка ты этакая! Тебѣ-бы только по канвѣ вышивать! Погоди-жь, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ обоимъ, какова я чумичка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!

ГЛАВА VII.

О Марью Александровну увлекалъ ея геній. Она замыслила великій и смѣлый проэктъ Выдать дочь за богача, за князя и за калѣку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользовавшись слабоумiемъ и беззащитностью своего гостя, выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали-бы враги Марьи Александровны,—было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проэктъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывалъ изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаявалась. «Изъ такихъ-ли передрягъ я суха выходила!» говорила она Зинѣ, и говорила справедливо. Не то какая-жь-бы она была героиня?

Безспорно, что все это походило нѣсколько на разбой на большой дорогѣ; но Марья Александровна и на это не слишкомъ-то обращала вниманiе. На этотъ счетъ у ней была одна удивительно вѣрная мысль: «обвѣнчаютъ, такъ ужь не развѣнчаются»,—мысль простая, но соблазнявшая воображенiе такими необыкновенными выгодами, что Марью Александровну, отъ одного уже представленiя этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и кололо мурашками. Вообще, она была въ ужасномъ волненiи и сидѣла въ своей каретѣ какъ на иголкахъ. Какъ женщина вдохновенная, одаренная несомнѣннымъ творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣйствiй. Но планъ этотъ былъ составленъ вчернѣ, вообще, en grand, и еще какъ-то тускло просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ случаевъ. Но Марья Александровна была увѣрена въ себѣ: она волновалась не страхомъ неудачи,—нѣтъ! Ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣнiе, благородное нетерпѣнiе сожигало ее при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенiя нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ, мордасовцевъ, и, преимущественно, отъ благороднаго общества мордасовскихъ дамъ. Онъ на опытѣ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ, въ настоящую минуту, можетъ быть, уже знаютъ все изъ ея намѣренiй, хотя объ нихъ еще никто никому не разсказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ ея домѣ, который, случившись утромъ, не былъ-бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно

Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ что случилось на самомъ дѣлѣ и чего еще не знала она положительно. Около полудня, то есть ровно черезъ три часа по пріѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространились странные слухи. Гдѣ начались они—неизвѣстно, но разошлись они почти мгновенно. Всѣ вдругъ стали увѣрять другъ друга, что Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданницу, двадцатитрехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставкѣ и что все это уже рѣшено и подписано. Что было причиною такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ поняли въ самое сердце ея завѣтныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несообразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такія дѣла очень рѣдко могутъ обдѣлываться въ одинъ часъ, ни очевидная несостоятельность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось.—Не могли разувѣрить мордасовцевъ. Слухъ разростался и укоренялся съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться, именно въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давешнему разговору съ Зиной объ этомъ-же самомъ предметѣ. Таково-то чутье провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ-бы быть психологомъ и сердцевѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердцевѣдовъ, чрезвычайно многоословъ. Но это въ сторону: это мысль лишняя. Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блистательнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣли почти еще больше Марьи Александровны,—за что? —Неизвѣстно. Можетъ быть, красота Зины была отчасти тому причиною. Можетъ быть, и то, что Марья Александровна всетаки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля ягода*. Исчезни она изъ города и—кто знаетъ? Объ ней-бы, можетъ быть, пожалѣли. Она оживляла общество безпрерывными исторіями. Безъ нея было-бы скучно. Напротивъ того, Зина дер-

жала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть, сама не замѣчая того, вела себя передъ ними невыносимо надменно. И вдругъ теперь эта-же самая Зина, про которую даже ходили скандалезныя исторіи, эта надменная, эта гордячка Зина становится милліонеркой, княгиней, войдетъ въ знать. Года черезъ два, когда овдовѣетъ, выйдетъ за какого нибудь герцога, можетъ быть, даже за генерала; чего добраго—пожалуй, еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ, какъ нарочно, вдовецъ и чрезвычайно нѣженъ къ женскому полу). Тогда она будетъ первая дама въ губерніи, и, разумѣется, одна эта мысль уже была невыносима и никогда никакая вѣсть не возбудила-бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростные крики со всѣхъ сторонъ. Кричали, что это грѣшно, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоуміемъ; что старика надо спасти отъ кровожадныхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и безнравственность; что, наконецъ, чѣмъ-же другія хуже Зины? И другія могли-бы точно такъ-же выйдти за князя. Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна еще только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что возможно и что даже невозможно, чтобъ воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ-же теперь конфисковать князя, такъ что приходится его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хоть и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя-же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ, кто поручится, что сегодня, что черезъ два-же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подъ такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдутъ въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ, нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было еще и не начато. Вдругъ геніальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марьи Александровны. Объ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновенная, рѣшившись даже на настоящій бой, если-бъ только представилась надобность, чтобъ овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣлается и гдѣ она встрѣтитъ его, но зато она знала навѣрно, что скорѣе Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна іота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать. Если спросятъ: какимъ образомъ, не смотря на всѣ козни враговъ, ей удалось таки настоять на своемъ и оставить Анну Николаевну съ довольно большимъ носомъ? — то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марьи Александровны. Ей-ли не одержать побѣду надъ какой нибудь Анной Николаевной Антиновой? Она просто арестовала князя, уже подъѣзжавшаго къ дому ея соперницы и, не смотря ни на что, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандалу, пересадила старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что, въ рѣшительныхъ случаяхъ, не задумывалась даже передъ скандаломъ, принимая за аксіому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновенію, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно веселъ, острилъ, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитріевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Извергъ Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и мало ѣлъ. Онъ объ чемъ-то думалъ и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна была въ большомъ безпокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, украдкой, дѣлала Мозглякову какіе-то странные знаки, которыхъ тотъ совершенно не примѣчалъ. Не будь очаровательно любезной хозяйки, обѣдъ походилъ-бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо снѣшить, торопиться, а этотъ проклятый Мозгляковъ сидитъ себѣ, какъ болванъ, которому мало заботы, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ-за стола въ страшномъ безпокойствѣ. Каково-же было ея изумленіе, радостный испугъ, если можно такъ выразиться, когда Мозгляковъ, только что встали изъ-за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, объявилъ,

что ему,—разумѣется, къ его величайшему сожалѣнію,—необходимо сейчасъ-же отправиться.

— Куда это?—спросила съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна,—началъ Мозгляковъ съ безпокойствомъ и даже нѣсколько путаясь,—со мной случилась престранная исторія. Я ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать... дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ, вы знаете,—тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердится, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ Мордасовѣ, а къ нему и носу не показалъ.— Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай.—Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по старинному, какъ проснется, въ пятомъ часу. Что мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно,—но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ петли избавилъ, когда тотъ казенныя деньги проигралъ. Онъ и крестилъ-то меня по этому случаю. Если состоится мой бракъ съ Зинаидой Аѳанасьевной, у меня все-таки только полтораста душъ. А вѣдь у него милліонъ, люди говорятъ, даже больше. Вездѣтень. Угодишь ему — сто тысячъ по духовной оставитъ. Семьдесятъ лѣтъ,—подумайте!

— Ахъ, Боже мой! Такъ что-жъ это вы! Что-же вы медлите?—вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость.—Поѣзжайте, поѣзжайте! Этимъ нельзя шутить. То-то я смотрю за обѣдомъ — вы такой скучный! Поѣзжайте, mon ami, поѣзжайте! Да вамъ-бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы-же сами, Марья Александровна,—въ изумленіи вскричалъ Мозгляковъ,—вы-же сами нападали на меня за это знакомство! Вѣдь вы-же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ родѣ съ кабаками, съ подвальными, да повѣренными?

— Ахъ, mon ami! Мало-ли мы что говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я — не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположеніи духа... Наконецъ, вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я по невол ѣ должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Поѣзжайте, ни минуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите... да послушайте! Заговорите какъ нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю, почитаю, да этакъ половчѣе, получше! Ахъ,

Боже мой! И у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ-бы надо самой догадаться васъ надоумить!

— Воскресили вы меня, Марья Александровна! — вскричалъ восхищенный Мозгляковъ. — Теперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то вѣдь я вамъ просто боялся сказать!.. Ну, прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Аѳанасьевной. Впрочемъ, непремѣнно сюда...

— Благословляю васъ, mon ami! Смотрите-же, обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичокъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, неподдѣльное... Au revoir, mon ami, au revoir!

«Да какъ это хорошо, что его чортъ несетъ! Нѣтъ, это самъ Богъ помогаетъ!» подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павелъ Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже шубу, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы?—сказала она, удерживая его за руку.

— Къ Бородуеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить... Богатый старикъ, оставитъ что нибудь, надо польстить!..

Павелъ Александровичъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Къ Бородуеву! Ну такъ и проститесь съ невѣстою,—рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ такъ, «проститесь»?

— Да такъ! Вы думали она ужь и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотятъ. Сама слышала!

— За князя? Помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего, помилосердуйте! Вотъ, не угодно-ли самимъ посмотрѣть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Опѣломленный Павелъ Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!..

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрно сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Те! Не говорите громко! Комедія въ томъ, что васъ просто надуваютъ. Давеча, какъ вы отправились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину выдти замужъ за этого

князя, говорила, что нѣтъ ничего легче его облапошить и заставить жениться, и такіе крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ онѣ васъ-то обѣ честили! Просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколоть хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожнѣйшее коварство, если такъ!—прошепталъ Павелъ Александровичъ, глупѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ-же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку...

— Но, Настасья Петровна, я... я неспособенъ подслушивать...

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ; пришли, такъ ужь слушайте!

— Но, однако-же...

— А не способны, такъ и оставайтесь съ носомъ! Васъ-же жалѣютъ, а онъ куражится! Мнѣ что! Вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣпя сердце, нагнулся къ щелочкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что̀ съ нимъ происходитъ.

ГЛАВА VIII.

Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитріевны? — спросила Марья Александровна, плотоядным взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда, князя тотчасъ-же перевели въ «салонъ», въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и пріемы происходили у Марьи Александровны въ этомъ самомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатой. Старичокъ, съ шести бокаловъ, какъ-то весь раскисъ и не крѣпко держался на ногахъ. Зато болталъ безъ умолку. Болтовня въ немъ даже усилилась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется спать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичокъ какъ-то особенно лакомо поглядывалъ на Зину, и родительское сердце ея затрепетало отъ радости.

— Чрез-вы-чайно весело, — отвѣчалъ князь; — и, знаете, без-но-добнѣй-шая женщина, Наталья Дмитріевна, без-но-до-бнѣй-шая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна своими великими планами, но такая звонкая похвала соперницѣ уколола ее въ самое сердце.

— Помилуйте, князь!—вскричала она, сверкая глазами:—если ужь ваша Наталья Дмитріевна безподобная женщина, такъ ужь я и не знаю, что̀ послѣ этого! Но послѣ этого вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору и вы увидите цѣлый адъ подъ цвѣтами, цѣлое осиное гнѣздо, гдѣ васъ съѣдятъ и косточекъ не оставятъ!

— Неужели? воскликнулъ князь:—удивляюсь!

— Но клянусь вамъ въ этомъ! Ah, mon prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана разсказать князю это смѣшное и низкое происшествіе съ этой Натальей на прошлой недѣлѣ,—помнишь? Да, князь,—это про ту самую вану хваленую Наталью Дмитріевну, которою вы такъ восхищаетесь. О, милѣйшій мой князь! Клянусь, я не сплетница! Но я непремѣнно разскажу это, единственно для того, чтобъ разсмѣшить, чтобъ показать вамъ въ живомъ образчикѣ, такъ сказать, въ оптическое стекло, что̀ здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитріевна. Подали кофе, а я за чѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню, сколько у меня осталось сахару въ серебряной сахарницѣ: она была совершенно полна. Возвращаюсь, смотрю: лежатъ на донышкѣ только три кусочка. Кромѣ Натальи Дмитріевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный домъ и денегъ безсчетно! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества!

— Не-у-же-ли! воскликнулъ князь, искренно удивляясь.—Какая, однако-же, неестественная жадность! Неужели-жь она все одна съѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобнѣйшая* женщина, князь! Какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да я-бы, кажется, умерла въ ту-же минуту, въ которую-бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну да, да... Только, знаете, она все-таки такая belle femme...

— Наталья-то Дмитріевна! Помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! Что̀ это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо болѣе вкуса...

— Ну да, кадушка... только, знаете, она такъ сложена... Ну, а эта дѣвочка, которая тан-цо-ва-ла, она тоже... сложена. .

— Сонечка-то? Да вѣдь она еще ребенокъ, князь! Ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну да... только, знаете, такая ловкая, и у ней тоже... такія формы... формируются. Ми-лень-кая такая! И другая, что̀ съ ней тан-цо-ва-ла, тоже... формируется...

— Ахъ, это—несчастная сирота, князь! Они ее часто берутъ.

— Си-ро-та! Грязная, впрочемъ, такая, хоть-бы руки вымыла... А, впрочемъ, тоже за-ман-чи-вая...

Говоря это, князь съ какою-то возрастающею жадностью разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— Mais quelle charmante personne! бормоталъ онъ въ полголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина, сыграй намъ что нибудь, или нѣтъ, лучше спой! Какъ она поетъ, князь! Она, можно сказать, виртуозка, настоящая виртуозка! И если-бъ вы знали, князь, продолжала Марья Александровна въ полголоса, когда Зина отошла къ роялю, стуная своею тихою, плавною поступью, отъ которой чуть не покоробило бѣднаго старичка,—если-бъ вы знали, какая она дочь! Какъ она умѣетъ любить, какъ нѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну да... чувства... и, знаете-ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла-бы сравниться по кра-со-тѣ,—перебилъ князь, глотая слюнки. — Это покойная графиня Нашская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неопи-санной красоты, потомъ еще за своего повара вышла...

— За своего повара, князь!

— Ну да, за своего повара... за француза, за границей. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Видный былъ собой человѣкъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-сика-ми.

— И... и... какъ-же они жили, князь?

— Ну да, они хорошо жили. Впрочемъ, они скоро потомъ разошлись. Онъ ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то соусъ поссорились...

— Маменька, что̀ мнѣ играть? спросила Зина.

— Да ты-бы лучше спѣла намъ, Зина. Какъ она поетъ, князь! Вы любите музыку?

—О, да! Charmant, charmant! Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей съ Бетховеномъ былъ знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь былъ знакомъ съ

Бетховеномъ! кричитъ въ восторгѣ Марья Александровна. — Ахъ, князь! Неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да... мы были съ нимъ на дру-жес-кой но-гѣ. И вѣчно у него носъ въ табакѣ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой нибудь другой нѣ-мецъ. Тамъ очень много нѣмцевъ... Впрочемъ, я, кажется, сби-ва-юсь.

— Что-же мнѣ пѣть, маменька? спросила Зина.

— Ахъ, Зина! Спой тотъ романсъ, въ которомъ, помнишь, много рыцарскаго, гдѣ еще эта владѣтельница замка и ея трубадуръ... Ахъ, князь! Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры... Я буду аккомпанировать тебѣ, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ахъ эти замки-замки!

— Ну да... замки. Я тоже люблю замки, — бормочетъ князь въ восторгѣ, впиваясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ. — Но... Боже мой! восклицаетъ онъ: — это романсъ!.. Но... я знаю этотъ ро-мансъ! Я давно уже слышалъ этотъ романсъ... Это такъ мнѣ на-по-ми-наетъ... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда запѣла Зина. Пѣла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина пѣла его прекрасно. Ея чистый, звучный контральто проникалъ до сердца. Ея прекрасное лицо, чудные глаза, ея точеные дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, ея волосы, густые, черные, блестящіе, волнующаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная,—все это околдовало бѣднаго старичка окончательно. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, когда она пѣла, онъ захлебывался отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскресшими воспоминаніями (а у кого нѣтъ любимыхъ воспоминаній?) — стучало чаще и чаще, какъ уже давно не билось оно... Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— O, ma charmante enfant! вскричалъ онъ, цалуя ея пальчики:— vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ... Но... но... o, ma charmante enfant...

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея минута.

— Зачѣмъ-же вы губите себя, князь? —воскликнула она торжественно. — Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ, и зарыться на всю жизнь въ уединеніе!

Убѣжать отъ людей, отъ друзей! Но это непростительно! Одумайтесь, князь! Взгляните на жизнь, такъ сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго,—воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней; — воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ обществѣ межъ людей! Поѣзжайте за границу, въ Италію, въ Испанію—въ Испанію, князь!.. Вамъ нужно руководителя, сердце, которое-бы любило, уважало васъ, вамъ сочувствовало? Но у васъ есть друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ, и они прибѣгутъ толпами! Я первая брошу все и прибѣгу на вашъ вызовъ. Я помню нашу дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами... и даже, если-бъ я была еще моложе, если-бъ я была такъ-же хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я-бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, если-бъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne въ свое вре-мя,—проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь,—съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александровна. — У меня тоже есть свой ангелъ-хранитель! И это — она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложеній, не желая разставаться со мною.

— Стало быть, она съ вами поѣдетъ, когда вы бу-дете со-про-вож-дать меня за границу? Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно поѣду за границу,—вскричалъ князь, одушевляясь.—Не-пре-мѣнно поѣду! И если-бъ я могъ льстить себя на-деж-дою... Но она очаровательное, очаро-ва-тельное дитя! О, ma charmante enfant!..—И князь снова началъ цаловать ея руки. Бѣдняжка, ему хотѣлось стать передъ ней на колѣни.

— Но... но, князь, вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?—подхватила Марья Александровна, почувствовавъ новый приливъ краснорѣчія. — Но вы странны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщинъ? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, такъ сказать, обломокъ аристократіи! Вы—представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и... манеръ! Развѣ Марія не полюбила старика Мазепу? Я помню, я читала, что Лозенъ, этотъ очаровательный маркизъ двора Людовика... я забыла котораго,—уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, побѣдилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!.. И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди, какъ вы, старѣются? Вы съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизнен-

ной силы, блестящихъ манеръ! Но появитесь гдѣ нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодою женой, съ такой-же красавицей, какъ, напримѣръ, моя Зина, — я не объ ней говорю, я говорю только такъ, для сравненія, — и вы увидите, какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы—обломокъ аристократіи, она—красавица изъ красавицъ! Вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящемъ обществѣ, вы, съ своей стороны, сыплете остроуміемъ,— да всѣ воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому что всѣ газеты, всѣ фельетоны, на водахъ, заговорятъ въ одинъ голосъ... Князь, князь! И вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны... ну да, ну да!.. Это въ газетахъ... —бормочетъ князь, вполовину не понимая болтовню Марьи Александровны, и раскисая все болѣе и болѣе. — Но... ди-тя мое, если вы не устали, — повторите еще разъ тотъ романсъ, который вы сейчасъ пѣли!

— Ахъ, князь! Но у ней есть и другіе романсы, еще лучше... Помните, князь, L'hirondelle? Вы вѣроятно слышали?

— Да, помню... или, лучше сказать, я за-былъ.—Нѣтъ, нѣтъ, прежній ро-мансъ, тотъ самый, который она сейчасъ пѣ-ла! Я не хочу L'hirondelle! Я хочу тотъ романсъ...—говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина пропѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ ней на колѣни. Онъ плакалъ.

— O, ma belle châtelaine!—восклицалъ онъ своимъ дребезжащимъ отъ старости и волненія голосомъ. — O, ma charmante châtelaine! O, милое дитя мое! Вы мнѣ такъ много на-ном-нили... изъ того, что давно прошло... Я тогда думалъ, что все будетъ лучше, чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты... съ виконтессой... этотъ самый романсъ... а теперь... Я не знаю, что уже те-перь...

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его примѣтно одеревенѣлъ. Нѣкоторыхъ словъ почти совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ сильнѣйшей степени разчувствовался. Марья Александровна немедленно подлила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину!—вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ея лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! — вскричалъ старичокъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣняхъ и весь дрожа отъ волненія. — Я ей жизнь готовъ отдать! И если-бъ я только могъ надѣ-яться... Но подымите меня, я не-мно-го ос-лабъ... Я...

если-бъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то... я... она-бы мнѣ каждый день пѣла ро-ман-сы, а я-бы все смотрѣлъ на нее... все смотрѣлъ... Ахъ, Боже мой!

— Князь, князь! Вы предлагаете ей свою руку! Вы хотите ее взять у меня, мою Зину, мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери! — Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали... Маменька немного пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однако-жъ она молчала, а это — все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться съ своею матерью! кричала она.—Но теперь—мое сердце предчувствуетъ разлуку. Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на васъ... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!.. О! вы разлучите насъ: я это предчувствую!..

— Я о-бо-жаю ее! — пробормоталъ князь, все еще дрожа, какъ осиновый листикъ.

— Итакъ, ты оставляешь мать свою! — воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча протянула князю свою прекрасную руку и даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцалуями.

— Я только теперь на-чи-наю жить, — бормоталъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Зина! — торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйшій, самый благороднѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь; она знаетъ, на горе моему сердцу... О! зачѣмъ вы пріѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать, и какая мать осудитъ меня за мою горесть!

— Маменька, довольно!—прошептала Зина.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я...

— Ну да, блеснетъ...—бормоталъ князь.—Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтобъ сейчасъ-же, сію ми-нуту была свадьба... я... Я хочу послать сейчасъ-же въ Ду-ха-но-во. Тамъ у меня брилли-анты. Я хочу положить ихъ къ ея ногамъ ..

— Какой пылъ! Какой восторгъ! Какое благородство чувствъ!—

воскликнула Марья Александровна.—И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я тысячу разъ буду это говорить! Я внѣ себя, когда вспомню объ этой адской...

— Что-жь мнѣ дѣ-лать, я такъ бо-ялся? бормоталъ князь, хныча и разчувствовавшись.—Они меня въ су-мас-шед-шій домъ посадить хо-тѣ-ли... Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О, изверги! О, безчеловѣчные люди! О, низкое коварство! Князь, — я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но за что-же, за что?!

— А я и самъ не знаю за что! — отвѣчалъ старичокъ, отъ слабости садясь на кресло. Я, знаете, на ба-лѣ былъ и какой-то анекдотъ раз-сказалъ; а имъ не понра-ви-лось. Ну и вышла исторія!

— Неужели только за это, князь?

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты игралъ, съ княземъ Петромъ Семен-ты-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два коро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-роль! А потомъ ужь были и да-мы...

— И за это? За это! О, адское безчеловѣчіе! Вы плачете, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подлѣ васъ, мой князь; я не разстанусь съ Зиной и посмотримъ, какъ они осмѣлятся сказать слово! . И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразитъ ихъ. Онъ пристыдитъ ихъ! Они увидятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла-бы за сумасшедшаго такая красавица! Теперь вы гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну да, я буду смотрѣть имъ пря-мо въ лицо, - пробормоталъ князь, закрывая глаза.

Однако, онъ совсѣмъ рассѣянъ, подумала Марья Александровна.—«Только слова терять!»

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непремѣнно надо успокоиться, отдохнуть отъ этого волненія,—сказала она, матерински нагибаясь къ нему.

— Ну да, я-бы хотѣлъ немно-го по-лежать,—сказалъ онъ.

— Да, да! Успокойтесь, князь! Эти волненія... Постойте, я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама, если надо.—Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери,—этого ангела, а не женщины! О, зачѣмъ ея нѣтъ теперь между нами! Это была праведница! князь, праведница!—Иначе я не называю ее!

— Пра-вед-ни-ца? C'est joli... У меня тоже была мать... princesse... и—вообразите—не-обык-новен-но полная была жен щина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ ска-зать... Я немно-го ослабъ. Adieu, ma charmante enfant!.. Я съ нас-лажде-ніемъ... я сегодня... зав-

тра... Ну, да все рав-но! au revoir, au revoir!—тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогѣ.

— Осторожнѣе, князь! Обопритесь на мою руку, — кричала Марья Александровна.

— Charmant, charmant! — бормоталъ онъ, уходя. — Я теперь только на-чи-наю жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тягость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до тошноты. Она готова была презирать себя. Щеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опустивъ голову, стояла она, не двигаясь съ мѣста. Слезы стыда покатились изъ глазъ ея... Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

ГЛАВА IX.

нъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Такъ-то вы!—вскричалъ онъ, задыхаясь.—Наконецъ-то, я узналъ, кто вы такая!

— Кто я такая! — повторила Зина, смотря на него, какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблистали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! — вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все! — повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? Вы подслушивали? — сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Да! Я подслушивалъ! Да, я рѣшился на подлость, но зато я узналъ, что вы самая... Я даже не знаю, какъ и выразиться, чтобъ сказать вамъ... какая вы теперь выходите!—отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хоть-бы и слышали, въ чемъ-же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять меня? Какое право имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права!... Да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы приставали ко мнѣ, я рѣшительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Однако-же, вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ; значитъ, вы удерживали меня про запасъ! Значитъ, вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣзненное ощущеніе, какъ будто отъ острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогнала, отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе,—то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ — «нѣтъ», но разглядѣть васъ поближе и «тогда», сказали вы, «тогда, когда вы увѣритесь, что я человѣкъ благородный, можетъ быть, вы мнѣ не откажете». Это были ваши собственныя слова въ самомъ началѣ вашихъ исканій. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣлились сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы обѣщали, и это отвращеніе я не скрыла передъ вами, напротивъ, я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому что сами спрашивали меня: не сержусь-ли я за то, что вы раньше пріѣхали? Знайте, что того не завлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и *не хотятъ* скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣлились выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я разсуждала про васъ такъ: «если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ быть человѣкомъ добрымъ, и потому можно выйдти за него». Но теперь, убѣдясь, къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще въ добавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ полнаго счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это, Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А, такъ я дуракъ, кричалъ онъ,—такъ я теперь уже дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уѣду, всему городу разскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его дольяна! Всѣмъ разскажу! Узнаете Мозгякова!

Зина вздрогнула и остановилась было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогъ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозгякова, въ одну минуту догадалась,

въ чемъ дѣло и вздрогнула отъ испуга. Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ раззвонитъ по городу, а тайна, хотя-бы на самое малое время, была необходима! У Марьи Александровны были свои разсчеты. Она мигомъ сообразила всѣ обстоятельства, и планъ усмиренія Мозглякова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, mon ami?—сказала она, подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *mon ami!* вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ,—послѣ того, что вы натворили, да еще: *mon ami*! Моргенъ-фри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ *страшномъ* состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! Вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все, что хотите, а не дама! — вскричалъ Мозгляковъ.—Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому, покоился князь.

— Но, послушайте, наконецъ, Марья Александровна! вскричалъ озадаченный Мозгляковъ.—Вы смотрите на меня такъ, какъ будто вы вовсе не виноваты, а какъ будто я-же виноватъ передъ вами! Вѣдь это нельзя-же-съ!.. Такой тонъ!.. Вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... знаете-ли вы это?

— Другъ мой! отвѣчала Марья Александровна,—вы позволите мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому что у васъ нѣтъ лучшаго друга, какъ я; другъ мой! Вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце — и потому не удивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣсколько виноватой передъ вами. Садитесь-же, поговоримъ.

Голосъ Марьи Александровны былъ болѣзненно мягкій.

Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

— Да, я подслушивалъ! Еще-бы не подслушивать; вотъ-бы слухъ-то былъ! Но крайней мѣрѣ, узналъ все, что вы противъ меня затѣваете, — грубо отвѣчалъ Мозгляковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гнѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ?—О, Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

— Но, Марья Александровна! вскричалъ онъ,—это, наконецъ, невыносимо слушать! Вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, сказала она, не отвѣчая на его вопросы:— кто васъ надоумилъ подслушивать, кто разсказалъ, кто тутъ шпіонилъ?—вотъ что я хочу знать.

— Ну, ужъ извините,—этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но, если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ-же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? Добра? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Увѣряю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ такъ, что они затрещали.

— Пожалуйста, мой другъ, будьте хладнокровнѣе, если можете. Выслушайте меня внимательно, и вы сами во всемъ согласитесь. Во первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали-бы отъ меня все дѣло до малѣйшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если-же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единственно потому, что все дѣло еще было въ проэктѣ. Оно могло и не состояться. Видите: я съ вами вполнѣ откровенна. Во вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія любитъ и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій отвлечь ее отъ васъ и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія*,—иронически проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ-ли долженъ говорить влюбленный? Такъ-ли говоритъ, наконецъ, человѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы объ дѣлали мнѣ такія сладкія мины, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня ну честить! Вы чернили меня,—вотъ что я вамъ говорю-съ! Я это все знаю, все!

— И, вѣрно, изъ того-же грязнаго источника? —замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь. — Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужъ одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ нею, можетъ быть, даже клеветать на васъ, — ужъ одно это доказываетъ, какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ нея согласіе васъ оставить! Недальновидный человѣкъ! Если-бъ она не любила

васъ, нужно-ли-бъ было мнѣ васъ чернить, представлять васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна была употребить власть матери, чтобъ исторгнуть васъ изъ ея сердца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь насъ подслушивали, то должны-же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова: ѣла, какъ автоматъ. Вся ея душа ныла въ тоскѣ, и я, изъ жалости къ ней, увела, наконецъ, отсюда князя. Я увѣрена, что она плакала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы...

Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вбѣжавъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна?—вскричалъ онъ.—За что вы чернили меня, клеветали на меня,—въ чемъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ если-бъ вы сначала благоразумно спрашивали, то давно-бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я, и я одна. Зину не мѣшайте сюда. Для чего я сдѣлала? Отвѣчаю: во первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣетъ связи и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ,—можетъ быть, даже скоро, потому что мы всѣ болѣе или менѣе смертны, тогда Зина—молодая вдова, княгиня, въ высшемъ обществѣ, и, можетъ быть, очень богата. Тогда она можетъ выйдти замужъ за кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумѣется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило-бы ее загладить свой проступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! — промычалъ Мозгляковъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во вторыхъ,—и объ этомъ я упомяну только вкратцѣ,— продолжала Марья Александровна, — потому что вы этого, можетъ быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него всѣ свои высокія чувства, а на дѣлѣ вы хоть и *очень добры*, но еще слишкомъ молоды,—а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте-же: я выдаю Зину за князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрѣйшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ когтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видитъ,

что я согласила Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія! Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обаяніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское. Я представила ей, какъ дѣло высоко-христіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ быть, остается жить всего одинъ годъ Не гадкая женщина, не страхъ, не уныніе окружали-бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Разумъ показались-бы ему эти послѣдніе закатные дни! Гдѣ-же тутъ эгоизмъ,—скажите, пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а не эгоизмъ?

— Такъ вы... такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія?—промычалъ Мозгляковъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ; онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ быть, думаете, что тутъ іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что-жъ? Можетъ быть, въ головѣ моей и были эти разсчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но объ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста, какъ голубь: она не разсчитываетъ; она только умѣетъ любить,—милое дитя мое! Если кто и разсчитывалъ, то это я, и я одна! Но, во первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не разсчитывалъ-бы на моемъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ? Мы разсчитываемъ наши выгоды даже въ великодушнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, разсчитываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя-же обманываютъ, увѣряя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ цѣлей,—я разсчитывала. Но спросите, для себя-ли я разсчитываю? Мнѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! Я отжила свой вѣкъ. Я разсчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитяти, и—какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблистали въ глазахъ Марьи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну, да, какая мать...—проговорилъ онъ, наконецъ.—Вы хорошо поете, Марья Александровна,—но... но вѣдь вы мнѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня... Мнѣ-то каково? Подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я объ васъ не подумала,

mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ разсчетахъ была для васъ такая огромная выгода, что она-то и понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предпріятіе.

— Моя выгода! вскричалъ Мозгляковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный.—Это какъ?

— Боже мой!—Неужели-же можно быть до такой степени простымъ и недальновиднымъ!—вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу.—О, молодость! Молодость! Вотъ, что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ,—живя чужимъ умомъ и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать одно отступленіе: Зина васъ любитъ,—это несомнѣнно! Но я замѣтила, что, не смотря на ея очевидную любовь, въ ней таится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что иногда она, какъ-бы нарочно удерживаетъ себя и холодна съ вами—плодъ раздумья и недовѣрчивости. Не замѣтили-ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня... Однако, что-же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная недовѣрчивость къ постоянству вашихъ добрыхъ наклонностей. Я мать — и мнѣ-ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите-же теперь, что вмѣсто того, чтобъ вбѣжать въ комнату съ упреками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, гордую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ на счетъ нашихъ дурныхъ наклонностей,—вообразите, что вы-бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души...

— Гм!..

— Нѣтъ, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: «Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но формальныя причины разлучаютъ насъ. Я понимаю эти причины. Онѣ для твоего-же счастія и я уже не смѣю возставать противъ нихъ, Зинаида! Я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь!» и тутъ-бы вы устремили на нее взоръ,—взоръ закалаемаго агнца, если можно такъ выразиться, — вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели-бы эти слова на ея сердце!

— Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ: я это

все понимаю... но что-же,—я-то-бы сказалъ, а все-таки ушелъ-бы безъ ничего!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобы благородно поразить васъ. Вообразите-же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоительной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ, и среди всего этого праздника, вы одни, грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ льются упоительные звуки Штрауса, сыплется остроуміе высшаго общества,—а вы одинъ, блѣдный и убитый вашею страстію! Что тогда будетъ съ Зинаидой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? «И я,—подумаетъ она,—я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ, всѣмъ и растерзалъ для меня свое сердце!» Разумѣется, прежняя любовь воскресла-бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозгляковъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала.

— Для здоровья князя, Зина ѣдетъ за границу, въ Италію, въ Испанію,—въ Испанію, гдѣ мирты, лимоны, гдѣ голубое небо, гдѣ Гвадалквивиръ,—гдѣ страна любви, гдѣ нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцалуи, такъ сказать, носятся въ воздухѣ! Вы ѣдете туда-же, за ней: вы жертвуете службой, связями, всѣмъ! Тамъ начинается ваша любовь съ неудержимою силой: любовь, молодость. Испанія,—Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая; но вы, наконецъ, *томитесь*, смотря другъ на друга. Вы меня понимаете, mon ami! Конечно, найдутся низкіе, коварные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что вовсе не родственное чувство къ страждущему старику повлекло васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, придадутъ ей совсѣмъ другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я-ли научу васъ дурному!.. Конечно, князь не въ состояніи будетъ смотрѣть за вами обоими, но,—что до этого! Можно-ли на этомъ основывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого-жъ выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальній родственникъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть никакихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную,- и въ какое-же время?—Когда бракомъ съ ней могли-бы гордиться знатнѣйшіе изъ вельможъ! Черезъ нее

вы становитесь свой въ самомъ высшемъ кругу общества; черезъ нее вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины. Теперь у васъ полтораста душъ, а тогда вы богаты: князь устроитъ все въ своемъ завѣщаніи; я берусь за это. И, наконецъ, главное, она уже вполнѣ увѣрена въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ чувствахъ, и вы, вдругъ, становитесь для нея героемъ добродѣтели и самоотверженія!.. И вы, и вы спрашиваете, послѣ этого, въ чемъ ваша выгода? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобъ не замѣчать, чтобъ не сообразить, чтобъ не разсчитать эту выгоду, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смотритъ на васъ, улыбается вамъ, а сама говоритъ: «это я, твоя выгода!» Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна!—вскричалъ Мозгляковъ въ необыкновенномъ волненіи: —теперь я все понялъ! Я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не разсчетливо,—прибавила Марья Александровна,—главное: не разсчетливо!

— Я оселъ, Марья Александровна:— вскричалъ онъ почти въ отчаяніи.—Теперь все погибло, потому что я до безумія любилъ ее!

— Можетъ быть, и не все погибло,—проговорила госпожа Москалева тихо, какъ будто что-то обдумывая.

— О, если-бъ это было возможно! Помогите! Научите! Спасите!

И Мозгляковъ заплакалъ.

— Другъ мой!—съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку:—вы это сдѣлали отъ излишней горячки, отъ кипѣнія страсти, стало быть, отъ любви-же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! Вѣдь должна-же она понять все это...

— Я до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать! кричалъ Мозгляковъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею...

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы выскажете ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила.

— О, Боже! Какъ вы добры, Марья Александровна!.. Но... нельзя-ли это сдѣлать сейчасъ!

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она, такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра-же я устрою все, а теперь—уйдите куда нибудь, хоть къ этому купцу... пожалуй, приходите вечеромъ: но я-бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! Вы меня воскрешаете! Но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul. Напротивъ, намъ надобно молить Бога о его здоровьи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! Кажется, здоровье князя ненадежно! Къ тому-же придется теперь посѣтить столицу, вывозить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ боюсь, чтобъ это окончательно не довершило его. Но — будемъ молиться, cher Paul, а остальное — въ рукѣ Божіей!.. Вы уже идете! Благословляю васъ. mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное — мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ...

Она крѣпко пожала ему руку, и Мозгляковъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила одного дурака!—сказала она съ торжествомъ.— Остались другіе...

Дверь отворилась и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька!—сказала она,— кончайте скорѣе, или я не вынесу! Все это до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дому. Не томите-же меня, не раздражайте меня! Меня тошнитъ, слышите-ли: меня тошнитъ отъ всей этой грязи!

— Зина! Что съ тобою, мой ангелъ? Ты... ты подслушивала!— вскричала Марья Александровна, пристально и съ безпокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Да, подслушивала. Не хотите-ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкія роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на главную низость! Но... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!..— И она вышла, хлопнувъ дверями.

Марья Александровна пристально посмотрѣла ей вслѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить!—вскричала она встрепенувшись.— Въ ней главная бѣда, главная опасность, и если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, раззвонятъ по городу,—что ужь вѣрно и сдѣлано,—то все пропало! Она не выдержитъ этой всей кутерьмы и откажется. Во что-бы то ни стало, и немедленно надо увезти князя въ деревню! Слетаю сама сперва, вытащу моего болвана и привезу сюда. Долженъ-же онъ хоть на что нибудь, наконецъ, пригодиться! А тамъ тотъ выспится—и отправимся!—Она позвонила.

— Что-жь лошади?—спросила она вошедшаго человѣка.

— Давно готовы-съ,—отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила на верхъ князя.

Она одѣлась, но прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобъ сообщить ей, въ главныхъ чертахъ, свое рѣшеніе и нѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ: она обливалась слезами и рвала свои длинные, чудные волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней нѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобъ вознаградить себя съ другой стороны, сѣла въ карету и велѣла гнать что есть мочи.

— Скверно то, что Зина подслушивала!—думала она, сидя въ каретѣ.—И уговорила Мозглякова почти тѣми-же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ быть, оскорбилась... Гм! Но главное, главное успѣть все обдѣлать, покамѣсть не пронюхали! Бѣда! Ну, если на грѣхъ моего дурака нѣту дома!..

И при одной этой мысли ею овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Аѳанасію Матвѣичу; она ворочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади мчали ее во всю прыть.

ГЛАВА X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марьи Александровны, еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула геніальная мысль. Объ этой мысли мы обѣщали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и, какъ можно скорѣе, увезти его въ подгорную деревню, гдѣ безмятежно процвѣталъ блаженный Аѳанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необъяснимое безпокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли. Какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. «А ужь разъ въ деревнѣ, разсуждала она, такъ тутъ хоть весь городъ вверхъ ногами!» Конечно, и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все, хотя мы, конечно, не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ впослѣдствіи про мою героиню ея зло-

умышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи. Однимъ словомъ, она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвѣнчать Зину съ княземъ. Средства-же были подъ руками. Обвѣнчать могъ на дому и деревенскій священникъ. Можно было обвѣнчать даже послѣ завтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали-же свадьбы, которыя въ два часа обдѣлывались! Князю—представить эту посѣщаемость, это отсутствіе всякихъ празднико въ, сговоровъ, дѣвишниковъ, за необходимое comme il faut; внушить ему, что это будетъ приличнѣе, грандіознѣе. Наконецъ, можно было все выставить какъ романическое приключеніе и затронуть такимъ образомъ самую чувствительную струну въ сердцѣ князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, что-бы ни случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Если-же не обойдется потомъ безъ скандала, напримѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во первыхъ, все это еще впереди: а во вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандала, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшаго общества, по ея понятіямъ, должны быть всегда какіе нибудь особенные, грандіозные, что нибудь въ родѣ Монте-Кристо или Mémoires du Diable. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ поддержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ, будутъ въ ту-же минуту побѣждены и что никто изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головомойки, которую способна задать имъ одна Марья Александровна, всѣмъ вмѣстѣ или по одиночкѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Марья Александровна и летѣла теперь въ свое помѣстье за Аоанасіемъ Матвѣичемъ, въ которомъ, по ея разсчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Аоанасію Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ быть, и не захотѣлъ-бы знакомиться. Если-же Аоанасій Матвѣичъ произнесетъ приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой видъ. Къ тому-же, появленіе пожилаго и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, пріѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и наряднаго приглашенія трудно и отказаться, думала Марья Александровна. Наконецъ, карета пролетѣла три версты, и кучеръ Софронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго, деревяннаго строенія, до-

вольно ветхаго и почернѣвшаго отъ времени, съ длиннымъ рядомъ оконъ и обставленнаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марьи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни.

— Гдѣ болванъ?—закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты.—Зачѣмъ тутъ это полотенце? А! Онъ утирался! Опять былъ въ банѣ? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ? Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не обстригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнату, собиралась поздороваться съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче, но, увидѣвъ, что онъ изъ бани и съ наслажденіемъ пошиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самаго горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны и столько самаго блаженнаго квіетизма со стороны ни къ чему непужнаго и неспособнаго къ дѣлу Аѳанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безсмысленномъ испугѣ, раскрывъ ротъ и выпуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменѣвшую его своимъ появленіемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлопавшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, оттого и не стригъ,—проговорилъ онъ ворчливымъ и осипшимъ голосомъ. — Десять разъ съ ножницами подходилъ, — вотъ, говорю, барыня ужотка пріѣдетъ, — намъ обоимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь: мнѣ надо, чтобъ волосы длинные были.

— Какъ? Такъ онъ завивается! Такъ ты еще выдумалъ безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да идетъ-ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь безпорядокъ! Чѣмъ это пахнетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ?— кричала супруга, накидываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже оплѣвшаго Аѳанасія Матвѣича.

— Ма... матушка! — пробормоталъ запуганный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу,—ма... матушка!..

— Сколько разъ я вбивала въ твою ослиную голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты этакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подлѣ такого осла, какъ ты!

— Да... да вѣдь ты, Марья Александровна, все-же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю... по супружески... — возразить было Аоанасій Матвѣичъ и, въ ту-же минуту, поднесъ объ руки свои къ головѣ, чтобъ защитить свои волосы.

— Ахъ ты, харя! Ахъ ты, осиновый колъ! Ну, слыхано-ли что нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребитъ-ли теперь хоть кто нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: *законная?* и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть объ этомъ всѣми силами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотрите, какіе у него волосы? Совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три часа не обсохнутъ! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно, была не большая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать со всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ безпрерывномъ изліяніи своего гнѣва на Аоанасія Матвѣевича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Да и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, къ какому контрасту способны нѣкоторыя утонченныя дамы извѣстнаго общества, у себя за кулисами, и мнѣ именно хотѣлось изобразить этотъ контрастъ. Аоанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдилъ за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка! — вскричала, наконецъ, она,—тотчасъ-же барину одѣваться! Фракъ, брюки, бѣлый галстукъ, жилетъ, — живѣе! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! Да вѣдь я изъ бани: простудиться могу, если въ городъ ѣхать...

— Не простудишься!

— Да вотъ, и волосы мокрые...

— А вотъ мы ихъ, сейчасъ, высушимъ! Гришка, бери головную щетку, три его до суха; крѣпче! Крѣпче! Крѣпче! Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка, что есть силы, началъ оттирать волосы своего барина, для большаго удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько пригнувъ къ дивану. Аоанасій Матвѣичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пойдетъ сюда! Подыми его, Гришка! Гдѣ помада? Нагнись, нагнись, негодяй,—нагнись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно принялась помадить

своего супруга, безжалостно теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Аѳанасій Матвѣичъ крякнулъ, вздыхалъ, но не вскрикнулъ, и съ покорностію выдержалъ всю операцію.

— Соки ты мои высосалъ, пачкунъ ты такой! — проговорила Марья Александровна.—Да нагнись еще больше, нагнись!

— Чѣмъ-же я, матушка, высосалъ твои соки? — промямлилъ супругъ, нагибая, какъ только могъ болѣе, голову.

— Болванъ! Аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешись; а ты одѣвай его, да живѣе!

Героиня наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніалъ облаченія Аѳанасія Матвѣича. Между тѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ, и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстука, то даже осмѣлился изъявить какое-то собственное мнѣніе на счетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершенно ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда-жь это ты везешь меня, Марья Александровна? проговорилъ онъ, охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила было ушамъ своимъ.

— Слышите! Ахъ ты, чучело! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо-же знать...

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ѣдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просидишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ишь! Ни одного креста вѣдь не выслужилъ, чумичка ты этакая,—продолжала она, съ презрѣніемъ смотря на черный фракъ Аѳанасія Матвѣича.

Аѳанасій Матвѣичъ, наконецъ, обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство даетъ, а я совѣтникъ, а не чумичка,—проговорилъ онъ, въ благородномъ негодованіи.

— Что, что, что? Да ты здѣсь разсуждать научился! Ахъ ты, мужикъ ты этакой! Ахъ ты, соплякъ! Ну, жаль, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то-бы я... Ну, да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь, безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать: да зеленую, угловую комнату тоже прибрать. Мигомъ щетки въ руки! Съ зеркалъ снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобъ черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь?

Сѣли въ карету. Аѳанасій Матвѣичъ недоумѣвалъ и удивлялся. Между тѣмъ Марья Александровна думала про себя,—какъ-бы понятнѣе вбить въ голову своего супруга нѣкоторыя наставленія, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи. Но супругъ предупредилъ ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ, возвѣстилъ онъ совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тьфу ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что! Какой-то сонъ! Да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ съ своими мужицкими снами! Оригинальный! Понимаешь-ли еще, что такое оригинальный? Слушай, говорю въ послѣдній разъ, если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ, или про что нибудь другое, то я,—ужь и не знаю, что съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенько, ко мнѣ пріѣхалъ князь К. Помнишь князя К.?

— Помню, матушка, помню. Зачѣмъ-же это онъ пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты должень съ особенною любезностію, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ-же къ намъ въ деревню. Затѣмъ я и везу тебя. Сегодня-же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра или послѣ завтра, или когда нибудь, то я тебя цѣлый годъ заставлю гусей пасти! Ничего не говори, ни единаго слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что нибудь спросятъ?

— Все равно молчи.

— Но вѣдь нельзя-же все молчать, Марья Александровна.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчай односложно, что нибудь этакое, напримѣръ: *Гм!* или что нибудь такое-же, чтобъ показать, что ты умный человѣкъ и обсуживаешь прежде, чѣмъ отвѣчаешь.

— Гм!

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышалъ о князѣ и тотчасъ-же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм!

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! Ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по твоему: только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? Опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло: зачѣмъ? Да какъ ты смѣешь объ этомъ спрашивать?

— Да я все къ тому, Марья Александровна: какъ-же приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат... Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроуменъ. Если что нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм!

— Опять загумкалъ! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвѣчай: слышишь иль нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумкаю для того, что пріучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про тоже, матушка: какъ-же это: если князь что̀ скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну, а вестаки, если что̀ меня спроситъ?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри да улыбайся.

— Да вѣдь онъ подумаетъ, что я нѣмой, проворчалъ Аоанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! Пусть думаетъ; зато скроешь, что ты дуракъ.

— Гм... Ну, а если другіе объ чемъ нибудь спрашивать будутъ?

— Никто не спроситъ, никого не будетъ. А если, на случай— чего Боже сохрани!—кто и пріѣдетъ, да если что̀ тебя спроситъ, или что нибудь скажетъ, то немедленно отвѣчай саркастической улыбкой. Знаешь что̀ такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что-ли, матушка?

— Я тебѣ дамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будетъ спрашивать остроумія? Насмѣшливая улыбка, понимаешь,—насмѣшливая и презрительная.

— Гм!

«Охъ, боюсь я за этого болвана! шептала про себя Марья Александровна.—Рѣшительно онъ поклялся высосать всѣ мои соки! Право-бы, лучше его совсѣмъ не брать!»

Разсуждая такимъ образомъ, безпокоясь и сѣтуя, Марья Александровна, безпрерывно выглядывала изъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Аоанасій Матвѣичъ, молча сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ, карета въѣхала въ городъ и остановилась у дома Марьи Александровны. Но только что успѣла наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, какъ увидѣла подъѣзжавшія къ дому, парныя двумѣстныя сани съ верхомъ, тѣ самыя сани, въ

которыхъ обыкновенно разъѣзжала Анна Николаевна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николаевна, а другая—Наталья Дмитріевна, съ недавняго времени ея искренній другъ и послѣдователь. У Марьи Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подъѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостья. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! И вмѣстѣ съ Аоанасіемъ Матвѣичемъ! Пріѣхали! Откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на вечеръ! Какой сюрпризъ!

Гости выпрыгнули на крыльцо и защебетали какъ ласточки. Марья Александровна не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ.

Провалились-бы вы!—подумала она про себя.—Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня!.. Подождите!..»

ГЛАВА XI.

Возвращеніе отъ Марьи Александровны, повидимому, вполнѣ утѣшенный. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не поѣхалъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный напливъ героическихъ и романическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, бѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блистательномъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающій князь, соединяющій ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ: мимоходомъ, подъ шумокъ,—вниманіе какой нибудь графини изъ «высшаго общества», въ которое онъ непремѣнно попадетъ черезъ бракъ свой съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, денежки,—однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ пронесло черезъ его вседовольную душу, лаская, привлекая ее и, главное, льстя его самолюбію. Но вотъ—и не знаю, право, какъ это объяснить,—когда уже онъ началъ уставать отъ всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла предосадная мысль: что бъ, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ все-таки съ предлинноѣшнимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый

ему фонтанетъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, обставленнымъ маленькими, вроставшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которыя въ провинціальныхъ городахъ разводятся въ указанномъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой нибудь запоздавшій мѣщанинъ, или баба въ тулупѣ и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича, — признакъ очень дурной, потому что при хорошемъ оборотѣ дѣлъ все, напротивъ, кажется намъ въ миломъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припоминалъ, что онъ до сихъ поръ постоянно задавалъ тону въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что онъ женихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми—въ отставкѣ! Поднимется смѣхъ. Вѣдь не разувѣрять-же ихъ всѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, не разсказывать-же о петербургскихъ балахъ съ колоннами и о Гвадалквивирѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно непримѣтно скребла ему сердце: „Да правда-ли это все? Да сбудется-ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?“ Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, —какъ ни достойна всеобщаго уваженія, — но всетаки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, имѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать — всякій мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ: припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выражавшій затаенной страстной любви: да ужь вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати, припомнилъ, что онъ всетаки, часъ тому, съѣлъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павелъ Александровичъ вдругъ остановился какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую минуту съ нимъ случилось непріятное происшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣга. Покамѣстъ онъ барахтался въ снѣгу, стая собакъ, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла на него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь всухъ и даже проклиная судьбу свою, Павелъ Александровичъ, съ разорванной полой и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ только замѣтилъ, что заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ: его поминутно

подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непремѣнно сворачивать во всѣ встрѣчающіеся на пути улицы и переулки. Слѣдуя этой системѣ, Павелъ Александровичъ заблудился окончательно. «А чтобы чортъ побралъ всѣ эти высокія идеи!» говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости. — «А чтобы самъ дьяволъ васъ всѣхъ побралъ, съ вашими высокими чувствами, да съ Гвадалквивирами! Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Маріи Александровны. Увидѣвъ много экипажей — онъ удивился. «Неужели-же гости, неужели званый вечеръ?» —подумалъ онъ. «Съ какою-же цѣлью? Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Аѳанасія Матвѣича, въ бѣломъ галстукѣ, и что князь уже проснулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павелъ Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся на верхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа, когда человѣкъ слабаго характера въ состояніи рѣшиться на какую нибудь ужасную, злѣйшую пакость, изъ мщенія, не думая о томъ, что, можетъ быть, придется всю жизнь въ томъ раскаиваться.

Войдя на верхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ и съ совершенно голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдаго, стариннаго камердинера и любимца его, Ивана Нахомыча. Нахомычъ глубокомысленно и почтительно его расчесывалъ. Что-же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣлище, еще не очнувшись послѣ давешней попойки. Онъ сидѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій, и глядѣлъ на Мозгляковa, какъ будто не узнавая его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка?— спросилъ Мозгляковъ.

— Какъ... Это ты? —проговорилъ, наконецъ, дядюшка —А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ. Боже мой!—вскрикнулъ онъ, весь оживившись:—вѣдь я... безъ па-рика!

— Не безпокойтесь, дядюшка! я... я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ теперь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-ни-рать. Ну, мой другъ, ты долженъ, не-медленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ и никому не скажешь, что у меня волосы нак-лад-ные.

— О, помилуйте, дядюшка! Неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! —вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для... дальнѣйшихъ цѣлей.

— Ну да, ну да! И, такъ какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужь такъ и быть, я тебя у-див-лю... и открою тебѣ всѣ мои тайны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! Удивительные! Какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разувѣрься, мой другъ, они нак-лад-ные! — проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? Повѣрить трудно. Ну, а бакенбарды? Признайтесь, дядюшка, вы вѣрно черните ихъ?

— Черню? Не только не черню, но и они совершенно искусственные!

— Искусственные? Нѣтъ, дядюшка, воля ваша, не вѣрю. Вы надо мною смѣетесь!

— Parole d'honneur, mon ami! — вскричалъ торжествующій князь:—и преде-тавь себѣ, всѣ, рѣши-тельно всѣ, такъ-же, какъ и ты, обма-ны-ваются! Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя сама иногда ихъ нак-ла-ды-ваетъ. Но я увѣренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово...

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я усталъ безъ тебя сегодня! Еоофилъ меня опять изъ кареты вы-валилъ.

— Вывалилъ опять! Когда-же?

— А вотъ мы уже къ мо-нас-тырю подъѣзжали...

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣтъ, нѣтъ, два часа тому назадъ, не болѣе. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ: такъ на-пугалъ,—даже теперь сердце не на мѣстѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали!—съ изумленіемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну да, почивалъ... а потомъ и по-ѣ-халъ, впрочемъ, я.. впрочемъ, я это, можетъ быть... ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю васъ, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали. съ самаго послѣ-обѣда.

— Неужели?—и князь задумался.

— Ну да, я и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это видѣлъ во снѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во снѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то престрашный быкъ съ рогами: а потомъ приснился какой-то про-ку-торъ, тоже, какъ будто, съ ро-гами...

— Это, вѣрно, Николай Васильевичъ Антиновъ, дядюшка.

— Ну да. можетъ быть, и онъ. А потомъ Наполеона Бона-парте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона

Бонапарте похожъ... а въ профиль будто я разительно похожъ на одного старинаго папу? Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ тоже думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сидѣлъ, и. знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сельчакъ такой, такъ что онъ чрезвы-чайно меня позабавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка?—проговорилъ Павелъ Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то странная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ не могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философію разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпи, онъ-бы опять на людей сталъ бросаться. Бѣшеный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я-бы не такъ поступилъ. Я-бы его посадилъ на не-о-битаемый островъ...

— Почему-же на необитаемый? — спросилъ Мозгляковъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, какъ благоразумными жителями. Ну и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ и все на казенный счетъ. Гулять-бы его выпускалъ, разумѣется, подъ присмотромъ, а то-бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки какіе-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день стрянать. Я-бы его, такъ сказать, о-те-чески содержалъ. Онъ-бы у меня и рас-ка-ялся...

Мозгляковъ разсѣянно слушалъ болтовню полупроснувшагося старика и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось навести разговоръ на женитьбу,—онъ еще самъ не зналъ зачѣмъ; но безграничная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичокъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, mon ami! Я вѣдь тебѣ и забылъ сказать. Представь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка?—вскричалъ Мозгляковъ, оживляясь.

— Ну да, пред-ло-женіе. Нахомычъ, ты ужь идешь? Ну, хорошо. C'est une charmante personne... Но... признаюсь тебѣ, милый мой, я поступилъ необ-ду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда-же вы сдѣлали предложеніе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю навѣрно когда. Не во снѣ-ли я видѣлъ и это? Ахъ, какъ это, од-на-ко-же, стран-но!

Мозгляковъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блеснула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дядюшка? —повторилъ онъ въ нетерпѣніи.

— Хозяйской дочери, mon ami... cette belle personne... впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вутъ. Только, видишь-ли, mon ami, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что-же теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если женитесь. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка. Точно-ли вы увѣрены, что дѣйствительно сдѣлали предложеніе?

— Ну да... я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во снѣ, такъ-же, какъ и то, что вы другой разъ вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я и это тоже видѣлъ во снѣ! Такъ, что я теперь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ-бы это, другъ мой, узнать на-вѣр-но, какимъ нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ: дѣлалъ я предложеніе, или нѣтъ? А то представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете что, дядюшка? Я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я навѣрно думаю, что вы видѣли это во снѣ.

— Я самъ тоже думаю, мой ми-лый, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто снятся по-добные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте-же себѣ, что вы немного выпили за завтракомъ, потомъ за обѣдомъ и наконецъ...

— Ну да, мой другъ; именно, можетъ быть, отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ-бы вы ни были разгорячены, вы все-таки никакимъ образомъ не могли сдѣлать такого безразсуднаго предложенія на яву. Сколько я васъ знаю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени разсудительный и...

— Ну да, ну да.

— Представьте только одно: если-бъ узнали это ваши родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ,— что-бы тогда было?

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнулъ испуганный князь,—а что-бы тогда было?

— Помилуйте! Да они закричали-бы всѣ въ одинъ голосъ, что вы сдѣлали это не въ своемъ умѣ, что вы сумасшедшій, что васъ надо подъ опеку, что васъ обманули и, пожалуй, посадили-бы васъ куда нибудь подъ надзоръ.

Мозгляковъ зналъ, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой!—вскричалъ князь, дрожа какъ листъ.— Неужели-бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: мог-ли-ли-бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе на яву? Вы сами понимаете свои выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, нен-ре-мѣнно во снѣ!—повторялъ напуганный князь.—Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это, мой милый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня вра-зу-милъ.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами сегодня встрѣтился. Представьте себѣ; безъ меня вы-бы дѣйствительно могли сбиться, подумать, что вы женихъ и сойдти туда женихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну да... да, опасно!

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ двадцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женихомъ! Да они тотчасъ ухватятся за эту идею, увѣрятъ васъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ женихъ и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ разсчитывать, что, можетъ быть, вы скоро умрете.

— Неужели?

— И, наконецъ, вспомните, дядюшка: человѣкъ съ вашими достоинствами...

— Ну да, съ моими достоинствами...

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностію...

— Ну да, съ моимъ умомъ, да!..

— И, наконецъ, вы—князь. Такую-ли партію вы-бы могли себѣ сдѣлать, если-бъ, дѣйствительно, почему нибудь, нужно было жениться? Подумайте только, что скажутъ ваши родственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдятъ! Я ужь испыталъ отъ нихъ столько коварства и злобы... Представь себѣ, я подозрѣваю, что они хотѣли посадить меня въ су-масшедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообразно-ли это? Ну, что-бъ я тамъ сталъ дѣлать... въ су-мас-шедшемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь не отойду отъ васъ, когда вы сойдете внизъ. Тамъ теперь гости.

— Гости? Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.

— Но какъ я тебѣ благо-да-ренъ, мой милый, ты просто спаситель мой! Но знаешь-ли что? Я лучше уѣду.

— Завтра, дядюшка, завтра, утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы при всѣхъ откланяйтесь и скажите, что уѣзжаете

— Непремѣнно уѣду... къ отцу Мисаилу... Но, мой другъ,— ну какъ они меня тамъ сос-ватаютъ?

— Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что-бы вамъ ни говорили, на что-бы вамъ ни намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ.. такъ какъ оно и дѣйствительно было.

— Ну да, неп-ре-мѣнно во снѣ! Только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-ва-тель-ный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы...

— Ну прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы...

— Какъ! Такъ ты меня одного оставляешь!—вскричалъ князь въ испугѣ.

— Нѣтъ, дядюшка, мы сойдемъ, только порознь; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.

— Ну, хо-ро-шо. Мнѣ-же, кстати, надобно записать одну мысль.

— Именно, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкайте. Завтра-же утромъ...

— А завтра утромъ къ іеромонаху, не-пре-мѣнно къ іе-ро-мо-наху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она у-ди-вительно хороша собой... такія формы... и если-бъ ужъ такъ мнѣ надо было непремѣнно жениться, то я...

— Боже васъ сохрани, дядюшка!

— Ну да, Боже сохрани!... Ну, прощай, мой милый, я сейчасъ... только вотъ за-пи-шу. А pro-pos, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?

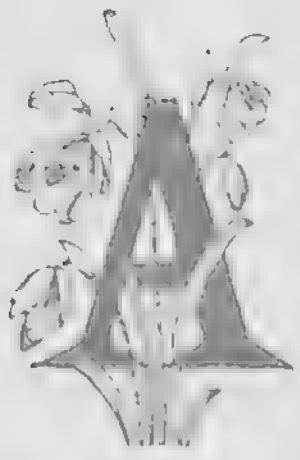
— Читалъ, дядюшка, а что?

— Ну да... Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать...

— Послѣ вспомните, дядюшка,—до свиданья!

— До свиданья, мой другъ, до свиданья! Только все-таки это былъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-ва-тельный сонъ!..

ГЛАВА XII.



мы къ вамъ всѣ, всѣ! И Прасковья Ильинишна тоже пріѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть,—щебетала Анна Николаевна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь. Это была довольно хорошенькая, маленькая дамочка, пестро, но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенькая. Ей такъ и казалось, что гдѣ нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна пріѣдутъ-съ, и Фелисата Михайловна

тоже хотѣли быть-съ,—прибавила Наталья Дмитріевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ понравились князю, и которая чрезвычайно походила на гренадера. Она была въ необыкновенно маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николаевны, за которою давно уже увивалась и ухаживала, и которую, судя по виду, могла проглотить однимъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я уже не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вечеромъ,—заиѣла Марья Александровна, оправившись отъ перваго изумленія,—но скажите, пожалуйста, какое-же чудо зазвало васъ сегодня ко мнѣ, когда я уже совсѣмъ отчаялась имѣть эту честь?

— О, Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ!—сладко проговорила Наталья Дмитріевна, жеманясь, стыдливо и нискливо, что̀ составляло прелюбопытный контрастъ съ ея наружностію.

— Mais ma charmante,—защебетала Анна Николаевна,—вѣдь надобно-же, непремѣнно надобно, когда нибудь кончить всѣ наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайловичъ сказалъ Каллисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это пойдетъ на ладъ, и что мы только ссоримся! Вотъ мы и собрались сегодня вчетверомъ, да и думаемъ: поѣдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитріевна и другимъ дала знать. Всѣ пріѣдутъ. Вотъ мы и сговоримся, и хорошо будетъ. Пускай-же не говорятъ, что мы только ссоримся, такъ-ли, mon ange? — прибавила она игриво, цалуя Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинаида Аоанасьевна! Но вы каждый день все болѣе хорошѣете! — Анна Николаевна бросилась съ поцалуями къ Зинѣ.

— Да имъ и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошѣть-съ, — сладко прибавила Наталья Дмитріевна, потирая свои ручищи.

«Ахъ, чортъ-бы ихъ взялъ! Я и не подумала объ этомъ театрѣ! Изловчились, сороки!—прошептала Марья Александровна, внѣ себя отъ бѣшенства».

— Тѣмъ болѣе, мой ангелъ,—прибавила Анна Николаевна,—что у васъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы узнавались и знаемъ, что тамъ гдѣ-то сложены всѣ эти старинныя декораціи, занавѣсъ и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня, и я такъ была удивлена его пріѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ помо-

жете, и князь велитъ отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то—кому здѣсь прикажете сдѣлать что нибудь похожее на декорацію? А главное, мы и князя-то хотимъ завлечь въ нашъ театръ. Онъ непремѣнно должент подписаться; вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ быть, даже и роль возьметъ,—онъ-же такой милый, согласный. Тогда пойдетъ чудо какъ хорошо.

— Конечно, возьмутъ ролю-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую ролю разыгрывать-съ,—многозначительно прибавила Наталья Дмитріевна.

Анна Николаевна не обманула Марью Александровну: дамы поминутно съѣзжались. Марья Александровна едва успѣвала встрѣчать ихъ и издавать восклицанія, требуемыя въ такихъ случаяхъ приличіемъ и компльфотностію.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкновеннымъ коварствомъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то дикое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого нибудь необыкновеннаго скандала и очень-бы разсердились, если-бъ пришлось разъѣхаться, не видавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ твердостію приготовилась къ нападенію. Посыпались вопросы о князѣ, казалось, самые естественные; но въ каждомъ заключался какой нибудь намекъ, обинякъ. Появился чай: всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла роялемъ. Зина, на приглашеніе сыграть и спѣть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Блѣдность лица ея это доказывала. Тотчасъ-же посыпались вопросы участія, и даже тутъ нашли случай кой о чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ, и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удесятерилась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каждомъ углу комнаты, слышала, что говорилось каждою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до десяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, разумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до сихъ поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Аоанасія Матвѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ колынуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь-же, отъ недалекаго и откровеннаго Аоанасія Матвѣича, можно было кой что и вывѣдать. Марья Александровна съ безпокойствомъ приглядывалась къ осадному положенію, въ которомъ видѣла своего супруга. Къ тому-же онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: гм.. съ такимъ несчастнымъ и нестественнымъ видомъ, что было отчего ей придти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Аѳанасій Матвѣичъ съ нами совсѣмъ говорить не хочетъ,—вскричала одна смѣлая, востроглазая дамочка, которая рѣшительно никого не боялась и никогда не конфузилась.— Прикажите ему быть поучтивѣе съ дамами.

— Я, право, сама не знаю, что̀ съ нимъ сегодня сдѣлалось,— отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николаевной и съ Натальей Дмитріевной и весело улыбаясь: такой, право, неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни слова не говорилъ. Почему-жь ты не отвѣчаешь Фелисатъ Михайловичъ, Athanase? Что̀ вы его спрашивали?

— Но... но... матушка, вѣдь ты-же сама...—пробормоталъ было удивленный и потерянный Аѳанасій Матвѣевичъ. Въ это время онъ стоялъ у затопленнаго камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ себѣ выбралъ, и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвчонка. Когда-же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣтилъ такой ужасный взглядъ своей взбѣшенной супруги, что чуть не обезпамятѣлъ отъ испуга. Не зная что̀ дѣлать, желая какъ нибудь поправиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ было чаю; но чай было слишкомъ горячій. Не соразмѣривъ глотка, онъ ужасно обжогся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ закашлялся, что на время принужденъ былъ выйдти изъ комнаты, возбудивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Александровна поняла, что ея гости знали ужь все и собрались съ самыми дурными намѣреніями. Положеніе было опасное. Могутъ разговорить, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ея-же присутствіи. Могли даже увезти отъ нея князя, поссоривъ его съ нею въ этотъ-же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отворилась и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ, въ этотъ вечеръ. Она вздрогнула, какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и оглядывалъ всѣхъ, немного потерявшись. Онъ не въ силахъ былъ сладить съ своимъ волненіемъ, которое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! Навелъ Александровичъ!—вскрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это Навелъ Александровичъ! Какъ-же вы сказали, Марья Александровна, что они ушли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-съ, Навелъ Александровичъ.—прошипала Наталья Дмитріевна.

— Скрылся?—повторилъ Мозгляковъ, съ какой-то искривив-

нейся улыбкой.—Странное выраженіе! Извините, Наталья Дмитріевна! Я ни отъ кого не прячусь и никого не желаю прятать,—прибавилъ онъ, многозначительно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

— Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется!—подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозглякова.—Нѣтъ, это ужь будетъ хуже всего...

— Правда-ли, Павелъ Александровичъ, что вамъ вышла отставка... по службѣ, разумѣется? — выскочила дерзкая Фелисата Михайловна, насмѣшливо смотря ему прямо въ глаза.

– Отставка? Какая отставка? Я просто перемѣняю службу. Мнѣ выходитъ мѣсто въ Петербургѣ,—сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ,—продолжала Фелисата Михайловна;—а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насъ въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста ненадежныя, Павелъ Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ одни учительскія, въ уѣздномъ училищѣ: тутъ еще можно найдти вакансію, — замѣтила Наталья Дмитріевна. Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитаго друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павелъ Александровичъ согласится занять мѣсто какого нибудь учителишки? — включила Фелисата Михайловна.

Но Павелъ Александровичъ не нашелъ что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглупо не принялъ его руки и насмѣшливо поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ къ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ—дуракъ я, или нѣтъ?

— Зачѣмъ откладывать? Это и теперь видно, — громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшаго жениха.

Мозгляковъ поспѣшно отворотился, испугавшись ея громкаго голоса.

— Вы отъ Бородуева? —рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ, я отъ дядюшки.

— Отъ дядюшки? Такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! Такъ—значитъ -князь ужь проснулись; а

намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ,—прибавила Наталья Дмитріевна, ядовито посматривая на Марью Александровну.

— Не безпокойтесь о князѣ, Наталья Дмитріевна,—отвѣчалъ Мозгляковъ,—онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давеча его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, окончательно, здѣсь, такъ что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того не крѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили и онъ началъ разсуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобъ откланяться вамъ, Марья Александровна, и поблагодарить за все ваше гостепріимство. Завтра-же, чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправляемся въ пустынь, а потомъ я его непремѣнно самъ провожу до Духанова, во избѣжаніе вторичныхъ паденій, какъ, напримѣръ, сегодня; а тамъ ужъ его приметъ, съ рукъ на руки, Степанида Матвѣевна, которая къ тому времени непремѣнно воротится изъ Москвы и ужъ ни за что не выпуститъ его въ другой разъ путешествовать,—за это я отвѣчаю.

Говоря это, Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестію признаюсь, что моя героиня, можетъ быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ завтра, чѣмъ свѣтъ, уѣзжаютъ? Какъ-же это-съ?—проговорила Наталья Дмитріевна, обращаясь къ Марьѣ Александровнѣ.

— Какъ-же это такъ? — наивно раздалось между гостями: — а мы слышали, что... вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, что отвѣчать. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались какой-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія восклицанія, и вдругъ, нежданно-негаданно, въ салонъ Марьи Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась,—и послѣ закуски обыкновенно была въ самомъ эманципированномъ состояніи духа, чтобъ не сказать чего нибудь болѣе. Она именно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Марьѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, — закричала она на всю комнату,—вотъ вы какъ со мной поступаете! Не безпокойтесь, я на минутку; я у васъ и не сяду. Я нарочно заѣхала

узнать: вѣрно-ли то, что̀ мнѣ говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, сговоры, а Софья Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ назвали, а меня нѣтъ! А давеча я вамъ и другъ, и mon ange, когда пріѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Натальи Дмитріевны. А теперь вотъ и Наталья Дмитріевна, которую вы давеча на чемъ свѣтъ ругали и которая васъ-же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не безпокойтесь, Наталья Дмитріевна! Не надо мнѣ вашего шоколаду a la santé, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома! Тьфу!

— Это видно-съ,—замѣтила Наталья Дмитріевна.

— Но помилуйте, Софья Петровна, — вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады,—что̀ съ вами? Образумьтесь, по крайней мѣрѣ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала!—кричала Софья Петровна, своимъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, окруженная всѣми гостями, которые, казалось, наслаждались этой неожиданной сценой. — Все узнала! Ваша-же Настасья прибѣжала ко мнѣ и все разсказала. Вы подцѣпили этого князишку, напоили его до-пьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужь никто не хочетъ больше брать замужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей,—герцогиня въ кружевахъ, —тьфу! Не безпокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я и почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала: за меня оберъ-коммисаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите-ли, Софья Петровна, — отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя:—увѣряю васъ, что такъ не врываются въ благородный домъ и, притомъ, въ *чужомъ вновь*, и если вы, сейчасъ-же, не освободите меня отъ вашего присутствія и краснорѣчія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людишкамъ! Не безпокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте, выдавайте замужъ кого хотите, а вы, Наталья Дмитріевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ наплевать на вашъ шоколадъ! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ, князьями казачка не выплясывала. А вы что смѣетесь, Анна Николаевна? Сушиловъ-то ногу сломалъ: сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босоногой Матренкѣ во-время вашу корову загонять, чтобъ она не мычала у меня каждый день подъ окошками, такъ я вашей Матренкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу!

Софья Петровна изчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю, онѣ выпили-съ, сладко произнесла Наталья Дмитріевна.

— Но только какая дерзость!

— Quelle abominable femme!

— Вотъ такъ ужь насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-съ!

— Только, что-жь это она про сговоръ говорила? Какой-же сговоръ?—насмѣшливо спрашивала Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! — разразилась, наконецъ, Марья Александровна. — Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятся такія дамы среди нашего общества,—нѣтъ, удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ...

— Князь! Князь!—закричали вдругъ всѣ гости.

— Ахъ, Боже мой! Ce cher prince!

— Ну, слава Богу! Мы теперь узнаемъ всю подноготную,— прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

ГЛАВА XIII.

Князь вошелъ и сладостно улыбнулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ заронилъ въ его куриное сердце, исчезла при видѣ дамъ. Онъ тотчасъ-же растаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгливымъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фамильярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности. Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ — (конечно, не серіозно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно,— потому что онъ милый-милый старичокъ, милый до безконечности! Марья Александровна впилась въ него своими глазами, желая хоть что нибудь прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ изъ своего критическаго положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзя было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой-же, какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ и князь! А мы васъ ждали-ждали,— закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ нетерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! — пропищали другія.

— Мнѣ это чрезвычайно лест-но,—шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ-же окружили его. Возлѣ Марьи Александровны остались только Анна Николаевна, да Наталья Дмитріевна. Аѳанасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ тоже улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину, которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресла, близъ камина.

— Ахъ, князь, правду-ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? пропищала Фелисата Михайловна.

— Ну да, mesdames, уѣзжаю. Я не-медленно хочу ѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! вскричали всѣ хоромъ; —да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, подтвердилъ князь, охорашиваясь,—и, знаете, я особенно хочу туда ѣхать для но-выхъ идей.

— Какъ это для новыхъ идей? Это объ чемъ-же? говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну да, для новыхъ идей, повторилъ князь, съ видомъ глубочайшаго убѣжденія.—Всѣ теперь ѣдутъ для новыхъ и-дей. Вотъ я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужь не въ масонскую-ли ложу вы хотите поступить, любезнѣйшій дядюшка? — вскричалъ Мозгляковъ, очевидно, желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну да, мой другъ, ты не ошибся, неожиданно отвѣчалъ дядюшка.—Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей, при-над-лежалъ, и даже имѣлъ, въ свою очередь, очень много великодушныхъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго прос-вѣщенія, и ужь совсѣмъ было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезъ, на волю от-пус-тить. Но онъ, къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенахъ, идетъ по буль-ва-ру съ мамзелью. Поглядѣлъ на меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая...

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу поѣдете, вскричалъ Мозгляковъ, хохоча во все горло.

— Ты совершенно уга-далъ мои желанія, мой милый, отвѣчалъ

князь безъ запинки. Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ-же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? вскричала Фелисата Михайловна.

— Конечно, всѣ разбѣгутся, тревожно отозвалась Анна Николаевна.

— Ахъ, Боже мой! Не-уже-ли они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ? вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ, тотчасъ-же всѣ убѣгутъ-съ, и васъ одного и оставятъ-съ, подтвердила Наталья Дмитріевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну, такъ я ихъ не от-пу-щу на волю Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Этакъ-то лучше, дядюшка, скрѣпилъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала молча, и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ и что это вовсе не натурально.

— Позвольте, князь, начала она громко и съ достоинствомъ,— вамъ отрекомендовать моего мужа, Аоанасія Матвѣича. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Аоанасій Матвѣичъ улыбнулся и пріосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, я очень радъ, сказалъ князь.—А-оа-насій Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-оа-насій Мат-вѣ-ичъ. Ну да, это тотъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову,—да вѣдь это тотъ самый, помнишь, давеча еще въ рюму выхо-дило. Какъ-бишь это? Мужъ въ дверь, а жена... ну да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала...

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, тотъ самый водевиль, который у насъ прошлаго года актеры играли, подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну да, именно въ Тверь; я все за-бы-ваю. Charmant, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-миться, говорилъ князь, не вставая съ кресель и протягивая руку улыбающемуся Аоанасію Матвѣичу. Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм...

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну-да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ де-

ревитѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется...

Аоанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже расшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая, въ свою очередь, разрывалась отъ злости. Пора было перемѣнить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? спросила она медоточивымъ голосомъ, въ тоже время, грознымъ взглядомъ, давая знать Аоанасію Матвѣичу, чтобъ онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, отозвался князь,— и, знаете, видѣлъ одинъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-вательный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда разсказываютъ про сны, вскричала Фелисата Михайловна.

— И я тоже-съ, люблю-съ очень-съ!—прибавила Наталья Дмитріевна.

— О-ча-ро-вательный сонъ, повторялъ князь съ сладкой улыбкой,—но зато этотъ сонъ вели-чайшій секретъ!

— Какъ, князь, неужели и разсказывать нельзя? Да это, должно быть, удивительный какой нибудь сонъ? замѣтила Анна Николаевна.

— Ве-ли-чайшій секретъ, повторялъ князь, съ наслажденіемъ подзадоривая любопытство дамъ.

— Такъ, это, должно быть, ужасно интересно! кричали дамы.

— Бьюсь объ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какой нибудь красавицей на колѣняхъ и объяснялся въ любви! — вскричала Фелисата Михайловна.—Ну, признайтесь, князь, что это правда! Миленькій князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоеніемъ внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предложенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ что онъ чуть-чуть не облизывался.

- Хотя я и сказалъ, что мой сонъ—величайшій секретъ,— отвѣчалъ онъ, наконецъ: — но я принужденъ сознаться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти совер-шенно его от-га-дали.

— Отгадала!—съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна.— Ну, князь! Теперь какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя, или нѣтъ?

— Миленькій князь, откройте!

— Душенька, князь, откройте! Хоть умрите, да откройте! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!.. Если вы ужь хотите такъ на-сто-ятельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это — самая о-ча-ро-вательная и, можно сказать, самая не-по-рочная дѣвица изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, промямлилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! И... здѣшняя! Кто-жь-бы это? спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемигиваясь одна съ другой.

— Разумѣется, тѣ-сь, — которыя здѣсь первыя красавицы считаются-сь, — проговорила Наталья Дмитріевна, потирая свои красныя ручищи и посматривая своими кончачыми глазами на Зину. Вмѣстѣ съ нею и всѣ посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ-же, князь, если вы видите такіе сны, такъ почему-жь-бы вамъ на яву не жениться? — спросила Фелисата Михайловна, оглядывая всѣхъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ-бы мы славно женили васъ! — подхватила другая дама.

— Миленькій князь, женитесь!—пропищала третья.

— Женитесь, женитесь!—закричали со всѣхъ сторонъ. — Почему-жь не жениться?

— Ну да... почему-жь не жениться? — поддакивалъ князь, сбитый съ толку всѣми этими криками.

— Дядюшка!—вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну да, мой другъ, я тебя по-ни-маю! Я именно хотѣлъ вамъ сказать, mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться и, проведя очаровательный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра-же отправляюсь къ іеромонаху Мисаилу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ про-свѣ-щеніемъ.

Зина побѣдѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣла на мать свою. Но Марья Александровна уже рѣшилась. До сихъ поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло слишкомъ испорчено и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ, она поняла все, и однимъ разомъ, однимъ ударомъ, рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ кресель и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя пигмеевъ-враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блисталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣшилась поразить, сбить съ толку всѣхъ

этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодяя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ ударомъ, завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идіотомъ-княземъ. Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная; но за дерзостью не въ карманъ было ходить Маріѣ Александровнѣ!

— Mesdames, — начала она торжественно и съ достоинствомъ (Марья Александровна вообще чрезвычайно любила торжественность)—mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашимъ веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ — совершенно случайно (и я такъ рада, такъ этому рада)... Никогда-бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности, прошу извиненія у моего милаго гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на тоже самое обстоятельство, подаетъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявленіе нашей семейной тайны, но что даже онъ желаетъ этого разглашенія... Не правда-ли, князь, я не ошиблась?

— Ну да, вы не ошиблись... и я очень, очень радъ...—проговорилъ князь, совершенно не понимая о чемъ идетъ дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гости, съ алчнымъ и безпокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгляковъ вздрогнулъ; Зина покраснѣла и привстала съ кресель; Аоанасій Матвѣичъ, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, на всякій случай, высморкался.

— Да, mesdames, я съ радостію готова повѣрить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увлеченный красотою и... достоинствами моей дочери, сдѣлалъ ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! — заключила она, дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ, — милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну и... какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобъ изобразить эффектъ, произведенный неожиданною выходкой Марьи Александровны. Всѣ какъ будто оцѣпенѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гости, думавшія напугать Марью Александровну тѣмъ, что онѣ уже знаютъ ея тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаруженіемъ этой тайны, думавшія растерзать ее, покамѣсть, только одними намеками, были опешомлены та-

кою смѣлою откровенностію. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. «Стало быть, князь дѣйствительно, своею собственною волею, женится на Зинѣ? Стало быть, не завлекали его, не опаивали, не обманывали? Стало быть, не потаеннымъ, не воровскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало быть, Марья Александровна никого не боится? Стало быть, нельзя уже разбить эту свадьбу, коли князь не по принужденію женится?» Послышался мгновенный шепотъ, превратившійся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитріевна; за ней Анна Николаевна, за этой Фелисата Михайловна. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, всѣ перемѣшались. Многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уцѣпились даже за Аѳанасія Матвѣича. Марья Александровна живописно простерла руки и, почти насильно, заключила свою дочь въ объятія. Одинъ князь смотрѣлъ на всю эту сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался по прежнему. Впрочемъ, сцена ему отчасти понравилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, онъ вынулъ платокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросились и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь! Поздравляемъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь?

— Такъ вы дѣйствительно женитесь?

— Миленькій князь, такъ вы женитесь?

— Ну да, ну да,—отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами;—и, признаюсь вамъ, что мнѣ всего болѣе нравится ваше милое учас-тіе ко мнѣ, которое я ник-да не забуду, ни-ког-да не забуду. Charmant! Charmant! Вы даже рас-сле-зили меня...

— Поцалуйте меня, князь!—громче всѣхъ кричала Фелисата Михайловна.

— И, признаюсь вамъ,—продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ,—я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-нов-на, наша почтен-ная хозяйка, съ такою необык-но-вен-ною проница-тельностью угадала мой сонъ. Точно какъ будто она, вмѣсто меня, его ви-дѣла. Необыкновенная проницательность! Не-о-бык-новенная проницательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужь признайтесь, князь, признайтесь!—кричали всѣ, обступивъ его.

— Да, князь, скрываться нечего, пора обнаружить эту тайну,—

рѣшительно и строго сказала Марья Александровна.—Я поняла вашу тонкую аллегорію, вашу очаровательную деликатность, съ которою вы старались мнѣ намекнуть о желаніи вашемъ огласить ваше сватовство. Да, mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и на яву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ будто на яву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, подтвердилъ князь,—мадмуазель,—продолжалъ онъ съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая еще не пришла въ себя отъ изумленія,—мадмуазель! Клянусь, что никогда-бы я не осмѣлился произнести ваше имя, если-бъ другіе, раньше меня, не про-из-нес-ли его. Это былъ очаровательный сонъ, оча-рова-тельный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это выс-ка-зать. Charmant! Charmant...

— Но помилуйте, какъ-же это? Вѣдь онъ все говоритъ про сонъ;—прошептала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣднѣвшей Маріѣ Александровнѣ.—Увы! У Маріи Александровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ-же это? — шептали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь,—начала Марья Александровна, съ болѣзненно-искривившеюся улыбкою:—увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за странная у васъ идея про сонъ? Признаюсь вамъ, я думала до сихъ поръ, что вы шутите, но... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка... Я хочу, я желаю приписать это вашей разсѣянности, но...

— Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ быть, у нихъ отъ разсѣянности-съ,—прошептала Наталья Дмитріевна.

— Ну да... можетъ быть, это и отъ разсѣянности, подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются.—И, вообразите, я вамъ разскажу сейчасъ одинъ а-некдотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на по-хороны, такъ, къ однимъ людямъ, maison bourgeoise, mais honnete, а я и смѣшалъ, что на имянины. Имянины-то еще на прошлой недѣ-лѣ прош-ли. Букетъ изъ камелій имя-нин-ницѣ приготовилъ. Вхожу, и что-жъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный — лежитъ на столѣ, такъ что я уди-вился. Я просто не зналъ, куда дѣваться съ бу-кетомъ.

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ!—съ досадою перебила Марья Александровна. — Конечно, моей дочери нечего гнаться за женихами, но давеча вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызывала васъ на это... Это меня, можно сказать, фраппировало... Разумѣется, у меня мелькнула тогда одна

мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я—мать; она—дочь моя... Вы сами говорили сейчасъ о какомъ-то снѣ и я думала вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите разсказать о вашей помолвкѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ быть, сбиваютъ... я даже подозрѣваю, кто именно... но... объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовлетворительнѣе. Такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ...

— Ну да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ,—подхватилъ князь безсознательно, но уже начиная, по немногу, безпокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣчать положительно; подтвердите, сейчасъ-же подтвердите здѣсь, при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моей дочери.

— Ну да. я готовъ подтвердить. Впрочемъ, я все это уже разсказывалъ, и Фелисата Яковлевна совершенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ! Не сонъ!—закричала въ ярости Марья Александровна.—Не сонъ, а это было на яву, князь, на яву, слышите-ли, на яву!

— На яву!—вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ кресель.—Ну, другъ мой! Какъ ты давеча напророчилъ, такъ и вышло!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову.—Но, увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершенно увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй!—вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, вступилась Наталья Дмитріевна.—Князь, можетъ быть, какъ нибудь позабылъ-съ. Они вспомнятъ-съ.

— Я удивляюсь вамъ, Наталья Дмитріевна, съ негодованіемъ возразила Марья Александровна,—развѣ такія вещи забываются? Развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣетесь надъ нами, иль нѣтъ? Или вы корните, можетъ быть, изъ себя одного изъ шематоновъ временъ регентства, которыхъ изображаетъ Дюма? Какого нибудь Ферлакура, Лозена? Но кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣряю васъ, что это вамъ не удастся! Моя дочь не французская виконтесса. Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь—она вамъ пѣла романсъ, и вы, увлеченные ея пѣніемъ, опустились на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неужели я грежу? Неужели я сплю? Говорите, князь: сплю я, иль нѣтъ?

— Ну да... а, впрочемъ, можетъ быть, нѣтъ... отвѣчалъ растерявшійся князь.—Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не во снѣ. Я, видите-ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ...

— Фу ты, Боже мой, что это такое: не во снѣ—во снѣ, во

снѣ—не во снѣ!—Да это чортъ знаетъ что такое! Вы бредите, князь, или нѣтъ?

— Ну да, чортъ знаетъ... впрочемъ, я, кажется, ужъ совсѣмъ теперь сбился...—проговорилъ князь, вращая кругомъ безпокойные взгляды.

— Но какъ-же вы могли видѣть во снѣ,—убивалась Марья Александровна,—когда я, вамъ-же, съ такими подробностями, разсказываю вашъ собственный сонъ, тогда какъ вы его еще никому изъ насъ не разсказывали?

— Но, можетъ быть, князь ужъ кому нибудь и разсказывали-съ, проговорила Наталья Дмитріевна.

— Ну да, можетъ быть, я кому нибудь и разсказывалъ, подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! шепнула Фелисата Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ ты Боже мой! Да тутъ всякое теріѣнье лопнетъ!—кричала Марья Александровна, въ изступленіи ломая руки.—Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто пѣла романсъ, пробормоталъ князь въ задумчивости, и вдругъ какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой!—вскричалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову, — я и забылъ тебѣ давеча сказать, что вѣдь и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсѣ были все какіе-то замки, такъ что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то трубадуръ! Ну да, я это все помню... такъ что я и заплакалъ... А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ дѣлѣ было, а не во снѣ.

— Признаюсь вамъ, дядюшка, отвѣчалъ Мозгляковъ, сколько можно спокойнѣе, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги,—признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Аѳанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Аѳанасьевна вамъ спѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, разчувствовались, вспомнили старину; можетъ быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами когда-то пѣли романсы и о которой вы-же сами намъ утромъ разсказывали. Ну, а потомъ, когда легли спать, вамъ, вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе...

Марья Александровна была просто оглушена такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, закричалъ князь въ восторгѣ. -Именно вслѣдствіе пріятныхъ впе-

чательный! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ игъли романсъ, а я за это, во снѣ, и захотѣлъ жениться. И виконтесса тоже была... Ахъ, какъ ты умно это распутать, мой милый! Ну! Я теперь совершенно увѣренъ, что все это видѣлъ во снѣ! Марья Васильевна! Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ-бы играть вашими благородными чувствами...

— А! Теперь я вижу ясно, кто тутъ нагадилъ! закричала Марья Александровна, внѣ себя отъ бѣшенства, обращаясь къ Мозглякову. — Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣлали! Вы взбаламутили этого несчастнаго идіота за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна, кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь, покраснѣвъ, какъ ракъ:—ваши слова до такой степени... Я ужъ и не знаю, до какой степени ваши слова.. Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ... я, по крайней мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать.

— Ну да, такъ завлекать... поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Аоанасій Матвѣичъ! взвизгнула Марья Александровна какимъ-то неестественнымъ голосомъ.—Неужели вы не слышите, какъ насъ срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и въ самомъ дѣлѣ не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлопаете? Другой мужъ давно-бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!..

— Жена! съ важностью началъ Аоанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала нужда:—Жена! Да ужъ не видала-ль ты, и въ самомъ дѣлѣ, все это во снѣ, а потомъ, какъ просналась, такъ и перепутала все, по свойски...

Но Аоанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До сихъ поръ еще гости удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самаго неудержимаго смѣха огласилъ всю комнату. Марья Александровна, забывъ всѣ приличія, бросилась было на своего супруга, вѣроятно, затѣмъ, чтобъ немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитріевна воспользовалась обстоятельствами и, хоть капельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было-съ, а вы убиваетесь, — проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? Что такое было? — кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенько.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-съ...

— Да что такое бываетъ? Жилы вы изъ меня, что-ли, тянуть хотите?

— Можетъ быть, вы, и въ самомъ дѣлѣ, видѣли это во снѣ-съ.

— Во снѣ? Я? Во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить, прямо въ глаза?

— Что-жь, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, — отозвалась Фелисата Михайловна.

— Ну да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, — пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда-же! Господи, Боже мой! — вскричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь, Марья Александровна! Вспомните-съ, что сны ниспосылаются Богомъ-съ. Ужь коли Богъ захочетъ-съ, такъ ужь никто какъ Богъ-съ, и на всемъ Его святая воля-съ лежитъ-съ. Сердиться тутъ ужь нечего-съ.

— Ну да, сердиться нечего,—поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что-ли?—едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было свыше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онѣ изъ приличія-съ въ обморокъ упали-съ, шепнула Наталья Дмитріевна Аннѣ Николаевнѣ.

Но въ эту минуту, въ минуту высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо — и вся сцена немедленно измѣнилась въ своемъ характерѣ...

ГЛАВА XIV.

Зинаида Аѳанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романическаго характера. Не знаемъ, оттого-ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ начиталась «этого дурака Шекспира съ своимъ учителишкой», но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романической, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, которую мы сейчасъ будемъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, по-

среди наставшаго вдругъ безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеніи, тотчасъ-же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька!—сказала Зина,—къ чему обманывать? Къ чему еще ложью пятнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ унизительнаго труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! Что съ тобою? Опомнись, — вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ съ своихъ креселъ.

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣе, маменька, что я не вынесу всего этого позора, — продолжала Зина. — Неужели-же непремѣнно надо еще болѣе унижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайте, маменька, что я все возьму на себя, потому что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ согласіемъ, дала ходъ этой гадкой... интригѣ! Вы — мать; вы меня любите; вы думали по своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня—никогда!

— Зина, неужели ты хочешь разсказывать?.. О, Боже! Я предчувствовала, что этотъ кинжалъ не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все разскажу! Я опозорена, вы... мы всѣ опозорены!..

— Ты преувеличиваешь, Зина! Ты вѣ себя и не помнишь, что говоришь! И къ чему-же разсказывать? Тутъ смысла нѣтъ... Стыдъ не на насъ... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ...

— Нѣтъ, маменька,—вскричала Зина, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ:—я не хочу болѣе молчать передъ этими людьми, мнѣніе которыхъ презираю и которые пріѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ-же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣютъ-ли, могутъ-ли онѣ быть нашими судьями?..

— Вотъ прекрасно!—Вотъ какъ заговорила! —Это что-же! Это насъ обижаютъ!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и вирямъ, сами не понимаютъ, что говорятъ-съ,— проговорила Наталья Дмитріевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитріевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ дамъ достойными судить себя, зачѣмъ-же было и выходить къ нимъ съ такою оглаской, съ такими признаніями? Вообще Зинаида Аѳанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, впослѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все-бы могло быть исправлено! Все-бы могло быть улажено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ своею несдержанностію и запосчивостью. Стоило

только насмѣяться надъ идіотомъ старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь,—сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула, — такъ поразила она его въ эту минуту! — Князь! Простите меня, простите насъ! Мы обманули, мы завлекли васъ...

— Да замолчишь-ли ты, несчастная! — въ изступленіи вскричала Марья Александровна.

— Сударыня! Сударыня! Ma charmante enfant... бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, порывистый и въ высшей степени мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностью. Она забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь: — маменька тѣмъ, что рѣшилась заставить васъ жениться на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пѣть и кривляться передъ вами. Васъ — слабаго, беззащитнаго, *облапошили*, какъ выразился Павелъ Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно низко и я каюсь въ этомъ. Но клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла... Но что я! Двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, если-бъ и взяла отъ васъ что нибудь, то была-бы за это вашей игрушкой, служанкой, плясуньей, рабой... я поклялась и свято-бы сдержала клятву мою!

Сильный горловой спазмъ остановилъ ее въ эту минуту. Всѣ гости какъ будто оцѣпенѣли и слушали, выпуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины, сбила ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понималъ изъ того, что сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, ma belle enfant, если ужь вы такъ хо-ти-те,—бормоталъ онъ—и это для меня будетъ боль-шая честь! Только, увѣряю васъ, что это былъ дѣйстви-тельно, какъ будто-бы, сонъ... Ну, мало-ли что я увижу во снѣ? Къ чему-же такъ безпо-коиться? Я даже какъ будто ничего и не понялъ, mon ami,— продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову:—объясни мнѣ хоть ты, пожалуй-ста...

— А вы, Павелъ Александровичъ, — подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову,—вы, на котораго я, одно время, рѣшилась было смотрѣть, какъ на моего будущаго мужа, вы, который

теперь мнѣ такъ жестоко отомстили,—неужели и вы могли примкнуть къ этимъ людямъ, чтобъ растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любили меня! Но не мнѣ читать вамъ нравоученія! Я виновнѣе васъ... Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давешнія доказательства были ложь и хитросплетенія! Я васъ никогда не любила, и если рѣшилась выдти за васъ, то единственно, чтобъ хоть куда нибудь уйдти отсюда, изъ этого проклятаго города и избавиться отъ всего этого смрада... Но, клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была-бы вамъ доброй и вѣрной женой... Вы жестоко отмстили мнѣ и, если это льститъ вашей гордости...

— Зинаида Аѳанасьевна!—вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до сихъ поръ вы питаете ко мнѣ ненависть...

— Зинаида Аѳанасьевна!!

— Если когда нибудь,—продолжала Зина, давя въ себѣ слезы:—если когда нибудь вы любили меня...

— Зинаида Аѳанасьевна!!!

— Зина, Зина! Дочь моя!—вопила Марья Александровна.

— Я подлецъ, Зинаида Аѳанасьевна, я подлецъ и больше ничего!—скрѣжетъ Мозгляковъ, и все пришло въ ужаснѣйшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопаный, безъ мысли и безъ голосу...

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта,—близкій предѣлъ ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ, въ началѣ, обыкновенно самый энергическій. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бросаются на препятствія какъ-то зажмуривъ глаза, и всегда почти не по силамъ берутъ себѣ ношу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшенный человѣкъ, вдругъ, какъ будто самъ себя испугается, останавливается, какъ опѣломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: «Что это я такое надѣлалъ?» Потомъ немедленно раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, проситъ прощенія, умоляетъ, чтобы все было по старому, но только поскорѣе, какъ можно поскорѣе!.. Почти тоже самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣсившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣликомъ, приписывалъ теперь одному себѣ; насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя-же возненавидѣвъ за это, онъ вдругъ остановился, убитый совѣстью, передъ неожиданной выходкой Зины. Послѣднія слова ея добили его окончательно. Перескочить изъ одной крайности въ другую было дѣломъ одной минуты.

— Я—осель, Зинаида Аѳанасьевна! — вскричалъ онъ, въ порывѣ изступленнаго раскаянія.—Нѣтъ! Что осель? Осель еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу, Зинаида Аѳанасьевна, я вамъ докажу, что и осель можетъ быть благороднымъ человѣкомъ!.. Дядюшка! Я обманулъ васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйствительно на яву дѣлали предложеніе, а я, я, подлецъ, изъ мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли все это во снѣ.

— Удивительно любопытныя вещи-съ открываются-съ,—прошипѣла Наталья Дмитріевна на ухо Аннѣ Николаевнѣ.

— Другъ мой, отвѣтилъ князь: — ус-по-койся по-жа-луйста; ты меня, право, испугалъ своимъ крикомъ. Увѣряю тебя, что ты о-ши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ жениться, если ужь такъ на-до: но вѣдь ты самъ-же увѣрялъ меня, что это было только во снѣ...

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня, какъ мнѣ увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная вещь, важнѣйшее фамильное дѣло! Сообразите! Подумайте!

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Постой-же, дай мнѣ вспомнить все по порядку. Сначала я видѣлъ кучера Ѳе-о-фи-ла...

— Э! Не до Ѳеофила теперь, дядюшка!

— Ну да, положимъ, что теперь не до него. Потомъ былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ будто мы чай пили, и какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ поѣла...

— Но, дядюшка,—брякнулъ Мозгляковъ, въ затмѣніи ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна разсказывала давеча про Наталью Дмитріевну! Вѣдь я тутъ-же былъ, я самъ это слышалъ! Я спрятался и смотрѣлъ на васъ въ дырочку...

— Какъ, Марья Александровна, подхватила Наталья Дмитріевна, — такъ вы ужь и князю разсказывали-съ, что я у васъ сахаръ украла изъ сахарницы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ѣзжу-съ!

— Прочь отъ меня! — закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ не прочь, Марья Александровна, вы этакъ не смѣете говорить-съ, а, стало быть, я у васъ сахаръ краду-съ? Я давно слышала, что вы про меня такія гнусности распускаете-съ. Мнѣ Софья Петровна подробно разсказывала-съ... Такъ я у васъ сахаръ краду-съ?..

— Но, mesdames,—закричалъ князь,—вѣдь это было только во снѣ! Ну, мало-ли что я вижу во снѣ?..

— Кадушка проклятая, пробормотала въ полголоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушка-съ! взвизгнула Наталья Дмитріевна.— А вы кто такая-съ? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-съ? У меня, по крайней мѣрѣ, мужъ у меня-съ, а у васъ-то дуракъ-съ...

— Ну да, я помню, была и ка-ду-шка, пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давешній разговоръ съ Маріей Александровной.

— Какъ, и вы туда-же дворянку бранить-съ? Какъ вы смѣете, князь, дворянку бранить-съ? Коли я кадушка, такъ вы безногіе-съ...

— Кто, я безногій?

— Ну да, безногіе-съ, да еще и беззубые-съ, вотъ вы какіе-съ!

— Да еще и одноглазый!—закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ вмѣсто реберъ-съ! — прибавила Наталья Дмитріевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣтъ-съ!..

— И усишки-то, у дурака, накладные, скрѣшила Марья Александровна.

— Да хоть поскъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, настоящій! вскричалъ князь, ошеломленный такими внезапными откровенностями.—Другъ мой! Это ты меня предалъ! Это ты разсказалъ, что волосы у меня нак-лад-ные...

— Дядюшка!

— Нѣтъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оста-ваться! Увези ты меня куда нибудь... quelle société! Куда это ты завезъ меня, Бо-же мой?

— Идіотъ! Подлецъ!— кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой!—говорилъ бѣдный князь,—я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, но я сей-часъ вспом-ню. Увези ты меня, братецъ, куда ни-будь, а то меня растерзаютъ! Притомъ-же... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль...

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ-же перевезу въ гостинницу и самъ переѣду съ вами...

— Ну да, въ гос-тин-ницу. Adieu, ma charmante enfant... вы только одна... доб-родѣ-тельны. Вы бла-го-род-ная дѣвушка! Пойдемъ-же, мой милый. О, Боже мой!

Но не стану описывать окончанія непріятной сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разъѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, наконецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! Сила, слава, значеніе,—все

исчезло въ одинъ этотъ вечеръ. Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей по прежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ надъ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Что оставалось ей теперь?—философствовать? Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Зина обезчещена, сплетни пойдутъ безконечныя! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ, я долженъ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмѣльи досталось Аоанасію Матвѣичу, который забился, наконецъ, куда-то въ чуланъ, и въ немъ промерзъ до утра. Наступило, наконецъ, и утро, но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда никогда одна не приходитъ...

ГЛАВА XV.

Если судьба обрушится разъ на кого бѣдою, то ударамъ ея и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было одного вчерашняго позора и срама для Марьи Александровны! Нѣтъ! Судьба ей готовила побольше и получше.

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ распространился одинъ страшный и почти невѣроятный слухъ, встрѣченный всѣми съ самою злобною и ожесточенною радостью,— какъ и обыкновенно встрѣчаемъ мы всѣ всякій необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ ближнихъ. «До такой степени потерять стыдъ и совѣсть!» кричали со всѣхъ сторонъ,— «до такой степени унизиться, пренебречь всѣ приличія, до такой степени распустить всѣ узы!» и проч., и проч. Вотъ что, однако-же, случилось. Рано утромъ, чуть-ли еще не въ седьмомъ часу, одна бѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, прибѣжала въ домъ Марьи Александровны и умоляла горничную какъ можно скорѣе разбудить барышню, одну только барышню, потихоньку, чтобъ какъ нибудь не узнала Марья Александровна. Зина, блѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, цаловала ихъ, обливала слезами и молила немедленно сходить съ ней къ ея больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ труденъ, что, можетъ, и дня больше не проживетъ. Старуха говорила Зинѣ, рыдая, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, заклинаетъ ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что было прежде, и что если она не придетъ, то онъ умретъ съ отчаяніемъ. Зина тотчасъ-же рѣшилась идти, не смотря на то, что исполненіе такой просьбы

явно-бы подтвердило всѣ прежніе, озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалезномъ ея поведеніи и проч. Не сказавшись матери, она накинула на себя салопъ и тотчасъ-же побѣжала со старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, гдѣ стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій въ землю домишко, съ какими-то щелочками вмѣсто оконъ и обнесенный сугробами снѣга со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлой комнаткѣ, въ которой огромная печь занимала ровно половину всего пространства, на досчатой, некрашеной кровати, на тонкомъ, какъ блинъ, тюфякѣ, лежалъ молодой человѣкъ, покрытый старой шинелью. Лицо его было блѣдное и изможденное, глаза блистали болѣзненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ палки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтно было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою; но болѣзнь исказила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или, вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха-мать, которая цѣлый годъ, чуть-ли не до послѣдняго часа, ждала воскресенія своего Васиньки, увидала, наконецъ, что онъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не наглядѣлась, и все-таки не могла понять, хоть и знала это, что чрезъ нѣсколько дней ея ненаглядная Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ, подъ сугробами снѣга, на бѣдномъ кладбищѣ. Но Вася не на нее смотрѣлъ въ эту минуту. Все лицо его, исхудалое и страдальческое, дышало теперь блаженствомъ. Онъ видѣлъ, наконецъ, передъ собою ту, которая снилась ему цѣлые полтора года, и на яву, и во снѣ, въ продолженіе долгихъ, тяжелыхъ ночей его болѣзни. Онъ понялъ, что она простила его, явясь къ нему, какъ ангелъ Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, улыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами и,—и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердцѣ и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина, говорилъ онъ, — Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя,—вотъ такъ, какъ теперь смотрю,—буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты простила меня, буду опять цаловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ быть, не примѣтивъ смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангелъ ты мой, съ

какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смѣялась? Помнишь... Ахъ, Зина, я не прошу у тебя прощенія, я и помнить не хочу о томъ, что было,—потому, Зиночка, потому, что хоть ты, можетъ быть, и простила меня, но я самъ никогда себѣ не прощу. Были долгія ночи, Зина, безсонныя, ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежалъ и думалъ, долго, много передумалъ, и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, ей Богу, лучше!.. Я не годился жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? продолжалъ больной. — О томъ, что я умираю, объ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно схоронено! Ты умнѣе меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенесть эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то сколько тутъ было, можетъ быть, и благороднаго... не знаю! Ахъ, другъ мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толпу презиралъ, а чѣмъ я гордился передъ людьми? И самъ не знаю. Чистотой сердца, благородствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и выказалъ мою чистоту и благородство чувствъ...

— Полно, — говорила Зина, — полно!.. Все это не такъ, напрасно... ты убиваешь себя!

— Что ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты простила меня и давно, можетъ быть, простила; но ты судила меня и поняла—кто я таковъ; вотъ это-то меня мучаетъ. Недостоинъ я твоей любви, Зина! Ты и на дѣлѣ была честная и великодушная: ты пошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другаго, и сдержала-бы слово, потому что у тебя слово не рознилось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла... Знаешь-ли, Зиночка, что вѣдь я даже не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что, выйдя за меня, ты, можетъ быть, умерла-бы съ голоду. Куда, и мысли не было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго, то есть), не хотѣлъ понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося повременить свадьбой, мучилъ тебя, тиранилъ, упрекалъ, презиралъ и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлецъ былъ въ ту минуту. Я просто былъ дрянь-человѣкъ! О, какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо,

что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего-бы я не понялъ изъ твоего пожертвованія, мучилъ-бы тебя, изтерзалъ-бы тебя за нашу бѣдность; прошли-бы года,—куда!—Можетъ быть, и возненавидѣлъ-бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, по крайней мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ! Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ... Я вѣдь знаю, что я недостоинъ любви твоей, но... но... о, ангелъ ты мой!

Во всю эту рѣчь, Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливала. Но онъ не слушалъ ее; его мучило желаніе высказаться, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хрипымъ удушливымъ голосомъ.

-- Не встрѣтилъ-бы ты меня, не полюбилъ-бы меня, такъ остался-бы жить! сказала Зина.—Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ томъ, что я умираю, продолжалъ больной.—Во всемъ я одинъ виноватъ! Самолюбія-то сколько тутъ было! Романтизма! Разсказывалъ-ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видишь-ли, былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ; но когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что больного не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настоялъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ началась такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну вотъ, ангелъ мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день... ну, знаешь, послѣ записки-то... и рѣшился такъ-же погубить себя: но какъ-бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? Почему я не удавился, не удавился? Побоялся скорой смерти? Можетъ быть, и такъ,—но все мнѣ какъ-то мерещится, Зиночка, что и тутъ не обошлось безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будетъ, что вотъ я буду лежать на постели умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки; сама придешь ко мнѣ съ повинною, упадешь предо мной на колѣни... Я прощаю тебя, умираю на рукахъ твоихъ... Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Не помнай объ этомъ!—сказала Зина,— не говори этого! Ты не такой... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливомъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю. Полтора года я тебя не видалъ! Душу-бы, кажется, передъ тобой теперь выложилъ!

Вѣдь все то время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенекъ и, кажется, минуты не было, чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангелъ мой ненаглядный! И знаешь что, Зиночка? Какъ мнѣ хотѣлось что нибудь сдѣлать, какъ нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя перемѣнить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ больной грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, напримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить всѣ мои чувства, всю мою душу, такъ, что гдѣ-бы ты ни была, я все-бы былъ съ тобой, безпрерывно-бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: «Нѣтъ! Онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!» Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, нѣтъ!—говорила Зина. Она прижала къ нему на грудь и цаловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется, я-бы умеръ, если-бъ услышалъ о твоей свадьбѣ! Я подсылалъ къ тебѣ, карауливъ, шпіонилъ... вотъ она все ходила — (и онъ кивнулъ на мать). — Вѣдь ты не любила Мозглякова, не правда-ли, Зиночка? О, ангелъ мой! Вспомнишь-ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но пройдутъ годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ и забудешь ты меня, Зиночка!..

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я не выйду и замужъ!.. Ты мой первый... всегдашній...

— Все умираетъ, Зиночка, все, даже и воспоминанія!.. И благородныя чувства наши умираютъ. Вмѣсто нихъ наступаетъ благоразуміе. Что-жъ и роптать! Пользуйся жизнію, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби и другаго, коль полюбится,—не мертвеца-же любить! Только вспомни обо мнѣ, хоть изрѣдка: худаго не вспоминай, прости худое; но вѣдь было-же и въ нашей любви хорошее, Зиночка! О, золотые, невозвратные дни.. Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечерній, закатный часъ! Вспомни обо мнѣ, когда нибудь, въ этотъ часъ! О, нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О, какъ-бы я хотѣлъ теперь вновь ожить! Вспомни, другъ мой, вспомни, вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило, цвѣли цвѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ насъ... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшею рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ своимъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали истерзанную грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его, какъ могла, но ея душа страдала до смерти. Она говорила, что не забудетъ его и что никогда никого не полюбитъ такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, цаловалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять посылала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно въ общемъ мнѣніи. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама идти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую комнату, она, почти на колѣняхъ, умоляла ее отстранить этотъ послѣдній и главный кинжалъ отъ ея сердца. Зина вышла къ ней больная: голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маменьку. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому что Зина рѣшилась ночевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но больному становилось все хуже и хуже. Настала и еще день, но уже не было надежды, что страдалецъ переживетъ его. Старуха-мать была какъ безумная, ходила какъ будто ничего не понимая, подавала сыну лѣкарства, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать. Агонія его длилась долго. Онъ уже не могъ говорить и только безсвязные, хрипые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами, и когда уже свѣтъ началъ меркнуть въ его глазахъ, онъ все еще, блуждающею, невѣрною рукою искалъ руку ея, чтобъ сжать ее въ своей. Между тѣмъ короткій, зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконце маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучемъ изъ измождennаго тѣла. Старуха-мать, увидя, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненаглядnаго Васи, всплеснула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвецу.

— Это ты, змѣя подколодная, извела его!—закричала она въ отчаяніи Зинѣ.—Ты, разлучница проклятая, ты, злодѣйка, его погубила!

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ какъ обезумѣвшая. Наконецъ, наклонилась передъ нимъ, перекрестила, поцаловала его и машинально вышла изъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти безсонныя ночи чуть-чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошедшее какъ-бы оторвалось отъ ея сердца и началась новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не прошла она десяти шаговъ, какъ Мозгляковъ какъ будто выросъ

передъ нею изъ подъ земли; казалось, онъ нарочно поджидалъ на этомъ мѣстѣ.

— Зинаида Аоанасьевна, —началъ онъ какимъ-то боязливымъ шепотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому что еще было довольно свѣтло,—Зинаида Аоанасьевна, я, конечно, оселъ! То есть, если хотите, я ужъ теперь и не оселъ, потому что, видите-ли, все-таки поступилъ благородно. Но все-таки я раскаиваюсь въ томъ, что я былъ оселъ .. Я, кажется, сбиваюсь, Зинаида Аоанасьевна, но... вы извините, это отъ разныхъ причинъ...

Зина почти безсознательно посмотрѣла на него и, молча, продолжала свою дорогу. Такъ какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не сторонилась, то Николай Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ подлѣ нея внизу, безпрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Аоанасьевна,—продолжалъ онъ,—я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Аоанасьевна, весь позоръ, и готовъ простить: не только съ однимъ условіемъ: покамѣстъ мы здѣсь—все останется въ тайнѣ. Вы уѣдете отсюда какъ можно скорѣе; я—потихоньку вслѣдъ за вами; обвѣнчаемся гдѣ нибудь въ глуши, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сейчасъ въ Петербургъ, хотя-бы и на перекладныхъ, такъ, чтобъ съ вами былъ только маленькій чемоданчикъ... а? Согласны, Зинаида Аоанасьевна? Скажите поскорѣе! Мнѣ нельзя дожидаться; насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозглякова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ-же все понялъ, снялъ шляпу, раскланялся и изчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

«Какъ-же это?» подумалъ онъ:—«третьяго дня еще вечеромъ она такъ разчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно, день на день не приходитъ!»

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту-же ночь и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Калистъ Станиславичъ почти не отходилъ отъ больнаго. Къ вечеру составился консиліумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были по латыни. Но, не смотря на латынь, князь совсѣмъ уже потерялъ память, бредилъ, просилъ Калиста Станиславича спѣть ему какой нибудь романсъ, говорилъ про какіе-то парики: иногда какъ будто чего-то пугался и кричалъ. Доктора рѣшили что отъ мордасовскаго гостепріимства у князя

сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (вѣроятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключили-же тѣмъ, что князь давно уже былъ предположенъ умереть, а потому непремѣнно умретъ. Въ послѣднемъ они не ошиблись, потому что бѣдный старичокъ, на третій-же день къ вечеру, померъ въ гостинницѣ. Это поразило мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серіознаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостинницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще не убранное, судили, рядили, кивали головами и кончили тѣмъ, что рѣзко осудили «убійцъ несчастнаго князя», подразумѣвая подъ этимъ, конечно, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандалезности, можетъ получить непріятную огласку, пойдетъ, пожалуй, еще въ дальнія страны и,—чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны и, наконецъ, голова у него закружилась.—Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной.—Дѣйствительно, положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостинницу, а теперь не зналъ, что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать? Везти-ли тѣло въ Духаново? Къ тому-же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. «Пожалуй, еще дѣло отзовется въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ!—думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта; всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертваго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро перемѣнилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ въѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ многомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шепотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и оконъ, когда онъ проѣхалъ по Большой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Михайловичъ немного какъ будто-бы струсилъ и не зналъ, какъ быть съ пріѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетиловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничьихъ эполетахъ и въ аксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какой-то необыкновенный страхъ отъ этихъ аксельбантовъ. Полиціймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно; физически-же онъ явился на лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ-же узнали, что князь Щепетиловъ ѣдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Духаново. Не заставъ-же въ Духановѣ никого, полетѣлъ вслѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ гро-

момъ, поразила его смерть старика и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужныя объясненія: да и всѣ въ Мордасовѣ смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому-же у пріѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось-бы, нельзя быть недовольному наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ-же взялся за дѣло самъ, лично; Мозгляковъ-же немедленно и постыдно стушевался передъ настоящимъ, несамозваннымъ племянникомъ и исчезъ—неизвѣстно куда. Рѣшено было немедленно перенесть тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія пріѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ тактомъ и приличіемъ. На-завтра весь городъ собрался въ монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространился нелѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣняхъ передъ гробомъ, будетъ громко испрашивать себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ церковь. Мы и забыли сказать, что, тотчасъ по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ-же вечеръ рѣшилась переѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ оставаться въ городѣ. Тамъ тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посылала на развѣдки узнавать о пріѣзжемъ лицѣ и все время была въ лихорадкѣ. Дорога изъ монастыря въ Духаново приходила менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ окошекъ ея деревенскаго дома—и потому Марья Александровна могла удобно разсмотрѣть длинную процессію, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново послѣ отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дрогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣлоснѣжномъ полѣ эти мрачныя дроги, везомыя тихо, съ подобающимъ величіемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго, и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она переѣхала въ Москву, съ дочерью и Аоанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяцъ узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. Итакъ Мордасовъ на вѣки терялъ такую комъ-иль-фотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злоязычія. Стали, напримѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Аоанасіемъ Матвѣичемъ... Прошелъ годъ, другой, и объ Маріѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда ведется на свѣтѣ! Разсказывали, впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и переѣхала въ другой губернскій городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до сихъ поръ не замужемъ, что

Аѳанасій Матвѣичъ... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи; все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я дописалъ послѣднюю строчку перваго отдѣла мордасовской лѣтописи, и кто-бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись и прибавить еще одно извѣстіе къ моему разсказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Мозглякова. Стушевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ всѣ мордасовскія событія, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ островѣ и въ Галерной гавани, журовалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлалъ предложеніе, съѣлъ еще разъ отказъ и, не переваривъ его, по вѣтренности своего характера и отъ нечего дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего безбрежнаго отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, навѣрно не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала всѣ лѣса и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія, явилась въ главномъ городѣ «отдаленнѣйшаго края» къ генералъ-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и строгій генералъ, старый воинъ, израшенный въ сраженіяхъ, съ двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всѣхъ составлявшихъ ее чиновниковъ къ себѣ на балъ, дававшійся въ тотъ-же самый вечеръ, по случаю имянинъ генералъ-губернаторши. Павелъ Александровичъ былъ этимъ очень доволенъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развязно вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ-же немного осѣлъ, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эполетъ и статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться генералъ-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ и брилліантахъ, гордая и надменная. Она совершенно не узнала Павла Александровича. Ея взглядъ небрежно скользнулъ по его лицу и тотчасъ-же обратился на кого-то другаго. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ и въ толпѣ столкнулся съ однимъ робкимъ молодымъ чиновникомъ, который какъ будто пугался самого себя, очутившись на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Павелъ Александровичъ немедленно принялся его разспрашивать и узналъ чрезвычайно интересныя вещи.

Онъ узналъ, что генералъ-губернаторъ уже два года какъ женился, когда ѣздилъ въ Москву изъ «отдаленнаго края»; и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу, изъ знатнаго дома. Что генеральша «ужасно хороши *изъ себя-съ*, даже, можно сказать, первыя красавицы-съ, но держатъ себя чрезвычаймо гордо, а танцуютъ только съ одними генералами-съ»,—что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ, своихъ и пріѣзжихъ, девять, включая въ то число и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, «у генеральши есть маменька-съ, которая и живетъ вмѣстѣ съ нею и что эта маменька-съ пріѣхала изъ самаго высшаго общества-съ и очень умны-съ»; — но что и сама маменька безпрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генералъ-губернаторъ не нагляднтся и не надышется на свою супругу. Мозгляковъ запнулся было объ Аоанасіи Матвѣичѣ, но въ «отдаленномъ краю» объ немъ не имѣли никакого понятія. Ободрившись немного, Мозгляковъ прошелся по комнатамъ и вскорѣ увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣеромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько принадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, повидимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгляковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немного какъ будто вздрогнула, но тотчасъ-же, почти мгновенно, оправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича; спросила о его петербургскихъ знакомствахъ, спросила отчего онъ не заграницей? Объ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, произнеся имя какого-то петербургскаго важнаго князя и освѣдомясь о его здоровьѣ, хотя Мозгляковъ и понятія не имѣлъ объ этомъ князѣ, она незамѣтно обратилась къ одному подошедшему сановнику въ душистыхъ сѣдинахъ и, черезъ минуту, совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозгляковъ воротился въ большую залу. Неизвѣстно почему, считая себя уязвленнымъ и даже оскорбленнымъ, онъ рѣшился не танцовать. Угрюмо-разсѣянный видъ, ѣдкая мефистофелевская улыбка не сходили съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колоннѣ (зала, какъ нарочно, была съ колоннами) и въ продолженіе всего бала, нѣсколько часовъ сряду, простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя своими взглядами Зину. Но увы! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, разочарованный видъ и проч., и проч., все пропало даромъ. Зина совершенно не замѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ-же онъ остаться

ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго,—воротился онъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое-же утро представилась какая-то командировка, и Мозгляковъ, съ наслажденіемъ, выпросилъ ее себѣ. Онъ даже освѣжился душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ, пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ ослѣпительною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рьяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ копытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.

Оглавленіе.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

СТРАН.

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ. Повѣсть. 1

ЧУЖАЯ ЖЕНА И МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЬЮ. Происшествіе необыкновенное. 45

ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. 85

ЕЛКА И СВАДЬБА. Изъ записокъ неизвѣстнаго. 103

БѢЛЫЯ НОЧИ. Сантиментальный романъ. (Изъ воспоминаній мечтателя). . 113

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА. 163

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ. Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ. 313

НА ЕВРОПЕЙСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ 1854 ГОДУ. Стихотвореніе. 349

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ. (Изъ Мордасовскихъ лѣтописей). 355

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ.* – Повѣсти и разсказы. — Приложенія (12—15), заключающія въ себѣ портреты, автографы, виды мѣстностей, зданій и пр., съ которыми соединены воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ, и пр.,—приложенія, никогда не появлявшіяся въ продажѣ.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫИ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—«Вѣчный Мужъ». Разсказъ.

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».—Матеріалы къ ром. «Бѣсы» (изъ «Записныхъ книжекъ» Ѳ. М. Достоевскаго), доселѣ нигдѣ не напечатанные.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г. — Критическія статьи.—Политическія статьи.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ — **двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ **девять** томовъ: второй, третій, четвертый, пятый, шестой, седьмой, одинадцатый, тринадцатый и четырнадцатый.

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ **увеличена.** Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются **безплатною** пересылкою.

37. 8. 3. 1/2